

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
СИМВОЛЫ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ.....	13

Часть 1. Описание сцены

Глава 1. Предварительные метаязыковые замечания.....	17
1.0. Введение.....	17
1.1. Значение 'значения'.....	19
1.2. Метаязык семантики.....	22
1.3. Лингвистическая и нелингвистическая семантика.....	26
1.4. Язык, речь и высказывание: 'langue' и 'parole'; 'компетенция' и 'употребление'.....	32
1.5. Слова: формы и значения.....	38
1.6. Предложения и высказывания; текст, разговор и дискурс.....	47
1.7. Теории значения и виды значения.....	55

Часть 2. Лексическое значение

Глава 2. Слова как значимые единицы.....	63
2.0. Введение.....	63
2.1. Формы и выражения.....	65
2.2. Омонимия и полисемия; лексическая и грамматическая неоднозначность.....	71
2.3. Синонимия.....	76
2.4. Полнозначные и неполнозначные формы слов.....	82
2.5. Лексическое значение и грамматическое значение.....	87
Глава 3. Определение значений слов.....	91
3.0. Введение.....	91
3.1. Денотация и смысл.....	93
3.2. Базовые и небазовые выражения.....	98
3.3. Естественные (и культурные) роды.....	104
3.4. Семантические прототипы.....	111

Глава 4. Структурный подход.....	117
4.0. Введение.....	117
4.1. Структурная семантика.....	118
4.2. Компонентный анализ.....	122
4.3. Эмпирическая база компонентного анализа.....	129
4.4. Следование и возможные миры.....	132
4.5. Смысловые отношения и постулаты значения.....	139

Часть 3. Значение предложения

Глава 5. Значимые и незначимые предложения.....	147
5.0. Введение.....	147
5.1. Грамматичность, приемлемость и значимость.....	148
5.2. Значимость предложений.....	150
5.3. Исправимость и переводимость.....	154
5.4. Верифицируемость и верификационизм.....	156
5.5. Пропозиции и пропозициональное содержание.....	157
5.6. Нефактуальное значение и эмотивизм.....	160
5.7. Условия истинности.....	162
5.8. Тавтологии и противоречия.....	165
Глава 6. Значение предложения и пропозициональное содержание.....	168
6.0. Введение.....	168
6.1. Тематическое значение.....	169
6.2. Простые и сложные предложения.....	172
6.3. Функционально-истинностные операции (1): конъюнкция и дизъюнкция.....	177
6.4. Функционально-истинностные операции (2): импликация.....	182
6.5. Функционально-истинностные операции (3): отрицание.....	185
6.6. Тип предложения, тип предикативной группы (clause-type) и наклонение.....	191
6.7. Значение вопросительных и декларативных предложений.....	197
6.8. Другие виды не-декларативов: императивы, восклицательные, волитивы и т. д.....	208
Глава 7. Формализация значения предложения.....	214
7.0. Введение.....	214
7.1. Формальная семантика и лингвистическая семантика.....	215
7.2. Композициональность, грамматический и семантический изоморфизм и «сохранение внешнего вида».....	218
7.3. Глубинная структура и семантические репрезентации.....	224
7.4. Правила проекции и селективные ограничения.....	230
7.5. Грамматика Монтегю.....	236
7.6. Возможные миры.....	241

Часть 4. Значение высказывания

Глава 8. Речевые акты и иллокутивная сила.....	251
8.0. Введение.....	251
8.1. Высказывания.....	252
8.2. Локутивные акты.....	257
8.3. Иллокутивная сила.....	264
8.4. Утверждения, вопросы и директивы.....	269
Глава 9. Текст и дискурс; контекст и со-текст.....	275
9.0. Введение.....	275
9.1. Текстовые предложения.....	276
9.2. Что такое (отдельный) текст (a text)? И что такое текст (вообще) (text)?.....	279
9.3. Значение высказывания и контекст.....	282
9.4. Импликация и конвенциональные импликатуры.....	288
9.5. Коммуникативные импликатуры.....	293
9.6. Что такое контекст?.....	306
Глава 10. Субъективность высказывания.....	309
10.0. Введение.....	309
10.1. Референция.....	310
10.2. Индексальность и дейксис.....	318
10.3. Грамматическая категория времени.....	328
10.4. Грамматическая категория аспекта.....	336
10.5. Модальность, модальные выражения и наклонение.....	343
10.6. Субъективность и локутивная деятельность.....	352
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ ЧТЕНИЮ.....	360
БИБЛИОГРАФИЯ.....	363
УКАЗАТЕЛЬ.....	373

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга первоначально была задумана как второе издание моей книги «Язык, значение и контекст» (Lyons 1981 [далее — *ЯЗК*]), и, к сожалению, было объявлено, что она будет опубликована под этим названием. И вот сейчас она выходит под совершенно другим названием, так как, в конце концов, получилась совершенно другая книга. Она намного больше, в ней идет речь о некоторых проблемах, которые вообще не затрагивались в предшествующей книге, и, что важнее всего, она написана на ином теоретическом уровне и в ином стиле.

Многие из этих отличий проистекают из того факта, что «Лингвистическая семантика» (ЛС), в отличие от своей предшественницы (*ЯЗК*), предназначена для использования в качестве учебника по курсу семантики на лингвистических отделениях (и отделениях смежных дисциплин) колледжей и университетов. Хотя *ЯЗК* не была задумана как учебник, эту книгу довольно широко использовали в качестве такового до тех пор, пока несколько лет тому назад книгу не перестали переиздавать. Я надеюсь, что ЛС, будучи написанной специально для студентов-лингвистов, окажется гораздо более подходящей для этой цели.

Пересматривая первоначальный текст, я принял во внимание те новые результаты исследований, которые, как мне представлялось, имеют отношение к введению в данный предмет, а также счел необходимым добавить несколько новых разделов и переписать или расширить некоторые из старых. Тем не менее, я придерживался старого плана изложения; как и прежде, я разделил книгу на четыре части и десять глав (изменяя названия глав там, где это представлялось необходимым). Насколько это было возможно, я использовал те же самые примеры для иллюстрации тех же проблем, хотя эти проблемы теперь могут быть сформулированы несколько иначе. Большая часть первоначального текста сохранена (хотя и с небольшими стилистическими изменениями). И наконец, я сохранил (и подробнее объяснил) условные обозначения, используемые в *ЯЗК* (впервые использованные в моем двухтомнике «Семантика» (Lyons 1977)). Поэтому тем, кто знаком с *ЯЗК*, особенно преподавателям и лекторам, которые использовали ее в своих курсах, будет несложно ориентироваться в ЛС.

Многое произошло в лингвистической семантике за последнее десятилетие. Помимо всего прочего, термин 'лингвистическая семантика' сейчас используется шире, чем в то время, когда я применил его в предисловии к *ЯЗК*, и это означает, что сейчас более широко, чем когда-то, признается тот

факт, что существует несколько по праву отдельных видов семантики, каждый из которых имеет свою собственную предметную ориентацию или фокус внимания: лингвистическая, философская, антропологическая, психологическая, литературная и другие семантики. Признание этого факта, конечно же, не означает, что границы между этими отдельными видами семантики непроницаемы или вечны или же что все, кто занимается семантикой, находятся в согласии по поводу того, где в настоящее время следует провести междисциплинарные границы. Мое собственное мнение остается в основном таким же, каким оно было во время написания *ЯЗК* (и «Семантики»).

Для меня семантика — это, по определению, наука о значении, а лингвистическая семантика — наука о значении в той мере, в какой значение систематически кодируется в словаре и грамматике (так называемых) естественных языков. Такое определение лингвистической семантики, как таковое, не встречает возражений. Но при этом оно остается почти полностью неинформативным, пока не будет сказано далее, во-первых, что имеется в виду под 'значением' и, во-вторых, что имеется в виду под 'кодированием' в данном контексте.

Как я более подробно объясняю в первой главе, я рассматриваю значение под более широким углом, чем это делают большинство лингвистов. Из этого следует, что я включаю в предмет изучения семантики — и поэтому, если значение систематически кодируется в структуре естественных языков, в предмет изучения лингвистической семантики — многое из того, что лингвисты, рассматривающие значение под более узким углом, исключили бы. В частности, я включаю много такого, что они изучали бы не в рамках семантики, а в рамках дисциплины, получившей название прагматики.

Для тех, кто проводит терминологическое различие между семантикой и прагматикой и придерживается более узкого понимания значения, чем мое, эта книга будет являться введением в более широкую область, которая будет ими пониматься как совместная сфера лингвистической семантики и прагматики, и я не буду возражать, если они для себя переименуют мою книгу соответствующим образом. Что касается основных проблем, требующих рассмотрения при проведении различий между семантикой и прагматикой, их придется рассмотреть так или иначе, независимо от того, используется ли широкое или узкое определение термина 'значение' и как определяется область лингвистической семантики. Подобные проблемы, в число которых входят разграничение значения и употребления, пропозиционального (или репрезентационного) и непропозиционального значений, компетенции и употребления (*performance*), предложений и высказываний, подробно рассматриваются в данной книге. Я думаю, с полным правом можно сказать, что сейчас между лингвистами больше согласия по поводу релевантности упомянутых мной различий, чем было раньше, и лингвисты стали более искушенными при проведении этих различий. Но пока нет консенсуса по поводу относительной важности отдельных вопросов.

Я намеренно охарактеризовал эту книгу как вводный курс и намеренно употребил термин «Введение» в подзаголовке. Это не значит, что я ожидаю, что в ней все будет с легкостью понято теми, кто обратится к ней без предшествующего опыта изучения лингвистики и знакомства с семантикой. Курс является вводным в том же смысле, в котором была введением моя книга «Введение в теоретическую лингвистику» (Lyons 1968): хотя книга не предполагает наличия у читателя специальных знаний по данной теме, предполагается, что те, кто будет пользоваться ей под руководством преподавателя или без него, прочли или прочтут одновременно с ней некоторые из работ, перечисленных в «Рекомендациях по дальнейшему чтению». Я осознаю, что некоторые разделы, особенно в последних главах книги, окажутся довольно трудными даже для студентов, обладающих некоторым запасом лингвистических знаний, если они не имеют или не захотят приобрести необходимые знания по соответствующим разделам логики и философии языка. Но я готов утверждать, что никто не может надеяться понять современную лингвистическую семантику без знакомства с ее философским фундаментом. Я постарался сообщить, не прибегая к специальной терминологии, столько материала из философии, сколько необходимо в данном случае, и при этом сделать так, чтобы все, что только возможно, было ясно непосредственно из контекста.

Мой подход к рассмотрению того, что я называю лингвистической семантикой (в чем другие, как я уже объяснял, могут видеть объединение семантики и прагматики), является по необходимости избирательным. Он также в какой-то мере является индивидуальным. Выбрав для рассмотрения представленные здесь проблемы и именно в таком объеме, я полагался скорее на свое собственное суждение об их непосредственной или относительной важности, чем на консенсус между лингвистами (даже там, где такой консенсус имеется). Я намеренно включил несколько тем, которые вообще не рассматриваются, или же, по моему мнению, рассматриваются неудовлетворительным образом в других работах, по объему и теме сравнимых с моей. Студенты, использующие эту книгу для занятий с преподавателем, конечно же, смогут воспользоваться комментариями и критическими замечаниями преподавателя. Однако в интересах тех, кто читает эту книгу без такого руководства, я в самом тексте старался пояснять, где и в каком отношении я представляю нестандартную точку зрения на данную проблему, и почему я думаю, что стандартная точка зрения несовершенна, неполна, или (как часто бывает) неточно сформулирована. Говоря это, я, однако, не хочу преувеличивать различий, существующих между теми или иными взглядами на лингвистическую семантику. Очень часто эти различия больше кажущиеся, чем реально существующие, и я буду рад, если студенты, пользующиеся этой книгой параллельно с другими работами, придут к такому же заключению.

В наши дни никто не может позволить себе приступить к изучению лингвистической семантики, не зная хотя бы начал формальной семантики. Одной из основных моих целей при написании этой книги, как и предшест-

вующей, было, с одной стороны, показать, как формальная семантика, понимаемая как анализ центральной части значения предложений— их пропозиционального содержания, — может быть интегрирована в более широкую область лингвистической семантики, и, с другой стороны, продемонстрировать, что формальная, условно-истинностная семантика, в том виде, в котором она сейчас существует, не может удовлетворительно объяснить непропозициональное значение, которое также кодируется, лексически или грамматически, в предложениях конкретных естественных языков. В настоящее время имеются хорошие учебники (которые я упоминаю в разделе «Рекомендации по дальнейшему чтению») по формальной семантике, которых еще не было в то время, когда я писал *ЯЗК* — я полагаю, что моя собственная книга будет рассматриваться как их дополнение, а иногда — как их презентация. В ней гораздо меньше, чем в этих учебниках, специальных терминов, связанных с формализацией семантики. В то же время я в некоторых отношениях гораздо подробнее описываю исторический и философский контекст.

Поскольку я преследовал цель соотносить содержание данной книги с формальной семантикой, я уделил относительно больше места семантике предложения и семантике высказывания, чем лексической семантике. Лишь недавно лингвистика серьезно занялась тем вкладом, который грамматическая структура вносит в значение предложений (и высказываний), в то время как для формальной семантики эта проблема всегда являлась центральной. Некоторые вопросы лексической семантики я вообще не рассматриваю в данной книге. Эти вопросы могут быть изучены по книгам, указанным в разделе «Рекомендации по дальнейшему чтению». То, что я пытался здесь показать, — это как лексическое и нелексическое значения объединены и связаны друг с другом.

Теперь следует сказать несколько слов о терминологии. Когда в тексте появляется много специальных терминов, неспециалистов начинает отпугивать язык работы, который они рассматривают как эзотерический и не необходимый жаргон. Нужно признать, что в любой области исследований специалисты часто повинны в использовании узкоспециального жаргона там, где он неуместен — в контекстах, где точность определения не так важна и эзотерический жаргон лишь мистифицирует тех, кто не знаком с ним. Однако существуют иные контексты, в которых использование специальной терминологии необходимо во избежание неправильного понимания.

Очень трудно писать о языке ясно и однозначно без использования специальной терминологии и без определенной степени формализации, и большинство авторов, пытающихся сделать это, терпят на этом пути неудачу. То, что на первый взгляд представляется однозначным, вполне понятным утверждением, при критическом рассмотрении оказывается полным неоднозначности или же никак не интерпретируемым. Вопросы, которые мы будем рассматривать, оказываются в некоторых отношениях, даже на том уровне, на котором они представлены в этой книге, неизбежно узкоспециальными, и читателю придется овладеть некоторым количеством терми-

нов. Я со своей стороны сделал все необходимое для того, чтобы избежать неоправданного использования специальной терминологии, но как только ясность изложения и точность выражения становились несовместимы с псевдопростотой так называемого ясного английского языка, я почти всегда выбирал точность. Я также систематически избегал использования многих оживляющих изложение приемов, например, использования близких синонимов ради разнообразия, что часто приветствуется как признак живого и привлекательного стиля и поэтому намеренно используется авторами вводных курсов по различным предметам. Исследователи семантики более, чем специалисты в каких-либо других областях, должны научиться избегать неоднозначности, туманности и неопределенности, присущих обыденному языку. Одним из способов достижения этого является целенаправленная педантичность в использовании терминов и, как мы убедимся позже, в использовании условных обозначений.

Я очень признателен Джин Эйтчисон за помощь, которую она мне оказала при подготовке предшествующей книги (*ЯЗК*) в качестве общего редактора серии, в которой вышла эта книга, и за замечания, сделанные по содержанию предпоследнего, чернового варианта настоящей книги. Я в не меньшей мере признателен Родни Хадлстону за его неоценимые критические замечания. Так как я не всегда следовал их советам (и может быть, еще пожалею об этом), они не виноваты в ошибках, погрешностях и непоследовательности, сохранившихся в окончательном варианте текста.

Как всегда я в большом долгу перед издателями, с которыми я работал в Издательстве Кембриджского университета, за их высокопрофессиональную помощь на всех стадиях подготовки книги (и за их терпение), в данном случае перед Марион Смит, которая начала работу над подготовкой этой книги к печати, и перед Джудит Эйлинг, которая, несколькими годами позже ее завершила. Я особенно обязан Джулии Хардинг, которая еще раз согласилась быть моим редактором и профессионально и легко справилась с трудным и запутанным текстом, устранив много непоследовательностей и ошибок.

Декабрь 1994 г.

Джон Лайонз, Тринити Холл, Кембридж

СИМВОЛЫ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

$\&$	конъюнкция; сочинительная связь
\vee	дизъюнкция
\rightarrow	импликация
\Rightarrow	следование
\Leftrightarrow	симметричное следование
\equiv	оператор эквивалентности
\sim	оператор отрицания
(x) или $(\forall x)$	квантор общности
(E) или (\exists)	квантор существования
N или \square	необходимость
M или \diamond	возможность
t_0	темпоральная нулевая точка (точка отсчета)

МАЛЫЕ ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ

используются при обозначении компонентов значения и других более абстрактных элементов, или коррелятов, значения.

Курсив используется:

1. При обозначении форм (в отличие от лексем и выражений) в их орфографической репрезентации.
2. При обозначении некоторых математических и логических символов в соответствии с общепринятыми правилами.

В 'простые кавычки' заключаются:

1. Обозначения лексем и выражений.
2. Примеры предложений (**системных** предложений).
3. Названия книг.

В "двойные кавычки" заключаются:

1. Толкования значений.
2. Формулировки пропозиций.
3. Цитаты из работ других авторов'.

Полужирный шрифт

используется при обозначении специальных терминов и для эмфазы.

В переводе в систему обозначений внесены некоторые коррективы и дополнения, а именно: названия книг и цитаты заключаются в «угловые двойные кавычки»; в 'простые кавычки' также заключаются русские переводы английских примеров. — *Примеч. перев.*

Глава 1

Предварительные метаязыковые замечания

1.0. Введение

В данной главе, которая составляет всю первую часть книги, мы рассматриваем ряд фундаментальных понятий, необходимых для подведения теоретической базы под все здание теоретической семантики. Хотя эта глава — одна из самых длинных в книге и включает Несколько разделов, содержащих материал, понимание которого иногда может потребовать от неискушенного в данной области читателя больших усилий, я намеренно не разбивал ее на две (или более) части, так как я хотел подчеркнуть тот факт, что все рассматриваемые в ней проблемы взаимосвязаны и одинаково важны.

Те читатели, которым при первом чтении часть материала покажется трудной, не должны слишком беспокоиться по этому поводу. Они смогут вернуться к трудным местам после того, как они прочитают следующие три части книги и увидят, как различные терминологические различия, проводимые здесь, применяются в реальном описании. Фактически только таким образом и можно убедиться в том, что они поняты правильно. То, что я объединил в начале книги рассмотрение некоторых из наиболее фундаментальных вопросов терминологии и нотации, релевантных на протяжении всей книги, должно облегчить для читателей повторное обращение к ним. Это также должно помочь им увидеть, чем принятая мной концептуальная и терминологическая система отличается от систем, используемых в других работах, перечисленных в «Рекомендациях по дальнейшему чтению».

Мы начинаем и завершаем главу рассмотрением самого фундаментального вопроса, вопроса, на который семантика, лингвистическая и нелингвистическая, пытается найти теоретически и эмпирически обоснованный ответ: что такое значение? Этот вопрос рассматривается с неформальной точки зрения в разделе 1.1; в разделе 1.7

мы кратко рассматриваем некоторые из общих ответов на него, предложенных философами, лингвистами и другими исследователями как в прошлом, так и в последнее время.

Между этими двумя разделами я вставил раздел (1.2), посвященный метаязыку семантики, и раздел (1.3), в котором более подробно, чем в предисловии, указана область компетенции лингвистической семантики. Само собой разумеется, что в книге должен быть раздел, посвященный отношениям между лингвистической и нелингвистической семантикой. Важно, чтобы читатели осознали, что существуют различные способы определения сферы лингвистической семантики как части более широкой области семантики в целом, с одной стороны, и лингвистики, с другой, и чтобы они с самого начала могли увидеть, чем мое определение 'лингвистической семантики' отличается от определений, предлагаемых другими авторами. Термин 'метаязык' и соответствующее прилагательное 'метаязыковой', как мы увидим в последующих главах книги, широко употребляются в настоящее время при обсуждении различных проблем лингвистической семантики. (Оба эти термина подробно рассматриваются в разделе 1.2.) Однако не так уж часто бывает, чтобы теоретики и практики в области лингвистической семантики эксплицитно и в целом обсуждали соотношение повседневного метаязыка семантики и более специального языка, используемого в их работах. Я уделил этой теме место в моей книге, поскольку ее важность, по моему мнению, осознается в недостаточной степени. В следующих трех разделах проводится ряд различий — между языком и речью, 'Mangue' и 'parole', 'компетенцией' ('competence') и 'употреблением' ('performance'); между формой и значением; между предложениями и высказываниями. Все эти противопоставления в наши дни являются более или менее общепринятыми, хотя они и не всегда определяются одинаково. Здесь я тоже уделил этим различиям больше внимания, чем это делается обычно. Я также постарался прояснить те моменты, в которых часто наблюдается путаница, особенно проблемы противопоставления предложений и высказываний, с одной стороны, и компетенции и употребления, с другой. Разумеется, эти противопоставления были рассмотрены прежде всего с учетом особенностей их применения в семантике (и прагматике) и их роли в той концептуальной структуре, на которой основывается эта книга.

1.1. Значение 'значения'

Семантика традиционно определяется как наука о значении; это определение мы и примем для начала. Но все ли виды значения попадают в область семантики или лишь некоторые из них?

Существительное 'значение' ('meaning') и глагол 'значить' ('mean'), от которого оно образовано, используются, как и многие другие слова английского языка, в целом ряде контекстов и в различных смыслах. Например, если кто-то говорит

(1) *Mary means well* 'Мэри имеет добрые намерения',

он подразумевает, что у Мэри добрые намерения, что она не желает никому зла. Однако такая импликация намерения обычно отсутствует в высказываниях типа

(2) *That red flag means danger* 'Вон тот красный флаг означает опасность'.

Говорящий при этом не подразумевает, что флаг намерен подвергнуть кого-то опасности, а указывает на то, что флаг используется (в соответствии с предварительной договоренностью) для указания на существующую поблизости опасность, такую, как, например, расселина на заснеженном склоне или взрывные работы в близлежащем карьере. Похожим образом, по крайней мере в одном отношении, используется этот глагол в предложении

(3) *Smoke means fire* 'Дым означает огонь/пожар'.

Как в (2), так и в (3) один предмет является **знаком** чего-то еще: по наличию знака, красного флага или дыма, любой человек, обладающий необходимыми знаниями, может сделать вывод о существовании того, что этот знак **означает**, опасности или огня.

Но между (2) и (3) существует также и важное различие. В то время как дым является **естественным** признаком огня, каузально связанным с тем, что он означает, красный флаг является **конвенциональным** знаком опасности: это культурно обусловленный **символ**. Эти различия между намеренным и ненамеренным, с одной стороны, и между тем, что естественно, и тем, что конвенционально, или символично, с другой стороны, с давних пор играли и продолжают играть центральную роль в теоретическом исследовании значения.

То, что глагол 'mean' употребляется в разных смыслах в приведенных мной примерах, явствует из того факта, что значение предложения (4)

(4) *Mary means trouble* 'Мэри замышляет недоброе / Там, где Мэри, там неприятности'

неоднозначно: оно может быть истолковано либо в смысле (1) 'Мэри имеет добрые намерения', либо в смысле (3) 'Дым означает огонь'. Фактически, если немного напрячь воображение, можно представить себе контекст, или сценарий, в котором глагол 'mean' в предложении (4) может вполне правдоподобно быть истолкован в том же смысле, что и в предложении (2) 'Вон тот красный флаг означает опасность'. И наоборот, если мы готовы временно воздержаться от наших обычных **онтологических предпосылок** — например, общеизвестных положений об устройстве нашего мира — и воспринимать красный флаг из примера (2) как одушевленное существо, которое может иметь свою собственную волю и намерения, мы можем не менее правдоподобно интерпретировать предложение (2) так же, как мы в обычных условиях интерпретировали бы предложение (1).

Интерпретация большинства высказываний, будь они устными или же письменными, зависит, в большей или меньшей степени, от контекста, в котором они употребляются. А в контекст высказывания, о чем мы не должны забывать, включаются убеждения собеседников, многие из которых детерминированы культурологически и, хотя они воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, могут подвергаться сомнению или же отвергаться. Подавляющее большинство высказываний в естественных языках, реальных или потенциальных, обладают намного большим диапазоном значений и интерпретаций, чем те, что приходят нам в голову, когда они представлены нам вне контекста. Это одна из проблем, которой не всегда уделяется достаточно внимания в семантике.

Высказывания, содержащие глагол 'mean' (или же существительное 'meaning'), в этом смысле ничем не отличаются от других высказываний на английском языке. Важно помнить, что глагол 'mean' и существительное 'meaning' являются обычными словами английского языка также и в других отношениях. При этом не следует предполагать, что все естественные языки имеют в своем обиходном словаре слова, которые могут быть поставлены в точное грамматическое и семантическое соответствие с английским глаголом 'mean' и существительным 'meaning'. Это второй важный аспект, который необходимо подчеркнуть, и мы вернемся к нему позже (1.2).

Рассмотрим еще одно значение глагола 'mean'. Если сказать

(5) *'Soporific' means "tending to produce sleep"* 'Снотворный' значит "вызывающий сон",

очевидно, что английскому слову 'soporific' не приписывается Интенциональность (намеренность). Можно, однако, утверждать, что существует обязательная, хотя и не непосредственная, связь между

тем, что люди имеют в виду, или намереваются сказать, когда говорят, и тем, что конвенционально считается смыслом используемых ими слов. Этот вопрос много обсуждался в философии языка. Так как он не имеет непосредственного отношения к центральным проблемам, рассматриваемым в этой книге, я не буду в него углубляться. Кроме того, я не буду рассматривать связанную с этим проблему существования внутренней и, возможно, более прямой связи между тем, что люди имеют в виду (*what people mean*), и тем, что они хотят сказать (*what they mean to say*). С другой стороны, в восьмой и девятой главах я воспользуюсь одним из вариантов проведения различия между говорением того, что имеется в виду (*saying what one means*), и значением того, что сказано (*meaning what one says*), — еще одного различия, которое много обсуждалось в философии языка.

Интенциональность, несомненно, занимает важное место в любом теоретическом описании значения языковых высказываний, даже если она не является свойством слов, из которых состоят эти высказывания. Пока лишь заметим, что именно значение глагола 'mean', представленное в примере (5), а не значение, представленное в (6) *Mayi didn't really mean what she said* 'Мери не то имела в виду, что сказала',

является более важным для лингвистики.

Мы отметили, что существительное 'значение' ('meaning') (и соотносительный глагол 'значить' ('mean')) имеет много значений. Но главное, что я хочу показать в этом разделе, это не столько то, что существует много разных значений, или смыслов слова 'meaning', сколько то, что эти значения взаимосвязаны и незаметно переходят одно в другое различными способами. Вот почему исследование того, что называется значением (в том или ином смысле английского слова 'meaning'), затрагивает так много дисциплин и не подпадает полностью ни под одну из них. Из этого следует, что, если семантика определяется как наука о значении, то должны быть различные, но пересекающиеся разделы семантики: философская семантика, психологическая семантика, антропологическая семантика, логическая семантика, лингвистическая семантика и т. д.

Именно **лингвистическая семантика** в первую очередь рассматривается в этой книге, и, когда я употребляю термин 'семантика' без специального уточнения, он должен пониматься как относящийся, в более узком смысле, к лингвистической семантике. Аналогично, когда я употребляю термин 'язык' без специального уточнения, он должен пониматься как относящийся к тому, что обычно называется **естественным языком**. Но что же представляет из себя

лингвистическая семантика и чем она отличается от нелингвистической семантики? Чем так называемые естественные языки отличаются семантически и в других отношениях от других видов языков? К рассмотрению этих вопросов мы обратимся в разделе 1.3. Но прежде нужно сказать несколько слов о терминологии и стиле, а также об узкоспециальном и неспециальном **метаязыке** семантики.

1.2. Метаязык семантики

Мы могли бы в предшествующем разделе долго перечислять и обсуждать примеры различных значений слова 'значение'. Если бы мы это сделали и потом попытались перевести все наши примеры на другие естественные языки (французский, немецкий, русский и т. д.), мы очень скоро оценили бы все значение одного из положений, высказанных выше, — положения о том, что существительное 'meaning' (и глагол, от которого оно образовано) является словом английского языка, не имеющим эквивалентов в других хорошо знакомых нам языках. Мы также увидели бы, что есть контексты, в которых существительное 'meaning' и глагол 'mean' не находятся в соответствии друг с другом. Но это не является особенностью английского языка или только этих двух слов. Как мы убедимся позже, большинство обыденных слов и выражений, не относящихся к специальной терминологии, похожи на существительное 'meaning' и глагол 'mean' в том, что они имеют несколько значений, которые не всегда можно четко отличить друг от друга (или же, если подойти с другой стороны, некоторое широкое значение, в котором можно выделить несколько различий) и которые могут быть довольно туманными или неопределенными. Поэтому одна из наиболее важных задач, которые нам нужно выполнить в этой книге, — это разработать специальную терминологию, которая была бы точной и недвусмысленной, насколько это возможно.

Выполняя эту задачу, мы будем конструировать то, что в семантике называется **метаязыком**, т. е. языком, который используется для описания самого языка. В настоящее время в философской семантике является общим местом представление о том, что естественные языки (в отличие от многих искусственных, формальных языков) содержат в себе свой собственный метаязык: они могут использоваться для описания не только других языков (и языка в целом), но и для описания самих себя. Это свойство, которое позволяет языку отсылать к самому себе (целиком или по частям), я буду на-

зывать **рефлексивностью**. Здесь мы не будем рассматривать философские проблемы, которые возникают в связи с этим видом рефлексивности. Но существуют другие аспекты рефлексивности и в целом металингвистической функции естественных языков, требующие обсуждения.

Метаязык, которым мы до сих пор пользовались и будем продолжать пользоваться далее, — это английский язык, точнее, это более или менее обычный (но не разговорный) **стандартный английский** (который в различных отношениях отличается от других видов английского языка). И когда я употребляю слово 'английский' без дальнейших специальных уточнений, я имею в виду этот язык (или диалект). Обычный (стандартный) английский, конечно же, не является абсолютно однородным по всему миру и для всех социальных групп в различных англоязычных странах или регионах, но те различия в словарном составе и грамматической структуре, которые существуют между разновидностями английского языка (британской, американской, австралийской и т.д.), в контексте данной книги имеют сравнительно малое значение и не должны вызывать затруднений.

Итак, мы принимаем в качестве нашего метаязыка английский язык. Но если мы стремимся к точности и ясности, английский, как и другие естественные языки, не может использоваться в металингвистических целях без некоторой модификации. В отношении метаязыковой лексики естественных языков перед нами открыты две возможности: **регламентация** и **расширение**. Мы можем взять обычные слова, такие, как 'язык', 'предложение', 'слово', 'значение' или 'смысл', и подвергнуть их строгому контролю (т. е. **регламентировать** их употребление), определив или даже переопределив их значение в соответствии с нашей задачей (точно так же, как физики переопределяют значение слов 'сила' и 'энергия' для решения своих специфических задач). С другой стороны, мы можем расширить лексикон, вводя специальные термины, которые обычно не употребляются в повседневном дискурсе.

В предыдущем разделе мы отметили, что английское слово 'meaning' в обыденном языке имеет целый ряд отдельных, но взаимосвязанных значений. Здесь мы могли бы сделать то, что многие исследователи семантики, пишущие по-английски, делают в наши дни, — мы могли бы регламентировать употребление слова 'meaning', намеренно приписав ему более узкий, специальный смысл, чем тот, который присущ этому слову в обыденном языке. Тогда мы могли бы воспользоваться этим более узким определением слова 'meaning' для того, чтобы ограничить область семантики лишь частью того, что обычно пони-

мается под термином 'семантика' в лингвистике, философии и других дисциплинах. В этой книге мы применим альтернативную стратегию. Мы будем продолжать употреблять существительное 'значение' и глагол 'означать' не как специальные термины, во всей полноте тех значений (или смыслов), которыми они обладают в обыденном языке. И пока мы будем продолжать оперировать этим более широким определением 'семантики', до тех пор, пока мы не дадим новое определение этому термину, семантика будет оставаться для нас по определению наукой о значении. Следует заметить, однако, что в наши дни многие известные авторы принимают более узкое определение 'семантики', основанное на регламентации слова 'значение' (или его близких эквивалентов) в других языках. Я еще вернусь к этому вопросу (см. 1.6).

Хотя мы и сохраняем обыденный смысл слова 'значение' в создаваемом нами метаязыке, мы введем в него ряд составных выражений со словом 'значение' и дадим им определения. Эти выражения далее будут использоваться нами как узкоспециальные термины. Например, далее в данной главе будет введено и охарактеризовано различие между **пропозициональным** и **нпропозициональным значением**, с одной стороны, и между **значением предложения** и **значением высказывания**, с другой, которые затем будут соотнесены, с учетом других отличий, с различием, обычно проводимым между **семантикой** (в узком смысле) и **прагматикой**. В главе 3 будет проведено различие между **смыслом** и **денотацией** как между взаимозависимыми аспектами или измерениями значения слов и фраз. Различие между денотацией и **референцией** будет предварительно определено в главе 3, а затем описано более подробно в главе 10. Здесь также, до тех пор, пока они не будут окончательно определены или переопределены, эти три термина — в особенности слово 'смысл' — будут употребляться не в узкоспециальном значении. Это же относится и к словам и выражениям обыденного английского языка (включая существительные 'language' 'язык' и 'speech' 'речь', а также семантически связанные с ними глаголы 'speak' 'говорить', 'say' 'сказать, говорить' и 'utter' 'произнести, высказать', которые будут подробнее рассмотрены в разделе 1.3).

Отметим (подробнее об этом будет говориться в последующих главах), что в последние десятилетия лингвистами и логиками с целью как можно более строгого и точного описания естественных языков были разработаны различные высоко **формализованные** (т. е. математически строгие) **искусственные** метаязыки. Для нас важно, когда речь пойдет о таких языках, иметь свою точку зрения на отношения между формальными, искусственными метаязыками

логики и семантики и регламентированным и расширенным более или менее обычным метаязыком, которым мы оперируем. Является ли какой-нибудь из этих языков базовым, и если да, то какой? И что в этом контексте будет означать слово 'базовый'?

Разумеется, нашим метаязыком является письменный английский язык; мы используем его при описании как письменного, так и устного языка, а также при описании языков и языковых высказываний, когда они рассматриваются в отвлечении от той **среды**, в которой они реализуются. При регламентации обыденного письменного английского для использования его в метаязыковых целях полезно иметь ряд условных обозначений, которые позволят нам недвусмысленно обозначать различные лингвистические единицы. Такие, в большей или меньшей степени соответствующие общепринятым условные обозначения, используемые в метаязыке книги (курсив, кавычки и т. п.), будут представлены в разделе 1.5 (см. также список символов и условных обозначений на с. 13).

Что касается метаязыкового представления устной речи, существуют определенные правила и условности, которые соблюдаются всеми носителями данного языка даже без предварительного специального обучения и обычно неосознанно. Но они не являются полностью кодифицированными и не могут исключить возможность неправильного истолкования в каких-либо контекстах. Фонетистами разработаны специальные системы нотации для репрезентации устных высказываний с большой точностью. Однако в повседневном, не специальном использовании английского (и других естественных языков) нет общепринятых средств письменной репрезентации интонации, ритма, ударения и других невербальных свойств, являющихся обычной и неотъемлемой составной частью речи. Как мы увидим далее, эти компоненты выполняют различные коммуникативные и экспрессивные функции.

Здесь я хотел бы обратить внимание на тот факт, что они могут выполнять и метаязыковую функцию. Например, предложение

(7) *John said it was raining*, букв. 'Джон сказал идет дождь'

может произноситься по-разному. В частности, оно может произноситься с характерным просодическим переходом между *said* и *it*, с помощью чего в устной речи проводится различие между тем, что конвенционально передается в письменной речи как

(8) *John said [that] it was raining* 'Джон сказал, [что] идет дождь'

и

(9) *John said, "It was raining"* 'Джон сказал: "Шел дождь"'.

В этом случае существует более или менее общепринятое условное обозначение — кавычки, которые служат для того, чтобы отличать прямую речь от косвенной на письме. Но кавычки не всегда употребляются, ведь существуют и альтернативные кавычкам средства. И даже тогда, когда кавычки используются, их употребление не является полностью кодифицированным или абсолютно общепринятым: например, различные писатели и различные издательства имеют свои собственные правила использования простых и двойных кавычек. Как я уже говорил, мои собственные правила по использованию простых и двойных кавычек (и использования курсива в метаязыковых целях) будут объяснены в одной из последующих глав (1.5).

В обыденном языке существует много метаязыковых выражений, которые являются однозначными в устной речи, но необязательно являются таковыми в письменной. И наоборот, так как в обычной речи нет ничего такого, что находилось бы в прямом соответствии с пунктуацией и **диакритическими** знаками письменного языка (подчеркиваниями, курсивом или жирным шрифтом для выражения эмфазы, кавычек, прописных букв и т. п.), многие выражения обыденного языка однозначны на письме, но не при произнесении. Например,

(10) / *can't stand Sebastian* 'Я терпеть не могу Себастиана'

отличается от

(11) / *can "I stand 'Sebastian'"* 'Я терпеть не могу 'Себастиана''

тем, что предложение (10) может относиться к человеку по имени 'Себастиан', а (11) к самому имени. Но такое употребление кавычек для этих целей не является обязательным в обычном письменном английском языке. И, как мы вскоре убедимся, необходимо его регламентировать (как и использование других диакритических знаков), если мы хотим, чтобы эти знаки выполняли то, что нам нужно, в метаязыке семантики.

1.3. Лингвистическая и нелингвистическая семантика

Английское прилагательное 'linguistic' неоднозначно. Оно может пониматься либо как "относящийся к языку", либо как "относящийся к лингвистике". Соответственно неоднозначен и термин 'лингвистическая семантика'. С учетом того, что семантика это наука о значении, можно считать, что 'лингвистическая семантика'

относится либо к изучению значения постольку, поскольку оно выражается с помощью языка, либо к изучению значения в пределах самой лингвистики. Этот термин употребляется здесь и во всей книге во втором смысле. Следовательно, лингвистическая семантика — это раздел лингвистики, точно так же, как философская семантика является разделом философии, психологическая семантика — разделом психологии и так далее.

Поскольку лингвистика обычно определяется как наука о языке, можно подумать, что это различие, которое я только что провел между двумя смыслами термина 'лингвистическая семантика', является различием, не влекущим какой-либо разницы в итоге. Но это не так. Лингвистика не имеет своей целью заниматься всем, что находится в сфере, обозначаемой словом 'язык'. Как все научные дисциплины, она устанавливает свои собственные теоретические рамки.

Как я уже указывал в связи с рассмотрением слова 'значение', лингвистика оставляет за собой право по-своему определять значение таких обыденных слов, как 'язык', и совсем не обязательно, что в лингвистике они употребляются так же, как вне ее, будь то в специальном или неспециальном смысле. Более того, как мы убедимся в следующем разделе книги, английское слово 'язык' неоднозначно, так что выражение 'изучение значения в языке' допускает две совершенно разных интерпретации. Поэтому, в принципе, возможны не две, а три интерпретации термина 'лингвистическая семантика'. То же самое верно и для выражения 'языковое значение'. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен в следующем разделе книги. Пока же я буду использовать слово 'язык' в его обыденном смысле без узкоспециальных оговорок и не прибегая к новому определению этого слова.

Из всех дисциплин, проявляющих интерес к значению, наибольший интерес оно, пожалуй, представляет для лингвистики. Значимость, или **семантность**, обычно считается одним из определяющих свойств языка; и нет причин подвергать это сомнению. Лингвисты также считают само собой разумеющимся, что естественные языки по своей сути коммуникативны, т. е. что они развивались или эволюционировали так, как если бы они были специально спроектированы для целей коммуникации и взаимодействия, и что так называемые **заложенные в них свойства** (design-properties), а точнее их фамматическая и семантическая структура, очень подходят для этой цели, а в противном случае остаются таинственными и необъяснимыми. Верность такой точки зрения в последнее время оспаривается в лингвистике и философии. При выполнении задач,

1.1. Значение 'значения'

Семантика традиционно определяется как наука о значении; это определение мы и примем для начала. Но все ли виды значения попадают в область семантики или лишь некоторые из них?

Существительное 'значение' ('meaning') и глагол 'значить' ('mean'), от которого оно образовано, используются, как и многие другие слова английского языка, в целом ряде контекстов и в различных смыслах. Например, если кто-то говорит

(1) *Mary means well* 'Мэри имеет добрые намерения',

он подразумевает, что у Мэри добрые намерения, что она не желает никому зла. Однако такая импликация намерения обычно отсутствует в высказываниях типа

(2) *That red flag means danger* 'Вон тот красный флаг означает опасность'.

Говорящий при этом не подразумевает, что флаг намерен подвергнуть кого-то опасности, а указывает на то, что флаг используется (в соответствии с предварительной договоренностью) для указания на существующую поблизости опасность, такую, как, например, расщелина на заснеженном склоне или взрывные работы в близлежащем карьере. Похожим образом, по крайней мере в одном отношении, используется этот глагол в предложении

(3) *Smoke means fire* 'Дым означает огонь/пожар'.

Как в (2), так и в (3) один предмет является **знаком** чего-то еще: по наличию знака, красного флага или дыма, любой человек, обладающий необходимыми знаниями, может сделать вывод о существовании того, что этот знак **означает**, опасности или огня.

Но между (2) и (3) существует также и важное различие. В то время как дым является **естественным** признаком огня, каузально связанным с тем, что он означает, красный флаг является **конвенциональным** знаком опасности: это культурно обусловленный **символ**. Эти различия между намеренным и ненамеренным, с одной стороны, и между тем, что естественно, и тем, что конвенционально, или символично, с другой стороны, с давних пор играли и продолжают играть центральную роль в теоретическом исследовании значения.

То, что глагол 'mean' употребляется в разных смыслах в приведенных мной примерах, явствует из того факта, что значение предложения (4)

(4) *Mary means trouble* 'Мэри замышляет недоброе / Там, где Мэри, там неприятности'

неоднозначно: оно может быть истолковано либо в смысле (1) 'Мэри имеет добрые намерения', либо в смысле (3) 'Дым означает огонь'. Фактически, если немного напрячь воображение, можно представить себе контекст, или сценарий, в котором глагол 'mean' в предложении (4) может вполне правдоподобно быть истолкован в том же смысле, что и в предложении (2) 'Вон тот красный флаг означает опасность'. И наоборот, если мы готовы временно воздержаться от наших обычных **онтологических предпосылок** — например, общеизвестных положений об устройстве нашего мира — и воспринимать красный флаг из примера (2) как одушевленное существо, которое может иметь свою собственную волю и намерения, мы можем не менее правдоподобно интерпретировать предложение (2) так же, как мы в обычных условиях интерпретировали бы предложение (1).

Интерпретация большинства высказываний, будь они устными или же письменными, зависит, в большей или меньшей степени, от контекста, в котором они употребляются. А в контекст высказывания, о чем мы не должны забывать, включаются убеждения собеседников, многие из которых детерминированы культурологически и, хотя они воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, могут подвергаться сомнению или же отвергаться. Подавляющее большинство высказываний в естественных языках, реальных или потенциальных, обладают намного большим диапазоном значений и интерпретаций, чем те, что приходят нам в голову, когда они представлены нам вне контекста. Это одна из проблем, которой не всегда уделяется достаточно внимания в семантике.

Высказывания, содержащие глагол 'mean' (или же существительное 'meaning'), в этом смысле ничем не отличаются от других высказываний на английском языке. Важно помнить, что глагол 'mean' и существительное 'meaning' являются обычными словами английского языка также и в других отношениях. При этом не следует предполагать, что все естественные языки имеют в своем обиходном словаре слова, которые могут быть поставлены в точное грамматическое и семантическое соответствие с английским глаголом 'mean' и существительным 'meaning'. Это второй важный аспект, который необходимо подчеркнуть, и мы вернемся к нему позже (1.2).

Рассмотрим еще одно значение глагола 'mean'. Если сказать (5) '*Soporific* means "tending to produce sleep" 'Снотворный' значит "вызывающий сон",

очевидно, что английскому слову 'soporific' не приписывается Интенциональность (намеренность). Можно, однако, утверждать, что существует обязательная, хотя и не непосредственная, связь между

тем, что люди имеют в виду, или намереваются сказать, когда говорят, и тем, что конвенционально считается смыслом используемых ими слов. Этот вопрос много обсуждался в философии языка. Так как он не имеет непосредственного отношения к центральным проблемам, рассматриваемым в этой книге, я не буду в него углубляться. Кроме того, я не буду рассматривать связанную с этим проблему существования внутренней и, возможно, более прямой связи между тем, что люди имеют в виду (*what people mean*), и тем, что они хотят сказать (*what they mean to say*). С другой стороны, в восьмой и девятой главах я воспользуюсь одним из вариантов проведения различия между говорением того, что имеется в виду (*saying what one means*), и значением того, что сказано (*meaning what one says*), — еще одного различия, которое много обсуждалось в философии языка.

Интенциональность, несомненно, занимает важное место в любом теоретическом описании значения языковых высказываний, даже если она не является свойством слов, из которых состоят эти высказывания. Пока лишь заметим, что именно значение глагола 'mean', представленное в примере (5), а не значение, представленное в (6) *Mayi didn't really mean what she said* 'Мери не то имела в виду, что сказала',

является более важным для лингвистики.

Мы отметили, что существительное 'значение' ('meaning') (и соотносительный глагол 'значить' ('mean')) имеет много значений. Но главное, что я хочу показать в этом разделе, это не столько то, что существует много разных значений, или смыслов слова 'meaning', сколько то, что эти значения взаимосвязаны и незаметно переходят одно в другое различными способами. Вот почему исследование того, что называется значением (в том или ином смысле английского слова 'meaning'), затрагивает так много дисциплин и не подпадает полностью ни под одну из них. Из этого следует, что, если семантика определяется как наука о значении, то должны быть различные, но пересекающиеся разделы семантики: философская семантика, психологическая семантика, антропологическая семантика, логическая семантика, лингвистическая семантика и т. д.

Именно **лингвистическая семантика** в первую очередь рассматривается в этой книге, и, когда я употребляю термин 'семантика' без специального уточнения, он должен пониматься как относящийся, в более узком смысле, к лингвистической семантике. Аналогично, когда я употребляю термин 'язык' без специального уточнения, он должен пониматься как относящийся к тому, что обычно называется **естественным языком**. Но что же представляет из себя

лингвистическая семантика и чем она отличается от нелингвистической семантики? Чем так называемые естественные языки отличаются семантически и в других отношениях от других видов языков? К рассмотрению этих вопросов мы обратимся в разделе 1.3. Но прежде нужно сказать несколько слов о терминологии и стиле, а также об узкоспециальном и неспециальном **метаязыке** семантики.

1.2. Метаязык семантики

Мы могли бы в предшествующем разделе долго перечислять и обсуждать примеры различных значений слова 'значение'. Если бы мы это сделали и потом попытались перевести все наши примеры на другие естественные языки (французский, немецкий, русский и т. д.), мы очень скоро оценили бы все значение одного из положений, высказанных выше, — положения о том, что существительное 'meaning' (и глагол, от которого оно образовано) является словом английского языка, не имеющим эквивалентов в других хорошо знакомых нам языках. Мы также увидели бы, что есть контексты, в которых существительное 'meaning' и глагол 'mean' не находятся в соответствии друг с другом. Но это не является особенностью английского языка или только этих двух слов. Как мы убедимся позже, большинство обыденных слов и выражений, не относящихся к специальной терминологии, похожи на существительное 'meaning' и глагол 'mean' в том, что они имеют несколько значений, которые не всегда можно четко отличить друг от друга (или же, если подойти с другой стороны, некоторое широкое значение, в котором можно выделить несколько различий) и которые могут быть довольно туманными или неопределенными. Поэтому одна из наиболее важных задач, которые нам нужно выполнить в этой книге, — это разработать специальную терминологию, которая была бы точной и недвусмысленной, насколько это возможно.

Выполняя эту задачу, мы будем конструировать то, что в семантике называется **метаязыком**, т. е. языком, который используется для описания самого языка. В настоящее время в философской семантике является общим местом представление о том, что естественные языки (в отличие от многих искусственных, формальных языков) содержат в себе свой собственный метаязык: они могут использоваться для описания не только других языков (и языка в целом), но и для описания самих себя. Это свойство, которое позволяет языку отсылать к самому себе (целиком или по частям), я буду на-

зывать **рефлексивностью**. Здесь мы не будем рассматривать философские проблемы, которые возникают в связи с этим видом рефлексивности. Но существуют другие аспекты рефлексивности и в целом металингвистической функции естественных языков, требующие обсуждения.

Метаязык, которым мы до сих пор пользовались и будем продолжать пользоваться далее, — это английский язык, точнее, это более или менее обычный (но не разговорный) **стандартный английский** (который в различных отношениях отличается от других видов английского языка). И когда я употребляю слово 'английский' без дальнейших специальных уточнений, я имею в виду этот язык (или диалект). Обычный (стандартный) английский, конечно же, не является абсолютно однородным по всему миру и для всех социальных групп в различных англоязычных странах или регионах, но те различия в словарном составе и грамматической структуре, которые существуют между разновидностями английского языка (британской, американской, австралийской и т.д.), в контексте данной книги имеют сравнительно малое значение и не должны вызывать затруднений.

Итак, мы принимаем в качестве нашего метаязыка английский язык. Но если мы стремимся к точности и ясности, английский, как и другие естественные языки, не может использоваться в металингвистических целях без некоторой модификации. В отношении метаязыковой лексики естественных языков перед нами открыты две возможности: **регламентация** и **расширение**. Мы можем взять обычные слова, такие, как 'язык', 'предложение', 'слово', 'значение' или 'смысл', и подвергнуть их строгому контролю (т. е. **регламентировать** их употребление), определив или даже переопределив их значение в соответствии с нашей задачей (точно так же, как физики переопределяют значение слов 'сила' и 'энергия' для решения своих специфических задач). С другой стороны, мы можем расширить лексикон, вводя специальные термины, которые обычно не употребляются в повседневном дискурсе.

В предыдущем разделе мы отметили, что английское слово 'meaning' в обыденном языке имеет целый ряд отдельных, но взаимосвязанных значений. Здесь мы могли бы сделать то, что многие исследователи семантики, пишущие по-английски, делают в наши дни, — мы могли бы регламентировать употребление слова 'meaning', намеренно приписав ему более узкий, специальный смысл, чем тот, который присущ этому слову в обыденном языке. Тогда мы могли бы воспользоваться этим более узким определением слова 'meaning' для того, чтобы ограничить область семантики лишь частью того, что обычно пони-

мается под термином 'семантика' в лингвистике, философии и других дисциплинах. В этой книге мы применим альтернативную стратегию. Мы будем продолжать употреблять существительное 'значение' и глагол 'означать' не как специальные термины, во всей полноте тех значений (или смыслов), которыми они обладают в обыденном языке. И пока мы будем продолжать оперировать этим более широким определением 'семантики', до тех пор, пока мы не дадим новое определение этому термину, семантика будет оставаться для нас по определению наукой о значении. Следует заметить, однако, что в наши дни многие известные авторы принимают более узкое определение 'семантики', основанное на регламентации слова 'значение' (или его близких эквивалентов) в других языках. Я еще вернусь к этому вопросу (см. 1.6).

Хотя мы и сохраняем обыденный смысл слова 'значение' в создаваемом нами метаязыке, мы введем в него ряд составных выражений со словом 'значение' и дадим им определения. Эти выражения далее будут использоваться нами как узкоспециальные термины. Например, далее в данной главе будет введено и охарактеризовано различие между **пропозициональным** и **нспропозициональным значением**, с одной стороны, и между **значением предложения** и **значением высказывания**, с другой, которые затем будут соотнесены, с учетом других отличий, с различием, обычно проводимым между **семантикой** (в узком смысле) и **прагматикой**. В главе 3 будет проведено различие между **смыслом** и **денотацией** как между взаимозависимыми аспектами или измерениями значения слов и фраз. Различие между денотацией и **референцией** будет предварительно определено в главе 3, а затем описано более подробно в главе 10. Здесь также, до тех пор, пока они не будут окончательно определены или переопределены, эти три термина — в особенности слово 'смысл' — будут употребляться не в узкоспециальном значении. Это же относится и к словам и выражениям обыденного английского языка (включая существительные 'language' 'язык' и 'speech' 'речь', а также семантически связанные с ними глаголы 'speak' 'говорить', 'say' 'сказать, говорить' и 'utter' 'произнести, высказать', которые будут подробнее рассмотрены в разделе 1.3).

Отметим (подробнее об этом будет говориться в последующих главах), что в последние десятилетия лингвистами и логиками с целью как можно более строгого и точного описания естественных языков были разработаны различные высоко **формализованные** (т. е. математически строгие) **искусственные** метаязыки. Для нас важно, когда речь пойдет о таких языках, иметь свою точку зрения на отношения между формальными, искусственными метаязыками

логики и семантики и регламентированным и расширенным более или менее обычным метаязыком, которым мы оперируем. Является ли какой-нибудь из этих языков базовым, и если да, то какой? И что в этом контексте будет означать слово 'базовый'?

Разумеется, нашим метаязыком является письменный английский язык; мы используем его при описании как письменного, так и устного языка, а также при описании языков и языковых высказываний, когда они рассматриваются в отвлечении от той **среды**, в которой они реализуются. При регламентации обыденного письменного английского для использования его в метаязыковых целях полезно иметь ряд условных обозначений, которые позволят нам недвусмысленно обозначать различные лингвистические единицы. Такие, в большей или меньшей степени соответствующие общепринятым условные обозначения, используемые в метаязыке книги (курсив, кавычки и т. п.), будут представлены в разделе 1.5 (см. также список символов и условных обозначений на с. 13).

Что касается метаязыкового представления устной речи, существуют определенные правила и условности, которые соблюдаются всеми носителями данного языка даже без предварительного специального обучения и обычно неосознанно. Но они не являются полностью кодифицированными и не могут исключить возможность неправильного истолкования в каких-либо контекстах. Фонетистами разработаны специальные системы нотации для репрезентации устных высказываний с большой точностью. Однако в повседневном, не специальном использовании английского (и других естественных языков) нет общепринятых средств письменной репрезентации интонации, ритма, ударения и других невербальных свойств, являющихся обычной и неотъемлемой составной частью речи. Как мы увидим далее, эти компоненты выполняют различные коммуникативные и экспрессивные функции.

Здесь я хотел бы обратить внимание на тот факт, что они могут выполнять и метаязыковую функцию. Например, предложение

(7) *John said it was raining*, букв. 'Джон сказал идет дождь'

может произноситься по-разному. В частности, оно может произноситься с характерным просодическим переходом между *said* и *it*, с помощью чего в устной речи проводится различие между тем, что конвенционально передается в письменной речи как

(8) *John said [that] it was raining* 'Джон сказал, [что] идет дождь'

и

(9) *John said, "It was raining"* 'Джон сказал: "Шел дождь"'.

В этом случае существует более или менее общепринятое условное обозначение — кавычки, которые служат для того, чтобы отличать прямую речь от косвенной на письме. Но кавычки не всегда употребляются, ведь существуют и альтернативные кавычкам средства. И даже тогда, когда кавычки используются, их употребление не является полностью кодифицированным или абсолютно общепринятым: например, различные писатели и различные издательства имеют свои собственные правила использования простых и двойных кавычек. Как я уже говорил, мои собственные правила по использованию простых и двойных кавычек (и использования курсива в метаязыковых целях) будут объяснены в одной из последующих глав (1.5).

В обыденном языке существует много метаязыковых выражений, которые являются однозначными в устной речи, но обязательно являются таковыми в письменной. И наоборот, так как в обычной речи нет ничего такого, что находилось бы в прямом соответствии с пунктуацией и **диакритическими** знаками письменного языка (подчеркиваниями, курсивом или жирным шрифтом для выражения эмфазы, кавычек, прописных букв и т. п.), многие выражения обыденного языка однозначны на письме, но не при произнесении. Например,

(10) / *can't stand Sebastian* 'Я терпеть не могу Себастиана'

отличается от

(11) / *can "I stand 'Sebastian'"* 'Я терпеть не могу 'Себастиана''

тем, что предложение (10) может относиться к человеку по имени 'Себастиан', а (11) к самому имени. Но такое употребление кавычек для этих целей не является обязательным в обычном письменном английском языке. И, как мы вскоре убедимся, необходимо его регламентировать (как и использование других диакритических знаков), если мы хотим, чтобы эти знаки выполняли то, что нам нужно, в метаязыке семантики.

1.3. Лингвистическая и нелингвистическая семантика

Английское прилагательное 'linguistic' неоднозначно. Оно может пониматься либо как "относящийся к языку", либо как "относящийся к лингвистике". Соответственно неоднозначен и термин 'лингвистическая семантика'. С учетом того, что семантика это наука о значении, можно считать, что 'лингвистическая семантика'

относится либо к изучению значения постольку, поскольку оно выражается с помощью языка, либо к изучению значения в пределах самой лингвистики. Этот термин употребляется здесь и во всей книге во втором смысле. Следовательно, лингвистическая семантика — это раздел лингвистики, точно так же, как философская семантика является разделом философии, психологическая семантика — разделом психологии и так далее.

Поскольку лингвистика обычно определяется как наука о языке, можно подумать, что это различие, которое я только что провел между двумя смыслами термина 'лингвистическая семантика', является различием, не влекущим какой-либо разницы в итоге. Но это не так. Лингвистика не имеет своей целью заниматься всем, что находится в сфере, обозначаемой словом 'язык'. Как все научные дисциплины, она устанавливает свои собственные теоретические рамки.

Как я уже указывал в связи с рассмотрением слова 'значение', лингвистика оставляет за собой право по-своему определять значение таких обыденных слов, как 'язык', и совсем не обязательно, что в лингвистике они употребляются так же, как вне ее, будь то в специальном или неспециальном смысле. Более того, как мы убедимся в следующем разделе книги, английское слово 'язык' неоднозначно, так что выражение 'изучение значения в языке' допускает две совершенно разных интерпретации. Поэтому, в принципе, возможны не две, а три интерпретации термина 'лингвистическая семантика'. То же самое верно и для выражения 'языковое значение'. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен в следующем разделе книги. Пока же я буду использовать слово 'язык' в его обыденном смысле без узкоспециальных офаничений и не прибегая к новому определению этого слова.

Из всех дисциплин, проявляющих интерес к значению, наибольший интерес оно, пожалуй, представляет для лингвистики. Значимость, или **семанτικότητα**, обычно считается одним из определяющих свойств языка; и нет причин подвергать это сомнению. Лингвисты также считают само собой разумеющимся, что естественные языки по своей сути коммуникативны, т. е. что они развивались или эволюционировали так, как если бы они были специально спроектированы для целей коммуникации и взаимодействия, и что так называемые **заложенные в них свойства** (design-properties), а точнее их фамматическая и семантическая структура, очень подходят для этой цели, а в противном случае остаются таинственными и необъяснимыми. Верность такой точки зрения в последнее время оспаривается в лингвистике и философии. При выполнении задач,

которые мы ставим перед собой в этой книге, мы можем сохранять нейтралитет по этому вопросу. Я буду и далее, как это делает большинство других лингвистов, исходить из предположения, что естественные языки должным образом описываются как **системы коммуникации**. Я должен, однако, подчеркнуть, что это теоретическое предположение не имеет сколько-нибудь существенных следствий. Хотя многие виды поведения могут рассматриваться как значимые, ни один из других видов коммуникативного поведения людей или животных не может сравниться с языковым поведением по разнообразию и сложности выражаемых значений. Частично различие между коммуникацией с помощью языка и другими видами коммуникативного поведения проистекает из заложенных в языке свойств Интенциональности и конвенциональноеTM, отмеченных в разделе 1.1.

Животное обычно выражает свои чувства и отношение к окружающим объектам с помощью поведения, которое, как представляется, не является ни интенциональным, ни конвенциональным. Например, краб выражает агрессивность, размахивая большой клешней. В то же время люди лишь очень редко выражают злобу, намеренно или нет, размахивая кулаком. Чаще они выражают такие чувства, как агрессивность, с помощью таких языковых высказываний, как

(12) *You 'll be sorry for this* 'Ты еще пожалеешь об этом'

или

(13) *I/I sue you* 'Я на тебя в суд подам'

или

(14) *How dare you behave like that!* 'Как ты смеешь себя так вести!'

Разумеется, такое высказывание будет в типичном случае иметь характерную агрессивную интонацию, и оно может сопровождаться агрессивной жестикуляцией и выражением лица. Но что касается используемых слов, ясно, что не существует никакой естественной, неконвенциональной связи между их формой и значением; как мы отмечали в предыдущем разделе, слова, в этом смысле, **произвольны**. Так же произвольно многое в грамматической структуре естественных языков, которая служит для выражения значения. И как мы увидим далее, для того, чтобы объяснить семантическую функцию языка — его способность выражать значение, — необходимо сделать гораздо большее, чем просто указать, что значит каждое слово.

Здесь следует подчеркнуть, что хотя многое в структуре высказываний естественных языков произвольно, или конвенционально, но многое в их структуре и не произвольно. Один из видов не-

произвольности в современной лингвистике называется **иконичностью**. Несколько упрощая, можно сказать, что иконичным является знак, форму которого можно объяснить через ее сходство с тем, что этот знак означает; знаки, у которых отсутствует такое качество, неиконичны. Как давно известно лингвистам, во всех естественных языках есть слова, которые традиционно характеризуются как **звукородительные** (ономатопоэтические), например, *splash* 'плескаться', *bang* 'хлопать, грохотать', *crash* 'удариться с грохотом, врезаться' или *cuckoo* 'кукушка', *peewit* 'чибис' и др. в английском. В наши дни они объединяются в более общую группу как слова 'иконичные'. Но их число невелико. Для нас важнее тот факт, что, хотя в значительной своей части грамматическая структура естественных языков произвольна, иконичного в ней гораздо больше, чем готовы признать стандартные учебники языкознания. Важнее всего, однако, с этой точки зрения частичная иконичность **невербального** компонента естественно-языковых высказываний.

В частности, устные высказывания помимо слов, из которых они состоят, имеют особый интонационный контур и модель ударения, получившие название **просодические признаки**. Они являются неотъемлемой частью высказываний и не могут рассматриваться как в каком-то смысле вторичные или необязательные.

Просодические признаки во всех естественных языках должны считаться в значительной степени (хотя и не полностью) иконичными. Устные высказывания могут также характеризоваться так называемыми **паралингвистическими признаками**, часто, но неверно называемыми языком телодвижений (жесты, позы, движения глаз, выражение лица, и т. п.). Как следует из термина 'паралингвистические', они не рассматриваются лингвистами как неотъемлемые составляющие высказываний, с которыми они связаны. В этом отношении они отличаются от просодических признаков. Но паралингвистические •% признаки также являются значимыми и, как и просодические признаки, служат для того, чтобы **модулировать** (видоизменять, модифицировать, *modulate*) и **«пунктуировать»** (*punctuate*, выполнять функцию, аналогичную той, которую на письме выполняют знаки пунктуации) сопровождаемые ими высказывания. Они имеют даже большую тенденцию к тому, чтобы быть иконичными или в каком-либо ином смысле не произвольными, чем просодические признаки. В обоих случаях, однако, их не-произвольность сливается с конвенциональностью, присутствующей в такой же большой степени: просодические признаки устных языков и паралингвистические жесты, которые ассоциируются с устными высказываниями в конкретных языках

(или диалектах), в конкретных культурах (или субкультурах), варьируются от языка к языку и должны познаваться в процессе усвоения языка.

Письменный язык не имеет ничего такого, что непосредственно соответствует просодическим и паралингвистическим признакам устного языка. Однако знаки препинания (точка, запятая, вопросительный знак, и т. д.) и прописные буквы, курсив, подчеркивание, и т. д. выполняют приблизительно ту же функцию. С этим связано то, что я использую слово 'пунктуация' в качестве специального термина лингвистической семантики как для устного, так и для письменного языка.

Другой вид не-произвольности, которому в последнее время уделяется все большее внимание, — это **индексальность**. **Индекс**, в том значении, в котором он был первоначально определен, — это знак, который в некотором смысле обращает наше внимание, указывает (*indicates*) на то, что он означает (непосредственно в ситуации его употребления), является **показателем** наличия или существования (непосредственно в ситуации его употребления) того, что он означает. Например, дым является индексом огня; невнятная и замедленная речь может указывать на опьянение, и так далее. В этих двух случаях существует каузальная связь между индексом и тем, на что он указывает. Но это не является обязательным. Термин 'индекс', как он первоначально определялся, охватывал разнообразные явления, между которыми мало что общего, кроме того, что они фокусируют внимание на каком-то аспекте непосредственной физической ситуации. Одним из следствий этого стало то, что термин 'индексальность' в последнее время использовался в нескольких противоречащих друг другу смыслах. Я выберу лишь один из этих слов и объясню его в главе 10. До тех пор я не буду использовать термины 'индекс', 'индексальный' или 'индексальность'. Я буду, однако, использовать термин 'указывать' (а также 'быть показателем') в том смысле, в котором я употреблял его в предшествующем абзаце, говоря о дыме и невнятной речи. Когда говорится, что дым означает огонь, а невнятная речь есть признак опьянения, то имеется в виду не только то, что дым и невнятная речь обращают наше внимание на присутствие огня или опьянения (в данной ситуации), но также указывается на то, что огонь является источником дыма и что именно тот человек, чья речь невнятна, является пьяным. Если мы сделаем это определяющим условием 'указания' ('индикации'), в том смысле, который я теперь принимаю как специальный, мы можем сказать, что значительная часть информации, которая выража-

ется в устных высказываниях, указывает на биологические, физиологические или социальные характеристики их источника. Например, акцент обычно указывает на социальную или географическую принадлежность. На это же может указывать выбор того или иного из двух синонимичных выражений.

Каким же образом тогда лингвисты подходят к значению языковых высказываний? И какую часть его они определяют как лингвистическую (в том смысле, что она «попадает в область лингвистики»), а не как паралингвистическую (или экстралингвистическую)? Отношение лингвистов к изучению различных разделов своего предмета может изменяться, так же как это бывает в других науках, в соответствии с преобладающим интеллектуальным климатом. Было время в недалеком прошлом, особенно это проявилось в Соединенных Штатах в период с 1930 до конца 1950-х годов, когда лингвистической семантикой почти не занимались. Одной из причин этого было распространенное тогда мнение, что исследование значения в своей основе является субъективным (в пейоративном смысле этого слова) и, по крайней мере на данном этапе, выходящим за пределы науки.

Более конкретной причиной сравнительного невнимания к лингвистической семантике в те годы было влияние бихевиористской психологии на некоторые, хотя и не на все, школы американской лингвистики. В значительной степени благодаря критике бихевиоризма Хомским в конце 1950-х годов и последующему революционному воздействию его теории порождающей грамматики не только на лингвистику, но и на другие академические дисциплины, включая психологию и философию, влияние бихевиоризма более не обладает той силой, которую оно имело для предшествующего поколения. Не только лингвисты, но также и философы и психологи готовы теперь признать как научные данные многое из того, что ранее отвергалось как субъективное (в пейоративном смысле этого слова) и ненадежное.

Главным предметом данной книги является лингвистическая семантика, рассматриваемая с точки зрения, которую многие назвали бы традиционной. Но я также уделяю необходимое внимание тому, что достигнуто в последнее время благодаря сотрудничеству лингвистов и представителей других дисциплин, включая формальную логику и философию языка, и рассматриваю сильные и слабые места наиболее важных понятий, которые являются в настоящее время общими для лингвистической и различных видов нелингвистической семантики.

1.4. Язык, речь и высказывание; 'langue' и 'parole'; 'компетенция' и 'употребление'

Английское слово 'language' 'язык', как и слово 'значение', имеет весьма широкую область значения (или значений). Но первое и самое важное, что нужно сказать о слове 'язык', это то, что оно, так же как слово 'значение' и ряд других английских существительных, **категориально двойственно** (categorically ambivalent) по отношению к семантически релевантному свойству **исчисляемости**: оно может употребляться (подобно словам 'thing' 'вещь', 'idea' 'идея' и т. п.) как исчисляемое существительное (что означает, что в единственном числе, оно должно употребляться с определенным или неопределенным артиклем или каким-либо другим **детерминативом**); оно также может употребляться (как, например, слова 'water' 'вода', 'information' 'информация' и т. п.) как вещественное существительное (mass noun), которое не нуждается в детерминативе и которое обычно обозначает не отдельный объект или группу объектов, а неограниченную массу вещества или субстанции или некоторое «скопление» (агрегат) такого вещества. Исчисляемость получает грамматическое выражение — **грамматикализована** (морфологически или синтаксически) — не во всех естественных языках (ср. 10.1). А в тех языках, где она грамматикализуется, она грамматикализована по-разному.

Для нас здесь важно то, что когда слово 'язык' употребляется как вещественное существительное (без детерминатива), выражение, содержащее это слово, может, но необязательно должно быть семантически эквивалентно выражению, содержащему слово 'язык' в форме множественного числа исчисляемого существительного. В результате этого некоторые утверждения, содержащие слово 'язык' в форме единственного числа, неоднозначны. Таким примером является предложение (из второго абзаца раздела 1.2, приводится здесь в несколько видоизмененном виде)

(15) *A metalanguage is a language which is used to describe language* 'Метаязык — это язык, который используется для описания языка'.

Другой пример:

(16) *Linguistics is the scientific study of language* 'Лингвистика — это научное изучение языка'.

Является ли значение примеров (15) и (16) тем же самым, что и значение примеров

(17) *A metalanguage is a language which is used to describe languages* 'Метаязык — это язык, который используется для описания языков'

и

(18) *Linguistics is the scientific study of languages* 'Лингвистика — это научное изучение языков'

соответственно?

На этот вопрос мы не можем ответить без рассмотрения контекста, в котором употребляются примеры (15) и (16), но может быть и так, что и в контексте на него невозможно ответить. Однако должно быть ясно, если не немедленно, то после некоторого размышления, что предложения (15) и (16) вне контекста являются неоднозначными в отношении того, интерпретируются ли они как **семантически эквивалентные** предложениям (17) и (18) соответственно или нет. Причина этой неоднозначности в том, что когда слово 'язык' употреблено как вещественное существительное, как в примерах (15) и (16), выражение, содержащее его, может относиться не к совокупности языков, каждый из которых есть (или может быть описан как) **система** слов и грамматических правил, а к устным или письменным **продуктам** (использования) конкретной системы или совокупности систем. Такая **неоднозначность** по линии **система-продукт**, присущая многим выражениям, содержащим английское слово 'language' 'язык', соотносится с тем только что отмеченным фактом, что английское слово 'язык' (как и многие другие английские существительные) синтаксически неоднозначно, то есть принадлежит к двум синтаксически различным подклассам существительных (исчисляемым существительным и вещественным существительным). Поэтому когда оно употребляется как вещественное существительное, выражение, в которое оно входит, может относиться либо к продукту (использования) языка, либо ко всей совокупности (или некоторым примерам) языков.

Выражения, в состав которых входят слова 'English' 'английский (язык)', 'French' 'французский (язык)', 'German' 'немецкий (язык)' и т. д., проявляют связанную с вышеописанной, но несколько отличающуюся от нее неоднозначность по линии система-продукт, когда они употребляются как вещественные существительные в единственном числе (в некоторых контекстах). Например, предложение

(19) *That is English* 'Это английский'

может относиться либо к конкретному тексту или высказыванию, либо к той **языковой системе**, продуктом которой являются конкретные тексты или высказывания. То, что это действительно неоднозначность, ясно из того факта, что лишь в одной интерпретации

примера (19), а не в обеих, слово 'English' 'английский' может быть заменено фразой 'the English language' 'английский язык'. Очевидно, что никакое отдельное высказывание на английском языке не может идентифицироваться со всем английским языком. Также очевидно и то, что в подобных случаях синтаксическая двойственность, на которой основывается семантическая неоднозначность, является расхождением не между исчисляемыми и вещественными существительными, а между именами собственными (исчисляемыми) и именами нарицательными (вещественными).

Природа явления, которое я охарактеризовал как неоднозначность типа система-продукт, связанная с категориальным раздвоением слова 'язык', в свете сказанного выше представляется достаточно ясной. Тем не менее оно долгое время было и продолжает оставаться источником большого количества теоретических недоразумений. Один из способов избежать, по крайней мере, какой-то части этих недоразумений — это принять за правило никогда не употреблять английское слово 'language' в метаязыке в качестве вещественного существительного в тех случаях, когда оно может быть заменено без изменения значения всего выражения на исчисляемое существительное 'language' в форме множественного числа. Далее мы будем последовательно придерживаться этого правила, и то же самое рекомендуем делать студентам.

Другой способ избежать неоднозначности и путаницы, вызываемых синтаксической (или категориальной) раздвоенностью обыденного английского слова 'language' 'язык' и его многозначностью, или, по крайней мере, их уменьшить — это разработать ряд специальных терминов для замены ими этого слова. Такими специально изобретенными терминами являются широко употребляемые в наши дни слова 'Mangue' и 'parole', впервые использованные Соссюром (Saussure 1916), который писал по-французски, и 'компетенция' ('competence') и 'употребление' ('исполнение', 'performance'), введенные в лингвистику в качестве специальных терминов Хомским (Chomsky 1965).

В обыденном, неспециальном французском существительное 'langue' является одним из двух слов, которые, взятые вместе, имеют почти такой же диапазон значений, что и английское слово 'language'. Второе из этих слов — 'langage'. Эти два слова отличаются друг от друга грамматически и семантически в нескольких отношениях. Два из этих различий релевантны в данном контексте: (1) 'Mangue' в отличие от 'langage' всегда употребляется как исчисляемое существительное; (2) 'Mangue' обозначает то, что обычно на-

зывается естественным языком, и, в отличие от 'langage', обычно не обозначает: (а) искусственные (т. е. не естественные) формальные языки логики, математики, компьютерные языки, (б) такие экстралингвистические или паралингвистические коммуникативные системы, как, например, так называемый язык телодвижений, и (в) системы коммуникации, не принадлежащие человеку. Тот факт, что во французском языке (как и в итальянском, португальском, испанском и других романских языках) имеются два семантически неэквивалентных слова, одно из которых имеет намного более общее значение, чем другое, вместе охватывающие все те значения, которые в английском языке выражает слово 'language', интересен уже сам по себе. Он подкрепляет ранее сделанное замечание об английском слове 'meaning': обыденный метаязык одного естественного языка не обязательно семантически эквивалентен, полностью или частично, метаязыку других языков. Однако здесь этот факт упоминается в связи с сосюрианским разделением языка на 'langue' и 'parole'.

Выражения с французским словом 'langage' подвержены тому же виду неоднозначности система-продукт, что и выражения, содержащие английское слово 'language'. Но выражения, содержащие слово 'langue', ему не подвержены. Они всегда относятся к тому, что я называю языковой системой (и, благодаря узкому диапазону значений слова 'langue' в отличие от английского слова 'language', к так называемым естественным языкам). Это остается верным, независимо от того, используется ли французское слово 'langue' в специальном или же неспециальном смысле.

Слово 'parole' имеет ряд родственных, или пересекающихся, значений в обыденном французском. В том значении, которое представляет для нас интерес в этой главе, это слово охватывает часть значений, охватываемых словом 'langage' и английским словом 'language', когда они употребляются как вещественные существительные. Оно обозначает продукт или продукты использования языковой системы. Однако в отличие от 'language' и 'language' оно относится только к устной речи, т. е. к продукту речи. Соответственно, сосюрианское различие между 'langue' и 'parole' часто ошибочно представлялось на английском, а также на некоторых других европейских языках, включая немецкий и русский, как различие между языком и речью.

Основное различие в сфере понятий, относящихся к языку, это, как мы видели, различие между системой (состоящей из набора правил и словаря) и продуктом (использованием) системы. Обратим внимание на то, что здесь, как и ранее в этом разделе, я заключил в

скобки выражение 'использование'. Это подводит нас ко второму положению, которое относится не только к соссюрговскому противопоставлению 'langue' и 'parole', но и к введенному Хомским противопоставлению 'компетенции' и 'употребления', которое также вызвало большое количество теоретической путаницы.

Под 'компетенцией' (точнее, под 'лингвистической компетенцией' или 'грамматической компетенцией') Хомский подразумевает языковую систему, хранящуюся в мозгу индивидов, которые знают данный язык или, иными словами, являются в нем компетентными. В этом смысле языковая компетенция всегда является компетенцией в конкретном языке. Она обычно приобретается так называемыми носителями языка в детстве (при нормальных условиях) благодаря взаимодействию (i) генетически наследуемой языковой способности, которая присуща только человеку (которую Хомский называет 'универсальной грамматикой'), и (ii) достаточного числа достаточно репрезентативных образцов высказываний, которые могут анализироваться (с помощью врожденного знания ребенком принципов и параметров универсальной грамматики) как продукты развивающейся языковой системы. Многие детали предложенной Хомским теории усвоения языка и универсальной грамматики спорны с точки зрения философии и психологии. Но это не имеет прямого отношения к рассматриваемым нами сейчас вопросам. Однако несомненным представляется то, что то, что Хомский называет языковой компетенцией в конкретных естественных языках, хранится в нейрофизиологической форме в мозгу каждого отдельного члена конкретного языкового сообщества. В таком понимании 'компетенция' Хомского может быть приравнена для целей нашей настоящей книги к *Mangue'* Соссюра.

Разграничение между 'компетенцией' и 'употреблением' Хомского подобно разграничению между *Mangue'* и 'parole' Соссюра. Но понятие 'употребление' Хомского нельзя приравнять к понятию 'parole' так же просто, как 'компетенция' была приравнена к *Mangue'*. Строго говоря, термин 'употребление' применяется к использованию языковой системы, в то время как термин 'parole' прилагается к продукту использования языковой системы. Но это терминологическое различие не всегда выдерживается. Термин Хомского 'употребление' (как и термин 'поведение' 'behaviour') часто используется лингвистами недифференцированно и по отношению к использованию системы, и по отношению к продукту, являющемуся результатом ее использования. В противоположность этому, термин 'parole' редко употребляется, если вообще когда-либо употребляет-

ся, применительно к чему-либо другому, помимо продуктов использования конкретных языковых систем. В связи со сказанным выше очевидно, что требуется не простое различие между системой и ее продуктами, выражаемое двумя членами, а различие между тремя членами, при котором продукты ('parole') отличаются не только от системы, но также и от процесса ('употребления', 'поведения', 'использования' и т. д.). Независимо от того, используем ли мы специальные метаязыковые термины или нет, важно, чтобы проводилось четкое различие между тем, что производится в процессе использования языка, и самим процессом.

Многие повседневные английские существительные, производные от глаголов, похожи на существительное 'performance' 'употребление' тем, что они могут обозначать как процесс, так и его продукт или продукты. К таким существительным относится само существительное 'production' 'производство' и множество семантически родственных существительных, таких как 'creation' 'создание', 'composition' 'сочинение', 'construction' 'конструирование; конструкция'. К ним также относятся такие слова обычного языка (т. е. обычного метаязыка), как 'speech' 'речь', 'writing' 'писание; то, что написано, произведение', 'utterance' 'высказывание' и многие другие. Эти два смысла терминов не должны смешиваться, как это с ними происходило и происходит во многих учебниках лингвистики. Это различие, как мы увидим позже, оказывается особенно важным для определения прагматики.

Многое из сказанного в этом разделе касается не только проблем, возникающих при недостаточно осторожном использовании таких повседневных слов, как 'язык' и 'речь', но и ряда других вопросов, которые будут рассмотрены ниже. Важно, чтобы те, кто только начинает заниматься семантикой, получили представление о **трихотомии система — процесс — продукт**. Студенты, уже знакомые с принципами современной порождающей грамматики и формальной семантики, получат далее представление о необходимости дальнейших теоретических уточнений изложенных здесь положений об анализе языка в плане система — процесс — продукт и его использования. В частности, существует более абстрактный, математический смысл терминов 'процесс' и 'продукт', тот смысл, в котором предложения продуцируются — или порождаются — грамматикой, оперирующей единицами словаря. Этот более абстрактный смысл слова 'процесс' (как и связанный с ним более абстрактный смысл слова 'предложение', который будет объяснен в дальнейшем) логически независим от употребления и контекста и может считать-

ся внутрисистемным. Но подобные технические вопросы пока не должны нас волновать. Мы можем достаточно далеко продвинуться в нашем изучении семантики, прежде чем нам понадобится учитывать последние достижения теоретической лингвистики и формальной логики.

1.5. Слова: формы и значения

Настало время ввести условные обозначения для проведения различия между формой и значением, которыми мы будем пользоваться далее в книге. Эти обозначения более легко объяснить сначала на примере форм и значений слов, а далее их употребление, как мы увидим, может быть распространено на фразы, предложения и другие выражения.

Одним из молчаливо принимаемых исходных положений, которыми мы до сих пор пользовались и которое мы теперь можем эксплицитно выразить, является предположение о том, что слова (и другие выражения, включая фразы и предложения) имеют значение. Они также имеют **форму**: в английском и любом другом естественном языке, имеющем систему письма, алфавитную или неалфавитную, слова имеют устную форму и общепринятую письменную форму. (В некоторых случаях один и тот же устный язык может ассоциироваться с разными системами письма, так что одна и та же звучащая форма слова может иметь несколько письменных форм..И наоборот, что более удивительно, фонологически разные языки могут быть связаны не только с одной и той же системой письма, но даже с одним и тем же письменным языком в том случае, если, как это имеет место с так называемыми диалектами современного китайского языка, имеется достаточная степень грамматического и лексического **изоморфизма** среди этих разных устных языков, т. е. достаточная степень структурного сходства в грамматике и словаре.) В целом нам не понадобится проводить различие между письменной и звучащей формами, хотя в тех областях лингвистики, где это требуется, достаточно хорошо разработана система условных обозначений (включая символы Международного фонетического алфавита, заключаемые в квадратные скобки или наклонные линии, для фонетической или фонологической репрезентации форм). Но нам будет необходимо отличать слово (как составную единицу) от его формы и его значения. Для этой цели мы можем использовать обычную письменную форму слова, которая будет обозначать не только само

это слово как составную единицу, объединяющую форму и значение, но также и либо форму, либо значение при их отдельном рассмотрении. Это и происходит при обыденном метаязыковом использовании английского или других языков. Однако для того, чтобы было ясно, какую же из этих трех разных метаязыковых функций письменная форма слова выполняет в каждом конкретном случае, нам нужно принять определенные условные обозначения.

К сожалению, при помощи тех условных обозначений, которые чаще всего используются в лингвистике, не удастся последовательно и четко проводить различие между словами (и другими выражениями), с одной стороны, и их формой и значением, с другой. В данной книге одиночные кавычки будут обозначать слова и другие сложные единицы в их единстве формы и значения, курсив (без кавычек) будет обозначать формы (звучащие или письменные), а двойные кавычки — значение (или смысл).

Небольшое размышление покажет, что все, что мы пока делали, являлось систематизацией и кодификацией (т. е. регламентацией) некоторых обычных метаязыковых условных обозначений, существующих в письменном английском языке. Когда простые носители английского (или других естественных языков) хотят указать на какое-то слово, они делают это, цитируя его в устной или письменной форме. Например, они могли бы спросить:

(20) *Can you tell me what 'sesquipedalian' means?* 'Вы можете сказать мне, что значит 'полуторафутувый'?',

и возможным ответом могло бы быть:

(21) *I'm sorry, I can "t: look it up in the dictionary'* 'К сожалению не могу. Посмотрите его в словаре',

где слово 'его' в данном контексте обозначает слово 'полуторафутувый' и может быть им заменено. Подобным же образом в словарях английского языка и других языков, связанных с алфавитной системой письма, слова идентифицируются по их форме и перечисляются в чисто конвенционально установленном алфавитном порядке, для чего алфавит специально преподается в школе.

Таким образом, мы эксплицитно приняли систему условных обозначений для проведения различия между словом (и другими выражениями), его значением и формой. Но во многих языках, включая английский, слова могут иметь более одной формы. Например, существительное 'man' 'человек, мужчина' имеет грамматические формы *man, man's, men* и *men's*, глагол 'sing' 'петь' имеет грамматические формы *sing, sings, singing, sang* и *sung*, и так далее.

Эти грамматически различаемые формы слова традиционно называются **словоизменительными (флективными)**: форма существительного 'man', как и формы подавляющего большинства исчисляемых существительных в английском языке, может изменяться для выражения грамматических (точнее, морфосинтаксических) свойств единичности/множественности и посессивности; форма глагола 'sing', как формы большинства английских глаголов, может изменяться для выражения грамматического времени (настоящее vs прошедшее), и так далее. В некоторых языках флективность выражена в гораздо большей степени, чем в других. Английский по сравнению с русским или латинским, или даже французским, итальянским, испанским и т. д., или немецким, имеет сравнительно мало различных словоизменительных форм слов, а некоторые языки (так называемые аналитические, или изолирующие, языки), особенно вьетнамский и классический китайский, вообще их не имеют. Тем не менее важно проводить различие между словом и его формой, даже если оно не имеет различных словоизменительных форм.

В английском и в других языках одна из словоизменительных форм слова считается его **исходной формой** (citation-form), т. е. формой, которая употребляется при ссылке на данное слово как сложное целое. Именно исходные формы представлены в алфавитном порядке как заглавные слова словарных статей в английских словарях и словарях других языков, имеющих алфавитную систему письма.

Общепринятой исходной формой слова в обыденном языке не обязательно является та форма, которую лингвист мог бы идентифицировать как корень или основу. Вообще говоря, сложилось так, что в обыденном английском языке исходная форма большинства слов, за исключением глаголов, идентична его основе. Но не во всех языках это так. Далее в этой книге при приведении примеров из всех языков, кроме английского, мы будем использовать те исходные формы, которые рассматриваются как таковые в лексикографической традиции каждого конкретного языка. Что касается английского языка, то здесь существуют два альтернативных подхода в отношении глаголов. Более традиционный подход, который все реже применяется современными лингвистами, заключается в использовании формы так называемого инфинитива, состоящего из частицы *to* и основы (или, как это имеет место в случае неправильных глаголов, одной из основ): например, 'to love' 'любить', 'to be' 'быть', и т. д. Менее традиционный подход, которому я и буду следовать, заключается в использовании формы основы (или одной из основ) в качестве исходной формы не только существительных, местоиме-

ний, прилагательных и наречий, но также и глаголов: например, не только 'man' 'человек, мужчина', 'she' 'она', 'good' 'хороший' и 'well' 'хорошо', но также и 'love' 'любить', 'sing' 'петь', 'be' 'быть' и т. д. Несомненно, существуют веские доводы в пользу выбора в качестве исходной формы в таких языках, как английский, основы (или одной из основ). Но в принципе выбор той или иной формы для метаязыковой референции к слову, формой которого она является, является произвольным и конвенциональным. Английские слова в своем большинстве имеют не только более одной формы. Они также могут иметь более одного значения, и в этом отношении английский является типичным естественным языком. (Хотя и существуют естественные языки, в которых каждое слово имеет одну и только одну форму, почти наверняка не существует и никогда не существовало естественных языков, в которых каждое слово имеет одно и только одно значение.) Например, слово 'foot' имеет несколько значений. Если мы хотим отличать их в нотации, мы можем указать номер значения в подстрочном индексе: "foot₁", "foot₂", "foot_s", и так далее. В более общем виде: если слово имеет в качестве исходной формы X, мы будем обозначать это слово как 'X', а его значение (то есть множество, состоящее из его одного или нескольких значений) как "X"; и если это слово имеет более чем одно значение, мы можем различить их, обозначая отдельные значения как "X₁", "X₂", "X₃" и т. д.

Конечно же, использование подстрочных индексов — всего лишь удобный нотационный прием, который ничего не говорит нам о значении или значениях слов. Когда дело доходит до идентификации различных значений иными, не чисто символическими, способами, мы можем сделать это при помощи дефиниций и парафраз. Например, в случае со словом 'foot' мы можем сказать, что "foot₁" — это "конечная часть ноги", что "foot₂" — это "нижняя часть холма или горы" и т. д. Вопрос о том, как можно определить, верна или нет та или иная дефиниция или парафраза, будет рассматриваться во второй части книги. Здесь моя задача — просто объяснить используемые мной метаязыковые условные обозначения. Но я должен также отметить, что мое употребление условных обозначений основывается на положении о том, что значения слов (1) дискретны и (2) различимы. Это положение обычно принимается лексикографами (и лингвистами) и отражается в организации большинства словарей.

Студентам, которые раньше никогда не делали этого, будет полезно взять ряд простых английских слов, например 'foot', 'game', 'table', 'tree', и познакомиться с их описаниями в 5—6 достаточно полных и известных словарях. Они обнаружат много отличий не

только в предлагаемых толкованиях, но и в количестве выделяемых у каждого слова значений. Они узнают также, что в некоторых, но не во всех, словарях действует еще один уровень дифференцирования, при котором не только "X₁" отличается от "X₂", "X₃" и т. д., но и "X_{1a}" отличается от "X_{1b}", "X_{1c}" и так далее. По меньшей мере, такое сравнение ряда словарей должно показать, что сказать, сколько значений имеет слово, не так легко, как может показаться при первом поверхностном размышлении. Это также должно вызвать сомнения по поводу того мнения, что все словари одинаково хороши, а также по поводу альтернативной точки зрения, согласно которой только один конкретный словарь (*Oxford English Dictionary* или *Webster's*, и т. д.) должен пользоваться непререкаемым авторитетом. Более того, это может даже вызвать подозрение, что во многих случаях на практике не просто трудно, но в принципе невозможно сказать, сколько отдельных значений имеет данное слово. Это подозрение, как мы увидим, подтверждается при дальнейшем изучении теории и практики лексикографии.

Теперь следует кратко остановиться на **омонимах** — разных словах с одинаковой формой (согласно традиционному определению). В большинстве словарей омонимы различаются с помощью нумерации (или букв алфавита) и выделения для каждого омонима отдельной словарной статьи. Мы будем пользоваться подстрочной цифровой индексацией. Например, слово 'bank₁', одно из значений которого — "финансовое учреждение", и слово 'bank₂', одно из значений которого — "берег реки", обычно считаются омонимами (см. рис. 1.1).

Рис. 1.1

То, что они рассматриваются редактором или составителями конкретного словаря как омонимы, т. е. как отдельные слова (а в большинстве английских словарей они так и рассматриваются), очевидно из самого факта выделения для них отдельных статей (независимо от того, снабжены ли они отличительным номером или буквой или нет). Считается само собой разумеющимся, что те, кто обращаются к словарю, должны иметь интуитивное представление об омонимии в ее традиционном понимании, даже если они и не знают самого этого термина; так, считается само собой разумеющимся, например, что обращающиеся к словарю согласятся, что 'bank₁' отличается от 'bank₂', и при этом интуитивно понимают, что значит быть разными словами. Однако, как мы увидим во второй части книги, традиционное понимание омонимии не является таким простым, как это может показаться с первого взгляда, и поэтому должно быть определено более ясно. Хотя более общую дискуссию по поводу омонимии можно отложить до тех пор, может оказаться полезным заранее ответить на вопрос, который, возможно, возник у некоторых читателей в связи с некоторыми из примеров, использованных мной в этом разделе. Если омонимы — это слова, которые имеют одинаковую форму, но отличаются по своему значению, почему я говорю, что, "конечная часть ноги" и "нижняя часть холма или горы" являются двумя разными значениями одного слова 'foot'? Не следует ли, как мы говорили в случае 'bank₁' и 'bank₂', считать, что и здесь мы имеем дело с двумя разными словами 'foot₁' и 'foot₂'?

Если быть кратким, есть две причины, по которым 'bank₁' и 'Bank₂' традиционно считаются омонимами. Прежде всего, они отличаются этимологически: 'bank₁' было заимствовано из итальянского языка (ср. современное итальянское 'Banca') в пятнадцатом веке; 'bank₂' восходит через среднеанглийский к скандинавскому слову (в конечном счете родственному немецкому источнику итальянского 'Banca', но отличающемуся от последнего своим историческим развитием). Во-вторых, они оцениваются как семантически не связанные: считается, что не существует связи — точнее, не существует синхронически определяемой связи — между значениями 'bank₁' и значениями 'Bank₂'. Два или более значений слова 'foot', с другой стороны, этимологически и семантически связаны; а порядок их нумерации в словаре обычно отражает точку зрения редактора на то, каким образом эти значения связаны друг с другом (или другими значениями) исторически или синхронически.

Более подробно мы рассмотрим понятие связи значений позднее, независимо от вопроса о том, какую роль понятие омонимии

играет в современной лингвистической семантике (если оно вообще играет какую-нибудь роль). Пока же достаточно отметить, что, оставая в стороне то, что традиционно считается омонимией, мы обычно можем идентифицировать одно из значений слова как более центральное (или же, иначе, как более выделенное (*salient*) контекстуально), чем другие. Я ожидаю, что в уме читателя будет возникать именно это значение всякий раз, когда я буду ссылаться на значение слова (без дальнейших уточнений) с помощью условного обозначения двойными кавычками, как объяснялось выше. При необходимости одно значение может быть отлечено от другого с помощью подстрочных индексов или заключенных в двойные кавычки парафраза или (частичных) определений, достаточных для выполнения данной задачи. Как мы видели, можно отличать подобным же образом друг от друга омонимы: например, мы можем отличить 'solei' от 'sole₂' (если мы признаем, что это действительно случай омонимии: интуитивные суждения читателей на этот счет могут расходиться), сказав, что первое означает (приблизительно) "нижнюю часть ступни или туфли", а последнее — "вид рыбы". Однако нужно понимать, что условные обозначения сами по себе — не более чем инструмент, который, как любой инструмент, требует осторожного и умелого обращения. Это замечание необходимо сделать в связи со сравнительно простой — почти тривиальной — задачей регламентации использования курсива и кавычек с целью метаязыковой референции. Понимать это будет еще более важно, когда речь пойдет об использовании более специальных условных обозначений, вводимых в последующих главах.

Как я уже говорил, во многих случаях определить, являются ли те или иные слова омонимами, не так легко, как могло показаться при анализе примеров 'bank₁' и 'Банк₂', или 'sole₁' и 'solei'. Эта проблема будет подробнее рассматриваться во второй главе, так же как и различие смыслов, вкладываемых в термин 'слово' в обыденном и специальном дискурсах. До тех пор слово 'слово' будет применяться нестрого и, как вскоре увидим, в разных значениях (как это часто бывает в обыденном языке). Пока же читателям следует не забывать о том, как важно не путать выражения естественного языка, такие как слова, фразы (сочетания слов), с их формой (или какой-либо одной из их форм). В этом им поможет постоянное внимание к употребляемым в тексте условным обозначениям, введенным выше.

В заключение обратим внимание читателей, что: (i) (как было отмечено без каких-либо комментариев в начале данного раздела) письменная и устная форма (или формы) слова могут не соответ-

вовать друг другу; (ii) формы могут совпадать или различаться в разных отношениях. Термин 'форма' (и в еще большей степени производный от него термин 'формальный') в лингвистике иногда используется непоследовательно, что может вызывать путаницу (см. Lyons 1968: 135—137). Пока же для нас будет достаточно краткого объяснения того, как связаны различные смыслы термина 'форма' и как они могут быть при необходимости отличены друг от друга.

Мы начали с более или менее повседневного, неспециального металингвистического различия между формой и значением, сказав, что слова (и другие выражения) имеют не просто форму, а конкретную форму (*not only form, but a form*). Далее мы видели, что в некоторых случаях и в некоторых языках слова (и другие выражения) могут иметь более одной формы, которые обычно, но не всегда отличаются друг от друга своей грамматической функцией. Забудем на время о том, что слова могут иметь более одной грамматической (или словоизменительной) формы; это равнозначно допущению, что мы (времененно) имеем дело лишь с изолирующими, или аналитическими, языками, такими, как классический китайский или вьетнамский.

Используя возможность употреблять слово 'форма' в качестве как исчисляемого, так и неисчисляемого существительного (как я это делал в предшествующем абзаце и в других частях данного раздела книги), мы можем сказать, что две формы являются идентичными (в одном из смыслов слова 'идентичный'), если они имеют одну и ту же форму. Например, две устные формы будут фонетически идентичными, если у них одинаковое произношение, а две письменные формы (в языке с алфавитной системой письма) будут орфографически идентичными, если у них одинаковое написание. (Определение орфографической идентичности требует несколько иной формулировки для языков с неалфавитной системой письма, но это не влияет на возможность применения в отношении таких языков понятия орфографической идентичности.) В отношении устной речи может проводиться различие между фонетической и фонологической идентичностью. Студенты, знакомые с этим различием, разберутся в особенностях применения этих понятий в конкретных случаях; тем, кто о нем не имеет представления, пока не стоит беспокоиться по этому поводу. В лингвистической семантике обычно имеет значение фонологическая идентичность. Но ради простоты изложения я пока не буду проводить различие между фонетической и фонологической идентичностью: я буду говорить просто о фонетической идентичности форм (в том или ином говоре или диалекте).

Тот факт, что две (или более) письменные формы могут быть фонетически идентичными, легко иллюстрируется примерами из английского языка (из многих, если не всех, его диалектов): ср. *soul* и *sole* [soul]², *great* и *grate* [greit], или *red* и *read* [red] (в одном из двух различных произношений этой формы). Тот факт, что две (или более) фонетически различные формы могут быть орфографически идентичными, также легко иллюстрируется примерами из английского: ср. *read* (в *have read* [red] и в *will read* [ri:d]), *blessed* (в *The bishop blessed* [blest] *the congregation* 'Епископ благословил собравшихся в церкви' и в *Blessed* [blesid] *are the peacemakers* 'Блаженны миротворцы'). Этот, только что рассмотренный и подкрепленный примерами, вид идентичности может быть назван **материальной идентичностью**. Как я уже объяснял здесь, он зависит от физического материала, в котором реализуется данная форма. Можно расширять и уточнять понятие материальной идентичности, но и такое, несколько упрощенное описание материальной идентичности, которое дается здесь, вполне отвечает намеренно ограниченным целям, стоящим перед автором в данной книге.

При рассмотрении этого вопроса необходимо учитывать то, что во многих естественных языках, включая английский, называемых в лингвистике неизоллирующими, или (морфологически) синтетическими языками, слова могут иметь две или более грамматически различные формы: ср. *man* (единственное число, общий падеж), *man's* (единственное число, притяжательный падеж), *men* (множественное число, общий падеж), *men's* (множественное число, притяжательный падеж). Обычно, как в случае с четырьмя формами 'man', грамматически отличающиеся — точнее, словоизменительно отличающиеся — формы слова (или другого выражения) являются материально отличающимися (неидентичными). Но материальная идентичность не является ни достаточным, ни необходимым условием грамматической (и, точнее, словоизменительной) идентичности форм. Например, форма *come* является одной из форм настоящего времени слова 'come' 'приходить' (*they come*), а также формой, которая традиционно называется причастием прошедшего времени (*they have come*). Является ли *come* одной и той же формой в обоих

² В квадратных скобках дается фонетическая транскрипция приводимых автором примеров. — *Примеч. перев.*

случаях? Ответ звучит так: в одном смысле — да, в другом смысле — нет. Форма *come* в выражении *they come* является такой же, как форма *come* в выражении *they have come*, в том смысле, что они материально идентичны (и в устном, и в письменном языке). Но форма *come* в выражении *they come* и форма *come* в выражении *they have come* являются разными **словоизменительными формами** глагола 'come'. И наоборот, принимая во внимание тот факт, что некоторые из говорящих на одном из вариантов английского языка, в других отношениях являющихся одним и тем же стандартным английским, говорят (и пишут) *have learned*, а другие говорят (и пишут) *have learnt* (а третьи варьируют обе формы), две эти материально разные формы *learned* и *learnt* могут считаться грамматически идентичными (или эквивалентными). Если попытаться выразить эту мысль еще отчетливее, можно сказать, что (в данной разновидности стандартного английского) одна и та же грамматическая — или, более конкретно в данном случае, одна и та же словоизменительная форма — слова 'learn' 'узнавать, изучать' реализуется в двух разных (фонетически и орфографически) материальных формах.

Все сказанное выше о различных видах идентичности поможет нам позже. Я должен также еще раз подчеркнуть всю важность того, что было сказано выше о необходимости разработки комплекса специальных терминов и условных обозначений либо с помощью регламентации уже существующих, либо с помощью введения новых терминов, для обеспечения большей точности метаязыковой референции. По большей части смысл, который я вкладываю в термин 'форма' в различных местах книги, будет ясен из контекста. Там, где это не так, я буду прибегать к сформулированному здесь различию между формами, рассматриваемыми с точки зрения их материального состава, и формами, рассматриваемыми с точки зрения их грамматической функции.

1.6. Предложения и высказывания; текст, разговор и дискурс

Мы исходим (и далее будем исходить) из положения, что все естественные языки имеют слова, которые имеют форму и значение (1.5). Теперь выразим эксплицитно два дальнейших рабочих предположения: (i) все естественные языки также имеют предложения, которые, подобно словам, имеют форму и содержание; (II) значение пред-

ложения определяется, по крайней мере частично, значениями слов, из которых оно состоит. Ни одно из этих положений не является сколько-нибудь спорным. Однако каждое из них потребует тщательного рассмотрения позже. При этом ни одно из утверждений, сделанных в первых главах, не подвергнется серьезным изменениям в результате вносимых далее уточнений и дополнительных пояснений.

Значение предложения определяется не только значением слов, из которых оно состоит, но также и его грамматической структурой. Это видно из того, что два предложения могут состоять в точности из одних и тех же слов (при том, что каждое слово интерпретируется одинаково) и все же различаться значением. Например, следующие два предложения (22) и (23), содержат одинаковые слова (в одинаковых формах), но различаются грамматически. Одно из них является утвердительным предложением, а другое соответствующим вопросительным предложением, а их грамматическое различие соответствует различию их значений:

(22) 'It was raining yesterday' 'Вчера шел дождь'

и

(23) 'Was it raining yesterday?' 'Вчера шел дождь?'

То же самое наблюдается в примерах (24) и (25). В этом случае, однако, оба предложения являются утвердительными, и они не связаны друг с другом как члены двух соотносительных и определяемых в грамматических терминах классов предложений:

(24) 'John admires Mary' 'Джон восхищается Мери'

и

(25) 'Mary admires John' 'Мери восхищается Джоном'.

Следует отметить, что я использую одиночные кавычки для обозначения предложений (даже тогда, когда предложения пронумерованы и помещены отдельно от остального текста), так же как для обозначения слов и других выражений, имеющих форму и значение. Это соответствует системе условных обозначений, введенной в предшествующем разделе, которой мы будем придерживаться в этой книге. Являются ли предложения выражениями в том же смысле, в котором являются выражениями слова и фразы, остается вопросом, который будет рассматриваться в первой и второй частях этой книги.

Для простоты изложения я приму в качестве одного из основных организационных принципов этой книги различие между **значением слова** (или, точнее, **лексическим значением**) и **значением**

предложения и рассмотрю первое во второй части, а последнее — в третьей части книги. Однако следует подчеркнуть, что этот метод организации материала не несет в себе никаких импликаций по поводу логического или методологического приоритета лексического значения по сравнению со значением предложения. Нет смысла обращаться к вопросу о приоритете одного над другим до того, как мы создадим более основательную теоретическую и терминологическую базу. А когда мы это сделаем, мы увидим, что, как многие другие, на первый взгляд простые, вопросы, он не допускает простого, однозначного ответа.

Различие между значением предложения и **значением высказывания** является другим организационным принципом этой книги. Это различие не может приниматься как само собой разумеющееся таким же образом, как различие между значением слова и значением предложения. Оно не только гораздо меньше известно неспециалистам, но также является предметом многочисленных разногласий среди специалистов по языкознанию. Рассмотрение подробностей можно отложить до четвертой части книги. Но несколько общих замечаний следует сделать здесь.

В повседневном английском слово 'высказывание' ('utterance') обычно относится к устной речи (также как и слова 'дискурс' и 'разговор' ('беседа', 'conversation')). Слово 'текст', наоборот, обычно относится к письменной речи. В данной книге термины 'высказывание' и 'текст' употребляются как нейтральные по отношению к различию между письменной и устной речью.

В этом месте можно было бы расширить наш метаязык, введя целый набор специальных терминов, **нейтральных** по отношению к **среде** выражения. Некоторое количество таких терминов будет введено в последующих главах. Пока же мы будем пользоваться такими обыденными словами, как 'говорящий' и 'слушающий', а также словами 'высказывание', 'текст' и 'дискурс' в нейтральном по отношению к средству выражения смысле.

Заметим при этом, что нельзя смешивать язык и речь. На самом деле, одним из самых поразительных свойств естественных языков является их относительная независимость от **среды**, в которой они реализуются. Язык остается языком вне зависимости от того, реализуется ли он как продукт устной или письменной речи, а если он является продуктом письменной речи, независимо от того, пользуемся ли мы обычным алфавитом или шрифтом Брайля, азбукой Морзе и т. п. Степень соответствия между письменным и устным языком может варьироваться по историческим и культурным причинам от

одного языка к другому. В английском и в других языках, располагающих алфавитной системой письма, большинство, если не все предложения устной речи, могут быть поставлены в соответствие с письменными предложениями. Тот факт, что это соответствие не является одно-однозначным, будет рассмотрен позже.

Можно больше пока ничего не говорить по поводу текста, дискурса и разговора — вплоть до девятой главы. До тех пор мы будем называть высказыванием минимальный (устный или письменный) текст, а дискурсом и разговором (*conversation*) — последовательность из одного или более высказываний.

Но, как мы уже видели, термины 'высказывание', 'дискурс' и 'разговор' (в отличие от термина 'текст') могут употребляться как в значении процесса, так и в значении продукта: в первом случае они обозначают особый вид поведения, или деятельности, во втором случае они обозначают материальный продукт или продукты этой деятельности (1.4). Очевидно, что эти значения взаимосвязаны; однако природа этой связи не является очевидной; она будет обсуждена в четвертой части. Пока же будем придерживаться следующего терминологического соглашения: всегда, когда термин 'высказывание' употребляется в этой книге без дальнейших уточнений и в контексте, в котором значение процесса исключается по синтаксическим причинам, он будет интерпретироваться как обозначающий продукт или продукты того, что в терминах Хомского можно обозначить как употребление. Высказывания, в этом смысле термина, являются тем, что некоторые философы языка называют **инскрипциями** (*inscriptions*, букв. 'надписи'), т. е. последовательными рядами символов, начертанными в некоторой физической, материальной среде. Например, устное высказывание обычно «написано» (в этом узкоспециальном смысле термина 'написано') средствами звука; письменное высказывание написано какими-то другими подходящими средствами, которые позволяют визуальное восприятие. Поскольку языки в типичном случае, если не исключительно, используются для коммуникации, высказывания могут рассматриваться как **сигналы**, которые передаются от говорящего к слушающему — в более общем виде, от отправителя к получателю — по какому-то подходящему для этой цели **каналу**. Высказывания (т. е. высказывания-инскрипции или высказывания-сигналы) мы будем отличать в записи от предложений (таким же образом, как мы различаем формы слова и само слово), обозначая первые курсивом, а последние — одинарными кавычками. Это подразумевает, что высказывания являются формами, и этой точки зрения на высказывания (в смысле

высказываний-инскрипций) мы будем придерживаться в этой книге. Как мы увидим в четвертой части, существуют аргументы в пользу точки зрения, согласно которой во многих случаях высказывания могут рассматриваться как контекстуально-зависимые формы конкретных предложений. Но на данном этапе для нас нет необходимости делать выбор в пользу одной или другой точки зрения на дискуссионный вопрос о связи высказываний с предложениями.

Необходимо подчеркнуть, что предложения естественных языков — это не просто последовательности, или **цепочки**, словоформ. Как мы уже видели, на **вербальный компонент** любого устного высказывания (цепочки слов, из которых оно состоит) всегда и обязательно накладывается **невербальный компонент**, который лингвисты затем подразделяют на **просодический** компонент и **паралингвистический** компонент (1.3). Вопрос о том, где именно должна проходить граница между двумя последними компонентами, пока не должен волновать нас. Отметим только, что просодический контур высказывания включает его интонацию и, может быть, ударение, а паралингвистические признаки включают такие вещи, как тон голоса, громкость, ритм, темп и т. п. Эти невербальные признаки высказывания важны для определения его значения настолько же, насколько важны значения входящих в него слов и грамматическое значение, которые **кодируются** в вербальном компоненте.

Только вербальный компонент устного высказывания независим от средств, с помощью которых оно реализуется, и остается неизменным при замене среды его реализации, например, при переводе устной речи в письменную. Как мы уже отмечали, некоторые системы письма включают в себя более или менее конвенционализованные принципы пунктуации письменных высказываний. Но они никогда не отражают существенные изменения интонации в разговорном языке. Даже когда обычные знаки пунктуации дополняются такими типографскими приемами, как использование прописных букв, курсива, жирного шрифта, знаков ударения и т. п., какая-то часть просодического контура высказывания может остаться не представленной.

Это важный момент. Почти все письменные высказывания, приводимые в этой книге и других книгах, рассматривающих проблемы языка, могут соответствовать нескольким сильно отличающимся друг от друга устным высказываниям. Письменное высказывание *Mary won't come* 'Мэри не придет', например, может произноситься или читаться несколькими разными способами, выражающими скуку, удивление, уверенность, и т. д. Я постараюсь выбирать

свои примеры так, чтобы при достаточно полном объяснении не имело значения для обсуждения интересующей нас проблемы, какое из существенно отличающихся друг от друга устных высказываний будет выбрано читателем.

Я пока принимаю как данное, что читатели способны идентифицировать предложения, выраженные на языках, в которых они компетентны, т. е. что они могут отличить предложения от сочетаний слов, не являющихся предложениями. Я, далее, предполагаю, что одни из не-предложений не являются предложениями потому, что они грамматически неправильны, другие же потому, что они являются грамматически неполными, или эллиптическими предложениями; я исхожу из того, что те, кто компетентны в данном языке, независимо от того, родной он для них или нет, могут различить эти два подкласса не-предложений. Как мы увидим позже, многие из повседневных высказываний грамматически неполны, однако в том или ином контексте они приемлемы и интерпретируемы. С другой стороны, есть предложения, которые, хотя они и являются грамматически вполне правильными, по той или иной причине в норме не могут быть сказаны. Отличие грамматической правильности от допустимости (включая семантическую допустимость), имеющее исключительную важность для лингвистической семантики, будет рассмотрено во второй части (5.2).

Во второй и третьей частях книги мы ограничимся рассмотрением высказываний, связь которых с предложениями относительно проста. Мы отложим до четвертой части задачу уточнения, что же имеется в виду под выражением 'высказать (произнести) предложение' (utter a sentence), и объяснения того, как его смысл может быть расширен до включения грамматически правильных, но не полных высказываний, которые образуют один из подклассов не-предложений. Как я уже говорил, большинство повседневных высказываний могут попадать в этот подкласс не-предложений.

Отличие значения предложений от значения высказываний будет рассмотрено в четвертой части. На данном этапе достаточно будет подчеркнуть два момента. Во-первых, значение предложения является (в высокой степени) **контекстуально независимым**, в то время как значение высказывания таковым не является: значение высказывания (в большей или меньшей степени) определяется по контексту, в котором оно произносится. Во-вторых, существует внутренняя связь между значением предложения и **типичным (характерным) употреблением**, не данного предложения как такового, а целого класса предложений, к которому оно относится по своему

грамматическому строению. Эту связь можно сформулировать, для одного из классов предложений, следующим образом: **декларативным (повествовательным)** является предложение, которое принадлежит по своей грамматической структуре к классу предложений, которые в типичном случае (характеристически) употребляются для того, чтобы делать **утверждения** (make statements), например:

(26) 'Exercise is good for you' 'Физическая активность полезна'

или

(27) 'I prefer mine with ice' 'Я предпочитаю со льдом'.

Похожую формулировку можно дать для другого класса предложений, которые в английском и многих других языках отличаются от повествовательных: **вопросительным** является предложение, которое принадлежит по своей грамматической структуре к классу предложений, которые в типичном случае употребляются для того, чтобы задавать вопросы, например:

(28) 'What time is lunch?' 'Когда обед?'

И так далее. Когда выше я говорил, что значение предложений (22) 'It was raining yesterday' 'Вчера шел дождь' и (23) 'Was it raining yesterday?' 'Вчера шел дождь?' частично определяется их грамматической структурой, я молчаливо апеллировал к знаниям читателя о типичном, характерном употреблении повествовательных и вопросительных предложений. Именно признанием этих типичных функций объясняется существование традиционных терминов 'повествовательное предложение' и 'вопросительное предложение'. Многие в традиционной грамматической терминологии выдают присутствие исходного положения, верного или неверного, о существовании характерных функций конкретных грамматических категорий и конструкций.

Следует заметить, что понятие типичного употребления (которое также внутренне связано с понятием буквального значения) здесь в первую очередь ассоциируется с классами предложений, а не с каждым отдельным представителем конкретного класса. Это важно, поскольку некоторые предложения никогда не употребляются или употребляются очень редко в обычных ситуациях в функции, типичной для грамматически определяемого класса, к которому они принадлежат; кроме того, как мы увидим позже, все предложения иногда могут употребляться для выполнения так называемых **косвенных речевых актов** (использование повествовательных предложений как вопросов, использование вопросительных предложений для выражения просьбы, и т. д.). Тем не менее, очевидно, что невозможно, чтобы повество-

вательные предложения обычно использовались в функции вопросов, вопросительные предложения по большей части использовались в роли утверждений, и так далее. Ибо повествовательные и вопросительные предложения по определению являются предложениями, для которых характерно их использование в той функции, которая отражена в названии данного класса предложений. Если язык не имеет грамматически отличимого класса предложений для выполнения какой-либо из этих характерных функций, то он не имеет повествовательных или вопросительных предложений.

Не следует думать, что все языки имеют одинаковую грамматическую структуру. Как мы увидим позже, существует много естественных языков, которые не имеют вопросительных или повествовательных предложений. Это не значит, конечно, что в этих языках невозможно задавать вопросы или высказывать утверждения. Вопросы, как высказывания, могут быть отличены от утверждений посредством наложения на одну и ту же цепочку слов отличительного просодического или паралингвистического контура в устной речи и отличительной пунктуации или диакритических знаков на письме. Например, высказывание (29) — продукт произнесения предложения (26) — может быть реализовано в устной речи с определенным интонационным рисунком, который маркирует это высказывание как вопрос (возможно также выражающий удивление или негодование, и т. д.), а в письменной речи — с вопросительным знаком:
(29) *Exercise is good for you?* 'Физическая активность полезна?'

Однако то же самое предложение может быть реализовано с иным интонационным рисунком в устной речи или другой пунктуацией в письменной речи (например, с точкой, а не вопросительным знаком) для выражения утверждения.

Таким образом, значение предложения связано со значением высказывания благодаря понятию типичного употребления, но отличается от него тем, что значение предложения не зависит от конкретного контекста, в котором оно может быть реализовано. В то же время для определения значения высказывания мы должны принимать во внимание контекстуальные факторы. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен позже. Но сказанного здесь вполне достаточно для изложения того, о чем будет говориться в частях 3 и 4, при этом принятые нами условные обозначения помогут нам различать предложения и высказывания и отличать значение самого предложения от значения высказывания, которое является результатом употребления этого предложения в конкретных контекстах.

1.7. Теории значения и виды значения

Существует несколько теорий значения — теорий, которые пытаются найти ответ на вопрос *Что такое значение?* Среди них можно упомянуть следующие:

- (I) **референциальная** (или **денотативная**) теория ("значение выражения есть то, что оно обозначает", например, (кличка) 'Фидо' обозначает (собаку) Фидо; 'собака' обозначает либо общий класс собак, либо основное свойство, которым они все обладают);
- (II) **идеационная**, или **менталистская**, теория ("значение выражения есть идея, или концепт, ассоциируемая с ним в уме любого, кто знает и понимает это выражение");
- (III) **бихевиористская** теория ("значение выражения есть либо стимул, который вызывает его, либо реакция, которую оно вызывает, либо их комбинация в конкретных случаях высказывания");
- (IV) теория **значения как употребления** ("значение выражения определяется, если не совпадает с, его употреблением в языке");
- (V) **верификационистская** теория ("значение выражения, если оно имеется, определяется возможностью верификации предложений, или пропозиций, в которые оно входит");
- (VI) **условно-истинностная** теория ("значение выражения есть его вклад в условия истинности предложений, в которые оно входит").

Ни один из этих подходов в отдельности, как мне представляется, не может служить основой для всесторонней и эмпирически хорошо мотивированной теории лингвистической семантики. Но каждая из них так или иначе способствовала выработке основных положений, из которых исходят те, кто работает над созданием такой теории в настоящее время. Я не буду вдаваться в детали ни одной из теорий значения, перечисленных выше. Тем не менее, в последующих главах я буду ссылаться на некоторые из ключевых понятий, отличающих их друг от друга, и я объясню эти понятия в том контексте, в котором возникнет необходимость обращения к ним. Ограничения, касающиеся объема книги, не позволят мне рассмотреть историческую связь, существующую между этими теориями, и философские проблемы, связанные с ними. Я должен добавить, что представленный мной список далеко не полон и что данные в скобках дефиниции в некоторых случаях были намеренно упрощены.

Теперь следует отметить, что один из философски обоснованных ответов на вопрос *Что такое значение?* звучит так: *Значения*

как такового не существует. Так отвечал на него, например, поздний Витгенштейн (Wittgenstein 1953); и к этому ответу нужно относиться серьезно. Ясно, что имеет смысл задаваться вопросом о значении слов, предложений и высказываний, так же как имеет смысл спрашивать, что они значат. Делая это, мы употребляем английские слова 'meaning' 'значение' и 'mean' 'значить' в одной из их обыденных металингвистических функций. Как мы видели ранее, есть также другие обыденные значения, или употребления, существительного 'значение' и глагола 'значить'; и по крайней мере некоторые философы считали, что эти значения в конечном счете связаны со значениями, приведенными выше, и, возможно, являются даже более фундаментальными, чем они. Интересно, что значения слов 'meaning' и 'mean' не всегда находятся в отношениях однозначного соответствия со значениями или употреблениями сходных в других отношениях выражений в таких знакомых европейских языках, как французский, немецкий, итальянский, русский или испанский. Например, следующие два английских предложения:

(30) 'What is the meaning of concept'? 'Что значит 'concept'?'

и

(31) 'What do you mean by the word 'concept'? 'Что вы понимаете под словом 'concept'?'

можно было бы перевести на французский как

(30a) 'Quel est le sens de 'concept' [en anglais]?'

и

(31a) 'Qu'est-ce que tu veux dire par le mot [anglais] 'concept'?'

(и похожим образом на итальянский и испанский) соответственно; на немецкий как

(30b) 'Was ist die Bedeutung von 'concept' [auf Englisch]?'

и

(31b) 'Was meinst du mit dem [englischen] Wort 'concept'?';

на русский как

(30c) 'Что значит [английское слово] 'concept'?'

и

(31c) 'Что вы подразумеваете под [английским] словом 'concept'?'

и так далее.

Давая эти переводы, я не переводил английское слово 'concept', поскольку французский, немецкий и русский языки используются здесь как метаязыки по отношению к английскому. Конечно, воз-

можны и другие переводы, особенно в случае (31a—c). На самом деле, как известно любому, кто имеет хоть какой-то переводческий опыт, существует целый ряд возможных переводов с одного языка на другой. Но для нас нет необходимости вдаваться в такие детали в данном контексте. Эти примеры показывают на основе перевода всего лишь на несколько языков, что в каждом случае во втором из переводимых примеров (31a—c) используется выражение, в котором проявляется, по крайней мере этимологически, смысл английского глагола 'to mean' — **значение говорящего** (utterer's meaning), как его иногда называют, — что связывает его либо с коммуникативной интенцией (французское 'vouloir dire' 'хотеть сказать', немецкое 'meinen'), либо с пониманием и интерпретацией (русс. 'подразумевать'). Некоторые исследователи считают значение, вкладываемое говорящим, в конечном счете, основой языкового значения.

Пока, однако, я хотел бы подчеркнуть, что мы не можем сделать вывод о существовании значения или значений из факта существования и значимости повседневного английского слова 'meaning' 'значение'. Более того, если существует такая вещь, как значение (что бы слово 'вещь' ни значило в этом контексте), ее онтологический и психологический статус, конечно, сомнительнее, чем статус формы. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Одной из задач позднего Витгенштейна было подчеркнуть разнообразие коммуникативных функций, выполняемых языком. Его лозунг «Не ищите значение, ищите употребление» (который не обязательно приводит к теории значения, понимаемого как употребление, хотя он обычно так и интерпретируется) должен пониматься в связи с этой задачей. Подобно так называемым философам обыденного языка из Оксфорда, таким, как Дж. Л. Остин (чью теорию речевых актов мы рассмотрим в четвертой части), он указывал, что вопрос *Что такое значение?* часто получает такие ответы, которые либо являются настолько общими, что становятся почти ничего не значащими, либо настолько узкими, что упускают многое из того, что обычные носители языка считают важным при ответе на более конкретные вопросы о значении того или иного выражения в своем языке.

В этой книге мы понимаем значение достаточно широко. Мы также предполагаем, что существует внутренняя связь между значением и коммуникацией. Как отмечалось ранее, это предположение не всеми принимается безоговорочно. Его подвергал сомнению, например, Хомский, однако на это предположение опираются философы, психологи и лингвисты в целом. Оно позволяет нам описать от-

ношения между формой и значением в естественных языках лучше, чем любые другие альтернативные предпосылки. И я хотел бы подчеркнуть, что, хотя я ссылался на различные философские теории значения и буду еще многое заимствовать из них, в данной книге я занимаюсь не философскими вопросами как таковыми, а теоретическими и практическими проблемами, которые возникают при описании естественных языков.

Пока мы говорили, предварительным образом, о значении слов, предложений и высказываний. Мы видели также, что существуют различимые смыслы английского слова 'meaning', которые могут хорошо соответствовать различным, но связанным видам значения. Но сколько же видов значения существует? Все ли они представляют интерес для лингвиста? И как они соотносятся с проведенным нами различием между лексическим значением и значением предложения (включая, как мы увидим, грамматическое значение), с одной стороны, и между значением предложения и значением высказывания, с другой?

В данной книге я не пытаюсь дать исчерпывающую классификацию различных видов значения, к которой должна была бы стремиться лингвистическая теория семантики (и прагматики). Однако может оказаться полезным уже сейчас провести в очень общих чертах еще одно различие, которое мы сможем детально разработать позже. Это различие между **дескриптивным** (или **пропозициональным**) и **недескриптивным (непропозициональным)** значением. (Альтернативными терминами, более или менее эквивалентными терминам 'дескриптивный' и 'пропозициональный', являются 'когнитивный' и 'референциальный'.) Что касается дескриптивного значения, то общепризнанным является то, что языки могут использоваться для того, чтобы делать дескриптивные утверждения, которые являются истинными или ложными в зависимости от того, являются ли выражаемые ими **пропозиции** истинными или ложными. Этому придается особое внимание в условно-истинностной теории семантики, которая в последние годы выдвинулась на передний план в семантических исследованиях. Недескриптивное значение является более разнородным и, по мнению многих философов и лингвистов, менее центральным. Оно включает то, что я буду называть **экспрессивным** компонентом. (Альтернативными, более или менее эквивалентными терминами являются 'аффективное значение', 'значение, выражающее отношение говорящего' ('attitudinal') и 'эмотивное значение'.) Часто считается, что экспрессивное значение — т. е. тот тип значения, с помощью которого говорящие выражают, а не опи-

сывают, свои мнения, отношения и чувства, — относится к области стилистики и прагматики. Однако в третьей части будет показано, что некоторые виды экспрессивного значения несомненно являются частью значения предложения. Из этого факта следует, что для любого, кто проводит различие между семантикой и прагматикой в смысле различия между предложением и высказыванием, экспрессивное значение относится, по крайней мере частично, к семантике. Из этого также следует, как вы увидим в свое время, что значение предложения не определяется полностью условиями истинности.

Естественные языки в очень разной степени грамматикализуют экспрессивное значение. В английском языке оно грамматикализовано в относительно малой степени. Например, в нем нет такой развитой системы грамматических наклонений (субъюнктив, оптатив, дубитатив и т. д.), какая имеется во многих других языках. Однако, как во всех естественных языках, в английском языке экспрессивное значение кодируется в большей части его словаря и в просодической структуре устных высказываний. Мы придерживаемся мнения (которое, как я отметил, разделяется немногими), согласно которому значение предложений (в отличие от значений высказываний) не зависит от просодического контура, который накладывается на них при их произнесении, иными словами, одно и то же предложение может иметь различные, значительно отличающиеся просодические контуры. Можно также утверждать, что восклицательные и контекстуализирующие частицы, имеющиеся во многих языках, являются компонентами не предложения, а высказываний, являющихся результатом употребления предложения. Но экспрессивное значение, как мы это увидим, может быть также лексикализовано вместе с дескриптивным значением во многих обычных существительных, глаголах и прилагательных.

Рассмотрение остальных видов непропозиционального значения можно пока отложить. Однако стоит подчеркнуть, что экспрессивные функции языка не могут быть четко дифференцированы от его социальных и инструментальных функций. Люди являются социальными существами с социально предписанными и социально санкционированными ролями. Не всегда бывает так, что они осознанно демонстрируют тот или иной из своих образов или намеренно выражают определенные чувства и отношения, чтобы манипулировать слушателем для достижения определенной цели. Тем не менее, невозможно выражать свои чувства и отношения на естественном языке, как бы индивидуальны и спонтанны эти отношения и чувства ни были, иначе чем в терминах тех разграничений, которые закодиро-

ваны в конкретные языковые системы. Как мы показываем в этой книге, особенно в четвертой части, экспрессивное значение обязательно сливается с тем, что многие авторы называют **межличностным, инструментальным, социальным и конативным** значением. Другими словами, что касается структуры и функции естественных языков, экспрессивное обязательно является **социоэкспрессивным**, а личностное необходимо является **межличностным**. Без учета этого невозможно было бы дать полноценное семантическое описание даже таких распространенных, хотя и не универсальных, грамматических категорий, как время, Чистоимения и наклонение.

Глава 2

Слова как значимые единицы

2.0. Введение

Как мы могли видеть в предшествующей главе, общепризнанно, что слова, фразы¹ и предложения естественного языка имеют значение, что предложения состоят из слов (и фраз), и что значение предложения является результатом объединения в нем слов (и фраз).

Но что такое слово? И все ли языки, к тому же, имеют слова? Дать ответ на эти вопросы не так легко, как может показаться на первый взгляд. Одна из причин этого в том, что значение термина 'слово' неоднозначно, как в повседневном употреблении, так и в специальном его применении в лингвистике. Слова могут рассматриваться как чистые **формы**, устные или письменные, или же, напротив, как сложные **выражения**, объединяющие форму и значение. Что еще более усложняет дело, в лингвистике термин 'форма' употребляется в нескольких разных, хотя и связанных друг с другом смыслах. Одна из задач данной главы — разобраться с этими разными смыслами терминов 'слово' и 'форма' и выработать условные обозначения и терминологию в целях предотвращения путаницы и неоднозначности.

Еще одна причина того, что не так просто сказать, как это может показаться не-лингвистам, является ли нечто словом или нет — или сказать, все ли языки имеют слова, — заключается в том, что при определении слова, и как формы, и как сложного выражения, применяются несколько различных критериев, и эти критерии могут противоречить друг другу. Более того, некоторые из критериев, используемых лингвистами, взятые в отдельности, таковы, что они не дают четкого различия между словами и не словами.

¹Фразы (phrases) — сочетания слов. — *Примеч. перев.*

В данной книге мы рассматриваем слова прежде всего как выражения, то есть как сложные единицы, имеющие форму и значение (точнее, как единицы, которые обычно имеют набор форм и набор значений). Во всех случаях, когда термин 'слово' используется нами без специальных уточнений, он должен пониматься в этом смысле. Фактически, как будет показано в данной главе, термин 'слово' будет употребляться на протяжении всей книги и особенно в части 2 для обозначения того, что неспециалисты иногда называют словарными словами, то есть так, как он употребляется в повседневном метаязыке, когда, например, говорится, что полный словарь данного языка содержит, в идеале, все слова данного языка. В этом смысле все языки имеют слова.

Специальный термин, который мы будем использовать для обозначения того, что я только что назвал словарными словами, это — 'лексема'. Существительное 'лексема', конечно же, родственно словам 'лексический' и 'лексикон'. (Мы можем считать, что слово 'лексикон' имеет то же значение, что и слова 'вокабуляр' или 'словарь'.) Лексема является лексической единицей — единицей лексикона. Лексическая структура языка — это структура его лексикона, или словаря, а термин 'лексическое значение', который использован в названии данной части книги, эквивалентен общепотребительному, менее специальному (но неоднозначному) термину 'значение слова'. Основания для расширения нашего метаязыка посредством введения более специальных терминов 'лексема' и 'лексическое значение' (в соответствии с принципами, изложенными в разделе 1.2) будут объяснены в данной главе ниже. Как мы увидим, не все слова являются лексемами, и наоборот, не все лексеммы являются словами. Мы также увидим, что такое понимание отнюдь не является чем-то новым или парадоксальным, а лишь соответствует тому, что любой человек, обращающийся к обычному словарю, просто принимает как само собой разумеющееся, не думая о последствиях этого для семантической (или грамматической) теории.

Когда мы рассматриваем слова (и фразы) как значимые единицы, мы должны учитывать то, что, с одной стороны, одна форма может быть связана с несколькими значениями, а с другой стороны, одно значение может выражаться несколькими формами слова. Этот факт давно признан традиционной грамматикой и лексикографией, и он будет обсуждаться здесь с довольно традиционной точки зрения в терминах **омонимии**, **полисемии** и **синонимии**.

И наконец, в данной главе мы будем рассматривать отличие лексического значения от грамматического, которое вытекает из

традиционного различия между словарным составом языка и его грамматикой. То, как данное различие проявляется и формализуется, варьируется в зависимости от теоретической системы, в рамках которой оно разрабатывается. Существуют большие отличия, например, между формулировками отличительных признаков, действующих в рамках грамматики, опирающейся на морфемы, и формулировками, оперирующими понятиями более традиционной грамматики, опирающейся на слово (которой пользуемся мы). Но на том сравнительно элементарном уровне, на котором мы обсуждаем данный вопрос в этой книге, различие этих двух моделей или теорий грамматической структуры не имеет серьезного значения, и студентам, имеющим достаточно хорошие знания грамматической теории, традиционной и современной, было бы полезно убедиться в этом и переформулировать то, что я сказал о форме и значении, применительно к морфемам (и сочетаниям морфем), а не к словам.

Что же касается того, какое влияние оказывает принятие модели лингвистического анализа, проводящей границу между лексикой (или лексиконом) и грамматикой не так, как она проводится в традиционной грамматике и лексикографии, а иным образом, это в контексте данной книги оказывается сравнительно несущественным. Те, кто знакомы с новейшими работами в области грамматической теории, смогут легко внести соответствующие поправки. Действительно важным моментом является то, что, как бы мы ни проводили различие между грамматикой и лексикой, в общей теории языка и при описании конкретных языков они должны рассматриваться как взаимодополняющие и взаимозависимые компоненты языка. В том, что это так, мы убедимся, когда мы перейдем к третьей части книги.

2.1. Формы и выражения

Одно из исходных положений, эксплицированных в первой главе, состоит в том, что значение предложения зависит, частично, от значения слов, из которых оно состоит (1.6). Теперь это положение может быть рассмотрено более подробно. Мы уже отмечали, что слово 'слово' является неоднозначным: слова могут рассматриваться либо как формы, либо как выражения (1.5). Начнем с вопроса о том, для какого смысла 'слова' верно представление, что предложения состоят из слов.

Фактически существуют два разных разграничения, которые необходимо учитывать при рассмотрении этого вопроса. Важно их

не смешивать. Первое представляет собой разграничение, которое американский философ Ч. С. Пирс (1839—1914) назвал различием между словами как **экземплярами (случаями употребления, tokens)** и словами как **типами**. Оно легко объяснимо с помощью простого примера. Рассмотрим следующее предложение:

(1) 'He who laughs last laughs longest' 'Хорошо смеется тот, кто смеется последним', *букв.* 'Тот, кто смеется последним, смеется дольше'.

С одной точки зрения, можно сказать, что в этом предложении шесть слов: оно состоит из шести слов. Однако с другой точки зрения, оно содержит только пять слов, так как два слова — второе и пятое (*laughs*) — идентичны: они являются разными случаями употребления (или **примерами** употребления (*instances*)) одного типа слова. В таком изложении различие между экземпляром и типом кажется достаточно простым. Вообще, в повседневном употреблении языка всегда достаточно ясно, когда термин 'слово' употребляется в том или другом из разграничиваемых Пирсом смыслов.

Есть, однако, и второе различие, которое необходимо принимать во внимание, имеющее более непосредственное отношение к нашей теме. Это различие также можно объяснить с помощью простого примера. Сколько слов в следующем предложении:

(2) 'If he is right and I am wrong, we are both in trouble' 'Если он прав, а я нет, у нас обоих будет неприятности'?

И вновь возможны два правильных ответа на этот вопрос. Однако это не имеет никакого отношения к противопоставлению экземпляров и типов слов (хотя в работах по семантике иногда с ним ошибочно связывается). Возможность двойного ответа в данном случае связана с различием между словами как **формами** и словами как **выражениями**. В приводимом примере тринадцать форм, и каждая из них является воплощением (примером, или экземпляром) особого слова-типа. Однако три из этих слов — *is*, *am* и *are* — традиционно считаются разными формами одного слова. Поэтому в одном смысле слова 'слово' предложение (2) состоит из тринадцати слов; в другом, столь же привычном и правильном, смысле этого термина данное предложение состоит только из 11 слов. Выразим это различие значений термина 'слово', сказав, что предложение состоит из тринадцати **слов-форм** (словоформ) и одиннадцати **слов-выражений**. Именно слова-выражения, а не словоформы, приводятся и определяются в традиционных словарях. А приводятся они, как говорилось в первой главе, в алфавитном порядке по их **исходной**

форме, которая обычно называется **заглавным словом** словарной статьи (1.5).

Для того, чтобы определить значение словоформ, из которых состоит предложение, мы должны идентифицировать их не просто как случаи употребления (экземпляры) определенных типов, а как формы определенных выражений. А случаи употребления одного и того же типа слова необязательно являются формами одного и того же выражения. Например, в предложении

- (3) 'They have found it impossible to found hospitals or charitable institutions of any kind without breaking the law' 'Они обнаружили, что невозможно основывать больницы или благотворительные организации, не нарушая закон'

третий и седьмой случаи употребления *{found}* являются случаями употребления одного типа, но не формами одного выражения.

Именно различие между формами и выражениями, а не различие между формами как экземплярами и формами как типами, я имел в виду, когда я говорил о неоднозначности слова 'слово'. Как я уже отмечал, когда этот термин будет употребляться мной в данной книге без дальнейших уточнений, 'слово' будет означать 'слово-выражение', а не 'слово-форму'.

Однако не все выражения, приводимые в словаре, являются словами. Некоторые из них представляют из себя то, что традиционно называется **фразами**; а фразовые выражения, как и слова-выражения, мы должны принципиально отличать от формы или форм, с которыми они соотносятся по словоизменительным правилам языка. Например, 'pass muster' 'выдержать испытание' — фразовое выражение, формами которого являются *pass muster, passes muster, passed muster* и т. д. В то же время в высказываниях языка выступают экземпляры (tokens) этих форм.

Выражения конкретного языка делятся на две группы. Одна группа, состоящая из конечного числа членов, включает **лексически простые** выражения — **лексемы**. Это выражения, которые обычно включаются в словарь: они являются лексическими единицами языка, из которых с помощью грамматических (т. е. синтаксических и морфологических) правил языка строятся члены второй группы, **лексически сложные** выражения. С этой точки зрения 'pass muster' является лексемой, в то время как 'pass the examination' 'сдать экзамен' является лексически сложным выражением. Большинство слов-выражений во всех языках, имеющих слова, являются лексически простыми. Однако во многих языках имеются продуктивные (**derivационные**) правила того, что традиционно называется **словообра-**

зованием, которые позволяют создавать новые слова-выражения из уже существующих лексически более простых выражений. Например, 'politeness' 'вежливость' построено из лексически более простого выражения 'polite' 'вежливый' с помощью продуктивного правила английского словообразования. Хотя во многие традиционные словари слово 'politeness' включается в качестве словарной единицы (т. е. предусматривается отдельная словарная статья со своим заглавным словом и дефиницией), это делать необязательно, так как его значение и грамматические свойства (а также произношение) полностью предсказуемы правилами.

Большинство фразовых выражений, в отличие от слов-выражений, являются лексически сложными. Действительно, во всех естественных языках, как представляется, имеются правила построения бесконечного числа лексически сложных фразовых выражений. И, как мы увидим позже, важным принципом современной формальной семантики является то, что значение всех таких лексически сложных выражений систематически определяется на основе значения составляющих их более простых выражений. Лексически простые фразовые выражения (т. е. фразовые лексемы) включают не только такие примеры, как 'pass muster' (которое не имеет соответствующего лексически сложного омонима, образованного с помощью продуктивных правил языка), но и идиоматические фразовые лексемы, такие как 'red herring' 'отвлекающий маневр', которая по своей форме идентична с лексически сложной фразой 'red herring' 'копченая селедка' со значением "селедка, которая является красной". Значение лексически простой, идиоматической фразы (назовем ее 'red herring₁') подобно значению 'pass muster' и, в отличие от сложных, не-идиоматических фраз 'red herring₂' и 'pass the examination', не может быть определено по регулярным правилам по значению входящих в нее лексем.

Отмеченное нами различие между лексически простыми выражениями (лексемами) и лексически сложными выражениями на практике провести сложнее, чем это может представляться из моего объяснения. Где именно пройдет граница, будет зависеть от модели или теории грамматики, которой оперирует лингвист. Но где бы ни была проведена разделительная черта между грамматикой конкретного языка и его словарем (или лексиконом), всегда будут возникать пограничные случаи с выражениями, которые могут на равных основаниях быть классифицированы как лексически простые и как лексически сложные единицы. Тем не менее различие тем или иным образом всегда проводится и должно проводиться при грамматическом и семантическом анализе естественных языков.

В этой и двух следующих главах в центре нашего внимания будут находиться лексемы и лексическое значение. Однако формы, поскольку они являются формами конкретных лексем, также представляют интерес для исследователя семантики. Разные формы одной лексемы обычно, но необязательно, различаются своим значением: они обладают общим **лексическим значением**, но отличаются в отношении **грамматического значения**. Например, формы 'girl*' 'девочка' и 'girls' 'девочки' имеют одно лексическое значение (или значения), но различаются своим грамматическим значением: первая является формой единственного числа (существительного особого подкласса), а вторая формой множественного числа (существительного особого подкласса), а различие между формами единственного числа и формами множественного числа, или — если взять другой пример — различие между глагольными формами прошедшего, настоящего и будущего времени, является семантически релевантным: оно влияет на значение предложения. Значение предложения, как мы помним, определяется частично значением слов (т. е. лексем), из которых оно состоит, и частично его грамматическим значением. Как мы увидим в третьей части, соотношение лексического и грамматического значений варьируется от языка к языку: то, что кодируется лексически (**лексикализуется**) в одном языке, может кодироваться грамматически (**грамматикализоваться**) в другом. Грамматикализация значения, как мы также увидим позже, не является только или главным образом вопросом словоизменения (даже в тех языках, в которых, в отличие от английского, имеется развитая система флексий). Намного важнее **синтаксические** различия между грамматическими конструкциями.

В этом месте, однако, можно отметить, что при рассмотрении словоформ в качестве не просто форм, но форм, наделенных грамматическим значением, обнаруживается еще один смысл слов 'форма' и 'слово'. Рассмотрим, например, следующие предложения:

- (4) 'That sheep over there belongs to the farmer next door' 'Вон та овца принадлежит соседнему фермеру'
 (5) 'Those sheep over there belong to the farmer next door' 'Вон те овцы принадлежат соседнему фермеру'.

Является ли вторая словоформа предложения (4) той же самой, что вторая словоформа предложения (5)? Различия, проведенного нами между формами и выражениями, самого по себе недостаточно для ответа на этот вопрос в таких случаях. Примем как данное, что эти две словоформы идентичны по своей фонологической форме (в

устной речи) и по своей орфографической форме (в письменной речи), то есть что они **формально идентичны**. Однако они не являются **грамматически идентичными**. Скажем ли мы, что вторая словоформа в предложении (4) является той же, что и вторая словоформа в предложении (5), зависит поэтому от того, интересуется ли нас при постановке этого вопроса только формальная — фонологическая или орфографическая — идентичность или же как формальная, так и грамматическая идентичность. Вторые словоформы в предложениях (4) и (5) являются формально идентичными, но грамматически различными формами одной лексемы. Точнее, они являются словоизменительно, или **морфосинтаксически**, различными формами одной лексемы. Различия в подходах грамматистов к этому явлению связаны с тем, какую модель грамматики они принимают.

То, что говорилось в данном разделе книги о проводимом Пирсом различии между экземпляром (случаем употребления) и типом, о различных специальных и неспециальных смыслах слова 'слово' в лингвистике, о разграничении форм и выражений и о лексическом и грамматическом значениях, на данный момент представляется достаточным. На первый взгляд может показаться, что в данном разделе я был излишне педантичен в регламентации и терминологизации обыденного метаязыка. Это не так. Какие бы термины мы ни использовали для проведения выявляемых нами различий, сами эти различия необходимо провести, если мы хотим избежать путаницы и неоднозначности, с которыми почти неизбежно связывается то, что в предисловии я назвал псевдопростотой так называемого простого английского языка.

Все те моменты и положения, на которых я останавливался выше, могли бы быть развиты в гораздо большей степени, и нужно было бы дать более развернутое описание того, что обычно, но неточно, называется значением слова. Их также нужно было бы сформулировать несколько иначе в отношении конкретных фонологических, синтаксических и морфологических теорий. Я намеренно придерживался довольно традиционной точки зрения на грамматическую структуру языков. Я делал это по двум причинам. Первая заключается в том, что эта точка зрения отражена в наиболее широко используемых и наиболее авторитетных словарях и грамматиках английского и других языков, а также преподается или принимается как нечто само собой разумеющееся в большинстве школ. Поэтому можно считать, что она лучше всего знакома большинству читателей этой книги (даже если они не владеют специальной терминологией). Вторая причина заключается в том, что, хотя эта точка зрения нуж-

дается во внесении различных усовершенствований и уточнений в свете развития современной грамматической теории, так называемая традиционная грамматика (с необходимыми усовершенствованиями и уточнениями) может лучше, чем любая другая существующая в настоящее время теория, служить стандартной системой, на которую и с которой могут переводиться соперничающие с ней системы. Студентам, уже получившим некоторые знания по современной грамматической теории, будет полезно поупражняться в переводе с одного метаязыка на другой при чтении этой и последующих глав.

2.2. Омонимия и полисемия; лексическая и грамматическая неоднозначность

Явление, традиционно называемое омонимией, было проиллюстрировано в первой главе с помощью не менее традиционных примеров 'bank₁' и 'bank₂', первое из которых означает "финансовое учреждение", а второе "берег реки". Приведенные примеры омонимии достаточно хороши. Но традиционное определение омонимии, по меньшей мере, неточно.

Омонимы традиционно определяются как разные слова с одинаковой формой. Мы можем сразу же улучшить это определение с учетом того, о чем шла речь в предшествующем разделе, заменив термин 'слово' на термин 'лексема'. Но это определение является еще не полным, так как в нем не учитывается тот факт, что во многих языках большинство лексем имеет не одну, а несколько форм. В нем также ничего не говорится о грамматической эквивалентности.

Начнем, поэтому, с введения понятия абсолютной омонимии. Абсолютные омонимы должны отвечать следующим трем условиям (в дополнение к необходимому минимальному условию всех видов омонимии — идентичности по меньшей мере одной из форм):

- (i) они должны быть не связаны по своему значению;
- (ii) все их формы должны быть идентичны;
- (iii) идентичные формы должны быть грамматически эквивалентны.

Абсолютная омонимия достаточно распространена: ср. 'bank₁' и 'bank₂'; 'sole₁' ("нижняя часть ступни или туфли") и 'sole₂' ("вид рыбы"); и т. д.

Но существует также много различных видов омонимии, которые я буду называть **частичной омонимией**. Это такие случаи, в которых (а) имеется идентичность (минимально) одной формы, и (б) выполняются одно или два, но не все три из вышеназванных условий. Например, у глаголов 'find' 'найти, обнаружить' и 'found' 'закладывать фундамент, основывать' есть общая форма *found*, но есть и соответственно разные формы *finds*, *finding* или *found*, *founding* и т. д., а *found* как форма глагола 'find' не является грамматически эквивалентной форме *found* глагола 'found'. В этом случае, как это обычно бывает в английском языке, несоответствие условию (ii) коррелирует с несоответствием условию (iii). Однако важно понимать, что два последних условия абсолютной омонимии, указанные выше и принимаемые обычно без обсуждения как нечто само собой разумеющееся в традиционных описаниях данной проблемы, логически независимы.

Особенно важно отметить условие грамматической эквивалентности и тот факт, что она является вопросом степени. Хотя *found* как форма глагола 'find' не является грамматически эквивалентной форме *found* глагола 'found', обе эти формы являются формами переходного глагола. Соответственно, есть контексты, в которых *found* может пониматься отношении либо как грамматическая форма глагола 'found', либо как грамматическая форма глагола 'find'. Например (ср. пример (3) в разделе 2.1),

(6) *They found hospitals and charitable institutions* 'Они основывают / обнаружили больницы и благотворительные учреждения'

может интерпретироваться как предложение с глаголом 'found' в настоящем времени или же как высказывание с формой прошедшего времени глагола 'find'. Тот факт, что 'found' и 'find' являются переходными глаголами — и в этом отношении (хотя и не полностью) грамматически эквивалентны, — означает, что они принимают прямое дополнение, выраженное, например, существительными 'hospitals and charitable institutions'. А так как 'hospitals and charitable institutions' не только грамматически, но и семантически приемлемо в качестве прямого дополнения обоих глаголов, предложение (6) двусмысленно.

Двусмысленность предложения (6) является частично лексической и частично грамматической. Оно лексически двусмысленно постольку, поскольку его двусмысленность зависит от разницы в лексическом значении двух частично омонимичных лексем 'found' и 'find'. Оно грамматически двусмысленно постольку, поскольку его двусмысленность зависит от (семантически релевантной) неэквива-

лентности *found*, интерпретируемой как форма лексемы 'found', и *found*, интерпретируемой как форма лексемы 'find'.

Причина, по которой для исследователя семантики важно принимать во внимание семантическую эквивалентность, заключается в том, что в общем случае именно от нее зависит, возникнет ли в результате омонимии двусмысленность. Если с помощью подстановки формы *have* перед формой *found* мы образуем предложение

- (7) *They have found hospitals and charitable institutions* 'Они обнаружили больницы и благотворительные учреждения',

двусмысленность исчезает. В результате подстановки формы *have* перед формой *found* изменяется морфосинтаксическая принадлежность последней: исходя из грамматической приемлемости предложения (7), форма *found* теперь должна интерпретироваться как причастие прошедшего времени. Причастие прошедшего времени лексемы 'find' оказывается формально идентичным с формой прошедшего времени этой лексемы (фонологически и орфографически). Форма причастия прошедшего времени лексемы 'found', с другой стороны, формально идентична ее форме прошедшего времени *founded*. (В этом отношении глагол 'found' похож на большинство других английских глаголов; в отличие от него, 'find' принадлежит к подклассу глаголов, называемых традиционно неправильными, или сильными.)

Двусмысленность, наблюдающаяся в предложении (6), исчезает также при замене местоимения *they* на *he* или *she*:

- (8) *He/she found hospitals and charitable institutions* 'Он нашел / она нашла больницы и благотворительные заведения'.

Причина этого в том, что в английском языке формы единственного и множественного числа всех простых глагольных форм прошедшего времени (кроме глагола 'be') формально идентичны, в то же время форма третьего лица единственного числа простого настоящего времени изъявительного наклонения отличается от формы множественного числа (у всех глаголов, кроме модальных, таких, как 'may' или 'can'), *cp. finds .find u finds -.found*. Из этого следует, что в предложении (8) форма *found* должна интерпретироваться как форма лексемы 'find' и поэтому как форма прошедшего времени. Предложению (6) противопоставлены также, с одной стороны, предложение

- (9) *He/she founds hospitals and other charitable institutions* 'Он/она основывает больницы и благотворительные учреждения'

и, с другой стороны, предложение

- (10) *He/she founded hospitals and other charitable institutions* 'Он основал/она основала больницы и благотворительные учреждения'.

Двусмысленность, возникающая в результате абсолютной омонимии, не может быть устранена с помощью таких манипуляций с грамматическим окружением. Но вполне возможно, чтобы частичная омонимия двух лексем редко или даже никогда не приводила к двусмысленности: двусмысленность как бы предотвращается, если запрещается использование одинаковых форм в одинаковом грамматическом окружении. Например, частичная омонимия прилагательного 'last₁' 'прошлый' (как в 'last week' 'на прошлой неделе') и глагола 'last₂' 'продолжаться, длиться' (как в 'Bricks last a long time' 'Кирпич служит долго') редко приводит к двусмысленности. Их единственная общая форма, *last*, почти всегда легко узнаваема как форма первой или второй лексемы по тому грамматическому окружению, в котором она встречается.

Мы вернемся к вопросу о неоднозначности в одной из последующих глав. Мы увидим, что тот тип грамматической неоднозначности (в комбинации с лексической неоднозначностью), который был описан здесь в связи с традиционным понятием омонимии, является лишь одним из видов грамматической неоднозначности. Он упоминается в данной главе лишь потому, что во многих общих описаниях омонимии, традиционных и современных, не обращается внимания на сложность и многообразие грамматических условий, которые должны выполняться в тех случаях, когда частичная омонимия приводит к неоднозначности.

Во многих описаниях омонимии также ничего не говорится о том, что частичная омонимия не обязательно подразумевает идентичность заглавных слов словарных статей и исходных форм соответствующих лексем. Например, существительное 'rung' 'перекладина лестницы' и глагол 'ring' 'звонить' являются частичными омонимами:

(11) *Arung of the ladder was broken* 'Перекладина лестницы сломана';

(12) *The hell was rung at midnight* 'В колокол позвонили в полночь'.

Причина, по которой этот вид частичной омонимии часто не учитывается в традиционных и современных описаниях, заключается в том, что первые имеют тенденцию концентрировать внимание на заглавных словах словарных статей, в то время как последние часто ограничиваются рассмотрением омонимии исходных форм. Случилось так, что в английском языке заглавное слово совпадает с исходной формой у всех морфологически правильных лексем. Но не во всех языках это так, поскольку речь идет о традиционных заглавных словах лексем обычного языка. Для исследователя семантики,

как мы видели, вопрос заключается в том, ведет ли омонимия к неоднозначности и в какой степени. С этой точки зрения ни заглавное слово, ни исходная форма не являются чем-то особенным.

Теперь обратимся к **полисемии**. В то время как омонимия (полная или частичная) — это отношение, которое имеет место между двумя или более разными лексемами, полисемия ("множественное значение") является свойством единичных лексем. Так обычно формулируется различие между омонимией и полисемией. При этом, однако, всеми признается, что это различие не всегда является четким в конкретных случаях. На примере английского языка было продемонстрировано, что в большинстве случаев между носителями языка наблюдается значительная степень согласия по поводу того, относится ли то или иное явление к омонимии или полисемии. Но существует также очень много случаев, относительно которых носители языка колеблются или расходятся во мнениях. В чем же заключается различие омонимии и полисемии с теоретической точки зрения?

Два критерия, которые обычно привлекаются в этой связи, уже упоминались в первой главе: это этимология (происхождение слов) и взаимосвязь значений. В общем случае, этимологический критерий поддерживает интуитивные суждения носителей языка, не обладающих специальными знаниями, о конкретных лексемах. Например, большинство носителей английского языка, вероятно, отнесли бы 'bat₁' 'летучая мышь' ("покрытое шерстью млекопитающее с перепончатыми крыльями") и 'bat₂' 'бита' ("снаряд, используемый для удара по мячу в некоторых играх") к разным лексемам, и эти два слова действительно имеют разное историческое происхождение: 'bat₁' образовано от регионального варианта среднеанглийского 'bakke', а 'bat₂' от древнеанглийского 'butt' — "дубинка".

Однако сказать, что этимология в целом подтверждает интуитивные суждения носителей языка, не значит сказать, что это всегда так. Иногда лексемы, которые средний носитель языка считает семантически не связанными, имеют общее происхождение. Омонимы 'sole₁' ("нижняя часть ступни или туфли") и 'sole₂' ("вид рыбы"), о которых я говорил выше, относятся к наиболее часто упоминаемым примерам; но в учебниках приводятся и другие не менее поразительные случаи. Реже наблюдается противоположная ситуация, когда исторически не связанные значения воспринимаются носителями языка как имеющие тот же тип связи, который существует между разными значениями единой многозначной лексемы. Имеется ряд примеров, когда то, что с исторической точки зрения явно относится

к омонимии, последующими поколениями носителей языка воспринимается как полисемия. Такие случаи относятся к сфере того, что в лингвистике называется **народной этимологией**. Сегодня, например, некоторые носители языка полагают, что 'shock₁' в сочетании 'shock of corn' 'скирда хлеба' и 'shock₂' в сочетании 'shock of hair' 'копна волос' являются одним словом. Но исторически они имеют разное происхождение.

Таким образом, существуют исключения обоих видов. Тем не менее, обобщение, которое я только что сделал, несомненно верно: в большинстве случаев этимология подтверждает интуитивные суждения среднего носителя языка по поводу омонимии и полисемии. И мы вскоре увидим, что есть веские причины для того, чтобы это было именно так. Одним из главных факторов, вызывающих семантические изменения, является метафорический перенос, когда, например, слово 'foot' со значением "конечная часть ноги" также получает значение "нижняя часть горы или холма". И именно метафорический перенос как синхронный процесс является главным способом связи значений многозначных лексем. Существуют, конечно, и другие виды связи значений. Однако способность к созданию метафор (в самом широком смысле слова 'метафора') является частью языковой компетенции каждого человека. В конечном счете, невозможно провести четкое различие между спонтанным расширением или переносом значения отдельными говорящими в конкретных случаях и употреблением ими уже существующих, закрепленных расширенных и переносных значений лексемы, которые можно найти в словаре. Этот факт имеет важные последствия для лингвистической теории, которые выходят далеко за пределы традиционной и, возможно, неразрешимой проблемы разграничения полисемии и омонимии.

2.3. Синонимия

Выражения, имеющие одно и то же значение, **синонимичны**. В этом определении следует отметить два момента. Во-первых, оно не ограничивается отнесением синонимии только к лексемам и допускает возможность того, что лексически простые выражения могут иметь то же значение, что и лексически сложные выражения. Во-вторых, оно делает критерием синонимии тождество значений, а не простое их сходство.

В этом, последнем, отношении оно отличается от определения синонимии, которое приводится во многих стандартных словарях и

которым обычно оперируют сами лексикографы. Многие из выражений, причисляемых к синонимам в обычных и специальных словарях (включая Тезаурус Роже (Roget 1852) и другие словари синонимов и антонимов), являются тем, что можно назвать «**почти-синонимами**»: выражениями, которые имеют более или менее сходное, но не тождественное значение. Почти-синонимия, как мы увидим, не должна смешиваться с различными видами того, что я буду называть **частичной синонимией**, которые соответствуют критерию тождества значения, но по различным причинам не отвечают условиям того, что обычно называется абсолютной синонимией. Типичными примерами почти-синонимии в английском языке являются слова 'mist' 'легкий туман' и 'fog' 'густой туман', 'stream' 'поток, река, ручей' и 'brook' 'ручей', 'dive' 'прыгать в воду, нырять' и 'plunge' 'бросаться вниз, нырять'.

Введем теперь понятие **абсолютной синонимии**, отличающееся не только от почти-синонимии, но и от более широкого понятия синонимии, которому мы только что дали определение, и охватывающее абсолютную и частичную (т. е. неабсолютную) синонимию. В настоящее время почти триумфом стало представление о том, что абсолютная синонимия является исключительно редким явлением — по крайней мере, как отношение между лексемами — в естественных языках. (Разумеется, она более распространена в случае отношений между лексически сложными выражениями.) Два (или более) выражения являются абсолютно синонимичными, если и только если они отвечают следующим трем условиям:

- (i) все их значения тождественны;
- (ii) они синонимичны во всех контекстах;
- (iii) они семантически эквивалентны (т. е. их значение или значения тождественны) во всех параметрах значения, дескриптивных и недескриптивных.

Хотя те или иные из этих условий обычно упоминаются в литературе при рассмотрении абсолютной синонимии, редко отмечается, что они являются логически независимыми друг от друга, а неабсолютная, или частичная, синонимия не всегда четко отличается от почти-синонимии.

В связи с этим я настоятельно хотел бы указать на то, что необходимо (а) не смешивать почти-синонимию с частичной синонимией и (б) не делать вывод о том, что несоответствие одному из условий абсолютной синонимии обязательно влечет за собой несоответствие

одному или обоим из оставшихся условий. Рассмотрим каждое из условий абсолютной синонимии отдельно.

В стандартных англоязычных словарях прилагательные 'big' 'большой' и 'large' 'большой' трактуются как многозначные (хотя в разных словарях им приписывается разное количество значений). В одном из их значений, представленном в

(13) 'They live in a big/large house' 'Они живут в большом доме'.

эти два слова обычно считаются синонимичными. Однако легко показать, что 'big' и 'large' не являются синонимами во всех своих значениях (не выполняется условие (i)) и что поэтому они являются частичными, а не абсолютными синонимами. Следующее предложение:

(14) 'I will tell my big sister' 'Я скажу [это] своей большой / старшей сестре' —

является лексически двусмысленным из-за многозначности слова 'big', в то время как

(15) 'I will tell my large sister' 'Я скажу [это] своей большой (= крупной) сестре'

многозначным не является. Все три предложения являются грамматически правильными и интерпретируемыми. Они показывают, что 'big' имеет по крайней мере одно значение, которого не имеет 'large'. Имеется множество примеров многозначных лексем, синонимичных с другими в одном или более, но не во всех своих значениях.

Теперь обратимся к условию (ii). Здесь речь идет о **сочетаемости** выражения — о множестве контекстов, в которых оно может встречаться. Может показаться, что сочетаемость выражения полностью определяется его значением, так что синонимы должны обязательно иметь одинаковую сочетаемость. Но дело обстоит иначе. Обратимся вновь к примеру 'big' и 'large'. Во многих контекстах 'large' не может заменить 'big' (в том значении, которое является общим для 'big' и 'large'), не нарушая ограничения на сочетаемость одного или другого из этих слов. Например, 'large' не может заменить 'big' в предложении

(16) 'You are making a big mistake' 'Вы делаете большую ошибку'.

Предложение

(17) 'You are making a large mistake',

по-видимому, является не только грамматически правильным, но и осмысленным. Однако оно является неприемлемым, или неидиоматичным, с точки зрения сочетаемости. Тем не менее, как представляется, 'big' имеет в предложении (16) то же значение, что и в таких

сочетаниях, как 'a big house', в котором 'big' может быть, как мы уже видели, заменено на 'large'.

Велико искушение считать, что в таких случаях существует некое тонкое различие в лексическом значении, которым объясняются сочетаемостные различия, и что, таким образом, здесь имеет место не синонимия, а почти-синонимия. Несомненно, что часто сочетаемостные различия можно удовлетворительно объяснить в терминах независимо устанавливаемых лексических различий. Но это не всегда так. Поэтому не следует заранее полагать, что сочетаемость лексемы можно предсказать исходя из ее значения. Действительно, существуют случаи, в которых можно утверждать, что сочетаемость лексемы является частью ее значения. Однако это, к сожалению, один из многих аспектов лексической семантики, которые мы не имеем возможности рассмотреть в данной книге.

Третьим указанным выше условием абсолютной синонимии является идентичность по всем параметрам значения. В качестве релевантного для этого условия параметра значения чаще всего рассматривается дескриптивное (или пропозициональное) значение (см. раздел 1.7). Фактически многие теории семантики стремятся к ограничению понятия синонимии тем, что я назову **дескриптивной синонимией** — тождеством дескриптивного значения. Вопрос о том, что именно имеется в виду, когда говорится о тождестве дескриптивного значения, будет рассмотрен в третьей части. Пока же достаточно сказать, что два выражения имеют одно дескриптивное значение (т. е. являются дескриптивно синонимичными), если и только если пропозиции, включающие одно из таких выражений, имплицитно истинность пропозиций, содержащих другое выражение и во всех других отношениях идентичных пропозициям, содержащим первое выражение, и наоборот. Согласно этому критерию (который будет переформулирован в третьей части в терминах эквивалентности условий истинности предложений) 'big' и 'large' являются дескриптивными синонимами (в одном из своих значений и в определенном круге контекстов). Например, нельзя, не впадая в противоречие, одновременно утверждать, что некто живет в большом (big) доме, и отрицать, что он живет в большом (large) доме.

Одним из классических примеров дескриптивной синонимии является отношение, которое принимается (или, скорее, принималось раньше) как существующее в английском языке между '**bachelor**' 'холостяк' (в одном из значений 'bachelor') и '**unmarried man**' 'неженатый мужчина'. (В наши дни некоторые стали бы отрицать, что эти два выражения являются дескриптивными синонима-

ми, на том основании, что разведенный мужчина, хотя и неженат, не является холостяком. Этот вопрос является дискуссионным, и, поскольку его можно использовать в более общих теоретических целях, я вернусь к нему в одной из последующих глав. Но принцип, который данный пример призван иллюстрировать, достаточно ясен.) В этом случае тестом на дескриптивную синонимию является проверка того, действительно ли любой, кто может быть истинно, или правильно, описан как холостяк, может быть истинно описан как неженатый мужчина, и наоборот. Очень может быть, что для одних носителей языка эти выражения являются синонимичными, а для других нет, а для третьей группы ситуация остается неясной. (Те, кто считают, что 'unmarried' означает не просто "который неженат", а "который никогда не был женат", и поэтому не может применяться к разведенным, — вместе с теми, если таковые есть вообще, кто считает, что как 'bachelor', так и 'unmarried' применимы к разведенным — вероятно, расценят слова 'bachelor' и 'unmarried' как дескриптивные синонимы.)

Когда речь заходит об **экспрессивном** (или социоэкспрессивном) **значении** — а это единственный вид недескриптивного значения, который здесь принимается нами во внимание — мы не имеем готового и достаточно объективного критерия, который позволил бы нам судить о тождестве и различии. Тем не менее, в отдельных случаях возможно определить, что два или более дескриптивных синонима различаются степенью или природой своего экспрессивного значения. Например, на интуитивном уровне очевидно, что целая группа слов, включающая 'huge' 'огромный, громадный', 'enormous' 'огромный, громадный', 'gigantic' 'гигантский' и 'colossal' 'колоссальный' выражают чувства говорящего по отношению к тому, что ими описывается, в большей степени, чем 'very big' 'очень большой' или 'very large' 'очень большой', с которыми они, возможно, являются дескриптивными синонимами. Сложнее сравнивать 'huge', 'enormous', 'gigantic' и 'colossal' между собой в терминах степени экспрессивности. Но носители языка могут иметь ясные интуитивные представления о соотношении этих слов, и вопрос, в принципе, может быть решен с помощью сравнительно объективных психологических тестов.

Что же касается выражений, отличающихся природой своего экспрессивного значения, самым очевидным является различие между выражением одобрения или неодобрения и нейтральностью по отношению к экспрессивности. Учебники лингвистической семантики полны примеров, таких, как 'statesman' 'государственный (по-

литический) деятель' в сравнении с 'politician' 'политик, политикан', 'thrifty' 'бережливый' в сравнении с 'mean' 'скупой', 'stingy' 'скупой' в сравнении с 'economical' 'экономный', 'stink' 'вонь' в сравнении со 'stench' 'вонь, зловоние' и в сравнении с 'fragrance' 'аромат' и в сравнении со 'smell' 'запах', 'crafty' 'ловкий, хитрый' в сравнении с 'cunning' 'хитрый, коварный' и в сравнении со 'skilful' 'искусный' и в сравнении с 'clever' 'искусный', и так далее. Во многих случаях тот факт, что выражение подразумевает одобрение или неодобрение, устанавливается гораздо легче, чем его дескриптивное значение (если оно вообще имеется). Это относится, например, к таким словам, как 'bitch' 'сука' или 'swine' 'свинья', употребляемых в смысле, который когда-то был, но, возможно, для большинства носителей английского языка более не является метафорическим. В настоящее время нет ясности относительно объективных условий, которые позволяли бы истинно отнести к людям эти слова. В таких случаях, конечно же, именно экспрессивный, а не дескриптивный компонент значения является доминирующим.

Большинство лексем в обыденном употреблении имеют как дескриптивное, так и экспрессивное значение. Фактически, как отмечалось некоторыми философами языка в отношении словаря моральных и эстетических оценок, иногда может быть даже теоретически невозможно отделить дескриптивное значение от экспрессивного. Как бы то ни было, знание экспрессивного (или социоэкспрессивного) значения лексемы является частью языковой компетенции настолько же, насколько и знание дескриптивного значения. Это нужно иметь в виду далее при чтении данной книги, несмотря на то, что мы будем заниматься почти исключительно дескриптивным значением при рассмотрении лексической структуры в третьей главе и в некоторых других главах.

Синонимия подробно рассмотрена и хорошо проиллюстрирована с разных точек зрения не только в работах, посвященных собственно лингвистической семантике, но также в учебниках по стилистике, риторике и литературной критике. Моей главной целью в кратком описании, представленном здесь, было подчеркнуть теоретическую важность различения различных видов частичной, или неабсолютной, синонимии друг от друга и от почти-синонимии. При этом я умолчал о тех трудностях и сложностях, с которыми пришлось бы иметь дело при более подробном обсуждении синонимии. Некоторые из них будут затронуты в четвертой главе при рассмотрении дескриптивной синонимии в связи с понятием следования.

2.4. Полнозначные и неполнозначные формы слов

Словоформы английского языка, как и словоформы многих других языков, могут быть разбиты на два класса. Один класс состоит из полнозначных форм (full forms), таких, как *man* 'человек', *came* 'пришел', *green* 'зеленый', *badly* 'плохо', другой из неполнозначных (пустых, empty) форм, таких, как *the*, *of*, *and* 'и', *to* 'к', *//* 'если'. Граница между двумя этими классами не всегда является четкой. Однако в примерах, приведенных мной выше, это различие интуитивно ощущается вполне ясно. Имеются различные критерии, с помощью которых грамматисты проводят это различие на неинтуитивных основаниях. По существу это же различие проводилось много веков назад в китайской грамматической традиции, аналогичные разграничения были сделаны в конце девятнадцатого века английским грамматиком Генри Суитом, а в период расцвета постблумфилдианского структурализма в 1950-х годах американским лингвистом Ч. Фризом (Fries 1952). Впоследствии оно отмечалось в учебниках по прикладной лингвистике и практических грамматиках английского и других языков в период, предшествующий расцвету генеративной грамматики Хомского в 1960-х годах. Оно соответствует делению на словоформы, относящиеся к **открытому классу**, и словоформы, относящиеся к **закрытому классу**, которое проводится (в этих или других терминах) многими современными школами грамматической теории.

Употребляемые мной термины, заимствованные из китайской традиции, подчеркивают интуитивно ощущаемое семантическое отличие типичных членов одного класса от типичных членов другого. Неполнозначные (пустые) словоформы могут быть не лишены значения полностью (хотя именно так обстоит дело с некоторыми из них в некоторых контекстах). Однако они обычно являются менее значимыми, в интуитивно ясном смысле слова 'значимый', чем полнозначные формы. Их появление легче предсказать в контекстах, в которых они встречаются. Отсюда частое отсутствие этих форм в заголовках, телеграммах и т. д. и, возможно, также в высказываниях очень маленьких детей на ранних стадиях усвоения языка. Полнозначными формами в английском языке являются основные части речи, такие, как существительные, глаголы и прилагательные; неполнозначные словоформы (в тех языках, где они имеются) относятся к различным классам — таким, как предлоги, определенные и неопределенные артикли, союзы и некоторые местоимения и наречия, — которые объединяются с основными частями речи в грамма-

тически правильные сочетания и предложения и которые (в отличие от основных частей речи) обычно определяются в основном в терминах их синтаксической функции, а не семантически.

Термину 'неполнозначная словоформа' более или менее эквивалентны такие встречающиеся в научной литературе термины, как 'формальное слово' (form word), 'служебное (функциональное) слово' (function word), 'грамматическое слово' (grammatical word), 'структурное слово' (structural word). Все эти термины отражают точку зрения, согласно которой неполнозначные словоформы отличаются грамматически и семантически от полнозначных словоформ. В рамках блумфилдианской или постблумфилдианской грамматики (включая грамматику Хомского), основанной на понятии морфемы, они обычно определяются на основе предложенного Блумфилдом определения слова как минимальной свободной формы. Мы в этой книге оперируем в рамках более традиционной грамматики, называемой грамматикой слова и парадигмы. Но все, о чем я пишу здесь и вообще в этой книге, может быть легко переформулировано в терминологии любой из различных школ грамматической теории, старых и новых, и для этого намеренно, насколько это возможно, представлено в теоретически нейтральном виде. Я использую термины 'неполнозначные словоформы' и 'полнозначные словоформы', поскольку они подчеркивают семантическое измерение существующего между этими классами различия.

С грамматической точки зрения, неполнозначные словоформы играют в нефлективных или слабифлективных языках во многом ту же роль, что и префиксы, суффиксы и т. п. играют во флективных языках. Например, такой предложной группе, как *to John* 'Джону', когда она употребляется в позиции косвенного дополнения после глагола 'give' в английском языке, может соответствовать, семантически и грамматически, во многих высокофлективных языках, таких, как латинский или русский (и многих других языках мира, относящихся к различным языковым семьям), форма, традиционно называемая дательным падежом (или аллативом) существительного, которая противопоставляется другим синтаксически и/или семантически отличающимся формам той же лексемы при помощи суффикса дательного падежа (или аллатива), отличного от суффиксов именительного, винительного, родительного и т. д. падежей, присоединяемого к основе. Аналогичное положение с определенным артиклем *the*. В большинстве языков мира нет отдельной словоформы, которую можно было бы грамматически и семантически отождествить с английским определенным артиклем.

Более того, в большинстве языков категория определенности как таковая вообще не кодируется, ни грамматически, ни лексически. В некоторых из языков, в которых категория определенности (в той мере, в которой ее можно идентифицировать и отделить от других языковых категорий) все же кодируется, это делается с помощью флексий во многом подобно тому, как функция косвенного дополнения выражается флективно с помощью дательного падежа в латинском. В связи с тем вниманием, которое в двадцатом веке англоязычные логики, начиная с Рассела (Russell 1905), уделяли анализу именных групп, содержащих определенный артикль, стоит отметить неуниверсальность для естественных языков не только определенного артикля, но и того, что могло бы называться семантической категорией определенности. Но это один из тех вопросов, которые мы пока оставим в стороне. Я упомянул английский определенный артикль лишь в качестве примера того, что я называю неполнозначными (пустыми) словоформами.

Следует заметить, что, хотя я и называю неполнозначные словоформы словоформами, я не говорю, что они являются формами лексем (как *dog* 'собака' является формой лексемы 'dog' 'собака', *ran* 'бежал' формой лексемы 'run' 'бежать' и так далее). Спорным является вопрос о том, должны ли такие формы, как *the* или *to* (в функции образования косвенного дополнения или в функции образования инфинитива), включаться в словарь языка или же их нужно описывать в грамматике. Это вопрос, который может решаться исключительно в рамках той или иной грамматической теории. Но какую бы позицию мы ни занимали по этой проблеме, важнейшим моментом, который здесь необходимо подчеркнуть, является то, что, даже если они перечисляются в словаре языка (либо по причине практического удобства, либо исходя из теоретически обоснованного представления о различии между грамматикой и лексиконом), неполнозначные словоформы, такие, как *the*, *of* и *and*, *to* и *if* в английском языке, не являются полностью лексическими. Они могут быть словами в смысле 'словоформ', но они не являются словами в полном смысле.

Неполнозначные словоформы не только являются в целом менее значимыми, чем полнозначные словоформы. Их значение представляется иным и более разнородным, чем значение полных словоформ. Различие между этими двумя классами словоформ непосредственно проявляется в отношении к некоторым из теорий значения, упомянутых в главе первой. Например, можно не без оснований утверждать, что значение слова 'dog' 'собака' состоит в некоем концепте или поведенческой реакции, которые могут быть описаны или

объяснены без учета английских фраз и предложений, в которых 'dog' может встречаться. Но едва ли имеет смысл подобным образом обсуждать значение *the, of and, to* и *if*. Нет также оснований говорить, что их значение, как бы мы его ни описывали или ни объясняли, является независимым от их грамматической функции. Это различие между полнозначными формами и неполнозначными формами согласуется с тем фактом, что (как указывалось выше) главные части речи — особенно существительные и глаголы — традиционно определяются, полностью или главным образом, в терминах их значения и независимо друг от друга, в то время как второстепенные части речи — определенный и неопределенный артикли, предлоги, союзы, и т. д. — всегда определяются в терминах их грамматической функции и относительно возможности соединения их с той или иной из главных частей речи или же с такими единицами более высокого уровня, как фразы и предложения.

Грамматическое различие между полнозначными словоформами и неполнозначными словоформами, которое я неформально объяснил в данном разделе, проистекает из ряда более специальных различий, с которыми читатели могут ознакомиться в учебниках, указанных в библиографии.

Поскольку мы не рассматриваем грамматическую теорию ради нее самой, мы не будем вдаваться в детали. То, что нас сейчас интересует, это различие между **грамматикой** языка и его словарем, или лексиконом, и различие между грамматическим и лексическим значением, которое связано с первым различием. Эта тема будет обсуждаться в следующем разделе.

Перед тем как продолжить, имеет смысл на основе различия, проведенного в данном разделе между полнозначными словоформами и неполнозначными словоформами, рассмотреть еще один момент. Он имеет отношение к одному из вопросов, рассмотренных в разделе 1.6: что является более базовым или логически первичным — значение слов или значение предложений? Сторонники условно-истинностной семантики, считая логически первичным значение предложения, часто аргументируют это следующим образом:

- (i) Значение, связанное с такими словами, как английские *if to* и *and*, нельзя определить иначе, чем в терминах того вклада, который они вносят в значение более крупных единиц — фраз, предикативных групп (clauses)" и предложений, — в которых

² См. примечание 2 на с. 176. — *Примеч. персе.*

они встречаются. Значение таких слов является, по крайней мере логически, вторичным (т. е. зависимым) по отношению к значению предложений, в которых они встречаются.

- (ii) Но значение предложения является производением значения слов, из которых оно состоит. Поэтому все слова, как неполнозначные, так и полнозначные, могут (и должны) быть подчинены общему принципу, согласно которому значение формы является тем вкладом, который она вносит в значение предложений, в которых она встречается.
- (iii) Методологически предпочтительнее иметь единое понятие значения слова, применимое к обоим видам слов.
- (iv) Если значение таких слов, как *if to* и *and*, определяемое как вклад, вносимый ими в значение предложений, в которых они встречаются, является логически вторичным по отношению к значению предложения, значение всех слов является логически вторичным по отношению к значению предложения, так как значение всех слов может быть определено (и по методологическим причинам определяется) как вклад, вносимый ими в значение предложений, в которых они встречаются.

Значение предложения может быть, а может не быть логически первичным или более базовым по отношению к тому, что мы называем значением слова. Но аргументация, выдвигаемая в поддержку первого вывода, ошибочна. Она базируется на ложном методологическом принципе, согласно которому так называемые значения слов однородны: что значения, ассоциируемые с такими неполнозначными словоформами, как *if*, *to* и *and*, во всех релевантных отношениях сравнимы со значениями полнозначных словоформ. Она также использует то обстоятельство, что термин 'слово' обозначает как формы, так и выражения, и что некоторые формы, так сказать, являются словами в большей степени, чем другие. Полнозначность и «пустота» значения, в том смысле, в котором я использую их в данном разделе, в любом случае представляют из себя вопрос степени. Наиболее пустые из словоформ, такие, как английские *if*, *to* и *and*, не являются ни выражениями, ни формами выражений: как мы видели, они семантически и до некоторой степени грамматически сравнимы с морфологически связанными префиксами и суффиксами флективных словоформ. Называть их 'словами' и делать обобщения по поводу значения слов на основе такой классификации — значит просто запутывать вопрос.

Путаница усугубляется из-за неоднозначного использования термина 'значение слова'. Как мы увидим в следующем разделе, термин 'значение слова' не обязательно означает то же самое, что 'лексическое значение'. В значении полнозначных словоформ объединяются лексическое и грамматическое значения. Неполнозначные словоформы могут вообще не иметь лексического значения, и именно это имеется в виду, когда говорится, что они семантически пусты. Здесь можно также упомянуть, что, как мы увидим позже, в дискуссиях по поводу логического приоритета того или иного вида значения в традиционных и современных работах по семантике, которые в других отношениях вполне авторитетны и надежны, возникает много недоразумений и путаницы вследствие отсутствия разграничения между предложениями и высказываниями. Например, часто утверждается, что предложения, а не слова, уже в самих истоках речевой деятельности — в период усвоения языка, так же, как и в период зрелости — являются основными единицами коммуникации. Это утверждение может быть оспорено. Высказывания, а не предложения (в релевантном смысле) являются единицами, с помощью которых говорящие и слушающие — собеседники — общаются друг с другом. Некоторые из этих высказываний, будучи грамматически законченными и правильными, традиционно называются предложениями, во вторичном и производном, как мы увидим в третьей части, смысле термина 'предложение'. Все более и более сложные высказывания произносятся детьми по мере прохождения ими различных этапов усвоения языка; но проходит довольно много времени, прежде чем какое-либо из этих высказываний может быть с полным основанием названо предложением (в каком-либо из смыслов неоднозначного термина 'предложение').

Предметом нашего анализа во второй части является лексическое значение. Грамматическое значение, не все проявления которого могут быть приписаны словоформам, в значительной мере является вопросом значения предложения и поэтому рассматривается в третьей части.

2.5. Лексическое значение и грамматическое значение

Как отмечалось в предшествующем разделе, полнозначные словоформы — это формы главных частей речи, таких, как существительные, глаголы и прилагательные. В то же время, неполнозначные словоформы в английском (и в других языках, которые в этом отно-

шении типологически похожи на английский) относятся к широкому ряду более мелких классов слов, которые традиционно определяются в терминах их синтаксической функции, а не семантически.

Именно по этой причине неполнозначные словоформы традиционно описываются логиками не как независимые термины или **категории**, но как **синкатегорематические** слова, т. е. как формы, значение и логические функции которых определяются способами их соединения с (*syn-*) независимо определяемыми главными категориями. Я намеренно ввел традиционный термин 'категория' (вместе с менее известным производным термином 'синкатегорематический'), потому, что в последующих главах я буду часто обращаться к обновленной версии традиционного понятия **категориального значения**. (Термин 'категориальный' имеет здесь тот же смысл, что и во фразе 'категориальная неоднозначность', используемой в предшествующей главе.) Как мы увидим, категориальное значение является одной из частей грамматического значения: это та часть значения лексемы (и других выражений), которая вытекает из их принадлежности к какой-то одной категории, а не к другой (к существительным, а не к глаголам, к глаголам, а не к прилагательным, и так далее).

Различие между полнозначными и неполнозначными словоформами выполнило свою задачу. Теперь я хочу провести различие между **грамматикой** языка и его **словарем**, или **лексиконом**. Грамматика и лексикон дополняют друг друга: все грамматики предполагают существование словаря, а все лексиконы предполагают наличие грамматики.

Грамматика языка традиционно рассматривается как система правил, которая определяет, как слова составляются в (грамматически правильные) фразы (группы, сочетания слов), как фразы соединяются в (грамматически правильные) предикативные группы (*clauses*) и как те складываются в (грамматически правильные) предложения. Грамматически неправильные комбинации слов, фраз и предикативных групп — т. е. комбинации, нарушающие правила грамматики, — традиционно называются неграмматическими (*ungrammatical*). Одним из главных вопросов, по поводу которого теоретики двадцатого века расходятся во мнениях по поводу соотношения грамматики и семантики, является вопрос о той мере, в которой **грамматичность** (грамматическая правильность) определяется **значимостью** (*meaningfulness*). Этот вопрос будет рассматриваться в главе пятой.

В современном языкознании разработано большое количество различных, более или менее традиционных подходов к грамматиче-

скому анализу естественных языков, которые отличаются друг от друга в различных отношениях. Некоторые из них опираются на морфему (а не на слово), в том смысле, что в них морфема считается основной единицей грамматического анализа (для всех языков). В некоторых подходах не проводится различие между предикативными группами (clauses) и предложениями (и термин 'предложение' относится и к тем, и к другим). В некоторых из этих подходов предикативная группа традиционно разделяется на подлежащее и сказуемое, в других — нет, а если и разделяется, то в порядке вторичного, а не первичного членения предикативной группы. Этот список различий между соперничающими подходами можно было бы расширить почти до бесконечности. Эти различия ни в коем случае нельзя считать несущественными. Но большинство из них не имеют прямого отношения к вопросам, рассматриваемым в этой книге. Те же из этих различий, которые являются релевантными для рассматриваемых здесь проблем, будут рассмотрены по ходу изложения.

Под лексиконом можно понимать теоретический аналог словаря, и он часто так и описывается. С психологической точки зрения, лексикон является множеством (или сетью) всех лексем данного языка, хранимым в мозгу компетентного носителя, со всей лингвистической информацией, необходимой для построения и интерпретации предложений данного языка. Хотя так называемый ментальный лексикон интенсивно изучался в последние годы с психологической (и нейропсихологической) точки зрения, пока относительно мало известно о том, как он хранится в мозгу, а также о том, как к нему осуществляется доступ в процессе использования языка. Также относительно мало известно о ментальной грамматике, которую, как предполагается, все говорящие на данном языке хранят в своих головах. В частности, не известно, существует ли четкое психологическое различие между грамматикой и лексиконом.

Лингвистам пока не удалось четко провести такое различие при описании конкретных языков. И в этом одна из причин разногласий и отсутствия единства среди лингвистов по поводу того, каким образом грамматика и лексикон должны быть объединены в системном описании языков. Это один из тех споров, без участия в которых в такой книге, как наша, можно обойтись. Для простоты изложения я намеренно буду придерживаться консервативного взгляда на соотношение грамматики и лексикона, взгляда, обычно отражаемого в стандартных учебниках по лингвистике и в словарях английского и других языков. Читатели, знакомые с новейшими грамматическими теориями (с теми из них, в которых, по крайней мере в этом и в дру-

гих отношениях, не отвергается полностью традиционная грамматика и успешно используются многие из ее понятий в формализованном и эксплицированном виде), могут легко внести соответствующие коррективы.

Хотя в этой книге мы не занимаемся грамматической теорией как таковой, нас интересует, как значение кодируется в грамматической (т. е. синтаксической и морфологической) структуре языков. Именно в этой связи в предшествующем разделе я ввел различие между тем, что я назвал полнозначными и неполнозначными словоформами. Некоторые, хотя не все, из неполнозначных словоформ в английском и других типологически похожих языках имеют чисто грамматическое значение (если они вообще имеют какое-то значение). Все полнозначные словоформы, с другой стороны, имеют как лексическое, так и грамматическое, точнее категориальное значение. Например, *child* 'ребенок' и *children* 'дети', будучи формами одной лексемы ('child'), имеют одно лексическое значение (которое я условно обозначаю как "child"). Поскольку эта лексема имеет некоторые семантически релевантные грамматические свойства (она является существительным определенного типа), эти две словоформы разделяют какую-то часть своего категориального значения. Но, конечно же, они различаются грамматически (точнее, морфосинтаксически) в том, что одна из них — форма единственного, а другая — форма множественного числа существительного. Различие между единственным и множественным числом (в тех языках, в которых оно грамматикализовано) является еще одним категориальным компонентом грамматического значения. Оно описано в традиционной грамматике и семантике в терминах **вторичной** грамматической категории **числа**. К другим семантически релевантным вторичным грамматическим категориям (не все из которых имеются во всех языках) относятся **время**, **наклонение**, **аспект**, **род** и **лицо**. Мы обратимся к некоторым из этих категорий в последующих главах.

Глава 3

Определение значений слов

3.0. Введение

Как определить значения слов? В этой главе мы увидим, что существуют разные ответы на этот вопрос. Мы также увидим, что для разных слов могут быть разные ответы.

Можно предположить, что для некоторых слов, особенно таких существительных, как английские 'table' 'стол' или 'chair' 'стул', вполне удовлетворительной будет версия так называемой теории референции, упомянутая в главе первой: можно полагать, что их легко определить через идентификацию того, что они обозначают. Некоторые теоретики применяют такой подход, и он хорошо представлен в литературе по лингвистике и по философской семантике. Это, без сомнения, вполне разумный подход, по крайней мере, по отношению к словам, обозначающие такие вещи, как собаки и кошки или столы и стулья, и именно такие слова обычно используются в качестве примеров не только для теории референции, но и для дополняющих ее и иных теорий лексического значения.

Но как определяется или идентифицируется то, что обозначает слово? Возможно ли сказать, что обозначает какое-то слово, не используя другие семантически связанные с ним слова и не говоря, чем эти семантически связанные слова похожи и чем отличаются друг от друга по своему значению? И что именно в этом контексте значит традиционно выражение 'обозначать' (stand for)? Как мы увидим в следующем разделе, необходимо отличать то, что выражения обозначают (denote), от того, к чему они относятся (refer to): необходимо отличать **лепота кию** от **референции**. Эти два вида обозначения с помощью слов (и других выражений) обычно смешиваются при изложении так называемой референциальной теории лексического значения. На самом деле они являются двумя совершенно разными способами того, как (используя модную метафору) язык «цепляется» за мир. Мы также увидим, что имеется еще один аспект лексического значения таких слов, как 'стол' и 'стул', который я на-

зову **смыслом** (sense), при этом смысл и денотация зависят друг от друга.

Еще один вопрос, который нуждается в рассмотрении, это являются ли некоторые из слов словарей естественных языков более базовыми, чем другие. И опять уместно предположить, что некоторые слова являются таковыми и что менее базовые слова могут толковаться с помощью более базовых слов. Например, слово 'щенок' интуитивно воспринимается как менее базовое, чем 'собака': мы обычно не определяем слово 'собака', говоря, что оно означает 'выросший щенок', в то время как в соответствующем контексте было вполне приемлемым дать определение слову 'щенок', сказав, что это "маленькая собака". Так мы могли бы объяснить значение слова 'щенок' (puppu) маленькому ребенку, изучающему английский язык (при условии, что он уже знает значение определяющих слов 'собака' и 'маленький'). Аналогичным образом связаны слова 'котенок', 'ягненок', 'теленок', 'жеребенок' и т. д., и 'кошка', 'овца', 'корова', 'лошадь' и т. д. В таких случаях интуитивно ясно, что одно из пары семантически связанных слов является более базовым, чем другое. Но является ли интуитивное чувство веским основанием? И если является, то как мы можем узнать, что это так?

Если действительно некоторые слова являются более базовыми, чем другие, есть ли в естественных языках сравнительно небольшой набор слов, которые можно было бы назвать абсолютно базовыми — такой набор слов, с помощью которых теоретически возможно дать толкование всех остальных слов словаря? И если таковые есть, является ли значение этих абсолютно базовых слов качественно отличным от значения небазовых слов? Вопросами такого типа мы займемся в разделе 3.2.

Затем, в разделе 3.3, мы перейдем к рассмотрению другого важного различия, существующего между словами, — различия между словами, которые (независимо от того, являются ли они абсолютно базовыми или же базовыми в некоторой степени) обозначают то, что традиционно называется **естественными родами**, и словами, которые их не обозначают. Значение этого традиционного термина будет объяснено позже. Пока же достаточно заметить, что есть веские основания полагать, что таким словам, например, слову 'собака', нельзя дать удовлетворительное определение посредством классических определений рода и вида — в терминах общих свойств того, что они обозначают. Мы также увидим, что с точки зрения лингвистической семантики слова так называемых естественных родов не отличаются по характеру их значения от таких слов, как 'стол' или 'стул' (или

'король', 'священник' и т. д.), т. е. слов, обозначающих культурно-специфические классы объектов (включая людей, животных и т. д.), которые не созданы природой и которые не объединялись бы в классы таким образом, каким они объединяются (и вообще не могли бы полагаться существующими), если бы не существовало конкретных языков, оперирующих в конкретных культурах.

Одной из самых известных теорий лексического значения в настоящее время является теория **семантических прототипов**, которая будет рассмотрена далее в разделе 3.4. Первоначально она использовалась применительно к толкованию слов, обозначающих естественные роды, но сейчас применяется более широко и послужила стимулом для проведения целого ряда интересных исследований в различных областях лексики ряда языков.

Общая цель данной главы состоит в том, чтобы показать, что хотя в теоретической литературе предлагалось много различных способов определения слов (или, точнее, лексем), ни один из них не может быть принят как универсальный. Каждый из них имеет свои проблемы. Тем не менее, мы можем многому научиться, анализируя различные способы представления значения слов и особенно пытаясь сформулировать их точно в рамках современных теорий грамматической и лексической структуры языков.

3.1. Денотация и смысл

Стандартные одноязычные словари объясняют значение слов посредством метаязыковых толкований, в которых язык-объект используется в качестве своего собственного метаязыка (см. 1.2). Формат этих толкований несколько отличается от словаря к словарю. Он также варьируется в зависимости от класса слов, особенно в случае так называемых функциональных слов, или лексически пустых словоформ, таких, как предлоги (*of in* и т. п.) или определенный и неопределенный артикли (*the, a*): всем известно, как трудно разработать удовлетворительную словарную дефиницию для таких форм, значение которых в первую очередь является грамматическим, а не лексическим (см. 2.4). Нас в данной главе будут интересовать полнозначные слова — лексемы, относящиеся к главным частям речи (существительным, глаголам, прилагательным и некоторым подклассам наречий).

В толковании таких слов двуязычные словари в основном опираются на межъязыковую синонимию, например, указывая в англо-

французском словаре, что (английское слово) 'dog' имеет (более или менее) такое же значение, что и (французское слово) 'chien'. Одноязычные словари также используют явление синонимии (внутриязыковой, а не межъязыковой). Но в толкованиях одноязычных словарей парафразы, в терминах частичной внутриязыковой синонимии, обычно сочетается с анализом значения и его описанием. Например, в словарной статье слова 'dog' 'собака' (в одном из его значений) может говориться, что собаки являются животными, принадлежащими к определенному роду и виду, что они плотоядные, были одомашнены и т. д. Мы рассмотрим два примера таких толкований в следующем разделе. Здесь же я хочу отметить, что традиционные словарные дефиниции могут быть рассмотрены как определяющие (в случае таких слов, как 'dog') два разных, но дополнительных по отношению друг к другу аспекта лексического значения — денотацию и смысл.

Сказать, что **обозначает** (denotes) слово 'собака', значит выделить все (и только) те сущности внешнего мира, которые могут быть правильно названы этим словом. Мы рассмотрим, каким образом на практике можно определить все объекты, которые обозначаются словом 'собака', несколько позже. Сейчас же важно отметить, что некоторые (хотя не все) слова могут быть поставлены в соответствие с классами сущностей внешнего мира с помощью отношения **денотации**.

Денотация, как мы увидим позже, тесно связана с **референцией**. Фактически многие авторы (особенно те, кто придерживается референциальной теории значения, см. раздел 1.7) не проводят различия между ними, объединяя их в более широкое понятие референции, чем то, которое мы будем использовать в этой книге. Однако на интуитивном уровне очевидно, что слово 'собака' не обозначает весь класс собак (или какое-то определяющее свойство этого класса) точно таким же образом, как кличка 'Фидо' отсылает к какой-то конкретной собаке.

Самая приближительная версия референциальной теории значения, метко названная теорией 'Фидо'-Фидо, годится только для имен собственных и, как увидим позже, не очень подходит даже для них. Существуют более сложные и философски обоснованные версии референциальной теории значения, в которых обосновывается правомерность более широкого понимания референции, чем то, которым мы будем пользоваться в данной книге. Однако вне зависимости от используемых терминов и в любой теории значения важно принимать во внимание различие тех способов, с помощью которых

происходит «сцепление» языка с внешним миром. Это различие, которое я связываю с терминологическим различием между 'референцией' и 'денотацией', слишком часто затемняется из-за неточного употребления термина 'референция'.

Решающее отличие референции от денотации состоит в том, что денотация инвариантна и независима от высказывания: она является частью значения, которое выражение имеет в языковой системе независимо от его употребления в конкретном случае высказывания. Напротив, референция варьируется и **зависима от контекста**. Например, слово 'dog' всегда обозначает один тот же класс животных (или одно и то же определяющее свойство этого класса), в то время как фразы 'the dog' '[эта] собака', 'my dog' 'моя собака', 'the dog that bit the postman' 'собака, которая укусила почтальона' в разных случаях высказывания будут относиться к разным представителям этого класса. Референция, в отличие от денотации, будет рассматриваться (как часть значения высказывания) в одной из последующих глав. Пока же важно отметить, что лексемы, как таковые, не обладают референцией, но могут использоваться в качестве референтных выражений или, чаще, в качестве компонентов референтных выражений в конкретных контекстах высказывания.

Таким образом, лексема 'dog' обозначает класс сущностей внешнего мира. Но она также связана различными способами с другими английскими лексемами и выражениями, включая 'animal' 'животное', 'hound' 'гончая', 'terrier' 'терьер', 'spaniel' 'спаниель' и др. Каждое из таких отношений, существующих между 'dog' и другими выражениями той же языковой системы, может быть определено как одно из его **смысловых отношений** (sense-relations) с другими членами языковой системы. Дескриптивная синонимия, рассмотренная в последней главе, является одним из видов смысловых отношений. Мы кратко рассмотрим некоторые из других видов смысловых отношений на примере слова 'dog' в главе четвертой. Пока же для объяснения как различия между денотацией и смыслом, так и, что не менее важно, их взаимозависимости достаточно самих этих примеров.

Смысл выражения может быть определен как набор, или сеть, смысловых отношений, существующих между данным и другими выражениями данного языка. В связи с этим определением нужно подчеркнуть несколько моментов.

Первое: смысл относится к сфере **межлексемных** и **внутриязыковых** отношений, то есть отношений, существующих между некоторым лексическим выражением и другим или другими лекси-

ческими выражениями того же языка. Смысл, как он определяется мной здесь, полностью находится внутри языковой системы. Это четко отличает его от денотации, которая соотносит выражения с классами сущностей внешнего мира.

Все сказанное не может быть опровергнуто фактом существования в естественных языках различных видов метаязыковых выражений, и этот момент важно подчеркнуть (см. 1.2). Различие между смыслом и денотацией применимо к метаязыковым выражениям, таким, как 'лексема', 'слово', 'языковое выражение', точно таким же образом, как оно применяется к другим выражениям. Известно, что гораздо труднее мыслить последовательно, когда мы имеем дело с метаязыковыми выражениями, чем в тех случаях, когда мы рассматриваем выражения, обозначающие собак и кошек (или обувь, корабли, сургуч, капусту и королей) и тому подобных завсегдатаев внешнего мира. Тем не менее, должно быть ясно, что языковые выражения, такие, как 'языковое выражение' и 'лексема', соотносятся друг с другом с точки зрения смысла точно так же, как соотносятся 'животное' и 'собака', тогда как с точки зрения денотации 'языковое выражение' и 'лексема' соотносятся друг с другом точно так же, как 'животное' соотносится с какой-то конкретной собакой или другим животным. Например, точно так же, как 'животное' обозначает класс сущностей, членами которого являются собаки Фидо, Роувер и др., а также другие подклассы класса животных (коровы, тигры, верблюды и т. д.), языковое выражение 'языковое выражение' обозначает класс сущностей, членами которого являются языковые выражения 'языковое выражение', 'лексема', 'слово' т. п., так же, как, скажем, 'собака', 'животное' и т. д. Денотация, как мы видели, есть отношение, существующее в первую очередь, или на базовом уровне, между выражениями и физическими, материальными сущностями внешнего мира. Но во многих, если не во всех естественных языках имеются выражения, которые обозначают различные виды нематериальных сущностей. Хотя метаязыковые выражения не являются единственными из таких выражений, они представляют особенный интерес для исследователя семантики.

Вторым моментом, нуждающимся в экспликации в отношении смысла и денотации, является то, что оба понятия в равной степени применимы к лексически простым и лексически сложным выражениям. Например, 'domesticated canine mammal' 'одомашненное млекопитающее семейства псовых' представляет из себя лексически сложное выражение, смысл и денотация которого определяется смыслом и денотацией составляющих его лексем. Выражаясь специ-

альным языком: смысл и денотация сложного выражения есть **композициональная функция** смысла и денотации составляющих его частей. Что это значит, будет объяснено в главе четвертой.

Третий момент, который, возможно, представляется само собой разумеющимся, но который, как и предшествующий, будет иметь важное значение позже и поэтому нуждается в четкой формулировке, заключается в том, что смысл и денотация в целом взаимозависимы (в тех случаях, когда выражения имеют и смысл, и денотацию), так как обычно невозможно понять первое, не имея хотя бы какого-то представления о втором. Это ставит вопрос о возможности рассматривать какой-либо из этих аспектов значения в качестве логически или психологически более базового, чем другой. Я обращусь к этому вопросу в следующем разделе.

Смысл и денотация не только взаимозависимы: они находятся в отношении обратно пропорциональной зависимости. Природа этой зависимости может быть неформально представлена следующим образом: чем шире денотация, тем уже смысл, и наоборот. Например, денотация слова 'животное' шире денотации слова 'собака' и включает ее (все собаки животные, но не все животные собаки), в то же время смысл слова 'животное' менее специфичен, чем смысл слова 'собака' и включен в него.

Аналогичное обратное отношение описывается в традиционной логике в терминах различия между экстенсионалом и интенсионалом. Грубо говоря, экстенсионал термина или выражения есть класс определяемых им сущностей, а интенсионал есть определяющее свойство класса. В современной формальной семантике, как мы увидим позднее, различие между экстенсионалом и интенсионалом используется и разрабатывается различными способами и в разных направлениях. При этом некоторые исследователи отождествляют смысл выражения с его интенсионалом. По причинам, которые станут понятны позже, я предпочитаю рассматривать экстенсионал и интенсионал как дополнительные аспекты денотации. Независимо от принимаемого взгляда на онтологический статус, или реальность, свойств, удобно иметь возможность говорить, что выражение обозначает (экстенсионально) класс сущностей, а (интенсионально) его определяющее свойство (т. е. свойства, которым обладают все члены класса и благодаря которому они являются членами данного класса). Например, удобно говорить, что слово 'red' 'красный' обозначает не только класс красных вещей, но и свойство красноты. Такой способ выражения является нейтральным в философском плане: нейтральным по отношению к давнишнему философскому спору между но-

миналистами и реалистами, а также нейтральным по отношению к типично эмпиристскому принципу экстенциональности, который оказал такое большое влияние на логику и философскую семантику двадцатого века.

В заключение данного раздела мы должны подчеркнуть, что из всего сказанного здесь о смысле и денотации не следует делать вывод, что смысл и денотация являются точно фиксированными и строго определенными в случае всех или даже большинства лексем естественных языков. Напротив, смысл большинства лексем и поэтому большинства лексически сложных выражений, как представляется, несколько размыт по «краям». Также очень часто неясно, попадает ли данная сущность в денотацию данного выражения или нет. Что же тогда имеется в виду, когда говорится, что некто знает дескриптивное значение конкретного выражения своего родного языка? Действительно, как нам удастся более или менее успешно общаться друг с другом с помощью языка, если дескриптивное значение большинства лексем — их смысл и денотация — по своей сути размыто и неопределенно? Этот вопрос будет рассматриваться в разделе 3.4.

3.2. Базовые и небазовые выражения

Примерно полвека тому назад Бертран Рассел провел различие, которое впоследствии много обсуждалось исследователями семантики (в тех же или других терминах), между тем, что он назвал объектными словами и словарными словами. Он был далеко не первым, кто указывал на такое различие. Но Рассел сформулировал его с характерной для него ясностью и четкостью, и то, как он развивает лежащую в основе этого противопоставления интуитивно привлекательную идею, делает его формулировку особенно интересной. Объектные слова, говорит он, «определяются логически как слова, имеющие значение в изоляции, а психологически как слова, которые усваиваются без необходимого предварительного усвоения других слов». Словарные слова, в отличие от этого, «теоретически являются излишними», так как они определяются и могут быть усвоены в терминах логически и психологически более базовых объектных слов (Russell 1940: 62—63).

Оставим небазовые словарные слова на время в стороне и зададимся вопросом, каким образом можно понять дескриптивное значение таких предположительно базовых объектных слов. Рассел по этому поводу высказывается совершенно ясно. Объектные слова

усваиваются путем демонстрации, или, как выражаются философы, остенсивно: обучаемому показывают достаточное количество сущностей, попадающих под денотацию, или экстенционал, этого объектного слова. В наиболее эксплицитном виде остенсивное определение включает указание на одну или более сущностей, обозначаемых данным словом, и произнесение

(1) *Это X.*

Например, мы указываем на одну или более собак и говорим:

(2) *Это собака.*

Остенсивное определение играет заметную роль в эмпиристской традиции, к которой принадлежал Рассел, — в теории, если не всегда на практике. То же самое относится к денотации. Из определения объектных слов Расселом ясно, что их значение, в отличие от значения словарных слов, целиком сводится к денотации.

В то же время понятие остенсивного определения вызвало многочисленные критические замечания. На самом деле легко показать его несостоятельность в той форме, в которой, как полагал Рассел и другие философы-эмпиристы, оно должно работать. Во-первых, те, для кого выражение определяется остенсивно, должны понимать значение указательного местоимения 'это' в высказывании *Это X* или же жеста, выполняющего ту же функцию. Они также должны понимать, какой более общей цели служат данное высказывание и жест, — важность этого компонента процесса остенсивного определения легко упустить из виду. И наконец, они должны не только понимать, что сущность, к которой остенсивно привлекается их внимание, должна рассматриваться как представитель некоего класса, но также либо знать заранее, либо догадаться об интенционале (определяющем свойстве) представляемого класса. Например, при условии, что Фидо является членом класса собак, он также является членом бесконечного числа его подклассов (спаниелей, собак с вислыми ушами, собак с короткими ногами, собак с печальным выражением морды, собак с красновато-коричневой шерстью и т. д.), и бесконечного числа более крупных классов сущностей, подклассом которых являются собаки (млекопитающих, четвероногих, животных, физических объектов и т. д.), и, самое важное, бесконечного числа классов объектов, к которым могут принадлежать (а могут и вообще не принадлежать) только немногие другие собаки вместе с множеством сущностей, не являющихся собаками (например, класса подвижных объектов, которые издают узнаваемый звук и являются причиной того, что маленький Джонни начинает гулить от удоволь-

ствия, класса, включающего также маму, папу, кошку, пылесос и т. п.). Как можно установить, какой именно из потенциально бесконечного набора классов определяется в данный момент?

Эта проблема не является неразрешимой, если мы предположим, что человек, которому объясняется экстенционал выражения (класс сущностей, который оно определяет), заранее знает его вероятный интенционал. Однако для убежденного *tabula rasa* — эмпириста, полагающего, что изначально разум представляет из себя чистую доску (по-латински *tabula rasa*), на которую после рождения опыт и особенно ощущения записывают все, что происходит, проблема действительно представляется неразрешимой. А Рассел был убежденным эмпиристом, как и большинство философов, для которых остенсивное определение является краеугольным камнем лексической семантики.

Ситуация изменится, если мы откажемся от (как я буду его называть) **условия атомарности** Рассела — условия, требующего, чтобы значение базовых выражений было логически и психологически независимо от значения других выражений. Будет гораздо легче дать людям понять, на что мы указываем, и получить какое-то представление о классе, который мы хотим продемонстрировать посредством объекта, на который мы указываем, если позволено использовать другие выражения, базовые или небазовые, связанные по смыслу с определяемым словом. Например, если употребить не предложение (2), а

(3) *Это животное — собака,*

то гораздо менее вероятно, что слушающий подумает, что говорящий указывает на пылесос или коврик. Если сказать

(4) *Это собака, а не кошка,*

то этим внимание адресата будет привлечено к тем особенностям, **феноменальным** и **функциональным**, которые отличают собак от кошек. Короче говоря, вероятность того, что остенсивное определение будет успешным, будет гораздо больше, если мы откажемся от условия атомарности.

В любом случае, независимо от того, возможно ли в принципе узнать денотацию одного выражения без знания (или одновременного усвоения) денотации других выражений, с которыми оно связано по смыслу, представляется очевидным, что люди на практике не действуют таким образом. Они в детстве не узнают сначала полный экстенционал, скажем, слова 'красный', не зная ничего об экстенционале слов 'коричневый' или 'розовый'. Они не узнают полный экстенцио-

нал слова 'собака', не зная ничего об экстенционале некоторых более часто встречающихся выражений, связанных с ним по смыслу. Вспомним, что Рассел утверждал, что базовые слова «определяются... психологически как слова, которые усваиваются без необходимого предварительного усвоения других слов». Если под словом 'психологически' Рассел имеет в виду усвоение языка детьми в нормальных условиях, тогда смысл и денотация таких слов, которые Рассел и другие могли бы считать базовыми, конечно, не являются психологически независимыми друг от друга. (К слову, собственные примеры Рассела из английского включают 'man' 'человек', 'dog' 'собака', 'yellow' 'желтый', 'hard' 'твердый', 'sweet' 'сладкий', 'walk' 'идти', 'run' 'бежать', 'eat' 'есть', 'drink' 'пить', 'up' 'вверх', 'down' 'вниз', 'in' 'в', 'out' 'из', 'before' 'перед', 'after' 'после'. Все эти слова рационалисты — вечные оппоненты эмпиристов — с очень большой вероятностью отнесли бы к словам, значение которых, скорее всего, усваивается на базе врожденного, биологически передаваемого знания, взаимодействующего с опытом.) Усвоение языка детьми активно изучалось в последние годы, и сейчас очевидно, что дети не узнают значения слов атомарно (по отдельности), как полагал Рассел. В общем случае они узнают денотацию одного слова только одновременно с усвоением денотации других, семантически связанных с данным словом, слов и в течение определенного периода времени постоянно корректируют свое понимание смысла и денотации множеств семантически связанных слов.

Итак, к чему же мы пришли в итоге рассмотрения различия между базовыми и небазовыми выражениями, имеющего долгую историю и, как я говорил ранее, интуитивно столь привлекательного? Очевидно, что, если мы принимаем приведенную выше аргументацию, то мы не можем согласиться с Расселом и сказать, что базовыми выражениями являются те, смысл которых полностью определяется их денотацией, и что небазовыми выражениями являются выражения, чей смысл (который впоследствии определяет их денотацию) полностью определяется смыслом базовых выражений, используемых для их определения.

Но это не означает, что само это различие оказалось бесполезным. В конце концов, оно является краеугольным камнем в высшей степени практичной системы, известной под названием базовый английский (Basic English), изобретенной Ч. К. Огденом в 1930-х годах, задуманной как язык международного общения. Словарь базового английского состоит из 850 лексем, которых, по мнению Огдена, достаточно для определения всех других лексем других языков. Ба-

зовый английский является одной из нескольких подобных систем, в основе которых лежат философские идеи Лейбница, епископа Уилкинса и других ученых семнадцатого века, чьи работы положили начало традиции логического эмпиризма, к которой принадлежал Рассел, и оказали мощное влияние на Роже (Roget), составившего в 1852 году свой знаменитый «Тезаурус английских слов и фраз» («Thesaurus of English Words and Phrases»). Заметим также, что авторы многих учебников иностранных языков, не претендующие на какие-либо философские утверждения по поводу базового словаря, намеренно ограничивают словарь, с которым они оперируют, до уровня, который они считают базовым, в том смысле, что он является необходимым и достаточным для обыденного использования. В некоторых странах и для некоторых языков официально приняты списки такого рода базовых слов, которые включаются в учебники и программы экзаменов.

Что же касается так называемых словарных слов, интересно было бы вернуться к лексически сложным выражениям и сравнить определения слова 'dog' 'собака' в двух современных английских словарях: 'одомашненное псовое млекопитающее' (domesticated canine mammal) и 'распространенное четвероногое плотоядное животное' (common four-legged flesh-eating animal). Первое взято из словаря «Collins Dictionary of the English Language» (1979), второе — из словаря «Longman Dictionary of Contemporary English» (1978). Самым поразительным отличием является то, что в определении словаря Лонгмана используются слова из «ограниченного словаря, состоящего из 2000 слов, отобранных с помощью тщательного анализа данных целого ряда исследований частотности и педагогической эффективности», и оно соответствует принципу, согласно которому «определения должны быть написаны с помощью слов более простых, чем слова, которые они описывают» (р. viii-iv), в то время как в словаре Коллинза определение сформулировано согласно иному, но сопоставимому с первым принципу, требующему, чтобы определение было написано на «простом и ясном обычном английском языке» и состояло из слов, каждое из которых описано «в соответствующей словарной статье в этом словаре» (р. vx). Другое отличие, которое окажется релевантным в следующем разделе, состоит в том, что выражение, используемое в словаре Коллинза, более близко к тому, чтобы быть синонимичным слову 'dog' (в одном из его значений), чем выражение, используемое в словаре Лонгмана.

Здесь я хотел бы подчеркнуть тот факт, что есть по крайней мере два разных смысла слова 'базовый' (basic) (или 'простой' (simple)), в

которых одна лексема может быть более базовой (или более простой), чем другая. Наиболее очевидный смысл слова 'базовый' основан на частотности обыденного неспециального употребления. Согласно этому критерию словарная статья в словаре Лонгмана состоит из более базовых (или более простых) слов, чем статья в словаре Коллинза, — хотя она также требует от пользователя интерпретации лексически сложных выражений 'четвероногое' и 'плотоядное'. Намеренно ограниченные словари учебников иностранных языков, о которых говорилось выше, могут быть названы базовыми в том же смысле.

В принципе, однако, существует и другой смысл слова 'базовый'. В этом втором смысле отнюдь не очевидно, что такие знакомые, обыденные слова, как 'собака' или 'волк', необходимо являются более базовыми, чем такие менее обычные слова, как 'млекопитающее' или 'одомашненное'. Некоторые слова могут быть более базовыми, чем другие, в том смысле, что они могут использоваться для определения большей части слов всего словаря или же использоваться для построения более стройного и системного набора взаимосвязанных определений. Базовые слова в этом смысле могут рассматриваться как более непосредственно связанные с тем, что Лейбниц и другие философы семнадцатого века называли **атомарными понятиями** — своего рода кирпичиками концептуальной системы, которая направляет и обуславливает все мышление и рациональный дискурс. Именно этот смысл слов 'базовый' или 'первичный' преобладает в философской традиции, хотя Рассел и другие философы часто выражаются так, как будто эти два смысла выделяют во многом один и тот же класс выражений. И именно этот второй смысл слова 'базовый' также доминирует, как мы увидим в главе четвертой, в значительной части теоретических работ в области лингвистической семантики. Нет оснований полагать, что эти два смысла слова 'базовый' должны относиться к одним и тем же лексемам. Но, возможно, вполне разумно полагать, что многие из лексем в словарях всех естественных языков являются базовыми в обоих смыслах. Следует помнить об этом при обсуждении естественных классов и семантических прототипов.

В данном разделе я вполне сознательно представил развернутое изложение и подчеркнул значение некоторых философских идей, которые редко упоминаются во вводных курсах семантики, написанных лингвистами. Я сделал это потому, что, на мой взгляд, невозможно дать оценку даже самым сугубо лингвистическим и, казалось бы, нефилософским работам по дескриптивной семантике, не имея хоть какого-то представления о тех общих философских теориях, в рамках которых они написаны. Это относится ко всем работам,

(культурным или географическим) причинам отсутствующие в тех местах, где говорят на данных языках (например, 'shrine' 'рака, ковчег', 'boomerang' 'бумеранг', 'monsoon' 'муссон', 'willow' 'ива' и т. д.). В Гренландии много снега; в австралийской пустыне нет недостатка песка, а в арабских странах верблюдов можно видеть повсюду. Тем не менее, в эскимосском языке нет единого, общего слова, обозначающего снег, нет слова, обозначающего песок, во многих из языков аборигенов Австралии, и нет слова, обозначающего верблюдов как таковых, в арабском. Примеры, подобные этим, весьма обычны и широко цитируются в лингвистических учебниках.

Но нам не обязательно обращаться за примерами к языкам, которые многие расценят как экзотические. Несмотря на то впечатление, которое могут произвести стандартные двуязычные словари, невозможно перевести без контекста на французский такие обычные английские слова, как 'brown' 'коричневый', 'monkey' 'обезьяна', 'chair' 'стул', 'jug' 'кувшин', 'carpet' 'ковер' — если взять всего лишь несколько примеров, — не прибегнув к большему или меньшему произволу. В зависимости от контекста слово 'brown' должно переводиться на французский иногда как 'brun', 'коричневый, бурый', а иногда как 'matron' 'каштановый', не говоря уже о 'beige' 'бежевый' и аналогичных более специфических словах. Есть даже случаи, особенно когда речь идет о мужских туфлях, когда 'brown' (если мы знаем, что оно относится к особенно светлому оттенку) можно перевести как 'jaune' 'желтый', которое в английском обычно ассоциируется с 'yellow' 'желтый'. В литературе приводится и множество других примеров. Такие факты часто обобщаются лингвистами в следующем положении: каждый язык делит мир, или реальность, по-своему. Согласно более спорной формулировке в сущности той же мысли, связываемой с именами американских лингвистов Эдварда Сепира и Бенджамена Ли Уорфа, то, что мы считаем миром, или реальностью, в большой степени является продуктом категорий, накладываемых на восприятие и мышление теми языками, на которых мы говорим. По существу ту же точку зрения высказывал в начале двадцатого века швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, и она является распространенным, хотя и не обязательным компонентом различных видов структурализма, как в Европе, так и Америке.

Структурализм в этом отношении может быть противопоставлен атомизму (см. условие атомарности и понятие атомарных концептов, упомянутые в предшествующем разделе): структурализм акцентирует взаимозависимость сущностей, а не их индивидуальное

и раздельное существование. Действительно, структурализм как философская доктрина отстаивает экстремальную форму взгляда на сущности как не имеющие сути или существования независимо от той структуры, которая накладывается мышлением или языком на иначе оставшееся бы недифференцированным мировое вещество. Это захватывающая доктрина, вскружившая голову многим исследователям семантики. Разбавленная достаточной мерой наивного реализма, она становится не только философски и психологически оправданной, но и обеспечивает, по моему мнению, в эмпирическом отношении более основательную базу для лингвистической семантики, чем атомарная теория значения.

Наивный реализм может отличаться от философского реализма. Но сторонники обоих единодушны в своей вере в то, что внешний мир существует независимо от нашего разума и от языка. Более того, многие философы-реалисты согласились бы с наивными реалистами в том, что внешний мир состоит из физических сущностей, существование которых также не зависит от разума и от языка, и что некоторые или все эти сущности (человеческие существа, животные, вещи) могут быть сгруппированы в традиционно так называемые **естественные роды** (natural kinds), то есть роды, члены которых имеют одну и ту же природу или сущность. (Английское слово 'kind' в этом контексте следует понимать как "род" (genus) или "класс" (class).) Наиболее очевидными кандидатами на статус естественных родов являются, конечно же, живые организмы, которые размножаются, воспроизводя себе подобных. Известно из опыта, что люди порождают людей, тигры воспроизводят тигров, дубы производят свой вид по сути без изменений и так далее. Как полагает наивный реалист, внешний мир также содержит (в дополнение к различным видам сущностей) совокупности, «порции» различных видов материи или вещества — воды, золота, соли и т. п. — таким образом, что любые две «порции» вещества целиком или частично либо относятся к одному роду, либо нет. Традиционная грамматика, которая определенно вдохновлялась философией реализма на протяжении большей части своей истории, констатировала, что, в то время как имена собственные обозначают индивидуальные объекты, имена нарицательные (т. е. несобственные) обозначают естественные роды. Английский, как некоторые, но не все языки, проводит грамматическое различие между словами, обозначающими объекты, так называемыми **исчисляемыми существительными** ('man' 'человек', 'tiger' 'тигр', 'oak tree' 'дуб') и словами, обозначающими вещество, — **вещественными существительными** ('water' 'вода').

'gold' 'золото', 'salt' 'соль'). Мы уже обращались к различию между исчисляемыми и неисчисляемыми существительными при рассмотрении двух смыслов английского слова 'language' 'язык' (см. 1.4).

До недавнего времени большинство философов языка, разделявших традиционную доктрину естественных классов, интерпретировали ее в терминах различия между интенционалом и экстенционалом (см. 1.3). Они говорили, что знание значения какого-то выражения, обозначающего естественный класс (т. е. знание его смысла), есть знание его интенционала — определяющего его свойства или, в философских терминах, необходимых и достаточных условий, которым должны удовлетворять любой объект или вещество, которые подпадают под данный интенционал. В последние годы была разработана новая интересная версия доктрины естественных родов, прежде всего Солом Крипке (Kripke 1972) и Хилари Патнэмом (Putnam 1975), которая разрывает связь между интенционалом и экстенционалом. В этой книге нет необходимости далее углубляться в философские вопросы. Можно, однако, отметить, что теория естественных родов в представлении Патнэма и Крипке выходит за пределы векового спора номиналистов и реалистов: она похожа на номинализм тем, что отождествляет значение с наименованием и трактует связь между выражением, обозначающим естественный род, и его экстенционалом как аналогичную во всех важнейших отношениях связи между именем собственным и его носителем; она похожа на реализм тем, что она не отрицает, что члены одного естественного класса обладают одними свойствами. В работах Патнэма, Крипке и их последователей представлены весьма тонкие и достаточно убедительные доказательства, подтверждающие их точку зрения. Идеи Крипке и Патнэма оказали большое влияние не только на философию, но и на лингвистическую семантику.

В идеальном случае хорошая семантическая теория должна совпадать с обыденным, неспециальным описанием дескриптивного значения; она не должна противоречить объяснениям, даваемым естественным родам с точки зрения практического разума людьми, не являющимися специалистами в философии и лингвистике; она также должна быть эмпирически правдоподобной и должна, используя традиционное выражение, «**сохранять внешний вид**» (save the appearances)". В одном важном отношении подход Крипке—Патнэма, упомянутый выше, действительно отвечает этим условиям: он не

О содержательной стороне этого нетрадиционного для российской научной традиции выражения см. в разделе 7.2. — *Примеч. перев.*

требует, чтобы интенционал обычных обозначающих естественные роды слов (значение которых, как говорит нам здравый смысл, известно всем обычным носителям языка) был строго определен и известен каждому, кто компетентен в данном языке. Если знание дескриптивного значения английского слова 'dog' 'собака' включает в себя знание определяющих характеристик естественного рода, который оно обозначает, мало кто, если вообще таковые будут, среди говорящих на английском языке может считаться знающим значение слова 'dog'. Существуют эксперты, признаваемые таковыми в культуре, к которой мы принадлежим, которые могут выступать арбитрами в сомнительных случаях. Например, если некто привлекается к судебной ответственности за то, что умышленно позволил своей собаке испачкать тротуар, и этот некто отрицает, что это собака, для решения этого вопроса в качестве свидетеля может быть приглашен эксперт, или же, в крайнем случае, судья, рассматривающий это дело, может вынести по этому поводу свое решение — либо произвольно, либо на основании прецедента.

Еще один важный момент, отмеченный Крипке и Патнэмом, касается условий, при которых мы готовы пересмотреть имеющееся у нас ранее представление о значении слов в свете новой информации или научных открытий, меняющих наше видение мира. Предположим (приспосабливая к данному случаю уже ставший знаменитым пример), что биологи однажды откроют, что то, что мы сейчас считаем естественным родом собак, не является единым классом, отличным от, скажем, лис, барсуков и кошек, или даже что собаки, несмотря то, что они внешне выглядят как животные, на самом деле являются неодушевленными автоматами, изобретенными каким-нибудь сверхъестественным или внеземным существом, чтобы обмануть нас. Изменится ли значение слова 'dog', если говорящие на английском языке будут продолжать использовать его для указания на то, что, как они теперь знают, является разнородным классом неодушевленных объектов?

Ответ на этот вопрос не является самоочевидным. Но одно ясно. Исходя из того, что слово 'dog' продолжает обозначать все, что оно и раньше обозначало, по крайней мере эта часть значения останется неизменной. Из этого следует, что любой, кто придерживается чисто референциальной, или денотационной, теории лексического значения, скажет, что изменений в значении слова 'dog' не произошло. Именно это и говорят Крипке, Патнэм и их последователи. Те же, кто проводит различие между денотацией и смыслом, как это было сделано нами в этой главе, могут сказать, что, хотя денотация

слова 'dog' не изменилась, его смысл изменился: он больше не является связанным с лексемой 'animal' 'животное' (и другими лексемами) в словаре английского языка, как это было раньше.

Фантастические примеры такого типа, как только что приведенный, на первый взгляд могут показаться слишком искусственными для серьезного рассмотрения. Но собрано множество менее фантастических примеров, по поводу которых исследователи семантики ведут дебаты уже много лет. Изменила ли английская лексема 'whale' 'кит' свое значение, когда было установлено, что кит является не рыбой, а млекопитающим? Изменилось ли значение слова 'atom' 'атом'⁴, когда атом был расщеплен? Имеют ли сегодня существительное 'sunrise' 'восход солнца' или глагол 'rise' 'подниматься, восходить' применительно к солнцу сейчас иное значение, чем то, которое было у них (и их переводных эквивалентов в других языках) до открытий Коперника (и еще сохраняется в представлении некоторых людей)? У нас будет несколько поводов вернуться к вопросам такого рода в последующих главах. Здесь же мы говорим об этом потому, что философская дискуссия о естественных родах приобрела в последние годы большое значение для лингвистической семантики.

Обсуждение проблемы естественных родов приобретает особую важность в тех случаях, когда оно объединяется с обсуждением так называемых **прототипов** (проблема, которой мы займемся в следующем разделе). Главное философское направление дискуссии о естественных родах — подвергнуть сомнению то, что можно назвать классическим взглядом на определение как перечисление необходимых и достаточных условий принадлежности к классу. Как мы увидим позже, это привело к реабилитации и модернизации и выработке более правдоподобной версии остенсивного определения.

Прежде чем мы перейдем в следующем разделе к вопросу о семантических прототипах, необходимо отметить, что термин 'естественный род' и мое изложение этой проблемы могут в некотором отношении вводить в заблуждение. Вследствие тех традиционных ассоциаций, с которыми связывается термин 'естественный род', и специфики его философской базы, можно подумать, что слова, обозначающие естественные роды в традиционном смысле, отличаются семантически от слов, обозначающих то, что я называю **культурными родами**, — таких, как 'dirt' 'грязь' или 'chair' 'стул, кресло'. Нет оснований думать, что это так. И те, и другие имеют прототипы,

⁴ От греч. atomos — 'неделимый'. — *Примеч. перев.*

и тем, и другим даются неокончательные определения, допускающие изменения и поправки, в которых сочетаются феноменальные и функциональные критерии. В действительности естественные роды в их традиционном понимании часто объединяются и разделяются в разных языках именно так, как полагали структуралисты, иногда произвольно, но часто по культурно обусловленным основаниям. Например, 'fruit' 'фрукт' и 'vegetable' 'овощ' охватывают много разных видов плодов каждое, и их наиболее распространенный, обыденный смысл является размытым и неопределенным. Постольку, поскольку их денотация в их прототипическом, ядерном или центральном смысле, ясна, главным критерием отнесения данного естественного рода к фруктам или овощам является кулинарный: едят ли его в англоязычных странах как часть основного блюда с мясом или рыбой; используют ли для приготовления супа; и т. д. Как представляется, дело в том, что культурное и естественное так тесно связаны в словаре человеческих языков, что часто невозможно сказать, что одно является более базовым, чем другое, в любом из двух смыслов термина 'базовый', рассмотренных в предшествующем разделе.

Этот факт очень четко просматривается в исследованиях, проведенных антропологами, психологами и лингвистами в целом ряде языков на материале различных областей словаря. Большая часть этих исследований в последние годы вдохновлялась идеями, выдвинутыми в важных и основополагающих работах Берлина и Кея (Berlin, Kay 1969), посвященных обозначениям цвета. Другие области словаря, исследованные с той же точки зрения, относятся к форме, ботанической и биологической номенклатуре и кулинарии. В общих обзорах таких исследований авторы обычно подчеркивают межкультурную значимость некоторых основных категорий. Однако не менее важно подчеркнуть тот факт, что между языками существуют и значительные культурно обусловленные различия. То, что выше говорилось мной о значении слов 'fruit' 'фрукт' и 'vegetable' 'овощ', типично для всех лексических полей, включая цвет и форму. Например, то, что 'красное' и 'белое' используются для различения двух широких категорий вин, невозможно объяснить в терминах основного значения этих слов. Это принятое в данной культуре правило, которому обучаются так же, как обучаются употреблению слов 'красное' и 'белое' в целом ряде характерных ситуаций и характерных сочетаний.

Необходимо также подчеркнуть, что то, что говорилось в данном разделе о значении лексем, обозначающих естественные (и культур-

ные) роды, применимо не только к лексемам, обозначающим объекты и вещества физического мира, но и к абстрактным терминам и выражениям, обозначающим мифические и вымышленные объекты и вещества. Короче говоря, нет оснований полагать, что имеется что-то особенное с точки зрения лингвистической семантики в этих словах, основное значение которых определяется свойствами материального мира и человеческих механизмов восприятия.

3.4. Семантические прототипы

В предшествующем разделе отмечалось, что для большинства носителей английского языка было бы затруднительно перечислить определяющие характеристики естественного рода, обозначаемого словом 'dog', что денотация слова 'dog', как и денотация других слов, обозначающих естественные (и культурные) роды, несколько размыта и неопределенна и что когда важно решить, является ли какой-то индивидуальный объект (или класс объектов) членом (или подклассом) данного естественного рода — например, в суде или в научных целях, — решение обычно поручается экспертам. Но даже специалисты — включая лексикографов — часто не могут прийти к общему согласию или хотя бы принять сколько-нибудь обоснованное и не произвольное решение по поводу того, подпадает или не подпадает нечто под денотацию выражения, обозначающего так называемый естественный род. Поэтому утверждается, что денотация (если не смысл) выражений, обозначающих естественные роды, по своему существу неопределенна.

Но если это так, как же получается, что носители языка без труда и по большей части успешно пользуются такими, обозначающими естественные роды, выражениями, как 'dog'? Один из возможных ответов состоит в том, что им лишь изредка приходится оперировать в размытой и неопределенной области значения слова. Носители языка обычно оперируют тем, что получило название **прототипов** (или стереотипов), и обычно то, о чем они хотят сказать, соответствует прототипу. Например, прототип для слова 'dog' может быть очень похож на толкование в словаре Лонгмана, которое противопоставлялось толкованию из словаря Коллинза в разделе 3.2: «распространенное четвероногое плотоядное животное, в особенности одна из многих разновидностей, используемых человеком в качестве помощника и друга или же для охоты, работы, охраны и так далее». Сейчас я привел это толкование полностью, и можно видеть, что ee

дополнительная часть, начиная со слов «в особенности» до «и так далее», показывает, что существует несколько разновидностей собак и что некоторые из них подпадают под **ядерный экстенционал** или **центральный экстенционал** лексемы 'dog' (то есть являются более типичными подклассами этого класса, чем другие, неядерные или нецентральные разновидности). Что же касается разновидностей, большинство носителей английского языка, несомненно, могли бы назвать несколько (а любители собак — намного больше) разновидностей — спаниелей, терьеров, пуделей и т. д. Когда говорят, что кто-то знает значение слова 'dog', подразумевают именно такое знание. Как я отмечал ранее, определение из словаря Лонгмана, в отличие от определения из словаря Коллинза, не претендует на синонимичность с тем, что в ней определяется. Но это не обязательно является недостатком. Иногда дескриптивное значение лексемы может объясняться с помощью более или менее синонимичной парфразы; в других случаях оно может лучше всего передаваться с помощью предположительно несовершенного и неокончательного определения прототипа.

Понятие семантического прототипа, которое только что было рассмотрено, возникло в психолингвистике и связано с психологическими исследованиями по проблеме усвоения когнитивных категорий детьми в процессе развития и взросления. Конечно, уже давно известно, что когнитивное развитие протекает одновременно и вместе с усвоением языка и что эти два процесса связаны не только темпорально, но также, по крайней мере до некоторой степени, казуально. Природа этой каузальной связи — или взаимозависимости — между языковым и когнитивным развитием не очень ясна. Как мы видели, согласно одной из интерпретаций рассмотренной выше гипотезы Сепира—Уорфа, язык определяет мышление (3.3); согласно более традиционному взгляду на то, что является причиной, а что следствием, структура и функционирование разума определяют грамматическую и семантическую структуру языков. Любые лингвистические теории, основанные на традиционном взгляде на направление причинной связи между разумом и языком, я буду обозначать широким термином **когнитивизм**.

Когнитивизм, который, в том виде, как я его определил, является весьма традиционной доктриной, в последнее время приобрел большое влияние в лингвистике, как в семантике, так и в грамматике. Более того, термины 'когнитивная грамматика' и 'когнитивная семантика' сейчас используются в лингвистике довольно широко по

отношению к самым разнообразным теориям, развивающим основные принципы когнитивизма в различных направлениях.

Принимая во внимание описанный выше исторический фон, нет ничего удивительного в том, что понятие семантических прототипов впервые начало разрабатываться когнитивистами. Однако важно осознать, что когнитивизм не обязательно должен связываться с понятием семантических прототипов. Когнитивизм (который существует в различных формах) не требует от своих сторонников приверженности к теории прототипов, и наоборот, использование понятий теории семантических прототипов не влечет за собой приверженность когнитивизму.

Так как понятие семантических прототипов часто идет в паре с понятием естественных родов (и в предшествующей главе я ввел это понятие в этом контексте), а термин 'естественный род' исторически связан с философским реализмом, аналогичное замечание можно высказать по поводу связи когнитивизма и реализма. Когнитивисты часто являются реалистами (в философском смысле этого термина), но в принципе это необязательно. Иными словами, они могут, но не обязательно должны разделять взгляд, что структура внешнего мира по сути такова, как она воспринимается и категоризируется разумом, и что, поскольку (согласно когнитивизму) грамматическая и семантическая структура языков определяется категориями разума, грамматическая и семантическая структура языков определяется косвенно структурой мира в терминах таких онтологических категорий, как естественные роды. И наоборот, можно полагать (и многие так и полагают), что важна не онтологическая структура мира как таковая, а репрезентации мира (независимо от того, верны эти репрезентации или нет).

В дальнейшем, не только в этой главе, но и во всей книге, я принимаю точку зрения наивного реализма на отношение языка к миру. Это точка зрения, которая совместима с различными видами когнитивизма, но не зависит от них, представлена в теоретической концепции, получившей название автономной лингвистики. Она также совместима (хотя логически не зависит от него) с предположением, рассматриваемым многими как вполне разумное (хотя и подвергавшееся, как мы видели, сомнению теми, кого я назвал *tabula-rasa*-эмпиристами), — предположением, что языковое и когнитивное развитие контролируются врожденными, генетически наследуемыми механизмами.

Как мы видели, понятие семантических прототипов стало впервые применяться в лексической семантике в определении слов, обо-

значающих естественные роды, таких, как 'собака', 'тиф', 'лимон' и т. п. Но, как мы также видели в этой главе, нет оснований говорить, что значение слов, обозначающих естественные роды, качественно отличается от значений слов, обозначающих культурные роды. А понятие семантических прототипов применялось лингвистами не только по отношению к существительным, обозначающим культурные роды (таким, как 'bachelor' 'холостяк', 'cup' 'чашка', 'chair' 'стул, кресло'), но также по отношению к различным подклассам глаголов и прилагательных, включая обозначения цвета.

Следствием принятия лексической семантикой понятия семантических прототипов был отказ многих лингвистов от теории определений, иногда называемой теорией «перечня признаков». Согласно этой теории, которая ведет свое происхождение от классического аристотелевского понятия о существенных и случайных признаках, каждый член класса — и особенно каждый член естественного рода — должен обладать (в равной мере) всеми теми свойствами, которые, являясь каждое по отдельности необходимым и все вместе достаточными, образуют интенционал класса и подкласса (род и вид), к которым он принадлежит. Эти свойства, в отличие от случайных свойств объекта, являются существенными в том отношении, что они составляют его сущность (или природу). Более того, каждым отдельным свойством объект либо обладает, либо не обладает, в этом нет никакой неопределенности, и это также не может быть вопросом степени. Отсюда и название 'теория перечня признаков': чтобы решить, попадает или нет нечто в поле определения — является ли нечто собакой, рыбой, лимоном и т. п. или нет, — необходимо свериться с перечнем определяющих признаков класса, к которому оно может принадлежать; при этом вопрос о том, принадлежит ли данный объект к данному классу или нет, всегда, по крайней мере, в принципе, может быть решен.

Для того, чтобы познакомиться с другими следствиями, вытекающими из замены классической теории определений слов теорией, основанной на понятии семантических прототипов, необходимо обратиться к работам, перечисленным в разделе «Рекомендации по дальнейшему чтению» (некоторые из этих работ содержат большое количество примеров из различных языков и из разных областей лексики). То, что говорилось здесь о так называемой теории перечня признаков как теории лексического значения, является особенно важным для компонентного анализа, который рассматривается в следующей главе. При этом нужно понимать, что на традиционную лексикографическую практику оказала большое влияние классиче-

екая, или аристотелевская, теория определения в терминах существенных свойств вещей.

Отказ от традиционного взгляда на определение лексических значений привел также многих лингвистов к отказу от не менее традиционно признаваемого различия между словарем и энциклопедией, или, выражаясь психологическим языком, между двумя видами знания — языковым и неязыковым. Это различие легко сформулировать в абстракции, особенно в психологических терминах. Так, можно сказать, что знание значения слова является частью языковой компетенции (в хомскианском понимании термина 'компетенция', см. раздел 1.4) и хранится в мозгу как часть того, что в современной психолингвистической литературе называется ментальным лексиконом, в то время как неязыковые, энциклопедические знания хранятся в другом разделе мозга и представляют собой качественно иной вид знаний, которые, в отличие от языковых знаний, могут быть различными у разных индивидов. Проблема состоит в том, что, хотя в последние годы психолингвистика достигла определенного прогресса в изучении ментального лексикона, пока далеко не ясно, отличается ли языковое знание качественно от других видов знания (или мнения) и хранится ли оно, с точки зрения нейрофизиологии, в другой части мозга, нежели языковое знание.

Что же касается других способов проведения различий между словарем и энциклопедией, предлагаемых в лексической семантике, то к ним нужно также относиться с осторожностью. Все сказанное во второй части этой книги скорее подтверждает ту точку зрения, согласно которой знание языка и знание мира (включая культуру, в которой функционирует данный язык) взаимозависимы. Мы можем провести различие, в той мере, в какой оно касается дескриптивного значения, между смыслом и денотацией. Мы также можем с полным основанием говорить, что смысл, несомненно, более лингвистичен, в том отношении, что он является полностью внутриязыковым явлением, тогда как денотация связывает язык с миром. При этом мы можем принимать взгляд, что при установлении связи лексики языков с миром, по крайней мере в случае некоторых видов слов, могут использоваться знания (или мнения) о мире. Если мы будем руководствоваться лексикографической практикой, а не просто лингвистической или психолингвистической теорией, мы обязательно примем такую точку зрения. Как мы видели при обсуждении словарных определений обозначающего естественный род существительного 'собака', в словарях, при этом отнюдь не только в тех, которые эксплицитно называются энциклопедическими, дается информация, кото-

рую можно рассматривать как энциклопедическую, о том, что такие слова (в прототипических случаях) обозначают. Можно добавить, что во многих традиционных справочных словарях для объяснения таких слов используются картинки с изображениями того, что они (прототипически) обозначают (наряду с определениями, которые, как указывалось выше, имеют своим источником классическую теорию определений), и что те, кто обращаются к словарям такого типа, обычно считают такие изображения полезными, если не необходимыми частями объяснений. Можно считать, что теории лексического значения, использующие понятие естественных (и культурных) классов, а особенно те, что используют понятие прототипов, обеспечивают философские и психолингвистические обоснования для этой части лексикографической практики.

На этом мы откладываем в сторону вопрос о практической осуществимости разделения языкового и неязыкового (энциклопедического) значений (постольку, поскольку это касается денотации всех слов, имеющих денотацию). Вместо этого мы сосредоточим внимание на том, как внутриязыковая часть лексического значения рассматривается в современной лингвистической семантике: мы сосредоточим внимание на смысле, а не на денотации, на отношениях между словами, а не между словами и внешним миром.

Глава 4

Структурный подход

4.0. Введение

Как мы видели в предшествующей главе, нельзя определить значение слова независимо от значения других слов, с которыми оно (семантически) связано и которые определяют границы его смысла. С семантической точки зрения лексическая структура языка — структура его словаря — может быть представлена в виде сети смысловых отношений: она похожа на паутину, в которой каждая нить является одним из таких отношений, а каждый узел в паутине является какой-то лексемой.

Ключевыми терминами здесь являются слова 'структура' и 'отношение', каждый из которых в настоящем контексте предполагает и определяет другой. Именно слово 'структура' (через прилагательное 'structural' 'структурный') дало название термину 'структурализм', посредством которого современная лингвистика отличается от лингвистики предшествующего этапа. Существовало и существует много школ структурной лингвистики; и некоторые из них до последнего времени не уделяли большого внимания семантике. Сегодня, однако, структурная семантика (а точнее структурная лексическая семантика) занимает такое же почетное место, как и давно существующие структурная фонология и структурная морфология. Но что же представляет собой структурная семантика? Этот вопрос мы рассмотрим в следующем разделе.

Затем мы перейдем к обсуждению двух подходов к задаче точного и систематического описания семантической структуры словарей языков: **компонентного анализа** и использования **постулатов значения**. Мы также вкратце рассмотрим теорию **семантических полей** (или **лексических полей**). Особенное внимание будет уделено компонентному анализу потому, что в последнее время он занимает видное место в литературе по лексической семантике. Как мы увидим, он больше не пользуется той популярностью среди лингвистов, которая была у него десять лет назад, по крайней мере, в его

классической виде. Причины этого будут объяснены в центральных разделах данной главы. Будет также показано, что подходы к описанию лексического значения, которые часто рассматриваются как три разных подхода — компонентный анализ, применение постулатов значения и теория семантических полей, — в принципе не являются несовместимыми.

В данной главе при рассмотрении лексической структуры мы будем пользоваться несколькими простыми понятиями, заимствованными из современной логики. Эти понятия потребуются нам при рассмотрении значения предложений и высказываний в третьей и четвертой частях книги. На самом деле, как мы покажем далее в этой главе, формализация лексической структуры в терминах истинности или ложности пропозиций предполагает удовлетворительное описание того, как пропозиции выражаются в естественных языках. Мы не можем дать такого описания, даже краткого, без рассмотрения пропозиционального содержания предложений. Как мы увидим в третьей части, пропозициональное содержание является частью значения предложения. Поэтому, хотя в этой, завершающей, главе второй части нашим предметом все еще является лексическое значение, мы в ней вместе с тем будем готовить почву для интеграции лексического значения и значения предложения. В ходе этого мы молчаливо будем иметь в виду один из вопросов, поставленных в первой части: что первично с логической и методологической точек зрения — значение слов или значение предложений? Ответ, постольку, поскольку рассматриваются смысл и пропозициональное содержание, состоит в том, что они взаимозависимы, и ни то, ни другое не является логически или методологически первичным.

4.1. Структурная семантика

Структурализм, как мы видели в предшествующей главе, противостоит атомизму (3.3). Как таковой, он представляет собой очень широкое направление, или подход, в мышлении двадцатого века, которое повлияло на многие академические дисциплины. Особенно большое влияние структурализм оказал на социальные науки и на лингвистику, семиотику и литературную критику (а также на различные междисциплинарные комбинации, состоящие из двух или всех трех из этих дисциплин). Представленное здесь краткое описание структурной семантики ограничивается рассмотрением того, что можно было бы назвать в более развернутом виде структуралист-

ской лингвистической семантикой, т. е. теми подходами к лингвистической семантике (а как мы увидим, таких подходов несколько), в основе которых лежат принципы структурализма. Нужно заметить, однако, что структурная семантика в этом смысле пересекается с другими разновидностями структурной, или структуралистской, семантики, особенно, в постсоссюровской традиции, с некоторыми частями семиотики и литературной семантики. Здесь, как и везде, проявляется некоторая искусственность в проведении слишком резких междисциплинарных границ.

Хотя определение, данное мной структурной семантике, намеренно ограничено только областью лингвистической семантики, оно все же шире, чем определение, которое дали бы ей многие другие исследователи, и охватывает многие из таких подходов к лингвистической семантике, которые в литературе обычно не называются 'структурной семантикой'. Во-первых, в силу некоторых исторических причин название 'структурная семантика' обычно относится только к лексической семантике. Теперь, по прошествии времени, можно увидеть, что это ограничение, мягко говоря, парадоксально.

Один из основных или наиболее общих принципов структурной лингвистики заключается в том, что языки представляют собой интегрированные системы, подсистемы (или уровни) которых — грамматический, лексический и фонологический — являются взаимозависимыми. Из этого следует, что нельзя обсуждать структуру словаря (или лексикона) языка, не принимая во внимание эксплицитно или имплицитно его грамматическую структуру. Этот принцип, совместно с другими, более специфическими структуралистскими принципами, был введен (без дальнейших уточнений) в первой главе данной книги при объяснении соссюриаиского различия между 'langue' и 'langage' (включая 'parole'), и он, несмотря на то, что книга состоит из нескольких отдельных частей, будет соблюдаться на всем ее протяжении.

Основная причина того, что термин 'структурная семантика' обычно относится только к лексической семантике, заключается в том, что в первой половине двадцатого века термин 'семантика' (в лингвистике) понимался как относящийся только к лексике. Это, однако, не означает, что предшествующие поколения лингвистов не исследовали то, что мы сейчас рассматриваем как не-лексическую, а точнее, грамматическую семантику. Напротив, традиционная грамматика — и синтаксис, и морфология, но особенно первый — однозначно и эксплицитно базировались на семантических основаниях — на изучении того, что мы рассматриваем в данной книге под рубри-

кой 'значение предложения'. Но значение грамматических категорий и конструкций традиционно рассматривалось под рубриками 'синтаксис', 'словоизменение' и 'словообразование' (в настоящее время называемое 'деривация'). Структурализм не оказал такого глубокого и немедленного влияния на изучение значения, лексического и нелексического, какое он оказал на изучение формы (в фонологии и в морфологии). С того момента, когда это влияние стало ощущаться (начиная с тридцатых годов), в структурной семантике нужно было бы видеть то, чем она фактически являлась: лексическую семантику в рамках структурной лингвистики. В некоторых, но не во всех школах структурной лингвистики она и рассматривалась как таковая. После второй мировой войны все основные лингвистические школы провозгласили свою приверженность тому, что я выше назвал основным принципом структурализма.

Теперь мы подошли ко второй причине того, почему термин 'структурная семантика' даже сегодня имеет в лингвистической литературе гораздо более узкое значение, чем то, которое ему следовало бы иметь, и — что еще более существенно — почему осознанно структурный подход к семантике еще не представлен в большинстве учебников по лингвистике так полно, как следовало бы. К тому времени, когда — в 1950-х годах — термин 'структурная семантика' начал широко употребляться в Европе (особенно в континентальной Европе), более общий термин 'структурная лингвистика' прочно закрепился в Соединенных Штатах за особенно ограниченной и во многих отношениях нетипичной разновидностью структурализма, известной под названием блумфилдианской или постблумфилдианской лингвистики. Одной из отличительных (и малопривлекательных) особенностей этой разновидности структурной лингвистики был сравнительно малый интерес к семантике. Другой ее особенностью был отказ от проведения различий между языковой системой и ее использованием (языковым поведением), а также между языковой системой и продуктами ее использования (высказываниями). Реабилитация семантики в основном русле американской лингвистики началась лишь примерно в середине 1960-х годов, в классический период хомскианской порождающей грамматики, и в то время, когда это произошло, как мы увидим в третьей части, не лексическое значение, а значение предложения было предметом особенного интереса для генеративной грамматики, с одной стороны, и формальной семантики, с другой.

Несмотря на то, что блумфилдианская (или постблумфилдианская) школа лингвистики мало интересовалась семантикой, а в неко-

торых случаях отвергала ее, в Соединенных Штатах существовала и другая традиция, хорошо представленная в антропологической лингвистике 1950-х годов, идущая от Эдварда Сепира, для которой семантика была отнюдь небезынтересна. В других отношениях эта традиция также была намного ближе по духу к европейскому структурализму. Сепир упоминался выше в связи с теорией, обычно называемой гипотезой Сепира—Уорфа — гипотезой о том, что каждый язык, так сказать, является своим собственным законодателем; что каждый язык имеет свою собственную уникальную структуру грамматических и лексических категорий и создает свою собственную категориальную реальность, накладывая эту особенную категориальную структуру на мир чувств и опыта (3.3). Упомянув ранее гипотезу Сепира—Уорфа, я отмечал, что нет обязательной связи между этой разновидностью лингвистического релятивизма (или антиуниверсализма) и основными принципами структурализма. Кроме того, можно предположить, что сам Сепир не разделял крайне релятивистскую версию гипотезы Сепира—Уорфа, как не разделяли ее и многие из его последователей. На самом деле, благодаря им в Соединенных Штатах распространялся особый вид структуралистской лексической семантики, компонентный анализ, одной из особенностей которого было то, что он оперировал набором атомарных компонентов лексического значения, которые считались универсальными. Как мы увидим в третьей части, он был в последствии включен в так называемую стандартную теорию генеративной грамматики в середине 1960-х годов.

Как существует много школ структурной лингвистики, так существует и много школ структурной семантики (лексической и нелексовой). Не все из них будут рассмотрены, или даже упомянуты, в данной книге. По причинам, которые будут объяснены в следующем разделе, мы сосредоточим внимание на только что названном подходе к лексической семантике — компонентном анализе. Это не отдельная семантическая школа, а скорее, метод анализа, который (с вариациями, указанными ниже) является общим для нескольких школ.

На первый взгляд, компонентный анализ, который основан на разновидности атомизма, может показаться несовместимым со структурализмом. Однако это не обязательно так. Что действительно важно, это считаются ли атомы значения, на которые разлагаются слова, логически и эпистемологически независимыми друг от друга (так же как, по мнению таких логических атомистов, как Рассел, логически и эпистемологически не зависят друг от друга значения слов

(3.2)). Одни приверженцы компонентного анализа разделяют эту точку зрения, другие нет. Однако как те, так и другие обычно подчеркивают тот факт, что все слова одного семантического поля определяются в терминах структурных отношений, которые их связывают, и компонентный анализ является средством описания этих отношений. Именно это представление языков как структуры отношений и составляет сущность структурализма в лингвистике. Что это означает для анализа лексического значения, будет объяснено в последующих разделах.

Как мы увидим, рассмотренный с этой точки зрения, компонентный анализ в лексической семантике является, так сказать, вдвойне структуралистским (таким же образом, как вдвойне структуралистским является анализ по различительным признакам в фонологии). Значение слов в рамках этого анализа определяется одновременно в терминах внешних, межлексических, структур отношений — семантических полей, — в которых как единицы функционируют семантически связанные и взаимно определяемые слова или значения слов, а также в терминах внутренних, интралексических, как бы молекулярных структур отношений, в которых единицами являются так называемые атомы лексического значения.

4.2. Компонентный анализ

Одним из способов формализации или придания абсолютной точности смысловым отношениям между лексемами является **компонентный анализ**. Как видно из названия метода, он заключается в разложении смысла лексемы на составляющие его части (компоненты). Этот метод издавна обсуждался в философских дискуссиях о языке. Но только недавно он начал широко применяться в лингвистике. Альтернативным термином для компонентного анализа является **лексическая декомпозиция**.

Начнем с много раз использовавшегося примера. Слова 'мальчик', 'девочка', 'мужчина' и 'женщина' обозначают людей. Поэтому мы можем вычленивать из смысла каждого из них общий семантический множитель "человек" (смысл английского слова 'human'). (В данном разделе различие между одиночными и двойными кавычками особенно важно, см. 1.5). Похожим образом мы можем извлечь из "мальчик" и "мужчина" семантический множитель "мужского пола", а из "девочка" и "женщина" — семантический множитель "женского пола". Что же касается смыслов "мужчина" и "женщина", то можно

сказать, что они имеют общий **смысловой компонент** "взрослый" в отличие от "мальчик" и "девочка", у которых отсутствует компонент "взрослый" (или имеется компонент "не-взрослый"). Таким образом, смысл каждого из этих четырех слов может быть представлен как произведение трех множителей:

- (1) "мужчина" = "человек" × "мужского пола" × "взрослый"
- (2) "женщина" = "человек" × "женского пола" × "взрослый"
- (3) "мальчик" = "человек" × "мужского пола" × "не-взрослый"
- (4) "девочка" = "человек" × "женского пола" × "не-взрослый"

Я намеренно использовал знак умножения для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что эти выражения должны восприниматься как математически точные уравнения, в которых термины 'произведение' и 'множитель' используются точно так же, как, например, в равенстве $30 = 2 \times 3 \times 5$. Пока все идет хорошо. Другое дело, являются ли составленные нами уравнения верными с эмпирической точки зрения. Скоро мы перейдем к этому вопросу.

На самом деле лингвисты обычно не представляют смысловые компоненты таким образом. Вместо того, чтобы говорить, что "мужчина" есть произведение компонентов "человек", "мужского пола", "взрослый", обычно составляющие этот смысл семантические множители обозначаются как ЧЕЛОВЕК, МУЖСКОГО ПОЛА И ВЗРОСЛЫЙ. И это не просто вопрос типографских предпочтений. Согласно существующим правилам нотации, малые прописные буквы используются для обозначения предположительно универсальных смысловых компонентов, из которых построены смыслы выражений в конкретных языках. Большая часть привлекательности компонентного анализа проистекает из возможности идентификации таких смысловых компонентов в лексической структуре различных языков. Они часто называются базовыми атомарными концептами — в том смысле термина 'базовый', который преобладает в философской традиции (и, как отмечалось в третьей главе, необязательно совпадает с другими смыслами этого термина).

Каково же тогда отношение множителя ЧЕЛОВЕК к компоненту "человек", множителя МУЖСКОГО ПОЛА к компоненту "мужского пола", и так далее? Это важный для теории вопрос. Нельзя без доказательств полагать, что семантический множитель МУЖСКОГО ПОЛА обязательно тождественен или эквивалентен компоненту "мужского пола", например, что универсальный (как утверждают некоторые) смысловой компонент МУЖСКОГО ПОЛА идентичен компоненту

"мужского пола" (т. е. смыслу английского слова 'male'). И все же только при таком допущении (при отсутствии более эксплицитных правил интерпретации) можно полагать, что декомпозиция смысла "мужчина" на универсальные множители **МУЖСКОГО ПОЛА**, **ВЗРОСЛЫЙ** и **ЧЕЛОВЕК** что-либо говорит о смысловых отношениях, существующих между английскими словами 'man' 'мужчина', 'male' 'мужского пола', 'human' 'человек' и 'adult' 'взрослый'. Поэтому мы делаем такое допущение. Это оставляет открытым очевидный вопрос: почему английский или какой-либо другой естественный язык должен иметь привилегированный статус метаязыка для семантического анализа всех языков?

Теперь мы можем продолжить формализацию. Прежде всего, мы можем вычленим компонент отрицания из "не-взрослый" и заменить его **оператором отрицания**, в том виде, в котором он определяется в стандартной пропозициональной логике: '~'. Альтернативная и фактически эквивалентная возможность заключается в различении положительного и отрицательного значений у двузначной переменной +/- **ВЗРОСЛЫЙ** (плюс или минус **ВЗРОСЛЫЙ**), двумя значениями которой являются +**ВЗРОСЛЫЙ** и -**ВЗРОСЛЫЙ**. Лингвисты, работающие в рамках хомскианской генеративной грамматики, обычно пользуются вторым типом обозначения. Теперь мы имеем базовый, предположительно атомарный компонент **ВЗРОСЛЫЙ** вместе с дополняющим его компонентом -**ВЗРОСЛЫЙ**. Если считать термины **МУЖСКОГО ПОЛА** и **ЖЕНСКОГО ПОЛА** также взаимодополняющими, мы можем принять один из них за базовый и образовать другой с помощью того же оператора отрицания.

Но какой же из них является базовым в природе или в культуре? Этот вопрос является очень интересным с точки зрения теории в том случае, если мы действительно намереваемся установить инвентарь смысловых компонентов. В принципе можно представить, что на этот вопрос нет универсального ответа. Однако ясно, что в словаре английского языка более общим и более базовым (в одном из смыслов этого слова) в нормальном случае является **MALE МУЖСКОГО ПОЛА**. Феминисты могут на это сказать, и, возможно, правильно, что этот факт объясняется культурными причинами. Во всяком случае, имеются культурно обусловленные исключения: 'nurse' 'медсестра', 'secretary' 'секретарша' и т. п. — среди слов, обычно обозначающих людей; 'goose' 'гусыня', 'duck' 'утка' и в некоторых отношениях 'cow' 'корова' — среди слов, обозначающих одомашненных животных. Что касается **HUMAN ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ**, этот компонент противопоставлен целой группе компонентов, которые с

определенной точки зрения являются в равной мере базовыми — будем называть ИХ СОБАЧИЙ 'CANINE', КОШАЧИЙ 'FELINE', БЫЧИЙ 'BOVINE' и т. д. Они являются в такой же степени базовыми в том смысле, что они могут считаться обозначающими комплексные определяющие свойства естественных родов (см. 3.3).

Выше я использовал знак умножения, символизирующий операцию, с помощью которой объединяются компоненты. Теперь заменим его на пропозициональную связку **конъюнкции**: '&'. Мы можем теперь представить анализ смыслов "мужчина", "женщина", "мальчик", "девочка" как:

(1а) "мужчина" = ЧЕЛОВЕК & МУЖСКОГО ПОЛА & ВЗРОСЛЫЙ

(2а) "женщина" = ЧЕЛОВЕК & ~ МУЖСКОГО ПОЛА & ВЗРОСЛЫЙ

(3а) "мальчик" = ЧЕЛОВЕК & МУЖСКОГО ПОЛА & ~ ВЗРОСЛЫЙ

(4а) "девочка" = ЧЕЛОВЕК & ~ МУЖСКОГО ПОЛА & ~ ВЗРОСЛЫЙ

К этому мы можем добавить:

(5) "ребенок" = ЧЕЛОВЕК & ~ ВЗРОСЛЫЙ,

чтобы показать разницу между отсутствием компонента и его отрицанием. Отсутствие ~ МУЖСКОГО ПОЛА В репрезентации смысла слова 'ребенок' отличает "ребенок" от "девочка". Что же касается лексем 'лошадь', 'жеребец', 'кобыла', 'жеребенок', 'овца', 'баран', 'овцематка', 'ягненок', 'бык', 'корова', 'теленки' — эти и многие другие наборы слов могут анализироваться таким же образом с помощью замены ЧЕЛОВЕК на конский, ОВЕЧИЙ, КОРОВИЙ и т. п. соответственно. Единственные логические операции, которые мы использовали до сих пор, были операции отрицания и конъюнкции. При этом, используя символы пропозициональных операторов '—' и '&' и присоединяя их не к пропозициям, а непосредственно к тому, что логики называли бы предикатами, я принял как нечто данное большую часть дополнительного формального аппарата. Некоторая его часть будет введена позже. Примененный мной вид формализации не является единственным. Я мог бы также использовать терминологию и условные обозначения элементарной **теории множеств**. Все, сказанное выше о композиционной структуре лексического значения, можно было бы выразить в терминах множеств, их дополнений и пересечений множеств. Например, можно представить, что "мальчик" = ЧЕЛОВЕК & МУЖСКОГО ПОЛА & ~ ВЗРОСЛЫЙ говорит, ЧТО любой индивидуальный элемент, попадающий в экстенционал слова 'мальчик', содержится в пересечении трех множеств Ч, М и ~ В, где Ч есть экстенционал лексемы 'человек' (интенционалом которой яв-

ляется ЧЕЛОВЕК = "человек"), М есть экстенционал лексемы 'мужского пола', а $\sim В$ есть дополнение экстенционала лексемы 'взрослый'. Это иллюстрируется с помощью так называемых диаграмм Венна на рис. 4.1.

Есть несколько причин для введения этих элементарных понятий из теории множеств именно сейчас. Во-первых, они имплицитно присутствуют, хотя и редко эксплицируются в более неформальных изложениях теории компонентного анализа. Во-вторых, они хорошо разработаны и точно сформулированы в современной математической логике, и, как мы увидим в третьей части, они играют важную роль в широко распространенных системах формальной семантики. Наконец, они позволяют нам дать очень точное толкование термина 'произведение', когда мы говорим, что смысл лексемы есть произведение ее компонентов, или множителей.

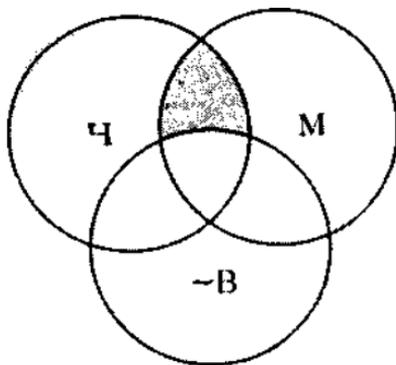

Рис. 4.1. Затемненная часть представляет пересечение Ч, М и $\sim В$

Рассмотрим этот третий момент подробнее. Начну с замены термина 'произведение' более специальным термином 'композициональная функция', который сейчас широко используется в формальной семантике. Сказать, что смысл (или один из смыслов) лексемы является **композициональной функцией** ее смысловых компонентов, значит сказать, что ее значение полностью детерминировано (i) значением компонентов и (ii) определением тех операций, посредством которых они объединяются. Сказать, что значение лексемы является **теоретико-множественной функцией** ее смысловых компонентов, значит сказать, что она представляет собой композициональную функцию особенно простого вида.

Понятие **композициональности**, как мы увидим в третьей части, является чрезвычайно важным для современной формальной се-

мантики. То же самое можно сказать и о математическом смысле термина 'функция'. Все, кто овладели в школе основами элементарной теории множеств (или даже простой математики и алгебры, если они рассматривались в достаточно общем плане), уже знакомы с принципом композициональности и математическим понятием композициональной функции, хотя возможно, что они до настоящего времени никогда не встречали сами термины 'композициональность' и 'функция'. Нужно знать, например, что такое простое алгебраическое выражение, как $y = 2x + 4$ соответствует данному выше определению 'композициональной функции', поскольку числовое значение y полностью определяется, с одной стороны, числовым значением, приписываемым x (в пределах определенного диапазона), и, с другой стороны, арифметическими операциями сложения и умножения.

Для иллюстрации принципов компонентного анализа мы выбрали лексемы, обозначающие свойство. Они являются аналогами того, что в логике называется **одноместными предикатами** — выражениями, имеющими одну позицию, которая должна быть заполнена для того, чтобы они могли использоваться в правильно построенной пропозиции. Например, если 'John' 'Джон' объединяется с одноместным предикатом 'boy' 'мальчик' (при помощи так называемой связки, в английском это глагол 'be' 'быть' в соответствующей временной форме) и если перед формой *boy* ставится семантически пустой неопределенный артикль *a* (так что 'boy' в сложной форме *a boy* является дополнением глагола 'be'), в результате получается простое декларативное предложение, которое может быть использовано для того, чтобы выразить пропозицию "John is a boy" "Джон мальчик". (Для простоты я опустил многие детали, которые будут рассмотрены позднее.) Другие слова, особенно переходные глаголы ('ударить', 'убить'), большинство предлогов и такие существительные, как 'мать', 'отец' и т. д., являются двухместными реляционными предикатами: они обозначают отношения, которые имеют место между двумя сущностями, обозначенными выражениями, заполняющими две позиции при этих предикатах (или же, как в случае слов 'мать', 'отец' и т. п., множеством сущностей, которые могут быть обозначены множеством выражений, заполняющих одну из позиций). Это значит, что при их декомпозиции необходимо принимать во внимание направленность отношений. Например, разложение

(6) "отец" = РОДИТЕЛЬ & МУЖСКОГО ПОЛА

неадекватно в том отношении, что оно не эксплицирует тот факт, что отцовство является двухместным (или двучленным) отношением

и имеет определенную направленность. Оно может быть расширено добавлением **переменных** в соответствующие позиции:

(7) "отец" = (x, y) РОДИТЕЛЬ & (x) МУЖСКОГО ПОЛА,

что выражает тот факт, что «родительство» (и тем самым отцовство) является отношением с двумя заполненными местами (x, y) и что (во всех случаях отцовства — на основании того, что переменные рассматриваются как универсально квантифицированные) x является родителем y, и x является лицом мужского пола. Это не только указывает направление отношения (посредством относительного порядка переменных x и y). Это также говорит нам, что релевантен пол .x, а не y.

Имеются и иные усложняющие анализ моменты. Наиболее важным из них является необходимость введения в репрезентацию смысла некоторых лексем иерархической структуры, которая бы отражала синтаксическую структуру пропозиционального содержания предложений. Например, "give" 'давать' может быть достаточно адекватно представлено в виде двухместной структуры (y, z) HAVE 'иметь', вставленной в другую двухместную структуру (x,*) CAUSE 'каузировать', где звездочка указывает место, в которое она должна быть вставлена:

(8) (.x,(y, z) HAVE) CAUSE '(x,(y, z) ИМЕТЬ) КАУЗИРОВАТЬ'.

Это выражение может читаться (оставляя в стороне проблему грамматического времени) как: 'x каузирует y иметь г', Аналогичным образом, "kill" 'убить' может быть представлено в виде одностной структуры, вставленной в такую же каузативную двухместную структуру:

(9) (.x,(y) DIE) CAUSE '(x,(y) УМЕРЕТЬ) КАУЗИРОВАТЬ',

которая может быть прочитана как "x каузирует y умереть". Репрезентация такого типа предполагает наличие гораздо более мощной системы формализации, чем операции в рамках теории множеств, которых в принципе было достаточно для анализа примеров, использованных ранее в данном разделе. Тем не менее нет сомнений, что композициональная структура более сложных примеров, таких, как "давать" и "убивать", может быть представлена в формализованном виде. В последние годы были предложены различные способы такой формализации, прежде всего лингвистами, работающими в рамках различных видов генеративной грамматики.

4.3. Эмпирическая база компонентного анализа

Сказать, что компонентный анализ может быть формализован, это одно; совсем другое дело то, насколько такая формализация представляет теоретический интерес или согласуется с теми фактами, которые мы наблюдаем в реальной жизни. Теоретическая мотивация и эмпирическая обоснованность затрагивают вопросы иного порядка, чем те, которые относятся к формализации. Теоретическая мотивация компонентного анализа достаточно ясна. Он предоставляет лингвистам, в принципе, систематизированные и экономные средства репрезентации смысловых отношений, существующих между лексемами в отдельных языках и, при условии, что эти компоненты универсальны, во всех языках. Однако теоретическая ценность компонентного анализа в значительной мере уменьшается при более внимательном рассмотрении конкретных примеров применения этого анализа. Во-первых, возникает вопрос, какой из двух смыслов термина 'базовый', рассмотренных в предыдущей главе, должен приниматься во внимание при выборе предполагаемых атомарных универсальных компонентов. Нет оснований полагать, что то, что является базовым в смысле наибольшей обобщенности, также является базовым в повседневном мышлении большинства носителей языка. Более того, можно продемонстрировать, что, если всегда извлекать те компоненты, которые можно идентифицировать в наибольшем числе лексем, это очень часто приводит к менее экономному и менее систематическому анализу конкретных лексем, чем это было бы при анализе каждой лексемы самой по себе.

Что же касается эмпирической обоснованности компонентного анализа, нетрудно показать, что она является скорее кажущейся, чем реальной. Например, из анализа смыслов "мальчик", "девочка" и "ребенок" (т. е. значений английских слов 'boy', 'girl' 'child'), представленного в предшествующем разделе, следует, что все мальчики и девочки являются детьми. Но это не так: пропозиция выраженная в (10) *John is a boy and Jane is a girl* Джон мальчик, а Джейн девочка' не имплицитно выражает пропозицию, выраженную в

(11) *John and Jane are children* 'Джон и Джейн—дети'

(в релевантном, не реляционном смысле лексемы 'ребенок') . Здесь нельзя говорить о том, что дело тут не в значении слова 'ребенок', а

⁵ Здесь и ниже в своем рассуждении автор опирается на анализ смысла английских слов *boy* и *girl*, имеющих более широкие значения, чем соотносительные русские слова *мальчик* и *девочка*: *boy* — 'мальчик, молодой че-

в его употреблении или же в том, что оно понимается не в буквальном значении или несет здесь какой-то иной, отличный от смысла аспект значения. Английские выражения 'male child' 'ребенок мужского пола' и 'female child' 'ребенок женского пола' не являются дескриптивно синонимичными словам 'boy' и 'girl'. Поэтому этот анализ необходимо, по меньшей мере, чем-то дополнить, чтобы отразить этот факт. А что можно сказать об анализе смысла 'boy' и 'girl' в отношении к смыслам слов 'man' 'мужчина' и 'woman' 'женщина'? Даже здесь НЕ-ВЗРОСЛЫЙ создает трудности. Прежде всего, ни пропозиция "That boy is now an adult" 'Этот мальчик теперь взрослый', ни "That girl is now an adult" 'Эта девочка теперь взрослая' (в отличие от "That child is now an adult" 'Этот ребенок теперь взрослый') ни в каком отношении не представляются аномальными. Как же тогда в этом случае гипотетически универсальный смысловой компонент ВЗРОСЛЫЙ соотносится с "взрослый" (смыслом английского слова 'adult')? На этот вопрос необходимо ответить.

Во-вторых, фактом является то, что в большинстве контекстов 'girl' 'девочка' и 'woman' 'женщина' не употребляются как контрадикторные термины, в то время как 'boy' 'мальчик' и 'man' 'мужчина', хотя они могут и не являться контрадикторными в строгом смысле, определенно более резко противопоставляются друг другу семантически, чем 'girl' и 'woman'. И наконец, ни один из более явных и относительно объективных биологических или культурных критериев взрослости — половая зрелость, юридическое совершеннолетие, экономическая и социальная независимость и т. д. — не является релевантным, за исключением некоторых контекстов, для дескриптивного употребления 'man', а не 'boy', или 'woman', а не 'girl'. Нет нужды упоминать о том, что эти трудности возрастают, когда мы начинаем сравнивать анализ лексемы 'child' 'ребенок' с анализом 'lamb' 'ягненок' и 'foal' 'жеребенок' — не говоря уже о сравнении анализа 'boy' и 'girl' с анализом 'colt' 'жеребчик' и 'filly' 'кобылка'.

Подобным же образом можно утверждать, что хотя HUMAN 'человек' является необходимым компонентом значений слов 'man' и 'woman', он не является необходимым компонентом значений слов 'boy' и, возможно, 'girl'. Юные боги мужского пола (например, Купидон) систематически описываются как мальчишки (boys) (так же как богини женского пола, в соответствующих обстоятельствах, —

ловек, мужчина'; *girl* — 'девочка, девушка, молодая женщина'. — *Примеч. перев.*

как девушки (maidens)), но они не становятся мужчинами и не считаются людьми. И в таких случаях также нельзя сказать, что 'boy' или 'girl' употребляются не буквально. Мы должны соблюдать осторожность, чтобы не привносить наши собственные метафизические предрассудки в анализ словарей естественных языков. Мы не должны проводить, основываясь на них, различия между буквальным и не буквальным значением.

Если компонентный анализ является неудовлетворительным в теоретическом и в эмпирическом отношениях, почему же я уделил ему столько много места? Отчасти потому, что он совсем недавно занимал видное место в работах по семантике и лежит в основе многих несомненно ценных исследований, но отчасти также и потому, что существует и другой взгляд на компонентный анализ, который делает его не столь неудовлетворительным. Он заключается в том, чтобы рассматривать его не как способ представления всего смысла (и только смысла) лексем, но как способ формализации той части их **прототипического**, ядерного или центрального, значения, которое они разделяют с другими лексемами. Например, нет сомнений, что 'boy' прототипически употребляется применительно к людям и, далее, что в той мере, в какой мы понимаем это слово, когда оно употребляется применительно к Купидону, мы понимаем его потому, что мы прежде всего понимаем его в применении к людям. Поэтому компонент ЧЕЛОВЕК является определяющим для центральной части значения лексемы 'мальчик' и используется по аналогии в нецентральных употреблениях. Но он не является частью ее интенционала, т. е. частью свойства, которое определяет класс, члены которого обозначает эта лексема. Большинство предлагаемых предположительно универсальных компонентов относятся к этому типу.

Лингвисты больше не защищают компонентный анализ с таким же теоретическим энтузиазмом, как это было несколько лет тому назад. Некоторые причины такого охлаждения многих, хотя далеко не всех, лингвистов к компонентному анализу связаны с более общими проблемами, относящимися к любому виду анализу смысла лексем, претендующему на исчерпывающий характер и полную определенность. Другие причины связаны непосредственно с компонентным анализом как таковым. Как я уже говорил при описании компонентного анализа, в той версии, которую можно было бы назвать стандартной или классической, он является несостоятельным, в особенности в сочетании с принципом универсальности. В то же время он имеет большое историческое значение и до сих пор применяется довольно широко. В последующих разделах книги мы уви-

9*

дим, что компонентный анализ отнюдь не противоречит другим подходам к структурной семантике и, по крайней мере в принципе, вполне совместим с ними. Особенно хорошо он сочетается с теорией прототипов, а также, как будет показано ниже, с использованием так называемых постулатов значения.

4.4. Следование и возможные миры

Следование играет важную роль во всех теориях значения, однако для некоторых теорий оно особенно важно. Рассмотрим следующие две пропозиции, которые я обозначил как p и q (по причинам, которые объясняются непосредственно ниже):

(12) "Ахиллес убил Гектора" (p)

(13) "Гектор умер" (q)

Первая пропозиция, p , необходимо имплицитно, или **влечет за собой** вторую пропозицию, q : если верно, что Ахиллес убил Гектора, тогда необходимо верно и то, что Гектор умер. В логической терминологии, следование есть отношение, существующее между p и q , — где p и q являются переменными, обозначающими пропозиции, — такое, при котором, если истинность q необходимо следует из истинности p (а ложность q необходимо следует из ложности p), то q следует из p . Ключевым термином здесь является 'необходимо'.

Следует заметить, что, во-первых, следование определяется как отношение между **пропозициями**. Это важно. Некоторые авторы говорят об отношениях следования между предложениями. Говоря это, они либо используют термин 'предложение' слишком свободно, либо в очень специальном смысле. Другие, по причинам, в которые нам нет нужды здесь вдаваться, определяют следование как отношение между утверждениями (statements). Но такое употребление тоже основано на специальном определении слова 'statement', которое в нескольких отношениях противоречит его обыденному смыслу в английском языке и может привести к путанице. Я буду рассматривать отношения, существующие между предложениями и пропозициями в третьей части, а природу утверждений, так же как вопросов, команд и т. п. — в четвертой части. Пока же я просто хочу обратить внимание читателей на тот факт, что здесь (как и несколько ранее) я расширяю область применения двойных кавычек до обозначения ими пропозиций. Пропозиция, как вы увидим далее, является частью значения высказывания, в котором она выражена.

Не существует стандартного условного обозначения отношения следования. Я буду пользоваться двойной стрелкой. Таким образом,

(14) $p \Rightarrow q$

будет означать "из p следует q ". Это логическое отношение, символизируемое таким образом, может определяться в модальной логике в терминах импликации и необходимости. Нам необязательно входить здесь в формальные моменты. Но нам необходимо обсудить само понятие необходимости. Пропозиции могут быть истинными (или ложными) либо необходимо, либо случайно. Необходимо истинной (или ложной) является такая пропозиция, которая истинна или ложна при всех возможных обстоятельствах: или, как говорил в семнадцатом веке немецкий философ Готфрид Лейбниц (1646—1716), **во всех возможных мирах**. Например, пропозиции

(15) "Снег белый"

и

(16) "Кролики являются людьми"

соответственно могут быть необходимо истинными и необходимо ложными. **Случайно** истинная (или ложная) пропозиция, с другой стороны, есть такая пропозиция, истинностное значение которой могло или может быть иным в других обстоятельствах (в других возможных мирах). Например,

(17) "Наполеон потерпел поражение при Ватерлоо"

является случайным в указанном смысле. Мы можем представить возможный мир, или возможное состояние мира, в котором эта пропозиция не будет истинной. Это интуитивно постигаемое понятие **возможных миров** (теологическое развитие которого Лейбницем высмеяно Вольтером в «Кандиде») формализуется различными методами в современной модальной логике. В логических целях возможный мир может отождествляться с набором пропозиций, которые истинно описывают его. При такой интерпретации термина 'мир' говорят об истинности пропозиций в мире, а не об истинности пропозиций о мире (относительно мира). Заметим, что в данном абзаце я использовал оба способа говорить о мире. В настоящее время я не буду разграничивать эти два способа. Однако может оказаться полезным думать о мире, в котором пропозиции истинны (или ложны), как о внутреннем, ментальном или когнитивном мире, а о мире, пропозиции которого истинны, как о внешнем (т. е. экстраментальном) мире, который **репрезентируется** внутренним миром.

Пока все было достаточно просто. Проблемы возникают, как только мы начинаем более близко рассматривать понятие необходимости. Можно начать с рассмотрения двух видов необходимых истин, выделяемых философами: аналитической и логической. (Они не всегда четко различаются в лингвистической семантике.) Понятие аналитической истины (в современном понимании термина 'аналитический') заимствовано из работы великого немецкого философа восемнадцатого века Иммануила Канта (1724—1804). По Канту, пропозиция (традиционно представляемая как соединение субъекта и предиката) является **аналитически** истинной, если значение субъекта входит в значение предиката и может быть обнаружено путем анализа. Например, при том, что "female" (значение лексемы 'female' 'женского пола') или FEMALE (универсальный смысловой компонент, идентичный или включающий "female") включен в смысл "girl", истинность пропозиции

(18) "All girls are female" 'Все девочки женского пола'

может быть продемонстрирована при помощи анализа субъектного выражения 'all girls' 'все девочки', а точнее лексемы 'girl' 'девочка'. Смысл лексемы 'girl' (т. е. "girl") может быть разложен на "human" x "female" x "non-adult" ("человек" x "женского пола" x "не-взрослый"), см. (4) в разделе 4.2. Поэтому рассматриваемая нами пропозиция эквивалентна следующей пропозиции:

(19) "All human, female, non-adults are female" 'Все не-взрослые люди женского пола — женского пола',

в которой предикат "female" явно содержится в субъекте. На этом примере можно непосредственно увидеть изначальную мотивировку использования термина 'аналитический' и релевантность для данной проблемы метода компонентного анализа. В наши дни определение аналитичности обычно формулируется в более общих терминах: аналитически истинная (**аналитическая**) пропозиция есть пропозиция, которая является необходимо истинной в силу своего значения, то есть это пропозиция, истинность которой может быть показана посредством (семантического) анализа. Мы принимаем именно такую формулировку.

Любая пропозиция, которая не является аналитической, по определению является **синтетической**. Поэтому все случайные пропозиции, такие, как

(20) "Наполеон потерпел поражение при Ватерлоо",

являются синтетическими. (И здесь я вновь пользуюсь возможностью напомнить читателям, что (20) является пропозицией, только если

референтные выражения в ней, а именно 'Наполеон' и 'Ватерлоо', фиксированы в своей референции.) Однако из этого не следует, что все синтетические пропозиции являются случайными. Это важный момент, и он много обсуждался философами. Нет необходимости рассматривать его здесь. Нам, как лингвистам, достаточно осознавать, что существуют доводы в пользу (рационалистской) точки зрения (отвергаемой многими философами-эмпиристами) о том, что существуют некоторые синтетические необходимые истины, которые являются истинными *a priori*, то есть до или независимо от опыта.

Теперь мы подошли к вопросу о логической истине. **Логически истинной** (или ложной) пропозицией является такая пропозиция, истинностное значение которой определяется только **логической формой** этой пропозиции, например:

(21) "Every person that is female is female" 'Каждый человек женского пола есть женского пола'.

Что нужно понимать под 'логической формой' — дискуссионный вопрос. Еще более дискуссионным является вопрос об отношениях между логической формой пропозиций и структурой предложений естественного языка. Но для выполнения задач, поставленных в данной книге, можно считать, что понятие 'логическая форма' удовлетворительно определяется в стандартных логических системах и что, по крайней мере, в простых случаях у нас есть ее интуитивное понимание. Можно предположить, например, что

(22) "All female persons are female" 'Все люди женского пола — женского пола'.

(23) "All red books are red" 'Все красные книги — красные',

и т. п. интуитивно признаются логическими истинами. Они определенно классифицировались бы как таковые в силу своей формы (т. е. своей структуры) во всех стандартных логических системах. Как я говорил ранее, логические истины представляют собой один из двух видов необходимых истин. Более того, если логическая форма считается частью значения пропозиции, логические истины являются подклассом аналитических истин. Все это следует по определению. Иногда утверждается, что все аналитические истины являются также логическими истинами, но это очень спорный вопрос. Иногда также утверждается или без обсуждения принимается как нечто бесспорное, что необходимыми истинами являются только логические истины. На мой взгляд, существуют веские основания для признания различных видов не только не-логической необходимости, но также и не-аналитической необходимости.

Лингвисты часто употребляют термин 'необходимо' и даже термин 'следование' довольно небрежно. Поскольку они занимаются семантической структурой естественных языков, для них должны представлять интерес не необходимо истинные пропозиции как таковые, а аналитически истинные пропозиции (включая логические истины). Подобным же образом, если следование понимается так, как описано выше, то основной интерес представляет, или должно представлять, не следование во всем его объеме, а то, что можно было бы назвать семантическим, или аналитическим, следованием. Вообще говоря, именно это лингвисты и имеют в виду, когда они прибегают к понятию следования. С этого момента я буду употреблять термин 'следование' в этом более узком смысле. Конечно, можно утверждать, что все необходимые истины являются аналитическими, как я утверждал ранее. Однако представляется, что дело обстоит не так.

Во-первых, существуют пропозиции, которые, если они истинны, являются таковыми в силу естественной, или физической, необходимости, т. е. в силу действия законов природы. Условие "если они истинны" является важным. Мы никогда не должны смешивать **эпистемологический статус** пропозиции с ее **истинностным значением**. Существует различие между истинностью (или ложностью) пропозиции и случаями, когда пропозиция считается истинной. Пропозиции как таковые не меняют своего истинностного значения; в то же время их эпистемологический статус подвержен пересмотру в свете новой информации, изменений в научной и культурной системе взглядов, которые определяют общепринятые онтологические предположения в данном обществе, и т. д. (Мы уже отмечали, что важно принимать во внимание такие изменения, когда мы обсуждали взгляд Патнэма и Крипке на естественные классы, см. 3.3.)

К пропозициям, которые являются истинными в силу **естественной необходимости**, можно отнести

(24) "All human beings are mortal" 'Все люди смертны'.

Можно утверждать, что эта пропозиция, если она истинна, истинна в силу биологической необходимости (которая, в соответствии с современными концепциями, является видом естественной необходимости). И все же она не является аналитической. Значение лексемы 'human' 'человеческий' не изменилось бы (не изменилось бы и значение 'mortal' 'смертный'), если бы вдруг открыли, что, вопреки всеобщему мнению и общепризнанным научным гипотезам, некоторые люди бессмертны или могут быть сделаны таковыми при помощи регулярно повторяющихся хирургических вмешательств.

Теперь, когда мы рассмотрели различие между естественной необходимостью и необходимостью в силу значения на достаточно понятном примере, нам легче увидеть, что многие из примеров следования, фигурирующих в недавних публикациях, являются по меньшей мере сомнительными, например, (25):

(25) "Jackie is pregnant" => "Jackie is female" 'Джеки беременна => Джеки — женского пола'.

На первый взгляд, кажется, что отношение (25) верно в силу значения выражений 'беременна' и 'женского пола'. Однако после минутного размышления мы увидим, что это не является реальным примером семантического следования. Предположим, что прогресс в области хирургии и иммунологии позволили трансплантировать в тело мужчины женскую матку (и сделать все остальное, что требуется согласно данной гипотезе), чтобы потом с помощью кесарева сечения он мог родить ребенка. Можно представить несколько вариаций на эту тему, каждая из которых, просто вследствие своей концептуальной и логической непротиворечивости, делает сомнительным тезис о том, что компонент "female" 'женского пола' входит в значение слова 'pregnant' 'беременна'. Однако нет необходимости прибегать к таким гипотезам. Достаточно того, что мы можем осмысленно обсуждать возможность беременности мужчины и спорить о личных и социальных последствиях этого. Если мы наложим на 'возможный мир' те же ограничения, которые мы налагаем на 'следование', мы можем сказать, что существуют возможные миры, в которых " x is pregnant" ' x беременна' не влечет за собой " x is female" ' x — женского пола' (где " x " является переменной, которая замещает любое подходящее выражение). В конце концов, как мог бы сказать Лейбниц, все могло бы быть иначе в каком-то ином мире, отличном от лучшего из миров, созданного мудростью Божьей (и который, путями, пока не ведомыми теологам и ученым, Бог может изменить, дав, например, мужчинам возможность разделить с женщинами тяжкие обязанности деторождения).

Точно так же, как мы выделили, наряду с естественными родами, культурные роды, мы могли бы также говорить о наличии, наряду с естественной необходимостью, культурной необходимости. Например, можно утверждать, что (в нашей культуре) именно в силу культурной необходимости брак должен рассматриваться как симметричное отношение между двумя лицами разного пола. Если это так, и при том условии, что мы используем английский язык для того, чтобы говорить о культуре, в которой соблюдается указанное выше условие (в отношении совместного проживания, социальных и

экономических ролей и т. п.), мы могли бы сказать, что "x is married to y" 'x женат на y' необходимо имплицитно "y is married to x" 'y замужем за x'; что конъюнкция "x is male" 'x — мужского пола' и "x is married to y" 'x женат на y' необходимо имплицитно "y is female" 'y — женского пола' и т. д. Такая необходимость очевидно отличается от естественной необходимости. Более того, легко представить другие культуры (или субкультуры в нашей собственной культуре), в которых гомосексуальные союзы (включая совместное проживание и т. п.) становятся не только приемлемыми, но регулируются законами и религией на равных условиях с гетеросексуальными союзами. Можно представить без особого труда тройные союзы, в которых каждый супруг, независимо от своего биологического пола, может быть определен как жена одного и муж другого. Или же мы легко можем представить поправки в нашем законодательстве о разводах, делающие возможным изменение брачного статуса одного из партнеров без вытекающих из этого изменений в противоположном направлении в статусе другого партнера. В таких обстоятельствах "x is married to y" 'x женат на y' уже не имплицитно необходимо "y is married to x" 'y замужем за x'. Изменилось ли бы при этом значение лексемы 'married'? Есть веские основания утверждать, что оно не изменилось бы.

Рассмотрение возможностей, подобных этим, позволяет нам осознать, что семантическое следование отнюдь не является таким четко определенным, каким его иногда представляют. Мы не обязательно должны идти до конца с такими философами, как Куайн (Quine 1953), в их критике различия между аналитическими и синтетическими истинами. Но мы, конечно же, должны согласиться с ним, когда он говорит, что это различие, поскольку оно касается естественных языков, не является четким. Я не буду рассматривать этот вопрос далее, но я хотел бы, чтобы читатель критически взглянул на то, что выдается за следование в работах последнего времени по теоретической семантике. Многие из этого определенно не являются следованием, и многие обладают сомнительным статусом в отношении аналитичности. При этом многие предложения, приводимые в учебниках по лингвистике в качестве примеров грамматически правильных, но бессмысленных или семантически неправильно построенных, например, такие, как

(26) 'My uncle is pregnant again' 'Мой дядя опять беременный',

не только имеют значение, но могут употребляться для утверждения того, что могло бы являться истинной пропозицией в каком-то возможном мире. Мы вернемся к этому вопросу в следующей главе.

4.5. Смысловые отношения и постулаты значения

В третьей главе было проведено различие между денотацией и смыслом и смысл определялся в терминах **смысловых** отношений. Некоторые из смысловых отношений были проиллюстрированы примерами, но без подробного обсуждения. Ни одно из этих отношений, кроме дескриптивной синонимии, пока не было названо или определено. Для того чтобы получить более подробное представление о различных видах смысловых отношений, читателю следует обратиться к другим работам. Здесь же я представлю самый краткий очерк этих отношений. Моя основная задача в данном контексте — показать, как смысловые отношения различных видов могут быть формализованы.

Смысловые отношения могут быть двух видов: **подстановочными** и **комбинаторными** (или, в более знакомых лингвистам сосюрловских терминах, — **парадигматическими** и **синтагматическими**). Подстановочными отношениями являются такие отношения, которые существуют между взаимозаменяемыми членами одной грамматической категории; комбинаторные отношения существуют обычно, хотя и не необходимо, между выражениями различных грамматических категорий (например, существительными и прилагательными, между глаголами и наречиями и т. д.), которые могут быть объединены в грамматически правильно построенные комбинации (или конструкции). Например, подстановочное отношение (определенного вида) существует между существительными 'bachelor' 'холостяк' и 'spinster' 'незамужняя женщина', в то время как отношение, существующее между прилагательным 'unmarried' 'неженатый/незамужняя' и существительными 'man' 'мужчина' и 'woman' 'женщина', является комбинаторным. Лексически сложные выражения 'unmarried man' и 'unmarried woman' являются не только грамматически правильно построенными; они также, в силу того, что я назову **совместимостью** смысла данного прилагательного со смыслом данных существительных, являются **коллокационно** (сочетаемостно) приемлемыми — они могут встречаться вместе в одной конструкции. Как показывают эти и другие примеры, более специфические, лексически и грамматически более простые выражения могут быть более или менее дескриптивно эквивалентными лексически сложному выражению, в котором объединены два (или несколько) более общих выражений. Например, 'foal' 'жеребенок' может быть дескриптивно эквивалентно выражению 'baby horse' 'детеныш-лошадь'.

Я не буду здесь много говорить о комбинаторных смысловых отношениях, так как они уведут нас в область грамматического значения и семантики предложения. Однако важно отметить, что некоторые лексемы так сильно ограничены в отношении коллокационной приемлемости, что невозможно предсказать их комбинаторные отношения на основе независимой характеристики их смысла. Классическими примерами в английском языке являются 'rancid' 'прогорклый, тухлый' и 'addled' 'тухлый'. Ясно, что важной частью знания смысла этих слов является знание того, что 'rancid' сочетается со словом 'butter' 'сливочное масло', а 'addled' — с 'egg' 'яйцо' (и метафорически с 'brain' 'мозги'). Взгляд, которого мы придерживаемся здесь, состоит в том, что смысл лексемы, будь она строго ограниченной или нет в своей коллокационной приемлемости, включает как комбинаторные, так и подстановочные отношения.

Мы рассмотрим подробно только два вида подстановочных смысловых отношений — гипонимию и несовместимость. Оба этих вида могут быть определены в терминах следования.

Отношение **гипонимии** можно проиллюстрировать с помощью таких пар слов, как 'собака' и 'животное', первое из которых является гипонимом второго: смысл слова 'собака' включает смысл слова 'животное'. Следование, как мы видели в предыдущем разделе, является отношением, существующим между пропозициями. Однако при условии, что мы будем помнить об этом, удобно как бы стенографически говорить, что из одного слова следует другое, точно так же, как может быть удобно так же стенографически говорить, что из одного предложения следует другое. Приняв такой вид сокращенной записи, мы можем сказать, что одно выражение, / является гипонимом другого выражения, g , если и только если g следует из f символически:

(27) $f \Rightarrow g$.

Например, из слова 'dog' 'собака' следует слово 'animal' 'животное'. Если дана пропозиция p , содержащая "dog", замена "dog" на "animal" в пропозиции p даст другую пропозицию q , которая следует из p . Таким образом из

(28) "I saw a dog" (p) 'Я увидел собаку'

следует

(29) "I saw an animal" $i(q)$ 'Я увидел животное'.

В этом случае не требуется никаких синтаксических преобразований. Тем не менее нам все еще нужно связать пропозиции с высказываниями (а пропозициональное содержание с предложениями).

Если это можно будет сделать, утверждению о том, что 'dog' является гипонимом 'animal', можно дать точную формальную интерпретацию. Этим мы займемся позже. Но каков с т $a, f \Rightarrow g$ с формальной точки зрения?

Лучше всего оно интерпретируется как то, что некоторые логики вслед за Карнапом (Catnap 1956) называют **постулатом значения**. Вообще говоря, в использовании постулатов значения многие лингвисты видели подход, альтернативный компонентному анализу. При рассмотрении с этой точки зрения, преимущество постулатов значения над классической или стандартной версией компонентного анализа заключается в том, что они не предполагают разложение смысла лексемы с максимальной степенью дробности на целое число универсальных смысловых компонентов. Постулаты значения могут определяться для лексем как таковых, без предположений об атомарных концептах и универсальности, и они могут использоваться для намеренно неполного описания смысла лексемы. С эмпирической точки зрения это очень значительные преимущества. В конце концов, остается спорным вопрос о возможности, даже в принципе, выполнить полный анализ смысла всех лексем в словарях естественных языков. Как я неоднократно подчеркивал, можно утверждать, что смысл по крайней мере некоторых лексем естественного языка является в большей или меньшей степени размытым и неопределенным.

Конечно, значимость любого конкретного постулата значения, такого, как, например,

(30) 'dog' \Rightarrow 'animal'

для английского языка, будет зависеть от того, является ли предполагаемое следование фактически аналитическим. В этой связи стоит отметить возможность упорядочения постулатов значения, связанных с конкретной лексемой, иерархически в зависимости от степени их аналитичности. Например,

(31) 'bachelor' 'холостяк' \Rightarrow 'unmarried' 'неженатый'

(в соответствующем смысле слова 'bachelor') представляется более аналитичным, чем

(32) 'bachelor' \Rightarrow 'adult' 'взрослый'

и, возможно, чем

(33) 'bachelor' \Rightarrow 'man' 'мужчина'.

Предположим, например, что вступление в брак с детьми было бы легализовано и стало бы обычным делом в какой-нибудь англоязыч-

ной стране. Как представляется, в таких обстоятельствах слово 'bachelor' 'холостяк' без колебаний употреблялось бы по отношению к неженатым детям. При этом смысл лексемы 'bachelor' не изменился бы. Намного труднее представить сопоставимые обстоятельства, при которых 'bachelor' 'холостяк' => 'unmarried' 'неженатый' признавалось бы недействительным без связанного с этим какого-либо дополнительного изменения смысла либо 'bachelor', либо 'unmarried'. Поэтому, независимо от эмпирического статуса этого примера, ясно, что говорящие на конкретном языке могут считать какие-то следования из какого-то слова более центральными, чем другие следования из того же самого слова.

Иерархически упорядоченные постулаты значения могут быть использованы для демонстрации неопределенности границы между аналитическим и синтетическим. Я отметил данный момент по отношению к гипонимии, но он относится ко всем смысловым отношениям, которые можно формализовать в терминах постулатов значения. Прежде, чем мы продолжим, стоит отметить, что дескриптивная синонимия может определяться в терминах симметричной гипонимии. Хотя термин 'гипонимия' обычно применяется к асимметричному отношению следования (то есть такому, при котором из /следует g , но из g не следует/: 'dog' => 'animal' истинно, в то время как 'animal' => 'dog' ложно), в формальном определении гипонимии нет ничего такого, что делало бы это необходимым. Поэтому мы можем сказать, что

$$(34) f \Leftrightarrow g$$

(с двунаправленной двойной стрелкой, символизирующей симметричное следование) устанавливает дескриптивную синонимию/и g (например, 'pupru' 'щенок' О 'baby dog' 'собака-детеныш'). Легко доказывается, что определение дескриптивной синонимии в терминах симметричного следования эквивалентно следующему: два выражения являются дескриптивно синонимичными, если и только если они имеют одни и те же следования.

Второй вид подстановочных смысловых отношений — **несовместимость**, которая определяется в терминах следования и отрицания:

$$(35) f \Rightarrow \sim g \text{ и } g \Rightarrow \sim f.$$

Например, 'красный' и 'синий' определяются как несовместимые следующим образом: если нечто (полностью) красное, то оно необходимо не (даже частично) синее, и наоборот. Особым случаем несовместимости является **комплементарность**, которая существует

внутри двучленных лексических групп, где, помимо (35), также удовлетворяются следующие условия:

$$(36) \sim f \Rightarrow g \text{ и } \sim g \Rightarrow f$$

Например, не только (i) из 'married' 'женатый' следует отрицание выражения 'unmarried' 'неженатый' и (ii) из 'unmarried' следует отрицание выражения 'married', но (iii) из отрицания выражения 'married' следует 'unmarried' и (iv) из отрицания выражения 'unmarried' следует 'married'. Комплементарность часто рассматривается как вид антонимии ("противоположности значения").

Но **антонимия** в самом узком смысле — полярная антонимия — отличается от комплементарности вследствие ее **градуируемости** (в терминах большей или меньшей степени признака). Это означает, что конъюнкция двух отрицаемых антонимов не является противоречивой. Например, 'хороший' и 'плохой' являются полярными антонимами, и выражение "х ни плох, ни хорош" вполне приемлемо, даже если можно считать, что "х — не хороший" подразумевает "х — плохой" во многих контекстах. Когда значение этих лексем градуируется в эксплицитно сравнительной конструкции ("х лучше, чем у") верно следующее:

$$(37) f(x, y) \Rightarrow g(y, x),$$

где надстрочный знак плюс служит нестандартным, но удобным средством обозначения смысла "более". Например, если *f* является 'хорошим', а *g* является 'плохим', тогда *f* и *g* символизируют выбор форм *лучше* и *хуже* ("более хороший" и "более плохой"). Если мы подставляем выражения, обозначающие определенных индивидов, вместо *x* и *y*, мы видим, что, например, из "Джон лучше Питера" следует "Питер хуже Джона".

На самом деле, выражения со значением "более хороший" и "более плохой" являются **двухместными конверсивами**. Они похожи на соответствующие активные и пассивные глагольные выражения ('kill' 'убить': 'be killed' 'быть убитым'), а также на такие пары лексем, как 'husband' 'муж': 'wife' 'жена' (с учетом происходящих в обоих случаях грамматических преобразований). Глаголы 'buy' 'покупать' и 'sell' 'продавать' являются примерами **трехместных (лексических) конверсивов**:

$$(38) \text{'buy'}(x, y, z) \Rightarrow \text{'sell'}(z, y, x) \text{ 'купить'}(x, y, z) \Rightarrow \text{'продать'}(z, y, x).$$

Например, "Мэри (х) купила машину (у) у Пола (г)" следует из "Пол (z) продал машину (у) Мэри (х)", и наоборот. Очевидно, что то, что я назвал синтаксическими преобразованиями (чтобы избежать более специфических импликаций, связанных в лингвистике с термином

'трансформация'), нуждается в более подробном описании. Если мы выполним это условие и сможем удовлетворительно описать отношения между предложениями, пропозициями и высказываниями, мы сможем дать формальное описание множеств следований, таких, как (39) "Джон убил Питера" => "Питер был убит Джоном",

(40) "Мэри — жена Джона" => "Джон — муж Мэри",

(41) "Джон купил машину у Питера" => "Питер продал машину Джону", и так далее.

Это важный момент! Прежде чем мы обратимся к нему в третьей и четвертой частях книги, стоит подчеркнуть тот факт, что в данной главе нашим предметом было лишь дескриптивное значение выражений. Более того, мы ограничились кратким рассмотрением только самых важных из смысловых отношений, существующих в словарях естественных языков. Моя главная задача состояла в том, чтобы дать читателю некоторое представление о способах формализации лексической структуры, а также о двух понятиях, которые в последние годы используются лингвистами в связи с этим: смысловые отношения и постулаты значения. Возможно, что, в принципе, не существует причин, по которым не могло бы быть формализовано недескриптивное значение лексем. Но, по крайней мере пока, в формальной семантике применяется такой же ограниченный подход к лексической структуре, какой был представлен в данной работе.

Глава 5

Значимые и незначимые предложения

5.0. Введение

В последних трех главах нашим предметом была лексическая семантика, то есть значением лексем. Теперь, в третьей части, мы переходим к рассмотрению значения предложений.

Различие между предложениями и высказываниями было объяснено в первой главе (см. 1.6). Необходимость проведения этого различия будет еще раз рассмотрена при обсуждении грамматичности, приемлемости и значимости в следующем разделе (5.1). Но основной интерес в этой короткой и относительно неспециальной главе для нас представляет значение предложений. Если мы принимаем как данное, что одни предложения обладают значением (являются значимыми), а другие нет, то возникают следующие вопросы: каковы основания для теоретического разграничения этих двух классов предложений? является ли различие между ними четким? существует ли только один вид значимости?

В последнее время особое распространение, сначала в философской семантике, а затем в лингвистической получили подходы, которые можно охарактеризовать как теории значения предложений, основывающиеся на истинности. Две из них упоминались в первой главе: теория верификации и теория условий истинности (1.7). Согласно первой, предложения являются значимыми, если и только если они имеют определенное истинностное значение. Формулируя таким образом верификационную теорию значения (или значимости), я временно пренебрегаю (как это делали многие сторонники этой теории) не только различием между предложениями и высказываниями, но также различием между пропозициями и содержанием пропозиций, с одной стороны, и между истинностными значениями и условиями истинности, с другой. Основания для проведения этих различий (которые были проведены исходя из несколько

иной формулировки теории верификации, чем та, которая была дана в первой главе) будут объяснены ниже.

Как мы увидим, от теории верификации как таковой в той форме, в которой она была первоначально сформулирована (в контексте логического позитивизма), отказались почти все, если не все философы языка. Поэтому мне следует пояснить, что главная цель для меня состоит не в том, чтобы изложить теорию верификации ради нее самой, а в том, чтобы показать ее историческое значение в подготовке почвы для условно-истинностной теории значения, которая также упоминалась в первой главе и которая является центральной во всех современных версиях формальной семантики. По-моему, гораздо легче понять условно-истинностную теорию значения и увидеть ее сильные и слабые места, если читатель уже что-то знает о предшествовавшей ей теории верификации и о том философском контексте, в котором она появилась. То, что существует связь между значением и истинностью (как существует связь между истинностью и реальностью), почти самоочевидно и давно принимается философами как нечто само собой разумеющееся. В данной главе мы делаем первые шаги к тому, чтобы увидеть, как интуитивная связь между значением и истинностью объяснялась и использовалась в современной лингвистической семантике.

5.1. Грамматичность, приемлемость и значимость

Как мы отмечали в предшествующих главах, одни высказывания, реальные или потенциальные, являются грамматически правильными и значимыми, другие могут быть грамматически правильными и незначимыми (бессмысленными), а третьи, даже будучи вполне грамматически правильными и, возможно, значимыми, по разным причинам неприемлемы (недопустимы) (1.6).

Сказать, что высказывание (точнее, тип высказывания) является неприемлемым, — значит сказать, что оно (точнее, что один из его экземпляров (token)) не может быть сказано во всех нормальных контекстах, кроме контекстов, в которых это высказывание употребляется в метаязыковом смысле.

Многие из таких высказываний являются неприемлемыми по социокультурным причинам. Например, в каком-нибудь англоязычном обществе могло бы быть табу на употребление слова 'die' 'умереть' (вместо которого в этом случае должны были бы употребляться эвфемизмы, такие, как 'pass away' 'скончаться') по отношению к

ближайшим родственникам говорящего или слушающего. Тогда вполне грамматически правильное и значимое высказывание

(1) *His father died last night* 'Его отец умер прошлой ночью'

могло бы быть вполне приемлемым, в отличие от точно так же грамматически правильного и (в одном из смыслов термина 'значимый') в равной степени значимого высказывания

(2) *My father died last night* 'Мой отец умер прошлой ночью'.

Или же в некоторой культуре могло бы считаться недопустимым для человека, имеющего подчиненное социальное положение, обращаться к человеку, занимающему более высокое положение, используя местоимение второго лица, в то время как оно было бы вполне приемлемым для обращения начальника к подчиненному или к равному — во многих культурах именно так и происходит (хотя социолингвистические условия часто бывают гораздо сложнее). Из этого следует, что одно и то же высказывание с предположительно одним и тем же значением было бы допустимо в одних контекстах и недопустимо в других. Существует много таких культурно обусловленных измерений приемлемости. Некоторые из них, как мы увидим позже, кодируются в грамматике и словаре конкретных языков. По этой и другим причинам мы должны скептически относиться к общему принципу, часто принимаемому исследователями семантики как нечто само собой разумеющееся, согласно которому то, что можно сказать на одном языке, может быть сказано и на другом. По крайней мере, нужно чувствовать различные смыслы, вкладываемые во фразу 'может быть сказано' (или 'может быть высказано'). Я вернусь к этой проблеме в четвертой части.

Нечто иное представляют собой те измерения приемлемости, которые имеют отношение к рациональности и логической последовательности. Например,

(3) *Я верю, что это произошло, потому что это невозможно*

может считаться неприемлемым с этой точки зрения. На самом деле, если (3) будет высказано, оно может вызвать следующий ответ:

(4) *Это не имеет смысла*

(хотя это высказывание скорее парадоксально, чем противоречиво или лишено смысла). То, что делает высказывание (3) неприемлемым, это, в большинстве контекстов, тот факт, что говорящий, как представляется, привлекает внимание к своей собственной нелогичности, а это в норме является странным. Однако даже такие высказывания могут быть вполне приемлемыми в некоторых контекстах.

В любом случае нельзя слишком легко приходить к выводу, как это делают некоторые исследователи семантики, что то или иное предложение неинтерпретируемо или бессмысленно или же что выражаемая им пропозиция необходимо ложна.

В более общем плане (если теперь обратиться к различию между предложениями и высказываниями) не следует слишком узко рассматривать вопрос о значении предложений вне (или отвлеченных от) контекста предложений: семантическая приемлемость, или интерпретируемость предложений не является чем-то таким, что можно определить независимо от контекста, в котором они могли бы или не могли бы быть высказаны.

5.2. Значимость предложений

Предложения по определению являются грамматически правильно построенными единицами. Поэтому не существует грамматически неправильных предложений. Однако предложения могут быть значимыми (семантически правильно построенными) или незначимыми, бессмысленными (семантически неправильно построенными). Высказывания, в отличие от предложений, могут быть как грамматически правильными (грамматичными), так и грамматически неправильными (неграмматичными). Многие из высказываний, производимых в обычных повседневных обстоятельствах, являются грамматически неправильными в различных отношениях. Некоторые из них без особого труда интерпретируются в том контексте, в котором они встречаются. Фактически такие высказывания часто рассматриваются большинством людей, компетентных в данном языке, как вполне приемлемые. Как мы видели в первой главе, нельзя отождествлять грамматичность с приемлемостью, и, как мы видели в предшествующем разделе данной главы, приемлемость не должна отождествляться со значимостью. Однако что же мы понимаем здесь под 'значимостью'?

В предшествующем разделе мы связали понятие приемлемости с высказываниями. На данном этапе мы ограничим наше внимание тем, что обычно считается предложениями, и будем, как и прежде, оперировать предположением о том, что предложения конкретного языка легко идентифицируются как таковые теми, кто компетентен в данном языке, а в особенности его носителями. Как мы увидим в свое время, это предположение следует уточнить. Различие между грамматической и семантической правильностью не такое

четкое, каким мы пока его считаем. Тем не менее, сказать, что различие между грамматической и семантической правильностью — и, следовательно, между грамматикой и семантикой — не во всех случаях является четким, не значит сказать, что оно вообще никогда не является четким.

Существуют высказывания, неприемлемость которых вполне определенно является вопросом грамматики, а не семантики. Например,

(5) / *want that he come* 'Я хочу, чтобы он приходил'

определенно является грамматически неправильным в стандартном английском в отличие от

(6) / *want him to come* 'Я хочу, чтобы он пришел'.

Если бы высказывание (5) было произнесено иностранцем, оно, вероятно, было бы истолковано и поэтому понято как неправильная версия высказывания (6). В том значении, которое говорящий вкладывает в высказывание (5), нет ничего, что делало бы его грамматически неправильным. И во многих языках, включая французский, (6) переводилось бы конструкцией, грамматически сравнимой с высказыванием (5).

Если бы кто-то, произнеся высказывание (5), не только отказался бы от предлагаемого исправления, но и настаивал бы на том, что оно означает нечто иное, чем исправленная версия, нам просто пришлось бы сказать ему, что, с точки зрения стандартного английского, он ошибается. Мы без колебаний можем классифицировать это высказывание как грамматически неправильное.

Есть и другие, реальные или потенциальные, высказывания, которые мы с не меньшей легкостью могли бы классифицировать как грамматически правильные, но бессмысленные. Среди них мы могли бы назвать, с указанием авторов, такие знаменитые примеры, как

(7) *Colourless green ideas sleep furiously* (Noam Chomsky) 'Бесцветные зеленые идеи спят яростно' (Ноам Хомский)

(8) *Quadruplicity drinks procrastination* (Bertrand Russel) 'Четырехкратность пьет промедление' (Бертран Рассел)

(9) *Thursday is in bed with Friday* (Gilbert Ryle) 'Четверг в постели с пятницей' (Гилберт Райл).

Конечно же, ни один из этих примеров не является неинтерпретируемым, если он будет надлежащим образом контекстуализирован и значение одного или более из входящих в него выражений будет

расширено за пределы его обычного, или буквального, лексического значения с помощью таких традиционно признаваемых риторических принципов, как **метафора**, **метонимия** (или **синекдоха**). Тот факт, что это может быть сделано — и действительно несколько раз весьма эффектно делалось, — подтверждает эту мысль. Что касается высказывания (9), оно легко интерпретируется, как в его буквальном значении, так и в переносном, если 'четверг' и 'пятница' относятся к людям (как в романе Г. К. Честертонa «Человек, который был Четвергом» и романе Даниэля Дефо «Робинзон Крузо»). На самом деле, если немного подумать, можно увидеть, что здесь есть и эвфемистическая интерпретация, находящаяся посередине между полностью буквальной и определенно метафорической. Для того чтобы выбрать интерпретацию высказываний (7) — (9), не нужно находить и для себя исправлять нарушения какого-то общего правила или принципа, управляющего грамматической структурой английского языка, как мы это делали в примере (5); нужно попытаться найти смысл в том, что, на первый взгляд, не имеет смысла при буквальной интерпретации входящих в них выражений.

Позже мы рассмотрим вопрос буквальной интерпретации этих высказываний (см. девятую главу). Все, что необходимо сказать здесь, это то, что высказывания (7) — (9) грамматически правильно построены и что, несмотря на их грамматичность, при буквальной интерпретации они оказываются бессмысленными. Поэтому любая разновидность генеративной грамматики порождает, или признает грамматически правильно построенными, конечно, не высказывания (7) — (9), а предложения, которым они соответствуют, и из которых (как будет объяснено в восьмой главе) они могут быть образованы:

(7a) 'Colourless green ideas sleep furiously' 'Бесцветные зеленые идеи спят яростно'

(8a) 'Quadruplicity drinks procrastination' 'Четырехкратность пьет промедление'

(9a) 'Thursday is in bed with Friday' 'Четверг в постели с пятницей'.

Напомню читателю, что здесь, как и по всей книге, высказывания (в смысле высказываний-инскрипций или отрезков текста) представлены курсивом, в то время как предложения, как и другие выражения, представлены посредством их исходной формы, заключенной в простые кавычки.

Предложениям (7a) — (9a) могут быть противопоставлены высказывания

(7b) **Green ideas sleeps furiously* 'Зеленые идеи спит яростно',

- (8b) **Drinks quadnuplicity procrastination* 'Пьет четырехратность промедление',
- (9b) **Thursday am on bed when Friday* 'Четверг нахожусь на постели когда пятница'.

В примерах (7b) — (9b) звездочкой обозначена грамматическая неправильность. В (7b) нарушено грамматическое правило согласования между подлежащим и глаголом; (8b) неграмматично не только как декларативное, но и как вопросительное предложение, поскольку оно нарушает правила порядка слов; в (9b), как и в (7b), нарушено правило согласования подлежащего и сказуемого кроме того, в нем исчисляемое существительное употреблено без детерминатива (**on bed*, в отличие от *in bed*, не является грамматической идиомой), а союз употреблен в той синтаксической позиции, где требуется предлог (*when*, в отличие от *since*, не может выполнять обе функции).

На данном этапе может показаться, что в использовании различных условных обозначений для предложений и высказываний нет особого смысла. Причины, требующие этого, станут понятны в третьей части. Как мы увидим, предложения являются выражениями, которые могут иметь несколько форм, включая контекстно-зависимые эллиптические формы.

Стоит также подчеркнуть, что здесь имплицитно проводится различие между грамматически неправильными цепочками форм, такими как (7b) — (9b), с одной стороны, и такой неграмматической тарабарщиной, как

- (10) *On when am Thursday furious bed* 'На когда являюсь четверг яростный кровать',

о которой нельзя сказать, что в ней нарушаются какие-то грамматические правила английского языка, с другой. Это различие обычно не проводится в порождающих грамматиках, так как порождающие грамматики, согласно изначально введенной Хомским формализации, делят цепочки форм на две комплементарные группы: *A*, группу грамматически правильно построенных цепочек (которые затем отождествляются с предложениями данного языка), и *B*, группу цепочек, которые в силу того, что они не являются грамматически правильно построенными, определяются как неграмматические. Цепочки из узнаваемых английских словоформ, такие, как (10), которые не являются ни грамматическими, ни неграмматическими, не только не являются грамматически правильными — в них, так сказать, даже и не делается попытки сделать их грамматическими, и вопрос о том, правильно ли они построены, даже не возникает. Более близко к

данной теме то, что они не имеют смысла и никакие изменения или поправки им его не прибавят. Возможно, они являются незначимыми или бессмысленными в обыденном понимании слов 'незначимый' и 'бессмысленный', но их, вероятно, нельзя назвать семантически неправильно построенными. Выражения 'правильно построенный' ('well-formed') и 'неправильно построенный' ('ill-formed') пришли в лингвистику из генеративной грамматики: под ними обычно понимается соответствие набору или системе четко сформулированных правил или принципов. Как мы увидим позже, так называемая формальная семантика полагает, что точно так же, как существуют правила (или принципы) построения грамматически правильных конструкций, существуют правила (или принципы) построения семантически правильных конструкций. Рассмотрение вопроса о том, так это или нет, мы можем пока отложить. Здесь я хочу подчеркнуть, что, во-первых, значимость, или семантическая правильность (*semantic well-formedness*) (если мы хотим использовать этот термин и, хотя бы временно, принять то, что он имплицитует) в ясных случаях легко отличима от грамматичности и, во-вторых, не каждое высказывание, которое расценивается как неприемлемое на основании того, что оно не имеет смысла, может считаться семантически неправильно построенным.

Но если интуитивное понятие наличия смысла не является надежным критерием, на основании чего мы можем решать, что высказывание, действительное или потенциальное, с семантической точки зрения правильно или неправильно? Мы рассмотрим этот вопрос в следующем разделе.

5.3. Исправимость и переводимость

Как мы видели, семантическую правильность необходимо отличать от грамматической правильности (грамматичности); оба этих понятия включаются в понятие приемлемости или пересекаются с ней, точно так же, как семантическая неправильность и грамматическая неправильность включаются в понятие неприемлемости или пересекаются с ним. Но — повторяя вопрос, заданный в конце предшествующего раздела, — каковы, помимо интуитивного понятия осмысленности, критерии, на основании которых мы решаем, построено ли высказывание семантически правильно или нет?

Один из критериев, используемых ранее в связи рассмотрением грамматичности, можно назвать критерием **исправимости** (5.2). В то время как

(5) / *want that he come* 'Я хочу, чтобы он прийти'

может быть исправлено — некоторыми на

(6) / *want him to come* 'Я хочу, чтобы он пришел',

а другими, возможно, на

(6a) / *want for him to come*

— без каких-либо изменений предполагаемого значения, классический пример Хомского

(7) *Colourless green ideas sleep furiously* 'Бесцветные зеленые идеи спят яростно'

исправлен быть не может. В тех примерах, в которых различие между грамматичностью и семантической приемлемостью можно провести наиболее четко, первые исправимы, а вторые нет.

Другие виды неприемлемости, некоторые из которых, на первый взгляд, кажутся вопросом значения, также попадают в сферу действия понятия исправимости. Например,

(2) *My father died last night* 'Мой отец умер прошлой ночью'

могло бы быть исправлено на, скажем,

(2a) *My father passed away last night* 'Мой отец скончался прошлой ночью'

в языковом сообществе (такого типа, который описан в разделе 5.1), где употребление глагола 'die' 'умереть' по отношению к своим собственным родственникам запрещается. Но неприемлемость (2) в таких обстоятельствах не такого рода, который позволил бы нам говорить, что оно не имеет смысла. Его неприемлемость является скорее вопросом социального, чем дескриптивного значения. (И существуют независимые причины говорить, что, хотя оно и является исправимым, грамматически оно вполне правильно.)

В других случаях, как мы увидим, ситуация является менее ясной. Но достаточно интересно, что критерий исправимости и неисправимости все еще остается релевантным в том, что он показывает, что случаи, которые представлялись неопределенными до теоретического анализа, действительно являются неопределенными.

Другим критерием, который иногда упоминается лингвистами, является **переводимость**. Он основывается на взгляде, что для семантических, но не грамматических отличий, можно найти соответствия в разных языках. Однако, как мы увидим позднее, остается неясным, является ли то, что семантически неприемлемо в некото-

рых языках, семантически неприемлемым во всех языках. Критерием переводимости можно дополнить, но не заменить наш основной критерий — критерий исправимости.

Теперь мы перейдем к рассмотрению наиболее известного философского критерия значимости — критерия верифицируемости

5.4. Верифицируемость и верификационизм

Верификационистская теория значения — или верификационизм — упоминалась в первой главе. Как видно из ее названия, она имеет дело с истинностью. Первоначально она ассоциировалась с философским движением, известным под названием логического позитивизма, инициированным членами Венского кружка в период, непосредственно предшествовавший второй мировой войне. Хотя логический позитивизм с его верификационизмом практически перестал существовать как научное направление, он оказал огромное влияние на современную философскую семантику. С одной стороны, многие из его сторонников — в особенности Рудольф Карнап и Ханс Рейхенбах — активно участвовали в разработке систем анализа языка, которые привели, более или менее прямо, к методам современной формальной семантики. С другой стороны, сами излишества и недостатки логического позитивизма заставили его противников, включая Витгенштейна в его поздних работах и так называемых философов обыденного языка, эксплицитно выразить некоторые из своих положений, касающихся значения. Как сказал Райл (Ryle 1951: 250) о верификационизме, "он помог нам осознать тот важный факт, что мы можем говорить разумно множеством разных способов".

На данном этапе мы не будем далее развивать эту мысль Райла. Вместо этого я обращусь к одной из версий знаменитого **принципа верифицируемости** и в последующих разделах воспользуюсь ею для введения понятия условий истинности, а также других понятий, которые пригодятся нам позже. Этот принцип может быть, в первом приближении и применительно к нашим целям, сформулирован следующим образом: "Предложение является фактуально значимым для данного человека, если и только если он знает, как верифицировать пропозицию, которую оно предназначено (purports) выражать" (Ayer 1946: 35). Отметим, что в формулировке, которую предлагает А. Дж. Айер, не говорится, что значением предложений (или же пропозиций) является метод их верификации. Она просто предоставляет

критерий для одного отдельного вида значения— фактуальной значимости — и не является определением значения как такового.

Однако даже в этом случае возникает ряд проблем. Логические позитивисты хотели сказать, что любая верификация в конечном счете является вопросом наблюдения. Однако, как указывал Карл Поппер, универсальные утверждения такого типа, которые обычно делаются учеными, не могут быть в принципе верифицированы посредством наблюдения, хотя их ложность может быть доказана таким образом. Например, утверждение, что все лебеди белые, может быть опровергнуто, если мы увидим хотя бы один экземпляр не белого лебедя, но его истинность никогда не может быть доказана на основе эмпирического исследования. Мысль Поппера о том, что фальсифицируемость (опровержимость), а не верифицируемость является типической чертой научных гипотез, сейчас получила широкое признание (хотя она подвергается также и критике и нуждается в более тщательной формулировке, чем та, которая приводится здесь).

5.5. Пропозиции и пропозициональное содержание

Предлагаемая Айером формулировка критерия верифицируемости опирается на отличие предложений от **пропозиций** (хотя и не объясняет его). Вопрос о природе пропозиций, с философской точки зрения, является дискуссионным. Но те философы, которые полагают, что пропозиции отличаются, с одной стороны, от предложений, а с другой стороны, от утверждений, вопросов, приказов и т. д., обычно говорят, что пропозиции

- (i) являются истинными или ложными;
- (ii) их можно знать, в них можно верить или сомневаться;
- (iii) их можно утверждать, отрицать или спрашивать о них;
- (iv) они остаются неизменными при переводе с одного языка на другой.

Существуют трудности, как мы увидим позже, касающиеся совместности всех четырех критериев: (ii) и (iii) представляются противоречащими друг другу в отношении некоторых естественных языков; (iv) основывается на сомнительном предположении о переводимости разных языков друг на друга.

Однако совершенно ясно, что если пропозиции определяются как носители определенного и неизменного истинностного значения, то они должны отличаться от предложений, поскольку одно и то же предложение может употребляться в одном случае для того, чтобы говорить о том, что является истинным, а в другом — о том, что ложно. В этой связи стоит заметить, что даже такие предложения, как

(11) 'Napoleon was defeated at Waterloo in 1815' 'Наполеон потерпел поражение при Ватерлоо в 1815 году',

могут быть использованы для утверждения целого ряда истинных и ложных пропозиций. Существуют некоторые естественные языки, в которых имена собственные находятся в отношении одно-однозначного соответствия с носителями этих имен. Но ни английский, ни французский не относятся к таким языкам. В английском языке связь между именем собственным и множеством объектов или мест, каждое из которых носит это имя, абсолютно произвольна. (Ситуация во французском слегка отличается тем, что во Франции существуют определенные юридические ограничения в отношении выбора и присвоения личных имен.) Если, например, мою собаку зовут Наполеон и если я имею в виду ее, когда произношу предложение (11), утверждаемая мной пропозиция предположительно является ложной.

Не следует также думать, что я необоснованно или иронически использовал оговорку 'предположительно'. Я сделал это для того, чтобы напомнить читателям об очень важном моменте, касающемся того, что, когда бы ни говорилось об истинности или ложности чего-то, всегда делаются фоновые предположения, которые могут не разделяться другими. Например, я молчаливо исключил возможность того, что Наполеон Бонапарт мог перевоплотиться в мою собаку. И существует бесконечное количество таких онтологических предположений — которые часто включаются в очень широкое и неточное понятие знаний о мире — имеющих отношение к интерпретации таких предложений, как (11), в конкретных случаях их высказывания. В структуре английского языка нет ничего, что заставляло бы нас отвергать не модные в настоящее время или эксцентричные онтологические предположения.

Но вернемся к главной теме. Философы и лингвисты неоднократно подчеркивали, что предложения, содержащие определенные дескрипции (например, 'деревянная дверь' ('the wooden door')) или, что делает ситуацию более очевидной, личные местоимения ('я', 'ты' и т. п.), указательные местоимения ('этот', 'тот') или указатель-

ные наречия места и времени ('здесь', 'там', 'сейчас', 'тогда'), могут употребляться для утверждения, отрицания или постановки вопросов к бесконечному множеству истинных или ложных пропозиций. При этом они слишком часто забывали добавить, что то же самое имеет место в предложениях, содержащих имена собственные и даты. Огромное большинство предложений в наиболее знакомых нам естественных языках может употребляться в конкретных ситуациях их произнесения для того, чтобы утверждать, задавать вопросы или отрицать бесконечно большое число пропозиций, каждая из которых имеет постоянное истинностное значение, не зависящее от значения других пропозиций, которые могут выражаться при высказывании того же предложения.

Но каковы же отношения между предложениями и пропозициями? Это трудный вопрос, и ответ на него частично зависит от выбранной теории значения. Пока достаточно отметить, что любой, кто говорит о том, что предложения выражают пропозиции, должен, имплицитно или эксплицитно, принимать определенные исходные положения. Отметим, что Айер в приводимой выше цитате выражается очень осторожно. Он говорит о том, что предложения **предназначены** выражать пропозиции, и легко понять почему. Предназначение документа заключается в значении, которое он передает в силу своего внешнего вида, или буквального, номинального значения (face-value), и стандартных предположений об интерпретации авторских намерений. Предложения любого типа могут высказываться в различных обстоятельствах, не затрагивая вопроса об утверждении или отрицании какой-либо пропозиции. Например, если меня попросят дать пример английского предложения в прошедшем времени, я мог бы выполнить эту просьбу, произнеся предложение (11). Понятно, что в описанных обстоятельствах произнесенное мной предложение нельзя интерпретировать, как относящееся к кому-то или говорящее что-нибудь о ком-нибудь (или чем-нибудь). Действительно, в одном из смыслов слова 'сказать', я ничего не сказал. По этой и по другим причинам мы не можем говорить, что предложения как таковые выражают пропозиции. Что мы можем сделать, однако, так это интерпретировать фразу 'предназначено выражать пропозицию' в терминах понятия характерного использования, как оно объясняется в первой главе. Это и будет сделано в следующих трех главах. Мы будем полагать, что все декларативные предложения относятся к классу предложений, для которых характерным является использование в качестве утверждений (для утверждения или отрицания конкретных пропозиций), и что в их грамматической структуре, как

часть их назначения или **номинального (буквального) значения** (face-value), закодирован этот потенциал, что в грамматической структуре всех вопросительных предложений закодирован их потенциал формулировки вопросов, и так далее. При такой интерпретации понятия назначения, или буквального значения, мы можем временно и условно исключить из рассмотрения не только разнообразные метаязыковые использования предложений и выражений, но также и то, что в четвертой части будет рассматриваться как их **информативные** и **косвенные** употребления.

Значение предложений тесно связано со значением высказываний, но его можно отделить от последнего в силу различия между характерным употреблением предложения (которое не обязательно должно быть наиболее частотным или психологически наиболее выделяющимся) и его употреблением в конкретных случаях. Я подчеркнул важность понятия **употребления** предложений, потому что так называемая теория значения как употребления, связанная с именами Витгенштейна, Остина и других, развивалась из верификационизма и как реакция на него. В этой книге я хочу перебросить мост между ограниченной версией теории значения как употребления и условно-истинностной теорией дескриптивного значения, которая исторически также возникла из верификационизма. Для выполнения этой задачи очень важно, чтобы то, что говорится о назначении, или буквальном значении, предложения, и то, что говорится в четвертой части о связи между значением предложения и значением высказывания, было правильно понято.

Не менее важно различать пропозиции, выражаемые предложением в конкретном случае высказывания, и его пропозициональное содержание. Я вскоре рассмотрю этот вопрос. Строго говоря, назначением предложений является выражение не пропозиций, а пропозиционального содержания. При условии понимания этого, а также того, что говорилось выше о назначении, или буквальном значении предложений, не возникнет путаницы, если мы иногда будем говорить для краткости, как это делает большинство авторов, что предложения выражают пропозиции.

5.6. Нефактуальное значение и эмотивизм

Есть еще один момент, который необходимо рассмотреть в связи с утверждением Айера, что "предложение является фактуально значимым для данного человека, если и только если он знает, как

верифицировать пропозицию, которую оно предназначено выражать". Он имеет отношение к фактуальному значению. При помощи принципа верификации логические позитивисты хотели объявить бессмысленными и абсурдными предложения, цель которых состоит в выражении метафизических и теологических пропозиций, таких, как

(12) 'Everything must have a cause' 'Все должно иметь причину'

или

(13) 'God is good' 'Бог есть благо'.

Но вскоре стало ясно, что принцип верификации также исключает (или, по крайней мере, не позволяет признать имеющими смысл) предложения, которые многие из них считали приемлемыми с точки зрения философии, цель которых — выразить этические или эстетические пропозиции, такие, как

(14) 'Cannibalism is wrong' 'Каннибализм есть зло'

или

(15) "Monet was a better painter than Manet" 'Моне был более хорошим художником, чем Мане'.

Чтобы обойти эту проблему, говорилось, что, хотя такие предложения как (14) и (15) не являются фактуально значимыми, они имеют другой вид значения — эмотивное или экспрессивное значение.

От **эмотивизма** — тезиса о том, что в утверждениях, претендующих на фактуальность в этике и эстетике, не говорится о чем-то, что может быть истинным или ложным, а дается выход чувствам говорящего — отказалось, как и от самого логического позитивизма, большинство философов, ранее разделявших это положение. Но в свое время он оказал положительный эффект, побудив философов обратить более пристальное внимание на логический статус различных видов как значимых, так и незначимых высказываний. Именно это имел в виду Райл, говоря, что принцип верификации помог философам увидеть, что высказывание может по-разному быть осмысленным, или значимым, также как оно может по-разному быть бессмысленным. Важным результатом этих глубоких мыслей о многообразии значения, как мы увидим в четвертой части, стала теория речевых актов Остина.

5.7. Условия истинности

Условно-истинностная теория значения, как и верификационизм, один из ее исторических предшественников, существует в нескольких слегка отличающихся версиях. Общим для них является принятие следующего тезиса: описать значение предложения — значит определить условия, при которых оно было бы истинно или ложно для той ситуации, или состояния мира, которое оно имеет целью описать. Альтернативная формулировка сводится к тому, что знание значения предложения есть знание условий, при которых оно (или высказываемое в нем утверждение) является истинным или ложным. Ни одна из этих формулировок не является достаточно четкой, и не факт, что они эквивалентны. Так, ни одна из них не отождествляет значение предложения с условиями его истинности, а вторая оставляет открытым вопрос о том, что именно имеется в виду под знанием условий истинности предложения. Мы вернемся к этим вопросам в следующей главе.

Пока же достаточно обратить внимание читателей на различие между **истинностным значением** пропозиции и **условиями истинности** предложения. Возьмем простой пример:

(16) 'John Smith is unmarried' 'Джон Смит неженат'.

Это предложение может выражать ряд пропозиций, каждая из которых имеет определенное истинностное значение в зависимости от того, является ли тот, кто называется 'Джоном Смитом', в конкретный момент произнесения этого предложения женатым. Нам нет необходимости знать, кто (или что) обозначается во всех или каких-либо случаях произнесения предложения 'Джон Смит неженат', или является ли обозначаемое лицо (на основании предположения, что это — лицо) неженатым, чтобы знать, каким условиям мир должен отвечать, чтобы пропозиция "Джон Смит неженат" была истинной. В таких случаях, как этот, по крайней мере, мы знаем, как мы можем эмпирически верифицировать (или опровергнуть) любую из пропозиций, которые может выражать данное конкретное предложение.

Помимо этого, независимо от какого-либо эмпирического исследования в отношении семейного положения Джона Смита, мы можем утверждать на основании знания английского языка, имеет ли

(17) 'John Smith is not married' 'Джон Смит не женат'

или даже

(18) 'John Smith is a bachelor' 'Джон Смит — холостяк'

те же условия истинности, что и предложение (16). Если (и только если) они имеют одни и те же условия истинности, мы скажем, что они имеют одно и то же **пропозициональное содержание**. Немного подумав, мы увидим, что условия истинности предложения (18) отличаются от условий истинности двух других предложений. Не каждый неженатый человек является холостяком. Например, незамужние (unmarried) женщины не являются холостяками (и, повторяя сказанное выше, напомним, что в структуре английского языка нет ничего, что могло бы помешать женщине носить имя 'Джон Смит': достаточно только вспомнить известных писательниц Джордж Элиот и Жорж Санд). Ребенок, которого зовут 'Джон Смит', или же скаковая лошадь, яхта, фактически любой объект, который не только не женат, но и не может быть женатым, и который может носить имя 'Джон Смит', будут выполнять условия истинности предложения (17), но не предложения (18). Ситуация с предложениями (16) и (17) представляется менее определенной. Можно утверждать (хотя не все носители языка присоединятся к этому мнению), что некое лицо не может быть неженатым (незамужней), если он или она (или оно) в принципе не могло бы быть женатым (замужем), то есть не может (или не могло) жениться (выйти замуж). Те, кто придерживаются такого мнения, могли бы сказать, что такие предложения как

(19) 'That racehorse is unmarried' 'Эта скаковая лошадь не замужем'

и

(20) 'That square-rigged schooner is unmarried' 'Эта шхуна с прямыми парусами не замужем'

ничего не значат, что они не имеют смысла. Другие могут сказать, что (19) и (20) представляют собой, хотя и странные, но тавтологические (и поэтому значимые) предложения, потому что каждая из пропозиций, для выражения которых они могли бы использоваться, является аналитической (и поэтому истинной, см. 5.8). Третьи могут попытаться провести потенциально релевантное различие между предложениями (19) и (20); они могли бы утверждать, что первое из них менее явно и менее определенно характеризуется признаком **категориальной несовместимости** (и поэтому, так сказать, менее бессмысленно), чем второе, так как довольно легко представить культуру, в которой скаковые лошади (но не корабли — исходя из того, что те являются неодушевленными и не могут спариваться и размножаться) попадают в сферу действия тех же законов, что и люди, касающихся сожителства, законнорожденности потомства, и т. п.

Как мы видели ранее (и это будет неоднократно подчеркиваться далее), если нас действительно интересует вопрос о теоретических и эмпирических основаниях лингвистической семантики, то, когда дело доходит до оценок интуитивных суждений (включая собственные суждения исследователя), имеющихся у носителей языка, касающихся осмысленности и семантической эквивалентности, мы не должны отмахиваться как от чего-то несерьезного и несущественного от намеренного манипулирования нормальными онтологическими предпосылками, принятыми в конкретном обществе. В данном разделе нас интересует условно-истинностная эквивалентность как важный, если не единственный, компонент семантической эквивалентности предложений. Принцип условно-истинностной эквивалентности действует независимо от фактов, описываемых в конкретных случаях:

- (21) Предложения имеют одинаковое пропозициональное содержание, если, и только если, они имеют одинаковые условия истинности.

А теперь я прошу читателей проверить, насколько правильно они понимают принцип условно-истинностной эквивалентности в том виде, в котором он сформулирован в (21), попытавшись опровергнуть утверждение о том, что предложения (16а) и (17а) имеют одинаковое пропозициональное содержание:

(16а) 'That man is unmarried' 'Этот человек неженат'

и

(17а) 'That man is not married' 'Этот человек не женат'.

(Эти два предложения, как мы видим, отличаются от (16) и (17) тем, что я заменил имя собственное 'Джон Смит' на фразу 'этот человек'.) Существуют ли обстоятельства — в реальном известном нам мире — при которых мы можем истинно (и правильно) сказать об одном и том же вполне взрослом (и поэтому, будем считать, имеющем право жениться) человеке мужского пола, x , что x неженат и не является женатым? Существуют ли обстоятельства, при которых об x можно было бы истинно и правильно сказать, что он одновременно женат и неженат?

В данной главе я намеренно обратил внимание читателей на историческую связь между верификационизмом и условно-истинностной семантикой. Сегодня большинство авторов не сделали бы этого на том основании, что верификационизм как философская доктрина устарел. Но все моменты, отмеченные выше по поводу верификационизма, по моему мнению, важны для понимания условно-истинностной семантики; и мы обратимся к ним позднее. Эти моменты можно было бы отме-

тить в отношении к условно-истинностной семантике без упоминания логического позитивизма и верифицируемости. Однако и помимо этого в современной формальной семантике много такого, что имеет позитивистские источники.

В любом случае, важно осознавать, что, когда речь идет о построении условно-истинностной теории значения для естественных языков, верифицируемость (или фальсифицируемость) продолжает представлять проблемы, не только практического, но и принципиального характера. Нельзя отрицать наличие этих проблем на основании того, что сам верификационизм оказался несостоятельным. Как мы видели уже несколько раз, нет оснований ожидать, что компетентные носители языка всегда способны решить, являются ли какие-либо два выражения необходимо истинными для одних и тех же классов объектов или нет. Если условно-истинностная теория семантики сформулирована так, что она исключает те случаи, которые являются случаями подлинной неопределенности в семантической структуре естественных языков, то ее можно сразу же отвергнуть. Но, как мы увидим далее, необязательно, чтобы она формулировалась таким образом.

5.8. Тавтологии и противоречия

Два вида пропозиций, которые привлекают особое внимание логиков и исследователей семантики, — это **тавтологии** (в специальном смысле слова 'тавтология') и **противоречия**. Первые, согласно традиционному определению, — это пропозиции, которые являются необходимо истинными в силу их **логической формы**. Примером может служить

(22) "Either it is raining or it is not raining" 'Либо идет дождь, либо не идет'.

Противоречиями являются пропозиции, которые необходимо ложны в силу их логической формы. Например:

(23) "It is raining and it is not raining" 'Дождь идет, и дождь не идет'.

То, что имеется в виду под 'логической формой' в данном контексте, может несколько варьироваться в зависимости от той логической системы, которой мы оперируем. В стандартной пропозициональной логике тавтологичность и противоречивость приведенных выше пропозиций была бы показана через определение **отрицания** ("not" 'не'), **конъюнкции** ("both ... and" 'и ... и') и **дизъюнкции** ("either ...or ..." 'либо ..., либо ...').

Заметим, что я использую здесь двойные кавычки, потому что в данном случае мы имеем дело не с английскими предложениями как таковыми, а с их пропозициональным содержанием или пропозициями, которые они выражают. (Такое использование двойных кавычек было оговорено в предшествующих главах, и оно соответствует общему правилу, согласно которому выражения и их значения различаются с помощью условных обозначений.) Важно еще раз подчеркнуть, что пропозиции, а не предложения, являются носителями истинности и ложности.

Очевидно, что при интерпретации "Дождь идет, и дождь не идет" как противоречивой пропозиции, мы должны делать определенные предположения о месте и времени, в частности, мы должны предполагать, что мы не говорим о разном времени и/или разных местах в этих двух простых пропозициях, являющихся частями более сложной. Пропозиция "Дождь идет в Манчестере, а в Тимбукту дождь не идет" не является противоречивой. Может показаться, что в объяснении таких моментов нет ничего, кроме педантизма. Но, как мы увидим позже, существуют важные теоретические причины, требующие того, чтобы мы не забывали о таких, казалось бы, тривиальных деталях.

Если же мы будем постоянно помнить о таких, только что отмеченных моментах и проводить различие между предложениями и пропозициями, мы сможем расширить область применения терминов 'тавтология' и 'противоречие' так, чтобы включить в нее естественным образом предложения. Мы можем сказать о предложениях

(24) 'Either it is raining or it is not (raining)' 'Либо идет дождь, либо не идет'

и

(25) "It is raining and it is not raining" 'Дождь идет, и дождь не идет',

что, если взять их в буквальном смысле, первое из них является тавтологическим, а второе — противоречивым. (Говоря об их значении, взятом в буквальном смысле, я имею в виду их интерпретацию в терминах пропозиционального содержания, которое они предназначены выражать, предполагая, что они используются в своей характерной функции, см. 5.5). Одна из главных задач семантической теории состоит в том, чтобы показать, как и почему компетентные носители языка признают одни предложения тавтологичными, а другие — противоречивыми (если только в контексте не имеются основания для иной интерпретации, чем та, которая предполагается их буквальным значением).

Логические истины, или тавтологии, являются подклассом **аналитических** истин, то есть пропозиций, истинность которых полностью определяется их значением (ср. главу четвертую). Однако лингвисты обычно расширяют область применения терминов 'тавтология' и 'противоречие' до включения в нее не только тех пропозиций (и предложений), истинность или ложность которых определяется логической формой, в том виде, в котором она обычно понимается, но и всех видов аналитически истинных или ложных пропозиций (и предложений). Так, они сказали бы, что

(26) 'Этот холостяк неженат'

является тавтологическим предложением, а

(27) 'Этот холостяк женат'

является противоречивым предложением потому, что первое предназначено для выражения тавтологии, а второе — противоречия (полагая, что слово 'холостяк' используется в релевантном смысле). Далее мы будем следовать такой практике.

Тавтологии и, в особенности, противоречия иногда характеризуются как семантически аномальные пропозиции. По своему буквальному значению они неинформативны: их нельзя использовать для сообщения кому-то сведений о фактах, о которых тот еще не знал бы или не мог бы сам вывести на основе знания языка и способности делать правильные выводы из того, что ему уже известно. И все же, какое бы значение ни имели термины 'семантически аномальный' и 'не имеющий значения' по отношению к тавтологиям и противоречиям, они не могут означать "лишенный смысла" (если под 'смыслом' имеется в виду 'пропозициональное содержание'). Ибо тавтологии и противоречия, как мы только что видели, по определению являются необходимо истинными и необходимо ложными пропозициями соответственно, а это предполагает, что противоречивые предложения, в не меньшей степени, чем тавтологические предложения, должны иметь определяемые условия истинности. Первые истинны, а вторые ложны, как сказал бы Лейбниц, **во всех возможных мирах** (4.4). Мы можем спорить, на основании теоретических и эмпирически данных, о диапазоне явлений, которые охватываются или должны охватываться терминами 'тавтология' и 'противоречие' (то есть о сфере приложения термина 'аналитический'). Но мы не можем, не будучи непоследовательными, отказаться от принципа, согласно которому аналитически истинные и аналитически ложные предложения являются значимыми в том смысле, что они имеют условно-истинностно эксплицируемое пропозициональное содержание.

Глава 6

Значение предложения и пропозициональное содержание

6.0. Введение

Эта глава является определяющей в общей структуре книги. Она также является самой большой, и здесь мы сменим скорость в нашей коробке передач. В ней мы будем использовать в полном объеме логические понятия и обсудим гораздо более подробно, чем мы это делали до сих пор, основные понятия современной формальной, условно-истинностной семантики, которая, как об этом уже было сказано в предшествующей главе, была разработана в логике и философии языка и затем была распространена на область лингвистики.

Мы не делаем никакого открытия, говоря о том влиянии, которое оказала логика на лингвистику (и наоборот). Грамматическая теория и логика были тесно связаны на протяжении столетий. Много из традиционной грамматической терминологии — 'субъект', 'предикат', 'наклонение' и т. д. — находится также в обороте логики. Однако отражает ли использование одной и той же терминологии нечто большее, чем историческую и во многом случайную связь между двумя науками? Имеется ли прямое соответствие между грамматической структурой предложения и суждением (пропозицией), которое оно выражает? Или, ставя вопрос в более общей форме, сводится ли значение предложения к его пропозициональному содержанию? Вот главные вопросы, к рассмотрению которых мы обратимся в данной главе.

Наш общий вывод будет заключаться в том, что некоторые аспекты значения предложения не могут быть адекватно представлены средствами стандартной формальной логики. В то же время мы увидим, что в результате попытки представить точное описание взаимодействия между логической формой пропозиций и грамматической структурой предложений мы в последние годы достигли огромного прогресса в понимании того, каким образом значение кодируется в предложении.

Некоторые части в этой главе могут показаться достаточно специальными тем, кто не знаком с современной формальной логикой. Однако ни одно из тех понятий, на которые мы будем опираться, не является само по себе трудным для понимания, а для того, чтобы оценить в должной мере достижения современной условно-истинностной семантики, равно как и понять пределы ее возможностей, необходимо рассмотреть те случаи, в которых пропозициональная логика потерпела неудачу и не смогла обеспечить полное описание значения предложения.

6.1. Тематическое значение

Предложения имеют одно и то же пропозициональное содержание, если и только если они имеют одни и те же условия истинности. Это принцип был сформулирован в предшествующей главе, и мы неизменно будем придерживаться его в дальнейшем. Мы также будем продолжать идентифицировать пропозициональное содержание предложения с его смыслом, а также, для наших настоящих целей, с его дескриптивным значением.

Одной из частей значения предложений — так, как они обычно определяются, — которая определенно не входит в их пропозициональное содержание, является **тематическое значение**. Например, следующие предложения, отличающиеся с точки зрения тематического значения, имеют одни и те же условия истинности и, следовательно, одно и то же пропозициональное содержание:

- (1) 'I have not read this book' 'Я не читал эту книгу',
- (2) 'This book I have not read' 'Эту книгу я не читал',
- (3) 'It is this book (that) I have not read' *букв.* 'Это есть эта книга, которую я не читал',
- (4) 'This book has not been read by me' 'Эта книга не была прочитана мной'.

То же самое относится и к следующим двум предложениям:

- (5) 'A man is standing under the apple-tree' 'Человек стоит под яблоней',
- (6) 'There is a man standing under the apple-tree' *букв.* 'Есть человек, стоящий под яблоней'.

Этот вид значения называется тематическим, потому что он определяется тем способом, которым говорящие представляют, о чем они говорят (тему их высказываний), исходя из конкретных контексту-

альных пресуппозиций. (Это только одно из значений, в которых термины 'тема' и 'тематический' используются в этой книге. К сожалению, в современной литературе эти слова употребляются и в других, менее традиционных и отличающихся от приведенных выше значениях, что может вести к путанице.) Часто, но не всегда то, что говорящий представляет как тему, является также **данным** в этом контексте и может рассматриваться как само собой разумеющееся вследствие того, что оно известно адресатам или легко может быть осознано и понято ими.

На самом деле отнюдь не очевидно, что (1) — (4), с одной стороны, или (5) — (6), с другой, являются разными предложениями. Возможен и альтернативный взгляд, согласно которому некоторые или даже все из следующих высказываний

(1a) / *have not read this book,*

(2a) *This book I have not read,*

(3a) *It is this book (that) I have not read*

(4a) *This book has not been read by me*

представляют собой различные формы одного предложения, исходной формой которого — стилистически и контекстуально немаркированной, или нейтральной — является (1a). То, что (2a) и (4a) традиционно рассматриваются как формы различных предложений, возможно, не более чем следствие того факта, что в греческом и латинском языках гораздо четче, чем в английском, различались своим спряжением активные и пассивные формы глаголов. Что касается (3a), то оно также традиционно рассматривалось как форма особого предложения вследствие того, что, по крайней мере на поверхности, оно состоит из двух предложений (clauses). Аналогичная ситуация с

(5a) *A man is standing under the apple-tree,*

(6a) *There is a man standing under the apple-tree.*

(6a), в сравнении с (5a), представляется, по крайней мере, на поверхности, состоящим из двух предложений и поэтому сложным предложением, а не простым. Различие между простыми и сложными предложениями будет нами рассмотрено в следующем разделе.

С точки зрения наших целей, наиболее важный момент, который здесь следует отметить, это то, что вопрос, являются ли (1a) — (4a) формами одного предложения или двух или более предложений, не является фактическим вопросом, требующим для своего разрешения наблюдений или интуитивного проникновения, но является делом теоретического решения. Возможно, есть хорошие основания, чтобы

сказать, что (1a) и (2a) представляют собой формы различных предложений (несмотря на то, что традиционно мыслящие грамматисты могут придерживаться противоположного взгляда): порядок слов играет важнейшую роль в грамматике английского языка. Имеются, однако, другие языки, в которых это не так. Современная синтаксическая теория, по причинам, в которые здесь нет нужды углубляться, имеет типологический уклон и принимает как аксиому, что высказывания, отличающиеся порядком слов (точнее говоря, порядком следования составляющих их форм, простых или составных), не могут быть формами одного предложения. Эта аксиома часто встраивается в формальный аппарат генеративных грамматических теорий (как это было в первоначальной версии формализованного описания трансформационно-генеративной грамматики Хомского) посредством определения предложения как последовательного ряда форм. В ряде случаев в этой главе и в других местах данной книги этот момент будет играть важную роль. Очевидно, что если встать на точку зрения, что (1a) — (4a) все являются формами одного предложения, исходной формой которого является (1a), то надо будет сказать, что тематическое значение (по крайней мере, в этом случае) не является частью значения предложения. И этот взгляд не следует отмечать с порога.

Кто-то может сказать, что различие между, скажем, (1a) и (2a) не имеет отношения к грамматической или семантической структуре предложения, формами которого они являются, но связано с произнесением одного и того же предложения в одном или другом контекстуально обусловленном порядке. Проблемы этого рода будут рассматриваться нами в Части 4, где мы рассмотрим более детально моменты, связанные с произнесением предложений. Здесь же достаточно заметить, что вопрос, который будет предметом нашего внимания в этой главе, обычно обходится, но не рассматривается надлежащим образом в современных работах по лингвистической семантике. Тематическое значение является главным образом, если даже не целиком, аспектом значения высказывания. Вопрос о том, может ли оно также рассматриваться как часть значения предложения, и если да, то в какой степени, подлежит обсуждению. Однако он не может должным образом обсуждаться, если и пока участники обсуждения не сформулируют свои критерии тождества предложения.

Следует также заметить, что, как мы могли видеть раньше (1.3), полноценный анализ того, что мы теперь назвали тематическим значением, невозможен без привлечения к рассмотрению ударения и интонации. Практически тот же коммуникативный эффект, который достигается произнесением (2a), может быть получен в результате

помещения сильного ударения на *this book* 'эту книгу' в (1a). Кроме того, (2a), в отличие от (1a), не только имеет не-нейтральный порядок слов, но и произносится с не-нейтральным интонационным контуром. При этом среди лингвистов не существует общего согласия относительно того, сколь много из этих коммуникативно существенных вариаций просодической структуры предложений следует объяснять в терминах структуры предложения.

Одно, однако, является совершенно ясным. Способность воспроизводить и интерпретировать различия порядка слов и грамматической структуры того вида, который иллюстрируется предложениями, приведенными выше, является частью языковой компетенции говорящих. Частью языковой компетенции является также способность воспроизводить и интерпретировать различия в ударении и интонации, которые являются функционально сопоставимыми с подобными вариациями порядка слов и грамматической структуры. Мы не можем, следовательно, одновременно разделять два следующих принципа:

- (i) языковая компетенция ограничивается знанием структуры предложения;
- (ii) все аспекты значения предложения являются условно-истинностными.

Если мы хотим придерживаться (i), мы должны принять гораздо более широкую, чем традиционная, концепцию структуры предложения и отвергнуть (ii). И наоборот, если мы желаем отстаивать (ii), мы должны либо принять гораздо более узкую, чем традиционная, концепцию языковой структуры, либо определить тематическое значение таким образом, чтобы оно было не значением, а чем-то иным. Взгляд, принятый в этой книге, состоит в том, что оба этих принципа не имеют под собой достаточных оснований.

6.2. Простые и сложные предложения

Простое предложение в традиционной грамматике — это предложение, которое содержит только одно предикативное ядро (clause). То, что я называю **сложными** (composite) предложениями — общепринятого термина для не-простых предложений не существует, — делится на два класса: сложносочиненные (compound, составные) и сложноподчиненные (complex, комплексные) предло-

жения. Первые на наивысшем уровне их структуры состоят из двух равноправных (сочиненных, co-ordinate) предложений; вторые состоят из главного предложения (которое может быть простым или сложным) и по крайней мере одного подчиненного предложения. Хотя эти традиционные разграничения имеют свои собственные проблемы, они вполне пригодны для использования в нашем общем обсуждении пропозиционального содержания предложений.

Наше разграничение между простыми и тем, что я буду называть сложными предложениями, приблизительно соответствует проводимому в логике разграничению между простыми и сложными пропозициями (суждениями). (То, что я называю сложными (composite) пропозициями, обычно называется комплексными (complex) и иногда составными (compound) пропозициями. Однако в настоящем контексте предпочтительным представляется унифицировать грамматическую и логическую терминологию настолько, насколько это возможно. Термин 'composite' имеет, кроме того, то преимущество, что он соотносителен по своей структуре с терминами 'композициональный' и 'компонент'.) Однако в первопорядковой пропозициональной логике отсутствует разграничение между различными видами сложных пропозиций, хоть сколько-нибудь аналогичное грамматическому различию между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями. Например,

(7) 'If he passed his driving test, I am a Dutchman' *букв.* 'Если он сдал экзамен по вождению, то я голландец'

является сложноподчиненным предложением, тогда как

(8) 'Either he did not pass his driving test or I am a Dutchman' *букв.* 'Или он не сдал экзамен по вождению, или я голландец'

является предложением сложносочиненным.

Пропозиции, выражаемые этими предложениями, формализуются в пропозициональном исчислении посредством **импликации** и **дизъюнкции** соответственно:

(9) p имплицирует q ,

с одной стороны, и

(10) "или $не-p$, или q ",

с другой. На первый взгляд, сложные пропозиции (9) и (10) выглядят так, как если бы они различались семантически, однако с точки зре-

' Общее идиоматическое значение как (7), так и (8) — 'не может быть того, что он сдал экзамен по вождению' = *Если он сдал экзамен по вождению, то я китайский император.* — *Примеч. перев.*

ния стандартной логической интерпретации это не так. Эти пропозиции имеют в точности одни и те же условия истинности. Если мы принимаем, что " p имплицирует q " и "или не- q , или q " представляют собой правильную формализацию тех пропозиций, которые могут утверждаться посредством произнесения наших примеров сложноподчиненного и сложносочиненного предложений, (7) и (8), то из этого следует, что рассматриваемые предложения имеют одно и то же пропозициональное содержание. Тем не менее можно сомневаться в том, что они имеют одно и то же значение.

Еще более поразительными являются следующие примеры:

(11) 'He was poor and he was honest' 'Он был бедным и он был честным'

(12) 'He was poor but he was honest' 'Он был бедным, но он был честным'

(13) 'Although he was poor, he was honest' 'Хотя он был бедным, он был честным'.

Большинство людей, вероятно, скажут, что все три предложения отличаются по значению, но второе, сложносочиненное предложение ближе по значению к третьему, сложноподчиненному предложению, чем к первому, которое также является сложносочиненным предложением. Однако и здесь сложные пропозиции, выражаемые этими предложениями, будут в общем случае признаны семантически эквивалентными. Если и есть какая-либо разница в значении предложений (11) — (13), она (согласно стандартному взгляду на пропозициональное содержание) не имеет отношения к пропозициональному содержанию. (Вопрос, почему логики в типичном случае рассматривают сложные пропозиции, выраженные в (11)— (13), как эквивалентные, будет поднят в разделе 6.3.)

В более полном обсуждении следовало бы сказать гораздо больше об отношениях между грамматической структурой сложных предложений и логической формой сложных пропозиций. Например, следовало бы рассмотреть в более общем плане вопрос о релевантности для пропозиционального содержания предложений традиционного грамматического разграничения сочинения и подчинения (на котором основывается более частное деление предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные). Правильно это или нет, но стандартный анализ логической формы сложных пропозиций, выражаемых предложениями естественного языка, не принимает его во внимание. Аналогично, необходимо было бы ответить на вопрос, должна ли найти отражение в логической формализации пропозиционального содержания сложноподчиненных предложений традиционное разделение подчиненных предложений на именные, адъек-

тивные, адвербиальные и т. д., и если да, то какое. В стандартном формально-семантическом анализе предложений естественного языка эти различия также практически не принимаются во внимание, и если затрагиваются, то только частично и косвенно.

То, что обычно в литературе по формальной лингвистической семантике называется **гипотезой «правило на правило»**, основывается на предпосылке, что имеется полное соответствие между грамматической структурой и логической формой (см. 7.2). Если эта предпосылка правильна, следует ожидать, что при дальнейшем применении понятий формальной семантики к анализу пропозиционального содержания предложений естественного языка будут использоваться некоторые из традиционных понятий, касающихся грамматической структуры сложных предложений. Некоторые из них интуитивно кажутся релевантными для семантического анализа предложений. Однако в настоящее время между лингвистами нет согласия в том, следует ли их представлять формально, и если да, то как они могут быть представлены в чисто синтаксических терминах.

Как мы увидим при обсуждении принципа композициональности в главе 7, формальная семантика всегда предполагает конкретные синтаксические модели и оперирует в соединении с ними. Мы рассмотрим два исторически важных подхода к формализации значения предложения, которые пытались реализовать этот принцип весьма различными путями. Один из них, теория Катца—Фодора, возник в лингвистике и основывался на хомскианской модели трансформацией но-генеративной грамматики (в ее так называемой стандартной версии); другой, семантика Монтегю, возник в формальной логике и основывался на иной, менее сильной, но логически (и в некоторых отношениях семантически) более элегантной и ясной модели синтаксического анализа (категориальной грамматике). На протяжении последних двадцати пяти лет эти две различные модели синтаксического анализа совершенствовались и модифицировались, были также разработаны другие модели, создатели которых пытались соединить теоретические и дескриптивные достоинства обеих моделей (избежав, в идеале, их недостатков). Необходимость создания таких моделей мотивировалась как эмпирическими, так и теоретическими соображениями. Усовершенствованные модели не только охватывали более широкий круг релевантных данных, но также представляли собой сознательную попытку лингвистов, чего не было в предшествующий период, достигнуть высочайшей степени конгруэнтности — наиболее полного соответствия между грамматической и семантической структурой в их описаниях естественных языков.

В этой книге я буду сознательно использовать понятийный аппарат и, насколько это возможно, терминологию традиционной грамматики. Студентам, знакомым с современной синтаксической теорией, не составит труда внести коррективы в понимание известных им терминов, и если они получают знания о самых последних теоретических изысканиях, о которых я только что говорил, они поймут все значение замечаний относительно конгруэнтности синтаксиса и семантики. В то же время студенты, не знакомые с современной синтаксической теорией, также не будут испытывать трудностей. Все, о чем будет говориться в главе 6, должно быть понятно (и с этой целью изложение иногда сознательно упрощено) на основе знания традиционных грамматических понятий. Несколько необходимых понятий, заимствованных из порождающей грамматики, будет введено и объяснено в главе 7, где будут изложены дополнительные сведения, касающиеся композициональности, грамматико-семантической конгруэнтности и гипотезы «правило на правило».

В этом разделе мы говорили об отношениях между грамматической структурой сложных (сложносочиненных или сложноподчиненных) предложений и логической формой сложных пропозиций. При обсуждении этого вопроса мы опирались на традиционный взгляд, в рамках которого различаются предикативные группы (clauses) и предложения. Согласно этому взгляду сложное предложение состоит более чем из одной предикативной группы, в то время как простое предложение состоит из одной предикативной группы и может быть отождествлено с ней. Мы также молчаливо придерживались взгляда, имеющего определенную опору как в традиционной грамматике, так и в современной лингвистической теории, что предложения представляют собой более базовые единицы, чем предикативные группы, в том отношении, что (i) в тех случаях, когда рассматриваются простые предложения, предикативные группы и предложения не отличаются друг от друга, и (ii) предикативные группы (составляющие части) сложных предложений могут быть произведены от простых предложений путем **вставления**

Термин *clause*, употребляемый в оригинале, не имеет эквивалента в русской грамматической терминологии. *Clause* — • это обобщенная синтаксическая единица, структурно эквивалентная простому предложению, которая может выступать в виде самостоятельного простого предложения, предложения, являющегося частью сложносочиненного или сложноподчиненного предложения (как главной, так и придаточной), эквивалентного предложению оборота (например, инфинитивного, причастного и т. д.). — *Примеч. перев.*

(embedding) их (или их трансформов) в сложноподчиненное предложение или **соединения** их (или их трансформов) в сложносочиненное предложение. (Термины 'вставление', 'соединение' и 'трансформ' взяты из терминологии хомскианской трансформационно-генеративной грамматики, к которой мы обратимся снова в главе 7, но сами понятия, с которыми они ассоциированы, достаточно традиционны и используются в различных моделях грамматической структуры.) Согласно альтернативному взгляду на отношения между предложениями и предикативными группами, более базовой структурной единицей, наиболее близко соответствующей пропозиции, является (как мы увидим в разделе 6.6) предикативная группа, а не предложение. Все, о чем говорится в этом и последующих разделах, могло бы быть переформулировано в терминах этого альтернативного взгляда, и время от времени я буду напоминать читателям об этом, используя выражение 'предложение' (или предикативная группа) ['sentence (or clause)'] вместо 'предложение' ('sentence') и, когда мы дойдем до раздела 6.6, 'тип предложения (тип предикативной группы)' ['sentence-type (or clause-type)'] вместо 'тип предложения' ['sentence-type'].

В заключение отметим, что в этом разделе и во всей книге термин 'логическая форма' используется исключительно для обозначения структуры пропозиций (и пропозиционального содержания); термин 'форма' в таком понимании фактически синонимичен термину 'структура'. Основанием для того, чтобы отметить это, является то, что в некоторых современных теориях синтаксиса термин 'логическая форма' используется по отношению к базовому (underlying) уровню грамматической структуры (приблизительно соответствующему тому, что называется глубинной структурой предложения в так называемой стандартной модели трансформационной грамматики, см. 7.3). Эти два значения данного термина несомненно связаны друг с другом, тем не менее их нельзя смешивать.

6.3. Функционально-истинностные операции (1): конъюнкция и дизъюнкция

Как мы видели в предшествующем разделе, исходя из стандартных логических предпосылок, сложные пропозиции, выраженные такими предложениями, как (11) — (12), эквивалентны. Это следствие того, что операции, посредством которых сложные пропозиции образуются из простых, являются по определению **функционально-**

истинностными. Это означает, что истинностное значение сложной пропозиции полностью определяется исходя из — является **функцией** (в специальном математическом значении термина 'функция', охарактеризованном в главе 4) — истинностных значений образующих ее пропозиций и специфического эффекта каждой операции. Нас будут здесь интересовать четыре такие операции — конъюнкция, дизъюнкция, отрицание и импликация.

Конъюнкция (&) образует сложную пропозицию ($p \& q$: "p-и-q"), которая является истинной, если, и только если, и p , и q истинны. **Дизъюнкция** (\vee), упомянутая ранее, образует сложную пропозицию ($p \vee q$: "p-или-q"), которая является истинной, если, и только если, либо p истинно, либо q истинно (или истинны и p , и q). **Отрицание** (\sim) образует сложную пропозицию ($\sim p$) из простой пропозиции (p); $\sim p$ определяется таким образом, что оно является истинным, когда p является ложным, и ложным, когда p является истинным. **Импликация** (\rightarrow) образует сложную пропозицию ($p \rightarrow q$: "p-имплицирует-с/"), которая является истинной, если, и только если: (i) и p , и q истинны; (ii) ip, nq ложны; или (iii) p ложно, и q истинно).

Вопрос, к которому мы теперь перейдем, это являются ли операции, связанные с образованием сложных предложений в естественных языках, также функционально-истинностными. В данном разделе мы ограничимся рассмотрением сложных предложений, образованных посредством операции конъюнктивного и дизъюнктивного сочинения. К предложениям, которые обычно рассматриваются как примеры импликации и отрицания, мы обратимся в следующих разделах.

На первый взгляд, логическое определение конъюнкции и его приложение к семантическому анализу сложносочиненных предложений в естественных языках не представляет каких-либо проблем. Однако, как мы уже отмечали, имеется разница в значении между такими предложениями, как (11) и (12), — разница, которая связана с английскими формами *and* 'и' и *but* 'но' (и с грамматически и семантически близкими формами в других языках). Рассмотрим теперь более детально то, что я буду называть *and*-сочинением предложений: сочинением предложений при помощи *and*. Это наиболее нейтральный тип конъюнктивного сочинения в английском языке, и его ближайшим эквивалентом в пропозициональном исчислении, несомненно, является конъюнкция (&). Однако даже *and*-сочинение обнаруживает проблемы для функционально-истинностного подхода.

Очень часто между ситуациями, описываемыми пропозициями-компонентами, ощущается темпоральная или каузальная связь,

вследствие чего порядок следования предложений, выражающих эти пропозиции, является семантически значимым. Например,

(14) 'John arrived late and missed the train' 'Джон приехал поздно и опоздал на поезд'

и

(15) 'John missed the train and arrived late' 'Джон опоздал на поезд и приехал поздно'

в норме будут использованы в разных обстоятельствах. Излагая суть дела кратко, но нестрого: как представляется, *and* здесь означает "и в результате" или "и поэтому". Очевидно, что если *and* действительно имеет это значение, оно не эквивалентно показателю пропозициональной конъюнкции, &, поскольку $p \ \& \ q$ имеет те же самые значения истинности, что и $q \ \& \ p$.

Однако верно ли, что *and*— более точно, соединение предложений в последовательность посредством *and*— реально имеет значение "и в результате" или "и поэтому"? Альтернативный взгляд заключается в том, что "в результате" или "поэтому" не являются частью пропозиционального содержания, но просто имплицитуются (в широком смысле этого слова) нашей общей тенденцией к соблюдению коммуникативных норм релевантности и упорядоченности. Те, кто придерживается этого взгляда, утверждают, что в нормальных обстоятельствах и при отсутствии контекстуальной информации, говорящей о противоположном, мы можем с полным основанием вывести из произнесения предложения 'John arrived late and missed the train', что позднее прибытие Джона было причиной его опоздания на поезд, несмотря на то, что в реальном значении предложения нет ничего, что передавало бы эту информацию, — потому что мы принимаем как данное, что говорящий не вводит нас намеренно и без всяких на то оснований в заблуждение, нарушая базовые правила, или максимы, нормальной коммуникации.

Возможно, конечно, представить обстоятельства, в которых (14) и (15) могли бы быть произнесены как утверждение двух никоим образом не связанных фактов. Но эти обстоятельства должны быть весьма специфичными и в общем случае ясными из контекста высказывания. Поэтому будем считать, что в более нормальных или более обычных контекстах тот, кто произносит (14) или (15), имплицитует или даже актуально выражает тот факт, что была какая-то причинная связь между поздним прибытием Джона и его опозданием на поезд.

Этот аргумент используется приверженцами условно-истинностной семантики. Мы вернемся к нему в главе 9 в ходе обсуждения понятия **коммуникативной имплицатуры** Грайса. В настоящий момент, однако, стоит заметить, что как бы убедительно ни выглядели эти аргументы в случае английского *and*, они не могут пониматься как имеющие силу для всех языков. Так случилось, что в английском языке есть как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения, равно как и то, что может быть весьма правдоподобно рассмотрено как нейтральная сочинительная конъюнкция. Многие известные европейские языки подобны английскому в этом отношении, однако не все языки похожи в этом отношении на английский.

Аргументы в пользу функционально-истинностного анализа сложных предложений в английском языке гораздо менее убедительны, когда они используются в поддержку взгляда, что предложения, содержащие *but* 'но' или *although* 'хотя', как приведенные выше (12) и (13), имеют то же самое значение, что и предложения, содержащие *and*. Если мы согласимся с функционально-истинностной природой того, что я назвал наиболее нейтральным видом конъюнктивного сочинения, связанного с использованием *and*, мы должны также допустить, что говорящие могут произносить такие предложения, как (11), в виде различных просодических форм, которые различаются также по значению. Например, они могут накладываться на свое произнесение того, что само по себе является грамматически и лексически нейтральным сложносочиненным предложением, таким, как (11), просодический контур (включающий ударение и интонацию), который выражает их чувства, относящиеся к выраженным пропозициям и связи между ними. Говоря иными словами, возможно произнести (11a) *He was poor and he was honest* 'Он был бедным и он был честным', которое является одной из форм — высказыванием-инскрипцией (*inscription*, надпись), — возникающих в результате произнесения (11), таким образом, чтобы, утверждая конъюнкцию этих двух пропозиций, *p* & *q*, говорящий одновременно выражал бы свое удивление тем, что *p* и *q* одновременно истинны. В таких обстоятельствах так же уместно будет произнести, с приданием необходимого просодического контура, не форму (11), но форму (12) или даже (13). В такой ситуации не будет различия ни в утверждаемых этими высказываниями сложных пропозициях, ни какой-либо заметной разницы в степени или характере чувства, которое они выражают. Тем не менее эти два предложения будут отличаться по значению, поскольку *but*, в отличие от *and*, ни-

когда не является совершенно нейтральным показателем конъюнкции пропозиционального содержания.

Аналогичные проблемы возникают в некоторых языках в связи с дизъюнкцией. Например, в латинском языке есть два способа перевода английских предложений с союзом *either-or*: с помощью частиц ... *vel... vel...* либо посредством частиц ... *aut... aut ...*. Иногда высказывают мнение, что конструкции с *vel* выражают **инклюзивную** дизъюнкцию, а конструкции с *aut* — **экслюзивную**.

Инклюзивная дизъюнкция, $p \vee q$, истинна не только тогда, когда один из членов дизъюнкции, либо p , либо q истинен, а другой ложен, но и тогда, когда как p , так и q истинны. Экслюзивная дизъюнкция истинна, только если либо p истинно и q ложно, либо q истинно и p ложно; она исключает возможность одновременной истинности p и q . Так, следующий пункт положения может быть в принципе интерпретирован и инклюзивно, и экслюзивно:

(16) *Students who do not arrive in time or have not completed all their assignments will be refused admission to the examination* 'Студенты, не прибывшие в срок или не выполнившие все задания, не будут допущены к экзамену'.

В случае инклюзивной интерпретации (очевидно более вероятной в этом случае) это означает, что не только студенты, которые не выполнили одно из этих условий, но и студенты, не выполнившие оба этих условия, не будут допущены к экзамену; при экслюзивной интерпретации это бы означало, что только студенты, не выполнившие одно из условий, но не обязательно студенты, не выполнившие оба, не будут допущены к экзамену. В других случаях экслюзивная интерпретация более вероятна, например:

(17) *For the main course you may have meat or fish* 'В качестве главного блюда вы можете взять мясо или рыбу'.

Обычно, когда логики используют термин 'дизъюнкция' без дополнительных определений, они имеют в виду инклюзивную дизъюнкцию.

Теперь вернемся к латинским примерам. Как представляется, утверждение, что *vel* используется в случае инклюзивной дизъюнкции, а *aut* — инклюзивной, не соответствует действительности, возможно, за исключением специального логического употребления. Что, однако, правильно, так это то, что *ш//*-конструкции сильнее или экспрессивнее, чем *vel*-конструкции, во многом подобно тому, как в английском языке *but*-конъюнкция сильнее и экспрессивнее, чем *and*-конъюнкция. Трудно выразить это более строго, не приписывая *aut*, в отличие от *vel*, нескольких различных значений.

Возможно, наилучший способ объяснить, что понимается здесь под 'сильнее и экспрессивнее', это сказать, что ближайший эквивалент *aut*-конструкции в (устном) английском языке — это (*either*) ... *or* ... с сильным ударением на дизъюнктивных частицах. В значительной мере тот же эффект достигается во французском языке добавлением *bien* к нейтральным без этого добавления дизъюнктивным частицам (*он*) ... *оу* ... и аналогично в русском языке добавлением частицы *же*. В некоторых контекстах более сильная или более экспрессивная дизъюнкция действительно понимается как эксклюзивная в логическом смысле; в других случаях, однако, она указывает, что альтернативы *p* и *q* являются единственными заслуживающими рассмотрения альтернативами и подчеркивает необходимость выбора одной или другой. Различие между инклюзивной и эксклюзивной дизъюнкцией может быть объяснено с функционально-истинностных позиций; различие между нейтральной и более сильной или более экспрессивной дизъюнкцией — нет.

6.4. Функционально-истинностные операции (2): импликация

Импликация (более точно, то, что логики называют **материальной импликацией**) обычно передается в английском языке посредством условных предложений, например:

(18) 'If Ann has passed her driving test, her parents have bought her a Porsche'
'Если Энн сдала экзамен по вождению, ее родители купили ей «Порше»'.

Как было отмечено в разделе 6.2, сложная пропозиция $p \rightarrow q$ ("*p* имплицирует-*q* ") согласно определению истинна не только когда *p* и *q* имеют одно и то же значение истинности (например, они оба истинны или оба ложны), но также когда *p* ложно, а *q* истинно. (Из этого следует, что $p \rightarrow q$ ложно, только когда *p* истинно и *q* ложно.) Поэтому пропозиция, выраженная (18)— если она имеет логическую форму "*p* имплицирует *q*", — истинна не только если (i) Энн сдала экзамен по вождению и ее родители купили ей «Порше» ($p \& q$), но также если (ii) она не сдала экзамен по вождению, и/но ее родители купили ей «Порше» ($\sim p \& q$), и если (iii) Энн не сдала экзамен по вождению и ее родители не купили ей «Порше» ($\sim p \& \sim q$). Большинство людей находят если не (iii), то (ii) парадоксальным. И действительно, тот факт, что любая ложная пропозиция (материально) имплицирует каждую истинную пропозицию, обычно рассматривается как один из **парадоксов импликации**.

Другой особенностью импликации (в стандартной пропозициональной логике) является то, что истинностное значение " p имплицирует q ", подобно истинностному значению " p и q ", полностью независимо от какой-либо каузальной связи между ситуациями, описанными пропозициями-компонентами. Например, пропозиция, выраженная в

(19) 'If Lady Godiva had blue eyes, Ann's parents have bought her a Porsche'
'Если у леди Годивы были голубые глаза, родители Энн купили ей «Порше»',

будет истинной (независимо от цвета глаз леди Годивы), если родители человека, обозначенного словами 'Ann' и 'she' 'она' (в форме *her* 'ей'), в ситуации произнесения данного предложения действительно купили ей «Порше». Большинство людей найдут и это парадоксальным. Говоря точнее, они найдут парадоксальным то, что функционально-истинностное значение импликации никак не затрагивается отсутствием какой-либо причинной связи между ситуациями, обозначенными двумя пропозициями-компонентами, p и q . Конечно, всегда можно вообразить более или менее правдоподобную ситуацию, в которой между составляющими условного предложения будет какая-то связь и тем самым устранить парадокс; все значение этого факта станет ясно из нашего рассмотрения понятия **релевантности** в главе 9. Например, «Порше» может быть призом тому, кто знает или угадает цвет глаз леди Годивы. Однако что произойдет, если мы не будем пытаться устранить так называемые парадоксы импликации таким способом?

Одно из приведенных выше предложений, которое мы здесь повторяем,

(7) 'If he passed his driving test, I am a Dutchman' *букв.* 'Если он сдал экзамен по вождению, то я голландец',

интересно (хотя и высшей степени нетипично) с этой точки зрения. В ситуации его нормального употребления (не голландцами) его эффект проистекает из знания ложности q ("I am a Dutchman") и предположительным отсутствием какой-либо каузальной связи между ситуациями, описанными p (в данном случае, "Он сдал экзамен по вождению") и q . В таких обстоятельствах мы готовы сказать, что сложная пропозиция ($p \rightarrow q$), выраженная предложением как целым, эквивалентна сложной пропозиции, выраженной 'Either he did not pass his driving test or I am a Dutchman' *букв.* 'Или он не сдал экзамен по вождению, или я голландец' ($\sim p \vee q$), и что она истинна, если p и q ложны. Однако это очевидное следствие того, что высказывание

этого предложения риторически эквивалентно отрицанию q в контексте, в котором отрицание p неинформативно. Другими словами, говорящий может использовать знание слушающим того, что говорящий не голландец и его способности сделать вывод о ложности p ("Он сдал экзамен по вождению") из истинности по предположению информативной пропозиции " p имплицитно q ". Говорящий в этом случае может быть еще более уверен, что слушающий выведет правильное заключение, потому что пропозиция "I am a Dutchman" конвенционализована в некоторых англоговорящих сообществах именно для этой цели. Впрочем, любая достаточно нелепая или очевидно ложная пропозиция может служить той же самой риторической цели ("Если он получил степень в лингвистике, то я королева Шебы" и т. п.). По крайней мере один из подклассов условных предложений используется нами риторически, или, как многие сказали бы в настоящее время, прагматически, тем способом, который я только что проиллюстрировал.

В этом разделе мы рассмотрели то, что логики называют материальной импликацией. Существуют и другие виды импликации, используемые в современных исследованиях по лингвистической семантике (и прагматике), два из которых можно упомянуть здесь: **следование** (entailment) и **импликатура**. Первый из них, иногда называемый строгой импликацией, был нами рассмотрен в разделе 4.4 в связи с понятием возможных миров. Как было указано там, из пропозиции p следует пропозиция q , если когда p истинно, q также необходимо (а не просто случайно) истинно (то есть истинно во всех возможных мирах). Понятие следования играет важнейшую роль в формальной семантике, отнюдь не ограничивающейся той целью, для которой оно было первоначально введено (определение смысловых отношений между лексемами). Импликатура, напротив, представляет собой более широкий вид импликации, более близкий к тому, что понимают под импликацией (implication — 'вывод, следствие, подразумеваемое значение, скрытый смысл') в повседневном, не специальном употреблении: из пропозиции p следует в качестве имплицитур пропозиция q , если истинность q может быть с достаточной степенью обоснованности выведена из p в контексте, в котором p утверждается или каким-либо иным образом известно или принимается как истинное. Важно отметить, что импликатура зависит от контекста и поэтому, в терминах теоретической концепции, принятой в данной книге, относится к области значения высказывания. Это будет предметом рассмотрения в Части 4.

6.5. Функционально-истинностные операции (3): отрицание

Как мы отметили в разделе 6.2, отрицание (символизируемое знаком '-') рассматривается в логике как операция, образующая сложную пропозицию ($\sim p$) из простой пропозиции p . В стандартной, двузначной, пропозициональной логике функционально-истинностное определение отрицания может быть дано простым и ясным образом: всегда, когда p истинно, $\sim p$ ложно, и всегда, когда p ложно, $\sim p$ истинно. Далее, допускается, чтобы отрицание было **рекурсивным**, так, что отрицание $\sim p$ дает $\sim \sim p$, являющееся эквивалентным p (двойное отрицание дает утверждение), отрицание $\sim \sim p$ дает $\sim p$, эквивалентное $\sim p$, и так далее. Возникает вопрос: как стандартное логическое описание отрицания соотносится со значением и употреблением отрицательных предложений в естественных языках? Более конкретно, в какой мере значение отрицательных конструкций является частью пропозиционального содержания предложений?

В естественных языках существуют различные способы построения отрицательных предложений. Однако только в редких случаях есть основания для того, чтобы сказать, что отрицательное предложение является грамматически сложным по отношению к соответствующему положительному, или утвердительному, предложению. Говоря в общем, соотносительные предложения противоположной **полярности** имеют одну ту же предложенческую структуру (clause-structure), и то, что мы скорее всего можем идентифицировать с пропозициональным отрицанием, действует внутри этой структуры и не распространяется на все предложение. На самом деле, во многих языках (включая финский и ирландский) отрицательная полярность предложения (подобно времени и наклонению) маркируется не посредством отдельной частицы, подобной английской *not*, но специальными формами глагола, или предиката. Отсюда традиционный постулат: отрицание предиката эквивалентно отрицанию суждения (пропозиции).

Существует, однако, такой вид предикатного отрицания, который явно не эквивалентен отрицанию целой пропозиции. Это отрицание может быть проиллюстрировано предложением

(20) 'John is unfriendly' 'Джон недружелюбен',

которое, в отличие от

(21) 'John is not friendly' 'Джон не дружелюбен',

выражает пропозицию, которая является не только **контрадикторной** пропозиции, выраженной предложением

(22) 'John is friendly' 'Джон дружелюбен',

но и **контрарной** ей. "John is unfriendly" не просто является отрицанием пропозиции "John is friendly" — она имплицитно "John is hostile" 'Джон враждебен (настроен враждебно)'. (В стандартной логической терминологии одна пропозиция является контрарной другой, если они не могут быть обе истинными или обе ложными. Пропозиция является контрарной другой, если они обе не могут быть истинными, однако могут быть обе ложными.) Вполне может быть, что Джон не является ни дружелюбным, ни недружелюбным (враждебно настроенным).

Фактически 'John is not friendly' 'Джон не дружелюбен' часто используется в повседневной речи так, как если бы оно имело то же значение, что и 'John is unfriendly' 'Джон недружелюбен'. (Мы не имеем здесь в виду такие устные произнесения (21), в которых формы *not unfriendly* как бы соединены просодически дефисом. В таких высказываниях *not friendly* очевидно будет интерпретироваться так же, как форма *unfriendly*.) Есть три возможных способа трактовки этого факта. Первый, в данном случае исключенный в силу того замечания, которое я только что сделал, это сказать, что в предложении, представленном на письме как 'John is not friendly', совмещены два различных предложения, которые различаются, по крайней мере факультативно, в устной форме английского языка посредством ритма и интонации. Однако ритм и тонкие различия в интонации, которые имеют место в подобных случаях, повсеместно исключены лингвистами из числа просодических составляющих структуры предложений. Второй способ — сказать, что имеется одно предложение, являющееся со структурной точки зрения неоднозначным. Однако для принятия этого взгляда не существует никаких других, независимо мотивированных оснований. Третий способ заключается в том, чтобы провести разграничение между значением предложения и значением высказывания и сказать, что 'John is not friendly' представляет собой одно однозначное предложение, которое может быть произнесено особым способом и, возможно, также в специфических контекстах с приблизительно тем же коммуникативным эффектом, что и высказывание 'John is unfriendly'. Мы в данной книге принимаем третий способ анализа этого предложения.

В качестве составляющих компонентов предложений могут выступать также отрицательные именные выражения. Например, (23) 'Non-students pay the full entrance fee' 'Не-студенты платят за вход полностью'

выражает пропозицию, которая отличается от пропозиции, выраженной в

(24) 'Students do not pay the full entrance fee' 'Студенты не платят за вход полностью',

а также не следует из нее (хотя и может выводиться из последней в качестве импликатуры).

Именное отрицание этого типа ('non-students'), как и предикативное отрицание ('do not pay' 'не платят'), влияет на пропозициональное содержание предложения, в котором оно выступает, и в принципе имеет функционально-истинностный характер, однако его трудно формализовать средствами стандартной пропозициональной логики.

От приведенных выше примеров именного отрицания (типа 'non-students') необходимо отличать использование отрицательных неопределенных местоимений, таких, как 'no-one' 'ни один, никто', 'nothing' 'ничто', или семантически сопоставимых с ними именных выражений с адъективированным 'no' 'не' (например, 'no man' 'ни один человек', ср. французское 'aucun homme', немецкое 'kein Mensch' и т. д.). По размышлению очевидно, что

(25) 'No-one telephoned' 'Никто не звонил по телефону'

выражает пропозицию, являющуюся контрадикторной пропозиции, выраженной предложением

(26) 'Someone telephoned' 'Кто-то звонил по телефону',

тогда как

(27) 'Someone did not telephone' 'Кто-то не звонил по телефону',

которое выглядит как отрицательное предложение, наиболее прямо соответствующее (26), может быть соединено с (26), для того чтобы выразить неконтрадикторную сложную пропозицию

(28) "Someone telephoned and someone did not telephone" "Кто-то звонил по телефону и кто-то не звонил по телефону".

Большинство логиков и лингвистов, по крайней мере до последнего времени, придерживалось взгляда, что пропозиции, выраженные предложениями (25), (26) и (27), отличаются по логической форме от пропозиций, выраженных, например, в

(29) 'John telephoned' 'Джон звонил по телефону'

и

(29a) 'John did not telephone' 'Джон не звонил по телефону'.

Стандартный логический анализ пропозиционального содержания (25), (26) и (27) использует **квантор существования**, с отрицанием или без него, и трактует семантическое различие между (25) и (27) в терминах относительного порядка квантора и оператора отрицания.

Наиболее существенное различие между отрицательными предложениями (25) и (29а) с этой точки зрения заключается в том, что последнее (когда оно используется для того, чтобы сделать утверждение) связано с конкретным видом **пресуппозиции существования**. Иными словами, оно передает пресуппозицию говорящего, что существует некоторая сущность, которая может быть правильно обозначена выражением 'John'. В то же время употребление слов 'nobody' 'никто', 'nothing' 'ничто' и т. д. не связаны с пресуппозициями существования. Стандартный логический анализ (25) правильно объясняет его отличие в этом отношении от (29а). Однако он достигает этого ценой игнорирования их очевидного грамматического параллелизма.

Размышление над предложениями, подобными тем, что приведены выше, в рамках более широкого и детального изучения отрицания в английском и других языках поднимает также следующие проблемы. Каким образом утвердительные предложения, включающие 'some' 'некоторый, какой-то и т. д.' (или 'someone' 'кто-то', 'somewhere' 'где-то, куда-то'), связаны грамматически и семантически с соотносительными предложениями, включающими 'any' 'какой-нибудь, любой и т. д.' (или 'anyone' 'кто-нибудь, кто-либо, любой', 'anywhere' 'где-нибудь, где-либо, куда-нибудь, куда угодно и т. д.')? (Каково, например, отношение между 'He saw someone' 'Он видел кого-то' и 'He did not see anyone' 'Он никого не видел', *букв.* 'Он не видел кого-либо?') И как они связаны с соотносительными отрицательными предложениями, содержащими 'some'? (Значит ли 'He saw no-one' 'Он никого не видел' в точности то же, что и 'He did not see anyone' 'Он не видел кого-либо?') Проблемы, подобные этой, включающие комплексное взаимодействие отрицания, детерминативов, кванторов и неопределенных местоимений (и прилагательных), в последние годы активно изучались лингвистами. В некоторых случаях нет согласия относительно самих фактов, особенно когда дело касается предполагаемых различий в значении, которые не могут быть объяснены с позиций функционально-истинностного подхода. Однако даже бесспорные с фактической точки зрения случаи пропозиционального отрицания с трудом поддаются описанию в теоретически единой рамке, внутри которой грамматическая структура и логическая форма могли бы быть просто и систематически поставлены в соответствие друг с другом.

Отрицание — это операция, которая прилагается к одному выражению. Однако это выражение может быть простым или сложным. В случае $\sim p$ выражение, к которому прилагается оператор, —

выражение, которое находится в **сфере** его действия, — является простым, тогда как в $\sim (p \ \& \ q)$ оно является сложным. Все, что находится внутри парных левой и правой скобок, непосредственно следующих за оператором отрицания, находится в сфере его действия; в случае отсутствия таких скобок оператор отрицания прилагается к наименьшему выражению справа от него. Поэтому есть существенная разница между $\sim (p \ \& \ q)$ и $\sim p \ \& \ q$, например, между

(30) "Mary was not (both) well-and-cheerful" 'Мэри не была здоровой-и-жизнерадостной'

и

(31) "Mary was (both) not-well and cheerful" 'Мэри была не-здоровой и жизнерадостной'

(различие неформально показано посредством дефисов).

Можно легко увидеть и другие подобные различия в сфере действия пропозиционального отрицания в естественных языках. Например, английское предложение

(32) 'John did not kiss Mary because she was his sister'

может быть интерпретировано двумя способами: как

(33) "It was because she was his sister that John did not kiss Mary" 'Джон не поцеловал Мэри, потому что она была его сестра',

или же как

(34) "It was not because she was his sister that John kissed Mary" 'Джон поцеловал Мэри не потому, что она была его сестра'.

В случае интерпретации (33) рассматриваемое предложение понимается так, что отрицание прилагается только к пропозициональному содержанию главного предложения ("John kissed Mary"); в случае интерпретации (34) — это предложение, в котором отрицание прилагается либо к содержанию подчиненного предложения ("because she was his sister" 'потому что она была его сестра'), либо (и это, возможно, предпочтительный анализ) к сложной пропозиции "John kissed Mary because she was his sister" 'Джон поцеловал Мэри потому, что она была его сестра'. Разумеется, различие между (33) и (34) не может быть корректно формализовано в терминах функционально-истинностного различия между $\sim p \ \& \ q$ и $\sim(p \ \& \ q)$. Как мы видели, пропозициональное исчисление не способно провести различие между конъюнкцией и каузальной субординацией. Тем не менее интуитивно ясно, что разница между (33) и (34), в принципе, формализуема в терминах сферы действия пропозиционального отрицания. Существует много подобных примеров.

Сфера действия отрицания релевантна также для модальной логики, которая представляет собой расширение пропозиционального исчисления посредством логических операторов необходимости (\mathcal{N}) и возможности (\mathcal{M}). Пропозиция

(35) "Не необходимо, что p " ($\sim Np$)

отличается функционально-истинностно от

(36) "Необходимо, что не p " ($N \sim p$).

Например,

(37) "Небо не необходимо синее"

отличается по истинностному значению от

(38) "Необходимо, что небо не синее".

Как мы увидим в Части 4, по крайней мере некоторая часть из того, что может быть рассмотрено как модальность в естественных языках, может быть отнесено к пропозициональному содержанию предложений. В таких случаях имеется определенное соответствие между сферой действия отрицания и грамматической структурой. Например, высказывание

(39) *He may not come*

может быть синтаксически интерпретировано двумя способами (и таким образом поставлено в соответствие двум разным предложениям) в зависимости от того, имеет отрицательная частица *not* **более узкую** или **более широкую сферу действия**, чем модальный глагол 'may' 'мочь':

(40) "Возможно, что он не придет" ($\mathcal{M} \sim p$)

и

(41) "Невозможно / не разрешено, чтобы он пришел" ($\sim \mathcal{M}p$).

Что невозможно формализовать, даже в модальной логике, так это различие между утверждением отрицательной пропозиции ("I say that it is not raining" 'Я утверждаю, что дождь не идет') и отрицанием утвердительной пропозиции ("I deny that it is raining" 'Я отрицаю, что идет дождь'), а также различие между утверждением утвердительной пропозиции ("I say that it is raining" 'Я утверждаю, что идет дождь') и отрицанием отрицательной пропозиции ("I deny that it is not raining" 'Я отрицаю, что дождь не идет'). Различия, наблюдаемые в этих случаях, также могут быть объяснены в терминах сферы действия отрицания. Более того, это различия, которые во многих языках отражаются, по крайней мере, частично, в синтаксической и просодической структуре предложений. Однако утвержде-

ние и отрицание не являются и не могут быть составными частями пропозиционального содержания; они являются коммуникативными актами иного рода. В той мере, в какой различие между утверждением и отрицанием, а также между другими видами коммуникативных актов систематически кодируется в то, что ранее было названо «номинальным значением» (face-value) предложений, оно также является частью значения предложений, но такой, которая не является частью их пропозиционального содержания.

6.6. Тип предложения, **тип** предикативной группы (clause-type) и наклонение

В настоящее время для лингвистов стало обычным проводить терминологическое различие между декларативными (повествовательными) предложениями и утверждениями, между вопросительными предложениями и вопросами, между императивными предложениями и приказами, между оптативными предложениями и желаниями, между восклицательными предложениями и восклицаниями. Однако далеко не всегда отмечается, что (в традиционном употреблении) имеется важнейшее различие между терминами 'декларативный', 'вопросительный' и 'восклицательный', с одной стороны, и 'императивный' и 'оптативный', с другой. Первый ряд терминов подразделяет предложения в соответствии с тем, что часто называют **тип** предложения. (Термин 'тип' употреблен здесь в совершенно ином значении, чем то, в котором тип противопоставлен экземпляру (token). Как мы увидим в Части 4, в рамках концептуального и терминологического инвентаря, принятого в этой книге, различие тип / экземпляр неприложимо к предложениям, поскольку предложения, в отличие от высказываний, не являются формами.) В то же время термины 'императивный' и 'оптативный' традиционно употребляются в одном ряду с терминами 'индикативный', 'сослагательный', 'дубитативный', 'эвиденциальный' и т. д. и подразделяют предложения (или предикативные группы, clauses) в соответствии с **наклонением**. Некоторые термины, особенно 'условный', традиционно используются как по отношению к типу предложения, так и по отношению к наклонению; термин 'условный' будет здесь рассмотрен с этой точки зрения более подробно, поскольку условные пропозиции уже в течение долгого времени являются предметом особого внимания в логической семантике.

В этом месте я должен напомнить читателям, что хотя мы в этой книге оперируем с двумя фундаментальными разграничениями — между лексическим значением (или значением слова) и значением предложения, с одной стороны, и между значением предложения и значением высказывания, с другой, можно показать, что наиболее близко соответствуют пропозициям и грамматически более базовыми являются предикативные группы (clauses), а не предложения (ср. 6.2). В последующем изложении я для простоты буду использовать термины 'предложение' ('sentence') и 'тип предложения' ('sentence-type') там, где многие грамматисты предпочли бы термины 'предикативная группа' ('clause') и 'тип предикативной группы' ('clause-type'). Главным основанием для того, чтобы продолжать использовать преимущественно термины 'предложение' и 'тип предложения', является их широкая употребительность в логической семантике (где, заметим также, не всегда ясно различаются предложения и пропозиции). Данное чисто терминологическое решение не будет иметь сколько-нибудь серьезных содержательных последствий, поскольку все, что сказано в Частях 3 и 4 этой книги, может быть без какого-либо труда переформулировано в терминах предикативных групп и их типов. (Когда возникает необходимость подробного интегрированного описания семантики и синтаксиса в рамках конкретной теоретической концепции, выбор предложения или предикативной группы как базовой единицы, а также указание, в каком смысле эта единица является базовой, безусловно, имеет важное значение. Однако на том уровне обобщения, на котором мы оперируем в данной, излагающей основы семантики работе, нет необходимости заниматься этими вопросами.) Для того чтобы эксплицировать возможность альтернативного описания, я включил термин 'тип предикативной группы' ('clause-type') в название раздела и буду время от времени добавлять в скобках термины 'предикативная группа' ('clause') и 'тип предикативной группы' ('clause-type').

Имеется связь между типом предложения (или предикативной группы) и наклоном. В то же время тип предложения и наклонение являются отчасти независимыми измерениями грамматической структуры предложений (и предикативных групп), и важно не смешивать их. Важно также не смешивать и не объединять термины 'декларативный' и 'индикативный' ('изъявительный'), как это иногда делают философы и даже лингвисты. Предложение не может быть одновременно вопросительным и декларативным, однако во многих языках оно может быть одновременно вопросительным и индикативным (в традиционном понимании этих терминов), то есть

оно может быть вопросительным как тип предложения и содержать в качестве единственной или главной предикативную группу в изъявительном наклонении. Во многих языках предложение также может одновременно быть вопросительным и стоять в сослагательном наклонении. Например, латинское предложение

(42) "Quid faceret?",

которое стоит в форме прошедшего времени сослагательного наклонения, отличается грамматически и семантически от

(43) 'Quid facebat?',

стоящего в форме прошедшего времени изъявительного наклонения.

И (42), и (43) могут быть переведены на английский язык в зависимости от контекста разными способами, например, как

(42a) 'What was he/she to do?' "Что было ему/ей делать?"

или

(43a) 'What was he/she doing?' "Что он/она делал(а)?".

Важно иметь в виду, что семантическое различие между (42) и (43) в латинском языке совершенно параллельно различию между

(42b) 'Quid faciam?' ("What am I to do?" "Что мне делать?")

и

(43b) 'Quid facio?' ("What am I doing?" "Что я делаю?"),

в которых глаголы стоят в форме настоящего времени сослагательного и изъявительного наклонения соответственно и субъект имеет форму первого лица. Предложения (42) и (42b) могут быть представлены как имеющие то же самое пропозициональное содержание, что и (43) и (43b) соответственно, соединенное, однако, с непропозициональным — не выразимым условно-истинностно — экспрессивным, и более конкретно, **субъективным** компонентом значения (см. 10.6). Английские переводы (42) и (42b), данные выше, могут вводить в заблуждение в том отношении, что в них этот субъективный компонент высказываний не грамматикализуется средствами категории наклонения в простом предложении, что подталкивает исследователей семантики к поискам несубъективного способа анализа, связанного с вставлением пропозиционального содержания одного предложения (clause) внутрь другого. В большинстве диалектов современного английского языка изъявительное и сослагательное наклонения очень слабо различаются даже в подчиненных предложениях.

Точно так же, как в одних языках предложение может быть одновременно вопросительным и не-индикативным, в других языках

предложение может быть декларативным, не будучи индикативным. Существуют языки (это, прежде всего, члены семьи индейских языков Северной Америки сиу), в которых есть различные виды неиндикативных декларативных предложений, но вообще нет индикативных предложений. Говорящие на таких языках, когда они используют предложение для того, чтобы сделать утверждение, не могут просто закодировать в глагольный компонент своего высказывания посредством выбора того или другого грамматического наклонения некоторую субъективную квалификацию своего отношения к истинности пропозиции, которую они выражают, или какой-либо другой показатель того, что далее будет обозначаться как **эпистемический статус**. (Что понимается под 'эпистемический' и 'субъективная квалификация', будет объяснено в разделах 8.4 и 10.5.) Поскольку, поскольку рассматриваемые предложения являются членами класса (типа предложений), который характеризуется своей связью с высказыванием утверждений, они являются декларативными. Но ни один из их подклассов не является индикативным (с точки зрения наклонения), поскольку ни одно из наклонений в этих языках не специализировано на нейтральном (объективном или несубъективном) выражении пропозиционального содержания (в высказывании утверждений, задавании вопросов и т. п.). Индикатив, в тех языках, которые имеют это наклонение, традиционно рассматривается как фактуальное наклонение. Очевидно, что можно не только утверждать или отрицать, но также предполагать (*presuppose*) фактуальность пропозиции, спрашивать или просто обдумывать (вслух — в театральных монологах — или мысленно), является ли пропозиция фактуальной.

Индикативное предложение (или предикативная группа) по определению является предложением (или предикативной группой) в индикативном (изъявительном) наклонении, так же как императивное, субъюнктивное или оптативное предложение (или предикативная группа) является предложением (или предикативной группой) в императивном (повелительном), субъюнктивном (сослагательном) или оптативном наклонении — в тех языках, в которых есть какое-либо или все из этих наклонений. Наклонение как грамматическая категория предложения (или предикативной группы) часто кодируется словоизменительно в самых разных языках по всему миру (как, например, в латинском и греческом и других индоевропейских языках) в грамматически отдельных — говоря более точно, морфосинтаксически отдельных — формах глагола, являющихся вершиной предложения (или предикативной группы). По этой причине накло-

нение в традиционных грамматиках часто определяется как категория глагола. Однако связь наклонения с глагольным словоизменением в принципе не является необходимой. Как мы увидим позже, наклонение лучше всего может быть определено как категория, которая возникает в результате грамматикализации **субъективной модальности** и других видов экспрессивного значения, включая некоторую часть того, что в настоящее время обычно называется **иллокутивной силой** (8.3). В английском языке многое из этого кодируется в модальных глаголах, которые взяли на себя многие из функций староанглийского субъюнктива в ходе происходившего в течение столетий процесса, сделавшего современный английский язык в этом и других отношениях более аналитичным (или перифрастичным) и менее синтетичным (или словоизменительным). Аналогичный длительный процесс имел место в других германских языках и в романских языках, хотя большинство из них все еще имеют более богатую систему глагольного словоизменения, чем современный английский язык. Одним из последствий этого, как мы увидим, является то, что в английском языке гораздо легче, чем во многих других языках, объективировать и представить в виде пропозиций экспрессивные и субъективные по своей природе компоненты значения.

Выдвинутое здесь мною положение о необходимости различать тип предложения и наклонение имеет не просто терминологическое значение. Как мы увидим в Части 4, это разграничение может рассматриваться как свидетельство в пользу представления логической структуры предложений и высказываний в виде трехчастной, а не двухчастной или даже унитарной структуры, что предпочитается многими логиками и исследователями формальной семантики. Терминология, в любом случае, особенно важна в этой области семантики, поскольку она позволяет нам разделять не только тип предложения и наклонение (которые часто смешиваются даже лингвистами), но также форму и функцию.

Как было отмечено выше, некоторые термины, такие, как 'условный', традиционно используются как применительно к одному из наклонений в некоторых языках (например, во французском и итальянском), так и более обобщенно по отношению к предложениям (в типичном случае сложноподчиненным, однако в некоторых случаях сложным или бессоюзным), характерной чертой которых является то, что они используются для того, чтобы выразить сложные пропозиции, или импликации (см. 6.4). Когда используются такие термины, необходимо быть особенно осторожным, чтобы не смешать формальный и функциональный аспекты или более узкую

формальную категорию с более широкой. Возьмем, например, так называемое условное наклонение во французском или итальянском языке: с одной стороны, оно выступает не во всех условных предложениях, но только в том подклассе условных предложений, который используется для выражения контрфактических условных пропозиций (при этом оно выступает в главном предложении, а не в подчиненном, условном, предложении); с другой стороны, помимо использования в условных предложениях, оно имеет также и другие функции. Одно из таких употреблений, представляющее особый интерес в контексте обсуждения необходимости разграничения формы и функции и типа предложения и наклонения, — это его употребление в декларативных предложениях для выражения особого вида субъективной эпистемической модальности, сопоставимой с тем, что выражается так называемым **эвиденциальным** наклонением во многих языках мира, имеющим такое наклонение (помимо отмеченной выше семьи языков сиу, это турецкий и болгарский языки).

В значительной части те соображения, которые были высказаны мной по поводу термина 'условный', могут быть отнесены также к терминам 'субъюнктивный' и 'оптативный', которые иногда используются в философской и логической семантике в противопоставлении с 'индикативный' для обозначения функции, а не формы, или типа предложения, а не наклонения. Высказав это замечание, я буду в оставшихся разделах этой главы использовать термин 'декларативное предложение' (сокращенно 'декларатив') в значении 'индикативное декларативное предложение'. Именно так этот термин обычно понимается в последних работах по лингвистической семантике. Важно, однако, помнить, что во многих языках существуют также различные виды не-индикативных декларативных предложений.

Теперь мы должны на короткое время вернуться к проблеме просодической структуры. В этом разделе (и во всей книге) мы рассматриваем классификацию предложений (и предикативных групп) исключительно как вопрос их грамматической структуры, как в письменном, так и в устном языке. Однако, как уже было отмечено, в нормальной речи устные высказывания во всех языках **«пунктуированы»** и **модулированы** — то есть наделены различными видами субъективного, непропозиционального значения — посредством наложения на ряд форм, из которых они состоят, особого просодического контура (см. 1.3). В речи грамматическая и просодическая структуры в общем случае дополняют и поддерживают друг друга, однако, как мы сейчас увидим, они могут также находиться в кажущемся противоречии друг с другом. Так, дек-

ларативное предложение может быть произнесено **иронически** для того, чтобы выразить пропозицию, противоположную пропозиции, которое оно в своем буквальном, номинальном значении предназначено выражать (например, *That's a clever thing to do!* 'Как это умно!'); вопросительное предложение может быть произнесено с целью сделать косвенное утверждение того вида, которое традиционно (и в некотором смысле обманчиво) называется *риторическим вопросом* (например, *Who could possibly think that such negotiations would bring lasting peace to the region!* 'Кто мог подумать, что такие переговоры принесут длительный мир в регион!').

Мы рассмотрим некоторые из этих кажущихся противоречий между значением предложения и значением высказывания в Части 4. Здесь мы сейчас отметим только то общее положение, что в речи просодическая (и паралингвистическая) структура высказывания обычно помогают разрешить эти внешние противоречия и конфликты. Исключение просодической структуры из числа параметров грамматической структуры (и, как результат, проведение различия между значением предложения и значением высказывания как для письменного, так и для устного языка там и так, где и как оно было проведено) хорошо мотивировано с методологической точки зрения. Из этого не следует, что, проводя это различие таким образом и в этом пункте, мы обеспечиваем описание того, как реально производятся и интерпретируются высказывания. Итак, обосновав разграничение между типами предложений (и типами предикативных групп) и наклоном и показав, что не все декларативные предложения (или предикативные группы) имеют форму индикативного наклона (во всех языках, которые имеют такое наклонение), перейдем к рассмотрению отношений между вопросительными предложениями (интеррогативами) и декларативами.

6.7. Значение вопросительных и декларативных предложений

Общепризнанно, что все иные предложения, чем декларативы, представляют проблемы для условно-истинностных теорий значения предложения. В этом разделе мы рассмотрим один из классов не-декларативов, а именно интеррогативы, и сравним их семантически с декларативами. В следующем разделе мы, опираясь на положения, выдвинутые здесь, рассмотрим два других класса не-декларативных предложений. Общее заключение, к которому мы придем, сводится к тому, что даже декларативные предложения не могут быть полно-

стью описаны семантически в терминах стандартной функционально-истинностной теории значения.

В английском языке, как и во многих других языках, имеются два грамматически различающихся подкласса вопросительных предложений, которые могут быть поставлены в соответствие (посредством понятия характерного употребления и номинального (face-value) значения) с двумя подклассами вопросов: **да-нет вопросы** и то, что я буду называть **x-вопросы**. Первоначально мы сосредоточим внимание на том, что может быть названо производным термином *да-нет* интеррогативы, например,

(44) 'Is the door open?' 'Дверь открыта?'

Это предложение систематически связано с точки зрения грамматической и лексической структуры с декларативным предложением

(45) 'The door is open' 'Дверь открыта'.

Систематическое грамматическое и лексическое отношение между этими двумя предложениями, как представляется, должно отражать не менее систематическое семантическое отношение. Но какова природа этого семантического отношения? Интуитивно кажется, что пропозициональное содержание этих предложений в значительной мере, если не полностью, совпадает, однако их целостные значения различны.

Имеется несколько способов приписать условия истинности (44), так чтобы систематически объяснить сходства и различия его значения с значением (45). Один из них — это сказать, что оно имеет то же самое значение, что и

(46) 'I ask whether the door is open' 'Я спрашиваю, открыта ли дверь'.

Однако легко показать, что это решение неудовлетворительно. Прежде всего, кажется очевидным, что значение (44) независимо от его использования в качестве вопроса. Так, нет ничего нелогичного или противоречивого в высказывании

(47) *Is the door open? — that is the question that I refuse to ask* 'Открыта ли дверь? — это вопрос, который я отказываюсь задавать'.

Однако это должно было бы быть так, если бы (44) и (46) имели одно и то же значение.

Во-вторых, если мы принимаем этот подход, то нам придется допустить, что значение грамматически сложного предложения (46) проще, чем значение грамматически простого предложения (44). Это контринтуитивно само по себе и, кроме того, противоречит принципу композициональности (который был упомянут в главе 4 и будет обсужден в связи с значением предложения в разделе 7.2). Но, что

еще хуже, мы также должны учитывать тот факт, что придаточное предложение, которое выступает в роли дополнения, или прямого объекта, глагола 'ask' 'спрашивать, задавать вопрос' в (46), в общем случае рассматривается как грамматически сопоставимое с *that*-придаточным, выступающим в роли дополнения глагола 'say' 'говорить' в

(48) 'I say that the door is open' 'Я говорю, что дверь открыта', поскольку *whether the door is open* 'открыта ли дверь' связано с и, возможно, производно от (44) точно таким же образом, как *that the door is open* 'что дверь открыта' связано с (45). В то же время имеется общее согласие относительно того, что условия истинности (48) явно отличаются от условий истинности (45). И нет достаточных оснований подвергать сомнению этот консенсус, особенно учитывая то, что (i) английский язык в этом отношении отнюдь не является нетипичным среди языков, которые грамматикализуют различие между так называемыми конструкциями **прямой речи (direct-discourse)** и конструкциями **косвенной речи (indirect-discourse)**, и (ii) существует много языков, которые не имеют конструкций косвенной речи, однако очень мало, если они вообще есть, языков, которые не имеют конструкций прямой речи. Поэтому очевидно неудовлетворительной является трактовка конструкций косвенной речи как более базовых и грамматически более простых, чем конструкции прямой речи.

Третье, и последнее, основание для того, чтобы отвергнуть взгляд, что (44) и (46) — и (45) и (48) — эквивалентны с условно-истинностной точки зрения, это то, что такой взгляд предполагает, что у нас есть удовлетворительный и независимо мотивированный условно-истинностный анализ (46) — и (48). Однако, как мы увидим в главе 8, говорить о семантической эквивалентности (46) и (48) относительно (44) и (45) соответственно можно только в случае, если (46) и (48) дана специальная перформативная интерпретация (и они имеют особое аспектуальное значение). Перформативный анализ предложений (противопоставленный перформативному анализу некоторых или всех видов высказываний), пользовавшийся успехом у некоторых сторонников так называемой порождающей семантики в начале 1970-х годов, в настоящее время повсеместно отвергнут как по грамматическим, так и по семантическим основаниям.

Другой способ объяснения значения вопросительных предложений, таких, как (44), в теоретических рамках условно-истинностной семантики — это отождествить его семантически с множеством декларативных предложений, включая 'The door is open' 'Дверь открыта',

которые могут правильными или приемлемыми ответами на этот вопрос. Этот подход к семантическому анализу интеррогативов был принят и развит в мельчайших деталях в ряде последних работ по формальной семантике. Здесь о таком подходе нужно сказать только то, что, каковы ни были его преимущества с чисто логической точки зрения, он вряд ли будет принят кем-либо из исследователей лингвистической семантики, которым нет необходимости исходя из метатеоретических соображений втискивать значение предложения в целом в условно-истинностную смирительную рубашку.

Гораздо более привлекательным является подход к этой проблеме Готлоба Фреге, немецкого ученого, чьи основополагающие работы в области философии языка в конце девятнадцатого столетия имели важнейшее значение для формализации семантики. Согласно Фреге и его современным последователям, значение 'Is the door open?' 'Дверь открыта?' состоит из пропозиционального и непропозиционального компонентов. Пропозициональный компонент этого вопросительного предложения "The door is open" "Дверь открыта" тот же, что и в 'The door is open' 'Дверь открыта'; непропозициональный компонент значения — это та его часть, благодаря которой это предложение в типичном случае употребляется как вопрос, а не как утверждение. В то же время 'The door is open' 'Дверь открыта' также включает в свое значение непропозициональный компонент — ту часть значения, которая делает его подходящим для высказывания утверждений. Формулировка Фреге несколько отличается от той, которую только что дал я, отчасти вследствие того, что он не различал предложения и высказывания — и даже, временами, предложения, предикативные группы (clauses) и пропозиции ('Satz' в немецком языке покрывает все эти три значения). Однако моя формулировка сохраняет существо формулировки Фреге и приспособляет ее терминологически и концептуально к более широкому понятию значения, принятому в этой книге.

Подход Фреге, который не требует приписывания условий истинности недеklarативным предложениям, позволяет сохранить связь описания с внешней формой явления (saves the appearances). Анализ большого количества примеров из языков мира позволяет сделать вполне определенный вывод, что значение соотносительных декларативов и интеррогативов, относящихся к типам, примерами которых являются 'The door is open' 'Дверь открыта' и 'Is the door open?' 'Дверь открыта?' соответственно, может быть разложено на две части. В языках, в которых имеется четкое различие между декларативами и интеррогативами, последние отличаются от первых

одним из трех способов: различным порядком слов, наличием специальных вопросительных частиц или морфологическими вариациями глагола. Иногда говорят, что имеется еще один способ различения декларативов и интеррогативов — интонация. Однако согласно принятой здесь и эксплицированной выше точке зрения этот вид интонационного различия должен быть приписан не структуре предложения, но процессу высказывания и его продуктам. Это означает, что существуют языки (например, итальянский, испанский, новогреческий — назовем только несколько из наиболее известных европейских языков), в которых на уровне предложения нет различий между утверждениями и *да-нет* интеррогативами. Различие между утверждениями и *да-нет* вопросами в норме маркируется просодически в речи и пунктуационно на письме.

Предложения, которые являются грамматически нейтральными относительно противопоставления между декларативами и интеррогативами (но могут быть соответствующим образом использованы в высказывании утверждений или вопросов), представляют собой единственный вид предложений, чье значение может быть исчерпано их пропозициональным содержанием. (Можно ли о таких предложениях в итальянском, испанском, новогреческом и т. п. языках сказать, что они полностью лишены непропозиционального значения, зависит от способа семантической трактовки категорий времени и наклонения, см. 10.3, 10.5.) Предложения, грамматическая структура которых маркирует их как декларативные или как вопросительные, имеют в качестве непропозиционального компонента их значения указание на характерный потенциал их употребления в определенной коммуникативной функции, для высказывания утверждений, с одной стороны, или же для задавания вопросов, с другой. Во многих языках грамматическая структура таких предложений часто легко может быть разложена на пропозициональную и непропозициональную часть. Как мы увидим в главе 7, несколько версий трансформационной грамматики, включая наиболее раннюю версию, разработанную Хомским (Chomsky 1957) и впоследствии принятую (и модифицированную) Катцем и Посталом (Katz, Postal 1964), используют это обстоятельство.

До сих пор мы обсуждали только нейтральные, или немаркированные, *да-нет* интеррогативы, то есть интеррогативы, которые не кодируют, грамматически или лексически, пресуппозиции или ожидания говорящего относительно ответа адресата. Не-нейтральные, или маркированные, интеррогативы отличаются от нейтральных интеррогативов тем, что они кодируют такую информацию. Например,

так называемые разделительные вопросительные предложения — точнее, разделительные вопросительные предложения с обратной полярностью — в английском языке, такие, как

(49) 'The door is open, isn't it?' 'Дверь открыта, не так ли?'

и

(50) 'The door isn't open, is it?' 'Дверь не открыта, так?' —

кодируют ожидание говорящего, что на вопрос будет дан утвердительный или отрицательный ответ соответственно. Иными словами, когда эти предложения употребляются в типичной для них функции, представляя пропозицию адресату и побуждая его приписать истинностное значение этой пропозиции, говорящий посредством использования не-нейтральной, маркированной конструкции (а) указывает (искренне либо неискренне), как он сам оценивает истинностное значение этой пропозиции, и (б) в вопросительной части (tag) предложения эксплицитно просит адресата согласиться с этой оценкой или подтвердить ее. Таким образом, (49) в характерном для него употреблении будет использоваться для того, чтобы представить пропозицию "Дверь открыта" как такую, которой говорящий склонен приписать значение истины, в то время как (50) будет использоваться для того, чтобы представить ту же самую пропозицию ("Дверь открыта") как такую, которой говорящий склонен приписать значение ложности, или, альтернативно, представить соотносительную отрицательную пропозицию ("Дверь не открыта") как такую, которой он (или она) склонен приписать значение истины. Многие языки (включая латинский) располагают маркированными, или не-нейтральными, *да-нет* интеррогативами, которые семантически, если не грамматически, подобны (49) и (50).

Обратимся теперь к *x*-интеррогативам. В английском языке они содержат одну из ряда вопросительных форм прилагательных, местоимений или наречий, включающий *who/whom* 'кто, который / кого', *what* 'что, какой', *which* 'какой, который', *when* 'когда', *where* 'где' и *how* 'как'. (Поскольку все из этих форм, кроме *how*, в письменной форме начинаются с *wh*-, предложения, содержащие их, часто называются *wh*;-вопросы (*wh-questions*). При этом термины 'wh-предложения' и V/z-вопросы' часто распространяются и на описание других языков, нежели английский.)

³ Чрезвычайно лингвостецифичная грамматика и семантика английских разделительных вопросов не может быть отражена в переводе. — *Примеч. перев.*

Причина, по которой такие предложения называются *x*-интеррогативами, почти самоочевидна. Рассмотренные с точки зрения их логической структуры, такие предложения понимаются как содержащие в своем пропозициональном содержании ограниченную переменную (*x*), и когда такие предложения используются для того, чтобы задать вопрос, адресата просят наделить ее значением из области этой переменной. Например 'who' в форме *who* или *whom* ограничивает значение *x* лицами (persons) (прототипическими примерами которых являются люди). Таким образом,

(51) 'Who has been eaten my porridge?' 'Кто ел мою кашу?',

когда оно используется для того, чтобы задать вопрос, побуждает адресата дать ответ, который бы идентифицировал лицо, евшее кашу говорящего, посредством наделения *x* в качестве значения соответствующим обозначающим выражением, таким, как 'Златовласка', или 'медвежонок, живущий за соседней дверью', или 'человек, который оставил эти отпечатки ног на дорожке', или 'кто бы это ни был, это был тот, кто видел, как мы уходили утром'. Как всегда, референция является контекстно-зависимой: она определяется, прежде всего, общими онтологическими предпосылками и мнениями говорящего, затем его или ее более специфическими фоновыми мнениями и предпосылками, релевантными для конкретного контекста высказывания, часто приобретаемыми в ходе данного конкретного разговора, вклад в который вносит данное высказывание и частью которого оно является. Все это тоже ограничивает область данной переменной в пропозициональном содержании *.v*-вопросов.

Однако каково же пропозициональное содержание (51)? Интуитивно ясно, что *.г*-интеррогатив (51) тесно связан семантически с

(52) 'Someone has been eating my porridge' 'Кто-то ел мою кашу',

которое отличается от (51) формально в том отношении, что содержит неопределенное местоимение 'someone' 'кто-то', а не вопросительное местоимение 'who' 'кто' в позиции субъекта. Рассмотренное с логической точки зрения, 'someone' трактуется как **свободная** (или не связанная) ограниченная переменная с той же областью, что и у вопросительного местоимения 'who'. Сказать, что эта переменная является ограниченной, как мы сделали выше, — значит сказать, что ее область охватывает не все сущности в мире дискурса, но только некоторое (подходящее) их подмножество: в данном случае, сущности, которые являются (точнее говоря, принимается или предполагается, что они являются) лицами, — сущности, которые принадлежат к классу {*x*: *x* есть лицо}. Сказать, что эта переменная является сво-

бодной, — значит сказать, что она не является связанной, — ее референция не фиксирована внутри ее области — логическими операторами (такими, как квантор общности или квантор существования) или каким-либо иным образом. В стандартной системе логики формулы, содержащие свободные переменные, рассматриваются не как пропозиции, но как пропозициональные функции: они превращаются в пропозиции в результате либо **связывания** входящих в них переменных, либо подстановки вместо них постоянных, чья референция является фиксированной (в рамках данного мира дискурса).

Логическое различие между связанными и свободными переменными и его соответствия в естественных языках с недавних пор приобрело огромное значение не только в логической и лингвистической семантике, но также в теории грамматики. Вот почему оно объясняется здесь, где возможности его приложения особенно легко оценить. Мы будем использовать это различие дальше, так же как и различие между пропозициями и пропозициональными функциями, в нашем обсуждении референции (10.1).

Однако мы все еще не установили природу семантического отношения между (51) и (52). Оно очевидно не то же самое, что между (44) и (45), поскольку (52) имеет свой собственный *да-нет* интеррогатив. На самом деле, оно имеет их два:

(53a) 'Has someone been eating my porridge?' 'Кто-то ел мою кашу?'

(53b) 'Has anyone been eating my porridge?' 'Кто-нибудь ел мою кашу?'

Семантическое различие между (53a) и (53b) очень трудно охарактеризовать: различие между *some* и *any* в английском языке — сложный и весьма дискуссионный вопрос, который не может быть рассмотрен в этой книге. В любом случае он не имеет прямого отношения к существу вопроса. Для наших настоящих целей достаточно просто принять, что (53b) — нормальный *да-нет* интеррогатив, который соотносится с (52) в его нормальном использовании таким же образом, как (44) соотносится с (45). Из этого следует, что (53b) имеет то же пропозициональное содержание, что и (52), и которое, по всей видимости, имеет также и (51).

Различие между (53b) и (51) — и, в более общем виде, между *да-нет* интеррогативами и *v*-интеррогативами — связано со **сферой действия** вопросительности, закодированной в них, и с тем, что обычно обозначается как **предсуппозиции** вопросов, формулируемых (в типичном случае) посредством этих двух подклассов интеррогативов. В (53b), как и в (44), в сфере вопросительности оказывается все пропозициональное содержание в целом, и если какое-либо из

этих предложений используется для того, чтобы задать вопрос, то этот вопрос (при отсутствии каких-либо контекстуальных или, в устной речи, просодических ограничений сферы действия) будет относиться к пропозиции, выраженной соотносительным декларативом (произнесенным как прямое, неспецифицированное утверждение). Произнося в такой ситуации (536) или (44), говорящий не указывает на наличие у него или у нее пресуппозиций, касающихся истинности или ложности выраженной пропозиции. В (51), напротив, в сфере вопросительности находится только часть пропозиционального содержания. Произнося (51) для того, чтобы задать вопрос, говорящий в нормальных обстоятельствах принимает как данное, или предполагает (*presupposes*) истинность пропозиции, которая была бы выражена произнесением (52) в том же контексте, и употребляя местоимение 'who' 'кто' в положении, которое может быть названо *x*-позицией, ставит в фокус вопрос идентификации лица, обозначенного местоимением 'someone' 'кто-то'.

Философами и лингвистами было выделено много различных видов пресуппозиций, и в настоящее время не совсем ясно, как они связаны друг с другом и с различными видами импликаций. Мы вернемся к этому вопросу в Части 4. То, что здесь было сказано о пресуппозициях (и сфере действия), относительно неформально и нейтрально по отношению к различным теориям. Оно также относится ко всей области *x*-интеррогативов, которые обнаружены в английском языке (и в других языках), не только местоименных, но также адъективных и адвербиальных.

Важно отметить, что во многих языках существуют формальные и до некоторой степени функциональные пересечения не только между *x*-интеррогативами и декларативами, содержащими неопределенные местоимения, прилагательные и наречия, но также между *x*-интеррогативами и декларативами, содержащими указательные и относительные местоимения, прилагательные и наречия. Необходимо также добавить, что во многих, если не в большинстве языков мира невозможно идентифицировать все перечисленные выше типы предложений как грамматически и семантически различные конструкции. Мы, следовательно, должны быть очень осторожны в наших описаниях и не предполагать, что все естественные языки грамматизируют различия и эквивалентности в значении предложений в точности одним и тем же образом.

В этом разделе мы сосредоточим наше внимание на значении вопросительных предложений и его связи со значением декларативных предложений. Как мы видели, не только интеррогативы (как

один из подклассов не-декларативов), но также и декларативы грамматикализуют непропозициональный компонент значения, выражающий их характерное употребление (так же, как это делают интeррогативы и другие не-декларативы), и объединяют его со своим пропозициональным содержанием и, в некоторых языках гораздо более наглядно, чем в английском, с еще одним компонентом значения предложения, выражаемым наклонением. Мы также отметили, что хотя предположительно во всех языках возможно делать утверждения и задавать вопросы (хотя и не обязательно чисто нейтральные, немаркированные, в терминах модальности, утверждения и вопросы), есть языки, которые не грамматикализуют различие между декларативами и интeррогативами.

Вопросительность здесь рассматривается как такое свойство предложений, которое отличается от наклонения (изъявительного, сослагательного и т. д.), но может быть объединено с ним в языках, имеющих эту грамматическую категорию. Именно таким образом необходимо подходить к ней при грамматическом и семантическом анализе индоевропейских языков и многих других языков мира. Однако в некоторых других языках вопросительность может быть грамматикализована как одно из наклонений. Имеет ли это место на самом деле и в какой степени — трудно установить.

Одной из причин этого является трудность проведения функционального разграничения (если только язык сам ясно не грамматикализует или не лексикализует это различие) между заданием вопроса и выражением сомнения. Есть несколько индейских языков Северной и Центральной Америки (включая меномини, серрано и хидатса), которые имеют так называемое **дубитативное** наклонение; само использование термина 'дубитативный' показывает, что грамматисты, описывающие эти языки, пришли к выводу, что характерной, если не единственной функцией называемого так наклонения является выражение сомнения говорящего. Однако если говорящий выражает сомнение в истинности конкретной пропозиции не в диалоге на сцене, но в беседе, то это может быть понято в контексте (и можно ожидать, что оно будет так понято) как просьба к адресату разрешить это сомнение, то есть как задание вопроса, а не просто его формулировка.

И наоборот, предложение, чьей характерной функцией является формулировка вопросов — и которое поэтому трактуется как вопросительное (по типу предложения или наклонению), — может, разумеется, быть использовано для выражения сомнения без намерения побудить адресата разрешить это сомнение (или дать какой-либо

другой ответ). Английский язык лексикализует выражение сомнения в глаголе 'wonder' (в одном из его значений), который обычно используется или (а) как глагол сообщения с дополнением, вводящим косвенную речь, или (б) парентетически с субъектом в 1 лице в предложении, примыкающем (а не связанным с ним синтаксически) к вопросительному предложению. Эти две возможности могут быть проиллюстрированы примерами

(54) 'x wondered whether the door was open' 'x интересовался, открыта ли дверь'

(55) 'Is the door open, I wonder?' Интересно (*букв.* я интересуюсь), открыта ли дверь?'

соответственно. О высказывании *x*-ом (55) может быть впоследствии сообщено у произнесением (54) как утверждения. Однако то же самое может быть высказано посредством вопросительного предложения 'Is the door open?' 'Открыта ли дверь?' без парентетического предложения 'I wonder', если у имеет основания полагать (и это может быть сделано ясным просодическими или паралингвистическими средствами), что *x* в данной ситуации просто выражает свое сомнение и не задает вопрос.

Сравним с (54) и (55) декларативное предложение

(56) 'I wonder whether the door is open' 'Я интересуюсь, открыта ли дверь'.

Оно синтаксически параллельно с (54) и может быть, конечно, использовано для того, чтобы сделать утверждение. Однако чаще такие предложения употребляются, как (55), для того, чтобы прямо выразить сомнение или косвенно задать вопрос. В зависимости от того, каким образом интерпретируется высказывание (56), о нем может быть сообщено посредством (54) или

(57) 'x asked whether the door was open' 'x спросил, открыта ли дверь'.

Аналогично, если у *y*-а есть основания полагать, что *x*, произнося (55), косвенно задает вопрос, а не просто выражает сомнение, у может сообщить об этом, сказав (57).

Из этого обсуждения — которое может быть расширено за счет рассмотрения конструкций прямой речи для сравнения с (55) и (56) — можно сделать следующий вывод: вопросительность и дубитативность тесно связаны и, в случае отсутствия в контексте высказывания какой-либо информации, касающейся того, ожидает говорящий ответ или нет, могут быть в конечном итоге неотличимы друг от друга. Поэтому неудивительно обнаружить, во-первых, то, что некоторые языки не грамматикализуют различие между ними, и во-вторых, что в тех случаях, когда они грамматикализованы, грамма-

тисты спорят о том, вопросительность или дубитативность выражается в типичном случае произнесением предложения некоторого типа или некоторым наклонением. Возможно, что такие споры могут быть разрешены на эмпирической основе только в тех случаях, когда семантические различия лексикализованы, а не грамматикализованы. Это относится, как мы увидим, не только к анализу интеррогативных и дубитативных предложений (или неиндикативных декларативов), но также к анализу императивов и других не-декларативов.

6.8. Другие виды не-декларативов: императивы, восклицательные, волитивы и т. д.

В этом разделе главным предметом нашего внимания будут императивные и восклицательные (восклицательные) предложения, являющиеся другими важными классами не-декларативов, которые, как и интеррогативы, в английском языке грамматически отличаются от других классов. Мы также коротко рассмотрим волитивы и один из двух других классов не-интеррогативов, обнаруженных в других языках.

Императивные и восклицательные предложения отличаются от декларативов и интеррогативов и друг от друга в нескольких отношениях. В то же время к ним относится то же общее положение, которое в предшествующем разделе было высказано относительно декларативов и интеррогативов: помимо своего пропозиционального содержания, они также кодируют и грамматикализуют (в тех языках, в которые соответствующие различия действительно грамматикализованы) тот или иной вид непропозициональных компонентов значения предложения. Как в декларативных предложениях грамматикализовано их характерное функционирование в роли утверждений и в вопросительных предложениях — их характерное функционирование как вопросов, так в императивных предложениях грамматикализуется их характерное функционирование в роли приказов, просьб и т. д., а в восклицательных предложениях — их характерное использование для произнесения того, что традиционно называют восклицаниями. Начнем с восклицательных предложений.

В английском языке, как и во многих других языках, имеется структурное подобие между восклицательными предложениями и зависимыми вопросительными предложениями (clauses). Например, (58) 'How tall he is' 'Как он высок'

имеет ту же самую структуру, по крайней мере на поверхности, что и придаточное предложение в

(59) 'I wonder how tall he is' *букв.* 'Я интересуюсь, как он высок'.

В то же время между экскламативами типа 'How tall he is' 'Как он высок' и интеррогативами имеется ясное функциональное различие. Фактически экскламативы этого вида семантически могут быть рассмотрены как подкласс экспрессивных декларативов, в которых не-пропозициональная часть, отличающая значение предложения 'How tall he is' от значения

(60) 'He is very tall' 'Он очень высок',

грамматикализована, а не выражается в высказывании посредством специфического просодического контура. Именно вследствие ее грамматикализации и наличия корреляций с систематическими ограничениями на полярность, использование модальных глаголов и т. д. предложение 'How tall he is' (совершенно справедливо) рассматривается грамматистами как пример особого типа предложений. Конечно, важно не смешивать экскламативы (восклицательные предложения) с восклицаниями. Предложения всех типов могут быть произнесены с той специфической экспрессивной окраской, которая в устном языке передается ударением и интонацией, а в письменном языке посредством восклицательного знака. Восклицание представляет собой нечто весьма отличное от утверждений, приказов, просьб и вопросов. Обратимся теперь к императивам.

Напомним, что императивные предложения (и предикативные группы) — это предложения (и предикативные группы) в повелительном (императивном) наклонении, которое во многих языках противопоставлено другим наклонениям, таким, как изъявительное (индикативное), сослагательное, оптативное или дубитативное (6.6). Английский язык, как мы тоже отмечали, имеет сравнительно бедную систему наклонений в сравнении со многими, возможно, большинством языков мира. Императивные предложения в английском и других языках не могут быть так же легко поставлены в соответствие с декларативными (индикативными) предложениями, как интеррогативные (индикативные) предложения того вида, который обсуждался в предшествующем разделе, такие, как (44) и (45), которые мы здесь повторяем и перенумеровываем как (61) и (62) соответственно.

(61) 'Is the door open?' 'Дверь открыта?'

(62) 'The door is open' 'Дверь открыта'.

Причина этого в том, что наклонение не независимо от **времени** и **аспекта**. В то время как (61) очевидно имеет то же самое пропозициональное содержание, что и (62), не очевидно, что

(63) 'Open the door!' 'Открой(те) дверь!'

имеет такое же пропозициональное содержание, как декларативное предложение

(64) 'You open the door' 'Вы открываете дверь',

если (а) время считается частью пропозиционального содержания предложения и (б) тому, что традиционно рассматривается как время предложения (64), дается его наиболее обычная интерпретация.

При рассмотрении условия (б) следует иметь в виду, что при традиционно сложившемся употреблении в описаниях английского языка термина 'время' грамматическая категория времени не отделяется четко от категории аспекта. Как мы увидим далее, во многих языках аспект более важен, чем время (в том виде, как время определяется в современной лингвистике), и, в отличие от времени, то, что он выражает, определенно является частью пропозиционального содержания предложений (10.4). Важнейшее аспектуальное противопоставление, грамматикализованное в английском языке, — это противопоставление **прогрессива** (например, 'x is/was opening the door' 'x открывает/открывал дверь' и **не-прогрессива** ('x opens/opened the door' 'x открывает/открыл дверь')). В данном контексте для нас важно то, что глагол 'open' 'открывать' принадлежит к особому **аспектуальному классу** глаголов — составляющему большинство в английском языке — которые в норме не выступают в форме простого (не-прогрессивного) настоящего времени с прямой референцией к настоящему времени. Кроме того, можно привести аргументы в пользу того, что с семантической точки зрения референция к времени (указание на время) просьбы или команды, высказанной посредством (63), осуществляется имплицитно, а не эксплицитно, в самом этом акте просьбы или команды, и (если момент времени не эксплицирован посредством темпорального наречия или наречной группы) это указание относится, в зависимости от ситуации, к ближайшему или несколько более отдаленному будущему; само же по себе предложение не имеет временной характеристики. В поддержку этого взгляда говорит тот факт, что во многих языках, в которых время кодируется в словоизменении, императив не маркирован в отношении времени. Что же касается референции к будущему, ингерентной для приказов и просьб (в нормальных обстоятельствах), то надо отметить, что даже если их временная референция эксплицируется посредством слов

'now' 'сейчас' или выражением 'at this very moment' 'в этот самый момент, прямо сейчас', это должен быть момент или период времени, который следует за временем высказывания и отстоит от него хотя бы на мгновение. Интересно сопоставить с этой точки зрения структурно неоднозначное высказывание

(65) / *am telling you to open the door now* 'Я говорю тебе открыть дверь сейчас'

с однозначными высказываниями

(66) / *am now telling you to open the door* 'Я сейчас говорю тебе открыть дверь'

и

(67) / *am now telling you to open the door now* 'Я сейчас говорю тебе открыть дверь сейчас'.

В связи с этим примером можно отметить два момента. Во-первых, (65) может иметь значение (66) или (67). Во-вторых, в (67) референция 'now' 'сейчас' отличается в зависимости от того, указывает ли оно на время акта высказывания или предвосхищает акт открытия двери.

Еще один момент, который следует отметить, — это несомненная взаимозависимость грамматических категорий наклонения и времени в тех языках, которые имеют обе эти категории. При этом наклонение, чья функция обычно, если не всегда непропозициональна, гораздо более распространено в языках мира, чем время. Только меньшая часть языков имеет время как грамматическую категорию, и многие из функций категории времени, в тех языках, которые ее имеют, вполне определенно непропозициональны. Я вернусь к этому моменту в Части 4.

Условие (а) является даже более важным и более дискуссионным, чем условие (б). С точки зрения классической логики пропозиции вечно истинны или вечно ложны и, следовательно, имеют вневременную природу. Когда же пропозиции трактуются как объекты ментальных актов или установок, с одной стороны, или таких коммуникативных актов, как утверждение и отрицание, с другой, возникает стремление ввести время в сами пропозиции, прикрепив их к моменту, в который совершается ментальный или коммуникативный акт. Мы не можем в настоящей книге решить проблему объединения этих двух различных подходов к пропозициям. Следует отметить, однако, что эта проблема слишком часто игнорируется в обобщающих исследованиях грамматического времени не только лингвистами, но и логиками. Поскольку естественные языки в значительной

степени отличаются друг от друга в отношении того, как они грамматикализуют и лексикализуют косвенный дискурс (косвенную речь), возможно, что для разных типов языков будет необходим различный анализ.

Фактически, стандартная так называемая временная логика очевидно неадекватна как средство анализа реального функционирования категории времени в тех естественных языках, которые имеют ее. Однако в настоящее время исследователями в области формальной семантики разработаны более богатые и более мощные системы временной логики; может быть, они покажут себя более пригодными для семантического анализа времени в естественных языках, чем используемые ныне системы. Вопрос, смогут ли они успешно объединить пропозициональную (и чисто темпоральную) и непропозициональную (модальную и субъективную) функции времени, остается пока открытым.

Однако вернемся к императивным предложениям, оставив без дальнейшего рассмотрения вопрос времени. Императивные предложения образуют подкласс предложений, для которых характерно функционирование в качестве того, что сейчас принято называть **директивами** (приказы, просьбы, запрещения и т. д.). Например, (63) может быть использовано *x*-ом для того, чтобы приказать *y*-у или попросить его (или в соответствующем контексте дать ему разрешение) выполнить определенное действие. Эффектом повиновения *y*-а приказу или его согласия выполнить просьбу будет осуществление положения дел, или ситуации, в которой дверь, бывшая закрытой, теперь открыта, то есть осуществление изменения в мире, вследствие которого выполняются условия истинности не только (62), но также более специфические условия истинности предложения

(68) *y has opened the door* 'у открыл дверь'

и эквивалентного ему с точки зрения условий истинности пассивного предложения

(69) *'The door has been opened by y'* 'Дверь была открыта *y*-ом'.

Из этого следует, что хотя императивные предложения как таковые могут и не иметь условий истинности, они могут быть поставлены в систематическое соответствие с декларативными предложениями, которые имеют такие условия. Поскольку это так, очевидно возможно в принципе поместить императивные предложения в область условно-истинностной семантики, и были предприняты различные попытки сделать это. Остается, однако, вопрос, каково именно пропозициональное содержание императивных предложений.

Если мы принимаем методологический принцип "сохранения внешнего вида" (*saving the appearances*) для тех языков, где имеются систематические и морфологически прозрачные отношения между императивными и индикативными предложениями, мы можем сказать, что не только императив, но и индикатив оперирует семантически на пропозициональном содержании. Это означает, что мы можем в этом случае сказать, что (63) действительно имеет то же самое пропозициональное содержание, что и декларативное предложение (64), — но только тогда, когда (64) отсылает к моменту, но не периоду времени. Подобные употребления стоящих в форме не-прогрессива настоящего времени предложений с глаголами такого аспектуального класса, как 'open' 'открывать/открыть', хотя и необычны как прямые дескриптивные утверждения, тем не менее в соответствующем контексте вполне нормальны в английском языке, как мы увидим при рассмотрении так называемых перформативных высказываний в Части 4.

То, что было сказано о грамматическом времени, верно и относительно многих других явлений естественных языков. Не составляет труда продемонстрировать неадекватность современных подходов к естественным языкам в концептуальных рамках стандартной пропозициональной логики. Многие в этой части было посвящено данной задаче. Однако моя цель в целом была конструктивной. Мы узнаем больше из явно неадекватной, но четко сформулированной теории, чем из теории, изложенной столь неясно, что мы даже не можем увидеть ее неадекватность. Будем иметь это в виду, переходя к рассмотрению последних работ в области формальной семантики.

Глава 7

Формализация значения предложения

7.0. Введение

Эта глава является продолжением предыдущей и посвящена анализу двух важных с исторической точки зрения и весьма влиятельных теорий значения предложения, которые с середины 60-х годов были связаны с попытками формализовать семантическую структуру языков в теоретической рамке хомскианской или нехомскианской генеративной грамматики.

Первая из них — это теория значения Катца—Фодора, которая возникла в связи с тем, что мы сейчас рассматриваем как классическую версию теории трансформационно-генеративной грамматики Хомского. Вторая теория представляет собой особую версию семантики возможных миров, начало создания которой было положено в конце 60-х годов Ричардом Монтегю и которая, будучи развита его последователями, в настоящее время пользуется широким признанием как один из наиболее многообещающих подходов к выполнению поистине грандиозной задачи описания пропозиционального содержания предложений в математически строгой и элегантной форме.

Обе теории в этой книге изложены весьма избирательно и практически без помощи узко специальных понятий и терминов. Моей целью было больше объяснить некоторые из базовых понятий, чем ввести ту или иную формализацию. В то же время нужно подчеркнуть, что современная формальная семантика — это специальный предмет, который не может быть понят без знания математических понятий и нотации, которые являются ее частью. Эту главу следует читать параллельно с более специальными введениями в формальную семантику, перечисленными в «Рекомендациях по дальнейшему чтению». Студенты, овладевшие понятиями, объясняемыми ниже, должны быть способны разобраться в этих работах и, что не менее важно, поместить их в концептуальные рамки более широкого подхода к лингвистической семантике, чем тот, которого обычно придерживаются исследователи в области формальной семантики.

В некотором смысле теория Катца—Фодора в настоящее время устарела, так же как устарела в большинстве своих деталей и так называемая стандартная теория трансформационной грамматики. Однако, как я показываю ниже, взятые вместе, эти теории имеют важное историческое значение, поскольку они познакомили лингвистов с принципом композициональности, как он понимается в формальной семантике. Каждая из них широко цитируется в учебниках и изучается в лингвистических курсах (хотя бы как основание, на котором строится дальнейшее изложение). По моему мнению, знание обеих теорий необходимо любому, кто хотел бы понимать новейшие изыскания в лингвистической семантике. Они могут также быть использованы, как это делаю я здесь, с более конкретной целью введения студентов, изучающих лингвистику, в формальную семантику.

В последние двадцать лет или около того был достигнут существенный прогресс в формализации семантической структуры естественных языков. Однако, как мы увидим в последующих разделах этой главы, до настоящего времени в сферу формальной семантики была введена только малая часть языковых значений.

Мы начинаем эту главу с рассмотрения отношений между формальной семантикой и лингвистической семантикой, как последняя была определена в главе 1, и заканчиваем ее (не специальным) обсуждением некоторых основополагающих философских понятий, на которых базируется формальная семантика. В более специальных работах эти понятия обычно принимаются как данное, а не объясняются.

7.1. Формальная семантика и лингвистическая семантика

Термину 'формальная семантика' может быть дано несколько различных интерпретаций. Первоначально он означал "семантический анализ формальных систем (или формальных языков)" — при том, что формальная система, или формальный язык — это система (или язык), которая специально сконструирована логиками, специалистами в области компьютеров и т. д. для философских или практических целей. Позднее этот термин был применен к анализу значения в естественных языках, однако с рядом ограничений, молчаливо предполагаемых или эксплицитных, происходящих из его философских или логических источников.

Формальная семантика интересует нас в этой книге не сама по себе, но постольку, поскольку она приложима актуально или потенциально к анализу естественных языков. Я введу теперь термин 'формальная лингвистическая семантика' для обозначения той части, или раздела, лингвистической семантики, которая использует методы и понятия формальной семантики для анализа семантической структуры естественных языков. При этом я сознательно буду избегать вопроса, являются ли естественные языки фундаментально отличными семантически от не-естественных (т. е. искусственных, или сконструированных) языков. Примерно двадцать лет назад Ричард Монтегю, чью собственную теорию формальной семантики мы рассмотрим в одном из следующих разделов, сказал, что по его мнению "нет существенного теоретического различия между естественными языками и искусственными языками логиков" и что "возможно понять синтаксис и семантику обоих видов языков в рамках единой и математически строгой теории". Был ли Монтегю прав в этом отношении или ошибался, до сих пор не ясно. На самом деле, поскольку он не указал точно, что он понимает под 'существенным теоретическим различием', остается неясным, намеревался ли он высказать этими словами эмпирически проверяемое утверждение, касающееся семантической (и синтаксической) структуры естественных языков. Он заявил о своем особом подходе к этому вопросу и, как выяснилось позже, положил начало чрезвычайно плодотворной, хотя и ограниченной сознательно поставленными рамками программе исследований.

Формальная лингвистическая семантика обычно связывается с узким пониманием значения предложения, согласно которому значение предложения исчерпывается его пропозициональным содержанием и может быть эксплицировано посредством условий истинности. Как мы видели в главе 6, существуют— или, как представляется, существуют— различные виды значения, закодированные в лексической или грамматической структуре предложений, которые нелегко объяснить в терминах их пропозиционального содержания. Перед лицом этой проблемы возможны две реакции теоретиков и специалистов в области формальной лингвистической семантики, если они полагают, как действительно полагает большинство из них, что это подлинная проблема. Одна из них — это сказать, что то, что мы отождествили с частью значения предложения, не закодировано фактически в предложении как таковом, но является результатом взаимодействия собственно значения предложения и некоторых других факторов: контекстуальных предпосылок и ожиданий, нелиней-

генетических (энциклопедических) знаний, коммуникативных импликатур и т. д. — и должно трактоваться как предмет прагматики, а не семантики. Вторая реакция — это согласиться с тем, что это действительно часть значения предложения, и попытаться предложить условно-истинностное описание этих явлений путем расширения формальной системы и ослабления некоторых ограничений, связанных с классическими версиями формальной семантики. Оба подхода представлены в формально-семантических исследованиях языкового значения последних лет.

Как я сказал в предшествующей главе, формальная лингвистическая семантика, по моему мнению, до сих пор не смогла удовлетворительно объяснить такие явления, как грамматическое время, наклонение и тип предложения и не относилась достаточно уважительно к принципу «сохранения внешнего вида» (*saving the appearances*). Однако я не хочу сказать, что эта неудача полностью обесценила предпринятые попытки объяснить эти и другие феномены. Неудавшаяся попытка строгого, но оказавшегося неадекватным описания часто указывает путь к столь же строгому, но более развернутому и подробному теоретическому описанию тех же явлений. И даже когда это не так, она может проливать некоторый свет, пусть косвенный и отраженный, на те данные, которые при этом подходе не удалось осветить полностью. Могут быть приведены многочисленные примеры этого. Рассмотрим только один: до сих пор в рамках формальной лингвистической семантики не предложено полностью удовлетворительного описания значения английских слов 'some' и 'any' (и их сородичей: 'someone', 'anyone', 'something', 'anything' и т. д.). Тем не менее в результате многочисленных попыток истолковать их значения с точки зрения условно-истинностного подхода наше понимание всей области потенциально релевантных факторов, определяющих выбор того или другого из этих слов, возросло в огромной степени. Предлагаю тем, кто сомневается в этом, сравнить трактовку 'some' и 'any' в прежних и новых учебных грамматиках английского языка, не говоря уже о научных статьях по этой теме. Они тут же увидят, что более современные описания этих слов гораздо более удовлетворительны.

Далее будет представлено сознательно упрощенное описание некоторых основных понятий формальной семантики, широко используемых лингвистами при анализе пропозиционального содержания предложений в естественных языках. Это описание не будет выходить за пределы того, что бесспорно является частью пропозиционального содержания предложений в английском языке. Однако

из того, что было сказано в главе 6, должно быть ясно, что естественные языки существенно отличаются друг от друга в отношении того, что они кодируют в грамматической и лексической структуре предложений, и что согласно взгляду, принятому в этой книге, многое в значении предложений во многих естественных языках, включая английский, является непропозициональным.

Вопрос, сможет ли когда-нибудь формальная лингвистическая семантика покрыть всю область лингвистической семантики (стать коэкстенсивной с ней), остается открытым. В своем настоящем состоянии формальная лингвистическая семантика весьма далека от того, чтобы быть коэкстенсивной с лингвистической семантикой, теоретически или эмпирически. Однако она интенсивно развивается, и вполне возможно, что через какое-то время гораздо больше идей и открытий неформальной лингвистической семантики, традиционной и современной, будет успешно формализовано (вероятно, путем ослабления строгого ограничения значения предложения тем, что может быть эксплицировано условно-истинностно). Стоит заметить в этой связи, что подобно тому, как необходимо проводить различие между лингвистической теорией (в традиционном значении термина 'теория', в котором теории не обязательно формализованы) и теоретической лингвистикой (в том смысле, в котором термин 'теоретическая лингвистика' употребляется в настоящее время — для обозначения формализованных, или математизированных, разделов лингвистической теории), так необходимо различать и семантическую теорию и теоретическую, или формальную, семантику. В последние годы каждая из них использовала результаты, достигнутые в другой области, и, в свою очередь, влияла на нее; этот процесс взаимного влияния, вне всякого сомнения, будет продолжаться.

7.2. Композициональность, грамматический и семантический изоморфизм и «сохранение внешнего вида»

Принцип **композициональности** уже упоминался, когда мы говорили о значении слов и фразеологизмов. Этот принцип, который обычно называется **принцип Фреге**, наиболее часто обсуждается в связи с проблемой значения предложения. Именно поэтому я оставил более полное рассмотрение его до этой главы. Этот принцип занимает центральное место во всех направлениях формальной семантики. Обычная его формулировка (в которой 'сложный' выступает вместо 'сложноподчиненный (complex)' и 'сложносочиненный

(compound)') выглядит следующим образом: значение сложного выражения является функцией значений выражений, являющихся его компонентами. Три из используемых здесь терминов заслуживают внимания: 'значение', 'выражение' и 'функция'. Я прокомментирую каждый из них поочередно и затем объясню, во-первых, почему принцип композициональности столь важен и, во-вторых, до какой степени он является, или представляется, состоятельным.

(i) Как мы видели, термин 'значение' может иметь разные интерпретации. Если мы ограничиваем его дескриптивным значением, или пропозициональным содержанием, мы можем провести дальнейшее разграничение между значением (смыслом, *sense*) и денотатом (см. 3.1). Это разграничение приблизительно соответствует разграничению Фреге между смыслом и референцией (использовавшим в своем тексте на немецком языке термины 'Sinn' и 'Bedeutung'), которое принято если не во всех деталях, то хотя бы в общих чертах большинством специалистов по формальной семантике. (Фреге, как многие исследователи формальной семантики, не различал денотацию выражения и его референцию в конкретном высказывании, см. раздел 3.1. Я вернусь к этому вопросу в связи с обсуждением принципа композициональности в данном разделе.) Я буду рассматривать принцип композициональности как прилагаемый главным образом к значению (смыслу). Однако он может также рассматриваться как относящийся к денотации, и, как мы увидим в последующем разделе, многие исследователи формальной семантики определяют значение в терминах денотации как первичного понятия.

(ii) Лингвисты, использующие термин 'выражение', обычно оставляют его без определения. Однако обычно он понимается как относящийся к предложению и любым выделяемым в нем составляющим. Я ранее привел основания необходимости разграничения выражений и форм в сфере слов и фразеологизмов. Возможно, более спорным является то, что, включая в число выражений языка предложения, я рассматриваю предложение как такую единицу, которая, подобно словам и фразеологизмам, может иметь не только несколько значений, но также ряд форм. Я буду полагать, что в каждом предложении выделяется некоторая часть, которая является носителем пропозиционального содержания, и что она также является выражением, к которому приложим принцип композициональности. Так, если мы принимаем взгляд, что соотносительные вопросительные и декларативные предложения имеют одно и то же пропозициональное содержание, то мы должны сказать, что то, что они имеют общего, является выражением (которое само по себе не является ни

декларативным, ни вопросительным). Некоторые логики, разделяющие этот взгляд (как Фреге), называют выражение, в котором кодируется пропозициональное содержание, **корнем предложения (sentence-radical)**; однако этот термин не приобрел общего признания, и не существует никакого другого широко употребительного термина. Я буду использовать в данном значении термин **ядро предложения (sentence-kernel)**, или **ядро (kernel)**, который уже используется лингвистами в грамматике, а не в семантике. (Фактически мое употребление этого термина очень близко к употреблению Хомским термина 'ядерная цепочка' ('kernel-string') в самой ранней версии его трансформационно-генеративной грамматики.) Таким образом, ядро предложения (или предикативной группы, clause) — это выражение, которое имеет форму (не обязательно такую, которую можно произнести) и чье значение есть (или включает) его пропозициональное содержание.

(iii) Термин 'функция' используется в данном определении в его математическом смысле. Иными словами, он относится к правилу, формуле или операции, которая приписывает какое-то одно **значение (value)** каждому члену множества сущностей в ее **области (domain)**. (Тем самым она устанавливает много-одно-однозначное или одно-однозначное соответствие между членами области, D , и множеством значений, V : она **отображает** D в или на V .) Например, в стандартной алгебре есть арифметическая функция, обычно записываемая как $y = x^2$, которая для каждого числового значения x дает одно и определенное числовое значение для x^2 и таким образом определяет значение y . Аналогичным образом, в пропозициональном исчислении существует функция, которая для каждого значения пропозициональных переменных в каждом правильно построенном выражении отображает это выражение на двухчленную область {Истина, Ложь}, или эквивалентно иным образом {1, 0}. Как мы могли видеть раньше, именно это имеют в виду, когда говорят, что сложная пропозиция является функционально-истинностной. Теперь я объяснил это более ясно и подробно и намеренно ввел, с некоторой избыточностью, несколько специальных терминов, обычно используемых в формальной семантике. Мы не будем здесь входить в не необходимые специальные тонкости формальной семантики, но тот ограниченный ряд терминов, который был введен здесь, пригодится нам позже и даст читателям, обладающим знанием элементарной теории множеств, некоторое представление о математической понятийной рамке, внутри которой оперируют стандартные версии формальной семантики.

Однако в чем значение композициональности, формализованной математическими средствами, для семантического анализа выражений естественных языков? Прежде всего, нужно отметить, что владение конкретным языком включает (или обеспечивает) способность интерпретировать не только лексически простые выражения, но бесконечно большое количество лексически сложных выражений языка. Поскольку никто не может выучить значение каждого сложного выражения таким же образом, каким, предположительно, выучивается значение лексем, должна существовать, утверждают исследователи формальной семантики, некоторая функция, которая определяет значение сложных выражений на основании значений лексем. Во-вторых, разумно предположить, что значение сложного выражения является не только функцией составляющих его лексем, но также функцией его грамматической структуры. Мы последовательно придерживаемся этого положения, и оно может быть проверено эмпирически на достаточно большом количестве примеров для того, чтобы мы приняли его как состоятельное. Поэтому в идеале необходима точно сформулированная процедура синтаксического объединения (композиции) для всех правильно построенных сложных выражений языка вместе с процедурой определения семантического эффекта, если таковой имеется, для каждого процесса или этапа синтаксической композиции. Это как раз то, что пытается сделать формальная семантика.

Формальная лингвистическая семантика, как таковая, не связана с какой-либо конкретной теорией синтаксиса. Она также ничего не утверждает заранее о степени соответствия между грамматической и семантической структурой в естественных языках. Существует большой диапазон возможных решений для каждого из этих вопросов. То, что существует какая-то степень соответствия, или изоморфизма, между грамматической и семантической структурой, является интуитивно очевидным и может быть продемонстрировано на конкретных примерах путем обращения к различным видам грамматической неоднозначности. Например, неоднозначность такого классического примера, как:

(1) *old men and women* 'старые мужчины и женщины',

может быть убедительно объяснена ссылкой на то, что его две различные интерпретации

(2) "men who are old and women" "мужчины, которые являются старыми, и женщины"

и

(3) "old men and old women" "старые мужчины и старые женщины"

отражают различие в грамматической структуре, которое соответствует семантическому различию. При одной интерпретации, представленной в (2), 'old' ('старый') сначала соединяется с 'men' ('мужчины') (посредством правила определения прилагательным) и затем получившееся в результате сложное выражение 'old men' ('старые мужчины') соединяется с 'women' ('женщины') (посредством сочинительного союза *and* 'и'), так что семантически, равно как и грамматически, 'old' относится к 'men', но не к 'women', иными словами 'men', но не 'women' находится грамматически и семантически в **сфере действия** прилагательного 'old'. (Мы уже говорили о понятии сферы действия в связи с отрицанием и вопросительностью, см. 6.5, 6.7.) При другой интерпретации, (3), грамматические правила применяются в обратном порядке, так что 'old' ('старый') прилагается к сложному выражению 'men and women' ('мужчины и женщины'), то есть вся группа 'men and women' грамматически и семантически находится в сфере действия 'old'. Грамматическая неоднозначность этого вида — так называемая неоднозначность структуры непосредственных составляющих, или неоднозначность фразовой структуры — может быть описана многими различными, но в данном отношении дескриптивно эквивалентными системами грамматического анализа, и относительно легко поставить в соответствие грамматические правила определения прилагательным и фразовое сочинение (как бы они ни были формализованы) с правилами семантической интерпретации.

Вопрос о том, существует ли соответствие, или изоморфизм, между грамматической и семантической структурой, всегда очень важен. Многие исследователи в области формальной семантики принимают в качестве исходного положения, что такое соответствие есть, и используют в своих исследованиях так называемую **гипотезу «правило на правило» (rule-to-rule hypothesis)**. Эта гипотеза может быть сформулирована для наших целей без использования специальных терминов следующим образом: (i) каждое правило грамматики (и более конкретно, синтаксическое правило) может быть связано с семантическим правилом, приписывающим интерпретацию сложному выражению, образованному посредством рассматриваемого грамматического правила, и (ii) не существует семантически пустых грамматических правил. Проблема в том, что не всегда так же ясно, как в случае (1), что соответствие между грамматической и семантической структурой является вопросом теоретически нейтральных и эмпирически определяемых фактов. Те ученые, которые

принимают гипотезу «правило на правило», также придерживаются особенно сильной версии принципа композициональности.

С гипотезой «правило на правило», которая может быть рассмотрена как методологический принцип, которым некоторые специалисты в области формальной семантики руководствуются в своих исследованиях, можно сопоставить традиционный методологический принцип «сохранения внешнего вида» (*saving the appearances*) — проявления надлежащего уважения к наблюдаемым явлениям, — который я упоминал несколько раз по различным поводам. Классический случай нарушения этого принципа — анализ Расселом (Russell 1905) пропозиционального содержания грамматически простых (состоящих из одной предикативной группы) предложений, содержащих именные группы, вводимые определенным артиклем, такие, как

(4) 'The King of France is bald' 'Король Франции лыс',

логическая форма которых, согласно анализу Рассела, оказывается сложной (состоящей из трех простых предложений) структурой, в которой для двух (соединенных) составляющих пропозициональных структур (одной — содержащей квантор существования и другой — оператор тождества) не было синтаксической опоры. Одной из привлекательных для лингвистов сторон работ Монтегю как раз было то, что он привел логическую форму (пропозициональное содержание) многих таких предложений в английском и других естественных языках в более близкое соответствие с их видимой синтаксической структурой.

Описание формальной лингвистической семантики в этой главе я начну с рассмотрения двух наиболее известных подходов к проблеме определения композициональной функции (что бы это ни было), которая приписывает значение лексически сложным выражениям естественных языков. Мой анализ будет носить весьма общий характер, и я ограничу мое изложение только тем, что безусловно относится к пропозициональному содержанию. Подходы, о которых будет идти речь в последующих разделах этой главы, — это подход Катца—Фодора и то, что может быть определено как классическая грамматика Монтегю. Я добавил также раздел о возможных мирах. При этом я преследую двойную цель. В данном контексте это должно прежде всего дать гораздо больше философских и лингвистических сведений, чем обычно дается в учебных изложениях формальной семантики, являющихся базой того понятия интенциональности, которое развивается в трудах Монтегю и его последователей. Однако это также будет служить более общей цели постановки двух во-

просов, которые много обсуждались (и остались нерешенными) в прошлом и которые были поставлены, но остались без ответа во многих недавних работах по лингвистической семантике, формальной и неформальной: (1) Имеют ли все естественные языки одну и ту же семантическую структуру? (2) Имеют ли все естественные языки одинаковую дескриптивную и экспрессивную мощьность? Возможно, формальная семантика не способна дать ответ ни на один из этих вопросов, однако она делает более ясными некоторые из этих проблем.

7.3. Глубинная структура и семантические репрезентации

То, что я буду называть теорией значения предложения Катца—Фодора, обычно не рассматривается как теория формальной семантики, но я буду трактовать ее именно так. Ее основание было положено статьей Дж. Дж. Катца и Дж. А. Фодора «Структура семантической теории», впервые опубликованной в 1963 году. Эта теория впоследствии несколько раз модифицировалась различными способами, прежде всего Катцем, и стала основой нескольких альтернативных теорий, которые я здесь не буду рассматривать. На самом деле, я даже не буду пытаться дать полное описание теории Катца—Фодора в какой-либо одной из ее версий. Я сконцентрирую внимание на четырех понятиях, важных с исторической точки зрения и сохраняющих свое значение в наши дни: **глубинная структура, семантические репрезентации, правила проекции и селективные ограничения**. В этом разделе мы рассмотрим первые два из этих четырех понятий, которые имели большее значение, чем два других, и которые, хотя, возможно, и устарели в своем первоначальном виде, имеют свои корреляты в ряде современных теорий формальной семантики.

Теория Катца—Фодора формализована в теоретической рамке хомскианской генеративной грамматики. Это была первая теория такого рода, и она сыграла важную роль в развитии так называемой стандартной теории трансформационно-генеративной грамматики, которую обрисовал Хомский в «Аспектах теории синтаксиса» (Chomsky 1965). Я буду рассматривать теорию Катца—Фодора как составную часть теории, предложенной в «Аспектах», несмотря на то, что, поскольку она была впервые представлена в 1963 году, она ассоциировалась со слегка видоизмененной версией более ранней,

представленной в «Синтаксических структурах» (Chomsky 1957), моделью трансформационно-генеративной грамматики.

Если бросить на нее более общий взгляд, то с исторической точки зрения теория Катца—Фодора являлась первой тщательно разработанной лингвистической попыткой реализовать принцип композициональности. Традиционные грамматисты на протяжении столетий подчеркивали взаимозависимость синтаксиса и семантики. Многие из них указывали, что значение предложения обуславливается частично значением слов, из которых оно состоит, и частично — его синтаксической структурой. Но они не пытались придать этому положению строгую форму, связав его с генеративной теорией синтаксиса, — по той простой причине, что сама генеративная грамматика возникла совсем недавно.

Как я уже сказал, я буду обсуждать теорию Катца—Фодора не в ее исходной формулировке, но в том виде (который сейчас может быть рассмотрен как ее классическая версия), как она была представлена в период непосредственно после публикации «Аспектов» Хомского. Главным следствием этого для данной книги является то, что мы будем оперировать особым понятием **глубинной структуры**, которые ныне отвергнуто почти всеми лингвистами, включая Хомского. Аргументы за и против классического понятия глубинной структуры, разделившего на два лагеря наиболее ортодоксальных хомскианских трансформационалистов и сторонников так называемой генеративной семантики в конце 1960-х — начале 1970-х годов, интересны и важны. Некоторые из теоретических проблем, горячо обсуждавшихся в то время, теперь разрешены. Однако я не буду входить в существо этих проблем здесь.

Одним из преимуществ использования классического понятия глубинной структуры в книгах, подобных этой, является то, что оно более знакомо не-специалистам, чем какое-либо из альтернативных понятий. Другим преимуществом является то, что его легко понять и поэтому оно оказало весьма большое научное влияние. То, что будет говориться далее о правилах проекции и селективных ограничениях, ни в каких существенных отношениях не затрагивается принятием того или иного взгляда на глубинную структуру и даже отказом от понятия глубинной структуры вообще. Нужно также подчеркнуть, что если даже необходимость классического понятия глубинной структуры не может быть больше обоснована на чисто синтаксической почве, нечто подобное, что я (заимствуя и приспособляя к моим целям термин из «Синтаксических структур») называю **ядром предложения (sentence-kernel)**, может быть хорошо обосновано

частично на синтаксической (или морфосинтаксической), а частично на семантической основе (см. раздел 7.2). Значение этого положения будет объяснено далее.

Согласно стандартной теории трансформационной грамматики каждое предложение имеет два различных уровня синтаксической структуры, связанных правилами особого рода, называемыми **трансформациями**. Эти два уровня — **глубинная структура** и **поверхностная структура**. Они отличаются формально в том отношении, что они порождаются правилами различного рода. Для наших целей наиболее важно то, что глубинная структура гораздо более тесно связана с значением предложения, чем поверхностная структура. Поверхностная структура, с другой стороны, гораздо более тесно связана с тем способом, которым произносится предложение. Опуская все несущественные подробности, мы можем представить отношение между синтаксисом, семантикой и фонологией схематически таким образом, как это изображено на рис. 7.1. ,

На этой схеме мы можем видеть, что грамматика (в самом широком смысле этого термина) включает четыре множества правил, которые, действуя как единая система, ставят множество **фонологических репрезентаций (ФР)** в соответствие с множеством **семантических репрезентаций (СР)**. То, что мы сейчас сказали, часто выражают нестрого и без помощи специальных терминов, определяя грамматику как систему правил, которые связывают звук и значение. Однако важно понимать, что это на самом деле весьма нестрогий способ изложения этого положения, который, как показывает опыт, ведет к большому количеству недоразумений среди студентов и неспециалистов. Поэтому этот момент заслуживает более подробного рассмотрения. Звук является внешним явлением по отношению к языковой системе и независим от нее; звук — это физическая среда, в которой языковые высказывания (как продукты языковой системы) нормально и естественно реализуются (и экстернализуются, приобретают внешнее бытие) в речи; фонологические репрезентации, с психолингвистической (и нейрофизиологической) точки зрения, могут рассматриваться как часть компетенции, которая лежит в основе речи; однако устные формы могут быть переведены в другую среду, такую, как письменные формы, и наоборот; следовательно, центральная и абсолютно необходимая часть языка — его грамматика и связанный с ней лексикон — в принципе, независимы от его фонологической системы. В то же время значение не является средой (физической или не-физической), в которой реализуется язык. Можно спорить о психологическом или онтологическом статусе значе-

ния, можно спорить о том, является ли представление о том, что значение существует или может существовать независимо от существования языковой системы (или, в более общем виде, семиотических систем, включая язык), обоснованным; однако какого бы взгляда мы ни придерживались по этим вопросам, не может быть сомнений, что отношение между значением и языком, который его кодирует, отличается от отношения между звуком и языком, который может быть реализован в нем. Ни использование термина 'репрезентация' как в семантике, так и в фонологии, ни симметрия входа — выхода на левой и правой сторонах схемы на рис. 7.1 не должны затемнять для нас эту разницу.

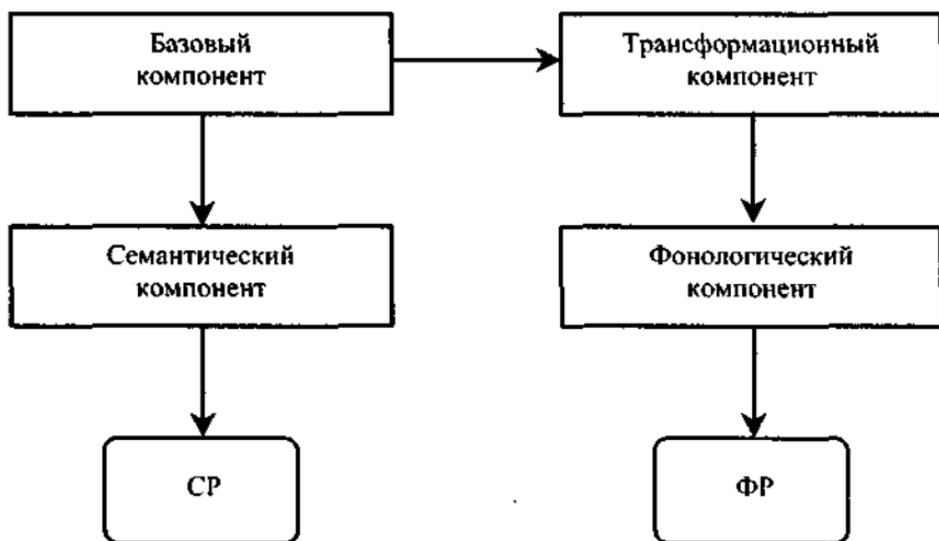

Рис. 7.1. Стандартная теория трансформационной грамматики. Глубинная структура предложения находится на выходе базового компонента и на входе трансформационного компонента и семантического компонента; поверхностная структура предложения находится на выходе трансформационного компонента и на входе фонологического компонента. 'СР' — 'семантическая репрезентация'; 'ФР' — 'фонологическая репрезентация'

Однако оставим разговор о фонологических репрезентациях и, на время, также о семантических репрезентациях. Следует отметить, что базовый компонент содержит не только не-трансформационные, **категориальные**, правила синтаксиса рассматриваемого языка, но также его **лексикон**, или словарь. В лексиконе для каждой лексемы имеется вся синтаксическая, семантическая и фонологическая информация, необходимая для того, чтобы отличить эту лексему от

других и объяснить ее вхождение в правильно построенные предложения. Базовый компонент порождает множество глубинных структур, а трансформационный компонент преобразует каждую из них в одну или более поверхностных структур.

Я сказал ранее, что глубинная структура более непосредственно связана с значением, а поверхностная структура — с произношением. Рис. 7.1 демонстрирует это посредством стрелок, связывающих различные компоненты грамматики. Вся информация, требующаяся для семантического компонента, предоставляется базой, и следовательно, присутствует в глубинной структуре предложений; вся информация, требующаяся для фонологического компонента, присутствует в поверхностных структурах, которые получаются в результате применения трансформационных правил. Что касается отношения между синтаксисом и семантикой, рис. 7.1 выражает знаменитый принцип, гласящий, что **трансформации не влияют на значение** — на рисунке нет стрелки, которая бы вела от трансформационного к семантическому компоненту.

Этот принцип кажется интуитивно привлекательным при условии, что 'значение' интерпретируется как относящееся к пропозициональному содержанию; он становится менее привлекательным, если (i) предполагается, что значение предложения включает тематическое значение, а также то, что кодируется в различие наклонения и типа предложения, и (ii) соотносительные предложения, отличающиеся тематической структурой, наклонением или типом предложения, рассматриваются как трансформационно связанные и имеющие одну и ту же глубинную структуру (см. главу 7). Из принципа, что трансформации не влияют на значение, следует, что любые два или более предложений, которые имеют одну и ту же глубинную структуру, должны иметь одно и то же значение. Так, соотносительные активные и пассивные предложения (которые отличаются своей тематической структурой), такие, как

(5) 'The dog bit the postman' 'Собака укусила почтальона'

и

(6) 'The postman was bitten by the dog' 'Почтальон был укушен собакой',

часто анализируются как имеющие одну и ту же глубинную структуру, см. рис. 7.2. (Хомский в «Аспектах» анализировал их иным образом, однако для наших настоящих целей это несущественно.) Большинство пар таких активных и пассивных предложений (исключая предложения, содержащие то, что логики охарактеризовали бы как естественно-языковые эквиваленты кванторов) условно-

истинностно эквивалентны и, следовательно, имеют одно и то же пропозициональное содержание. Однако они отличаются тематическим значением, во многом таким же образом, что и 'I have not read this book' 'Я не читал эту книгу' и 'This book I have not read' 'Эту книгу я не читал', см. главу 6, примеры (1) — (4) и (5) — (6). По синтаксическим причинам, которых мы здесь не будем касаться, множествам предложений типа 'I have not read this book', 'This book I have not read' и т. д. в стандартной теории приписана одна и та же

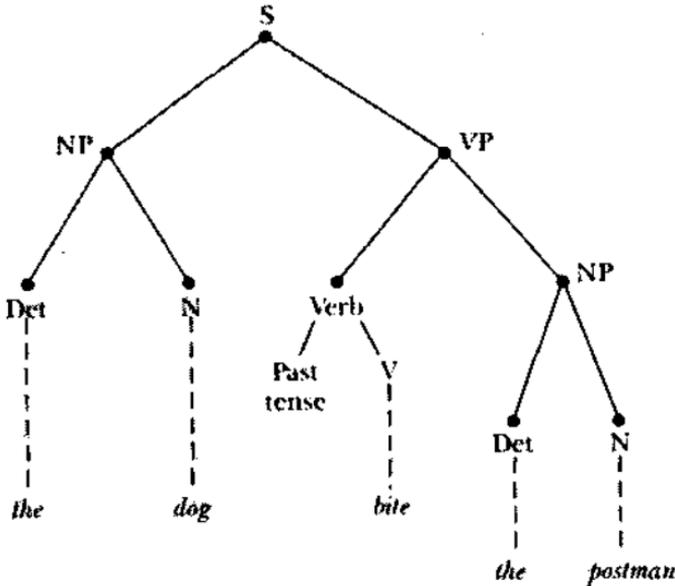

Рис. 7.2. Упрощенная репрезентация глубинной структуры предложений 'The dog bit the postman' и 'The postman was bitten by the dog'

глубинная структура, тогда как соотносительным активным и пассивным предложениям — разные. Однако этот факт не имеет значения в контексте данного обсуждения, так же как и то, что в результате неразличения пропозиционального содержания и других видов значения в предложении в лингвистических дискуссиях по поводу отношений между синтаксисом и семантикой до недавнего времени было много путаницы и недоразумений. Для нас здесь имеет значение то, что некоторые предложения имеют одну и ту же глубинную структуру, несмотря на сильнейшие различия в поверхностной структуре, и что для всех таких предложений должно быть показано, что они имеют одно и то же пропозициональное содержание. Это

достигается, просто и элегантно, такой организацией грамматики, при которой правила семантического компонента оперируют исключительно на глубинных структурах.

7.4. Правила проекции и селективные ограничения

Теперь мы подошли к понятиям правил проекции и селективным ограничениям, как они были формализованы в рамках хомскианской трансформационно-генеративной грамматики Катцем и Фодором (Katz, Fodor 1963).

В теории Катца—Фодора правила семантического компонента называются **правилами проекции**. В данном контексте они могут быть отождествлены с тем, что в настоящее время в большинстве случаев называется **семантическими правилами**. Эти правила выполняют две задачи: (i) они отличают значимые предложения от незначимых и (ii) они приписывают каждому значимому предложению формальную характеристику его значения или значений. Я рассмотрю каждую из этих задач отдельно.

Мы уже видели, что различие между значимыми (осмысленными) и незначимыми (бессмысленными) предложениями вовсе не так четко, как может показаться с первого взгляда (см. 5.2). Я уже указывал, что в прошлом генеративные грамматисты часто придерживались слишком ограниченного взгляда на правильность предложений. В этом разделе мы обратимся к проблеме формализации семантической неправильности (бессмысленности) предложений. При этом мы будем исходить из положения, что хотя она, возможно, и не так широко распространена, как это обычно полагают, фактически она существует. Говоря более строго, наша предпосылка состоит в том, что в английском и других естественных языках имеется некоторое количество грамматически правильно построенных, но семантически аномальных предложений (хотя их и не так много, как полагали лингвисты в классический хомскианский период трансформационно-генеративной грамматики).

Для того, чтобы справиться с семантической неправильностью, Катц и Фодор используют механизм **селективных ограничений**. Селективные ограничения связываются с конкретными лексемами и поэтому перечисляются в чем-то вроде словарных статей в лексиконе. В конечном итоге они говорят нам, какие пары лексем могут осмысленно сочетаться друг с другом в различных грамматических конструкциях. Например, они могут говорить нам о том, что прила-

гательное 'buxom' 'пухлый, пышный' может определять такие имена, как 'girl' 'девочка, девушка', 'woman' 'женщина', 'Miss' 'девочка, девушка', но не 'boy' 'мальчик, юноша', 'man' 'мужчина', 'lad' 'парень' и т. д. (или, скорее, именные группы с подобными именами в роли главных членов), что глагол 'sleep' 'спать' может иметь в качестве субъекта, такие имена, как 'boy', 'girl', 'cat' 'кот, кошка', но не 'idea' 'идея', 'quadruplicity' 'четырёхкратность' и т. д. Если нарушены селективные ограничения, правила проекции не могут действовать. Следовательно, им не удастся приписать семантически неправильному предложению формальную характеристику его значения. Тем самым они маркируют предложение как бессмысленное и (при условии, что эта информация сохраняется на выходе) указывают, в каком отношении предложение является семантически неправильным.

Другая задача селективных ограничений, оперирующих совместно с правилами проекции, — блокировать некоторые интерпретации как семантически аномальные и в то же время допустить другие интерпретации тех же сочетаний и предложений как семантически приемлемые. Например, в некоторых диалектах или стилях английского языка слово 'housewife' полисемично: в одном из своих значений ("housewife1") оно обозначает женщину, которая ведет домашнее хозяйство, в другом ("housewife2") — карманный несесер с принадлежностями для шитья. Многие сочетания, в которых 'housewife' определяется прилагательными ('good (хороший) housewife' 'beautiful (красивый) housewife'), также будут неоднозначными. Однако 'buxom (пышный, пухлый) housewife' будет, скорее всего, пониматься только в одном значении, поскольку "housewife;», в отличие от "housewife1", не может сочетаться с значением 'buxom'. Следовательно, в целом селективные ограничения будут отсекают ряд интерпретаций, приписанных лексически сложным выражениям. Фактически невозможность приписать вообще какую-либо интерпретацию предложению, о которой мы говорили в предшествующем абзаце, может быть рассмотрена как предельный случай этого процесса. Эти правила выбирают из значений выражения те и только те, которые совместимы с (внутренним) контекстом предложения, в котором они появляются.

Теория значения Катца—Фодора сформулирована в теоретической рамке компонентного анализа (см. 4.2). Например, вместо того, чтобы перечислять в лексической статье для 'buxom' все другие лексемы, с которыми оно может или не может сочетаться, теория распознает их с помощью одного или нескольких компонентов их значе-

ния. Она может сказать (в соответствующей формальной нотации), что 'buxom' не может быть объединено в семантически правильное выражение ни с каким существительным, которое не имеет в своем значении компонент ЧЕЛОВЕК и, допустим, ЖЕНСКИЙ ПОЛ. Как мы видели, компонентный анализ сталкивается с весьма серьезными проблемами, если он распространяется за пределы прототипического, или центрального, значения выражений. По этой причине большинство примеров, приводимых лингвистами в учебниках для того, чтобы проиллюстрировать действие селективных ограничений Катца—Фодора, с эмпирической точки зрения сомнительны. Однако мы не рассматриваем здесь вопрос о состоятельности компонентного анализа. Нет необходимости также снова поднимать проблему проведения границы между противоречием и семантической неправомерностью. Моей целью было просто объяснить, что такое селективные ограничения и как они формализованы в теории Катца—Фодора.

Важно, однако, сказать здесь несколько слов о **категориальной несовместимости**, которая была упомянута в конце главы 5; то, что я должен сказать, релевантно и для других теорий формальной семантики. Термин 'категориальная несовместимость' обозначает особый род семантической несовместимости, которая в конкретных языках тесно связана с грамматической, точнее, синтаксической, неправомерностью. Она может быть представлена следующими примерами:

(7) 'My friend existed a whole new village' 'Мой друг существовал целую новую деревню'

и

(8) 'My friend frightened that it was raining' 'Мой друг испугал, что идет дождь'.

Можно утверждать, что, хотя я представил эти примеры как предложения, каждый из них грамматически и семантически неправилен. Их неграмматичность может быть очень просто объяснена тем, что 'exist' 'существовать' — непереходный глагол (и поэтому не может иметь объект) и что 'frighten' '(ис)пугать', в отличие от 'think' 'думать', 'say' 'сказать' и т. д., не может сочетаться с придаточным с *that* 'что' в качестве его объекта. (Подобные примеры трактуются Хомским в «Аспектах» в терминах того, что он называет строгой субкатегоризацией.) Тот факт, что они бессмысленны — что они не имеют пропозиционального содержания, — может быть объяснен тем, что значение 'exist' по самому своему существу таково,

что оно не допускает объекта, и что значение 'frighten' по самой своей сути не может принимать в качестве объекта выражение, обозначающее такие абстрактные сущности, как факты или пропозиции. Но какое из этих объяснений — синтаксическое или семантическое — правильно (если вообще какое-то из них правильно)?

Этот вопрос неверно сформулирован. Он содержит недоказанную предпосылку о разделенности синтаксиса и семантики и игнорирует тот факт, что, хотя естественные языки существенно отличаются друг от друга в отношении того, что они грамматикализуют (или лексикализуют), во всех естественных языках имеется некоторая степень соответствия между семантическими (или онтологическими) категориями и определенными грамматическими категориями, такими, как главные части речи, род, число или время. Вопрос о том, каким способом описывать категориальную несовместимость — посредством синтаксических правил базового компонента или же посредством блокирующего, или фильтрующего, механизма правил проекции, сам по себе является техническим и не имеет эмпирического значения. Что действительно является важным, так это то, что, какую бы трактовку мы ни избрали, способ формализации должен отличать случаи категориальной несовместимости от (а) случаев противоречий и (б) того, что обычно рассматривается в терминах селективных ограничений.

Противоречивые пропозиции являются осмысленными, но необходимо ложными. Выражениям, чья предположительная семантическая неправильность проистекает из нарушения селективных ограничений, может быть часто дана совершенно удовлетворительная интерпретация, если мы готовы внести некоторые не очень значительные коррективы в наши представления о природе мира. Категориально несовместимые выражения бессмысленны и не могут быть интерпретированы ценой минимальных онтологических поправок. (Классическим примером предложения, содержащего смесь противоречивых и категориально несовместимых выражений, является 'Colourless green ideas sleep furiously' 'Бесцветные зеленые идеи спят яростно' Хомского, см. 5.3). Эти границы может быть нелегко провести в случае некоторых примеров. Однако в весьма значительном числе случаев эти различия достаточно ясны для того, чтобы говорить об обоснованности самих этих разграничений.

Вернемся теперь к правилам проекции Катца—Фодора. Мы уже видели, как они отличают осмысленные предложения от по крайней мере одного класса бессмысленных, или предположительно бессмысленных, предложений. Они также приписывают каждому се-

мантически правильному предложению формальную характеристику его значения или значений. Такие характеристики значения предложения рассматриваются как его **семантические репрезентации**.

Из того, что было сказано до сих пор, следует, что предложение будет иметь ровно столько семантических репрезентаций, сколько у него значений (с бессмысленным предложением в качестве предельного случая; такому предложению правила проекции не припишут вообще никакой семантической репрезентации). Из этого также следует, что предложения с одной и той же глубинной структурой будут иметь одну и ту же семантическую репрезентацию. Однако из этого не следует обратное: в стандартной теории трансформационно-генеративной грамматики предложения, имеющие различную глубинную структуру, могут тем не менее иметь одно и то же значение. Это следствие существования синонимичных, но лексически различных выражений (см. 2.3) и способа трактовки лексикализации в стандартной теории. Мы можем просто отметить, что это так, не входя в детали.

Однако какова же точная природа семантических репрезентаций? И как они строятся правилами проекции? Эти два вопроса, разумеется, взаимосвязаны (благодаря принципу композициональности). Семантическая репрезентация — это набор, или объединение, смысловых компонентов. Однако это не просто неструктурированное множество таких компонентов. Как мы видели в разделе 4.3, в общем случае невозможно формализовать значение отдельных лексем композиционально в теоретико-множественных терминах. Даже еще более очевидно, что таким образом невозможно формализовать значение предложения. Если бы семантическая репрезентация представляла собой не более чем множество смысловых компонентов (или семантических маркеров, в терминологии Катца—Фодора), любым двум предложениям, содержащим одни и те же лексемы, была бы приписана одна и та же семантическая репрезентация. Например, не только предложение

(5) 'The dog bit the postman' 'Собака укусила почтальона'

и

(6) 'The postman was bitten by the dog' 'Почтальон был укушен собакой',
но также (5) и

(9) 'The postman bit the the dog' 'Почтальон укусил собаку'

(и каждая из бесконечного множества подобных пар предложений) получили бы одну и ту же семантическую репрезентацию. Абсолютно очевидно, что это не так. Поэтому необходима такая формализа-

ция семантических репрезентаций, которая сохранила бы семантически релевантные различия в глубинной структуре.

Вероятно, справедливо будет сказать, что за годы, прошедшие после публикации Катцем и Фодором статьи «Структура семантической теории», не было достигнуто сколько-нибудь значительного прогресса в этом отношении. Формализация была усложнена путем введения различных специальных приемов. Однако не было предложено никакого общего решения относительно того, сколько именно правил проекции необходимо и как они должны формально отличаться друг от друга. Поэтому большинство лингвистов, интересующихся генеративной грамматикой или формальной семантикой, в настоящее время работают в рамках совершенно иных теоретических понятий.

Одной из причин этого, помимо тех изменений, которые произошли в хомскианской и постхомскианской генеративной грамматике, было то, что понятие семантической репрезентации в целом было подвергнуто, по двум основаниям, серьезной критике логиками и философами.

Прежде всего, было указано, что семантические репрезентации Катца—Фодора используют то, что в конечном итоге является формальным языком, и что единицы словаря этого языка (конвенционально изображаемые маленькими прописными буквами, как в главе 4) нуждаются в интерпретации не в меньшей степени, чем естественные языки, семантическую структуру которых этот формальный язык интерпретирует. На это замечание можно возразить, более или менее убедительно, сказав, что рассматриваемый формальный язык есть предположительно универсальный язык мысли, который мы все знаем в силу того, что мы являемся людьми, и который поэтому не нуждается в том, чтобы быть интерпретированным посредством установления связей его лексем с сущностями, признаками и отношениями во внешнем мире.

Второе возражение против понятия семантических репрезентаций исходит от тех, кто доказывает, что они не необходимы, что все, что может быть удовлетворительно выполнено посредством семантических репрезентаций, может быть сделано не менее удовлетворительно без них — посредством правил вывода, оперирующих совместно с постулатами значениями. Этот подход имеет то преимущество, что он избегает многих трудностей, эмпирических и теоретических, связанных с компонентным анализом.

7.5. Грамматика Монтегю

То, что обычно называется грамматикой Монтегю, представляет собой особый подход к анализу естественных языков, начало разработке которого было положено американским логиком Ричардом Монтегю в конце 60-х годов. В период 70-х годов он был принят многими лингвистами, видевшими в нем (как и сам Монтегю) семантически привлекательную альтернативу хомскианской трансформационно-генеративной грамматике. (Сам Монтегю умер довольно молодым, в 1971 году, успев заложить только основания того, что лингвисты, вдохновленные его идеями, назвали «грамматика Монтегю».) В данном контексте 'грамматика' должна пониматься как область, покрывающая синтаксис и семантику.

Некоторые из различий между грамматикой Монтегю и теорией Катца—Фодора — результат исторической случайности. Работы Монтегю имеют гораздо более глубокие корни в логической семантике, чем теория Катца—Фодора, и в них уделяется сравнительно меньше внимания многим темам, которые находились на переднем крае лингвистических исследований. Фактически 'грамматика' для Монтегю включала только часть того, что охватывала стандартная теория генеративной грамматики. В собственных работах Монтегю нет ничего о фонологической репрезентации или словоизменении. В то же время теория Катца—Фодора нашла свое место (как показано на рис. 7.1 в разделе 7.3) в более общей теории языковой структуры, в которой семантика и фонология (и косвенно словоизменение) находятся на равных правах. Лингвисты, принявшие грамматику Монтегю, рассматривали ее как интегрированную, тем или иным способом, в столь же общую генеративную, хотя и не обязательно хомскианскую, теорию структуры естественных языков, охватывающую не только синтаксис (и морфологию), но и фонологию. Сказав это, я должен, однако, повторить одно из положений, высказанных в разделе 7.3: фонология, в отличие от семантики, только случайным образом связана с грамматикой (и, более конкретно, синтаксисом) в естественных языках. Поэтому тот факт, что Монтегю, как большинство исследователей логической семантики, проявлял мало интереса к фонологии, не является удивительным и заслуживающим какого-либо порицания.

Большее отношение к существу дела имеет статус трансформационных правил, с одной стороны, и компонентного анализа, или лексической декомпозиции, с другой. Сам Монтегю не использовал трансформационные правила. Для этого у него было по крайней мере три основания. Во-первых, синтаксические правила, которые он

использовал в том компоненте его грамматики, который мы можем рассматривать как базовый, являются более сильными, чем правила фразовой структуры Хомского. Во-вторых, он не был особенно озабочен тем, чтобы блокировать порождение синтаксически неправильных цепочек слов, постольку, поскольку они могли быть охарактеризованы как неправильно построенные правилами семантической интерпретации. В-третьих, он стремился привести семантический анализ предложений в настолько близкое соответствие с тем, что трансформационалисты описали бы как их поверхностную структуру, насколько это возможно. Поэтому в собственной системе Монтегю нет ничего подобного глубинной структуре. Однако это не является сущностным свойством грамматики Монтегю как таковой, и в 1970-х годах многие лингвисты предлагали добавить к этой системе трансформационный компонент. В то же время нужно заметить, что, как мы увидим далее, роль трансформационных правил последовательно уменьшалась в хомскианской трансформационно-генеративной грамматике постклассического периода, как мы его теперь называем. К концу 1970-х, если не раньше, взгляд Монтегю на отношения между синтаксисом и семантикой не воспринимался больше генеративными грамматистами как эксцентрический и плохо мотивированный, как это бывало вначале. В любом случае в настоящее время существует много различных, более или менее хомскианских, систем генеративной грамматики, отличающихся от собственно системы Хомского (которая и сама постепенно видоизменялась в течение многих лет и теперь разительно отличается от стандартной, или классической, системы «Аспектов»). Ни одна из них не пользуется абсолютным авторитетом и ни один лингвист в наши дни не может полагать, что исследователи в области формальной семантики могут прямо выбирать между двумя, и только двумя, соперничающими теориями, когда встает вопрос об интеграции семантики и синтаксиса.

Относительно компонентного анализа (или лексической декомпозиции) могут быть сделаны в основном те же самые замечания. Грамматика Монтегю как таковая не является в принципе несовместимой с декомпозицией, или разложением, лексического значения на смысловые компоненты. И некоторые лингвисты на самом деле предлагали включить правила лексической декомпозиции в общую теоретическую рамку грамматики Монтегю. Однако, как я уже писал в предшествующем разделе и в главе 2, в настоящее время компонентный анализ не так широко принимается лингвистами, как это было в 1960-х и начале 1970-х.

Сравнение генеративной грамматики Хомского и грамматики Монтегю усложняется тем, что, как я уже сказал, некоторые из различий между ними обязаны своим возникновением чисто историческим обстоятельствам. Наиболее ранние изложения грамматики Монтегю имели весьма специальный характер и предполагали в читателе основательные математические познания и знакомство с некоторыми базовыми понятиями формальной логики. Ситуация недавно изменилась к лучшему в том отношении, что в настоящее время появились хорошие учебники, написанные специально для студентов, изучающих лингвистическую семантику. Что же касается описаний в учебниках хомскианской генеративной грамматики (которых много), то большинство из них (как специальных, так и популярных) неудачны в том отношении, что не проводят различия между тем, что является существенным для нее, а что — случайным и может быть изменено. Они также не разграничивают генеративную грамматику как таковую и генеративизм, или, как его обычно называют в наши дни, генеративный проект.

Грамматика Монтегю по своему характеру представляет собой весьма специальный предмет (точно так же, как хомскианская генеративная грамматика). Было бы неразумно внушать читателю уверенность, что можно получить сколько-нибудь реальное понимание всех ее деталей без овладения в существенной степени аппаратом математической логики. Однако нас здесь интересуют не детали. Моей целью является просто популярное объяснение некоторых из наиболее важных свойств грамматики Монтегю, поскольку они релевантны для формализации значения предложения и используются в современной лингвистической семантике. При этом мы сосредоточим внимание на таких ее особенностях, которые, как можно ожидать, будут иметь продолжительное влияние в будущем, вне зависимости от современного состояния и будущей разработки тех или иных проблем в лингвистике и логике, а также философии и психологии языка.

Семантика Монтегю — семантическая часть, или модуль, грамматики Монтегю — имеет абсолютно условно-истинностный характер. Ее приложимость ограничена, в принципе, пропозициональным содержанием ее предложений. Как далеко простирается это ограничение, зависит, конечно, от оценки тех положений, которые были представлены в предшествующей главе. Большинство сторонников семантики Монтегю несомненно привержены взгляду, что все значение предложения в целом может быть эксплицировано в конечном итоге в терминах пропозиционального содержания. В то же время уже давно было осознано, как было отмечено в предшествующей

главе, что не-декларативные предложения, с одной стороны, и не-индикативные предложения, с другой, представляют проблемы для этой точки зрения. Были предприняты различные попытки справиться с этой трудностью в рамках грамматики Монтегю. Но до сих пор ни одна из них не приобрела всеобщего признания, и все они уязвимы для критических замечаний, направленных против условно-истинностного анализа не-декларативных и не-индикативных предложений, высказанных в главе 6. В последующем мы будем рассматривать только пропозициональное содержание.

В отличие от других условно-истинностных теорий, семантика Монтегю оперирует не с понятием абсолютной истины, но с особым понятием относительной истины: **истинность при (определенной) интерпретации**, или, в специальной терминологии теории моделей, **истинность в модели**. (Чуть позже я скажу несколько слов о значении, в котором с первого взгляда загадочный термин 'модель' употребляется здесь.) В итоге теория моделей формализует фактически (хотя обычно это не объясняется таким образом) то различие, которое в этой книге проведено между пропозициями и пропозициональным содержанием. В работах Монтегю и его последователей (которые, в свою очередь, опирались на работы Карнапа и других исследователей) это осуществляется посредством проведения различия между **экстенсионалом** и **интенсионалом** в их связи с особым понятием **возможных миров**, восходящим (как мы видели в разделе 4.4) к Лейбницу. Теория моделей отнюдь не ограничена тем употреблением, которое ей придано в работах Монтегю, и имеет гораздо более общий характер. Однако в данный момент мы можем ограничиться обсуждением версии теории моделей Монтегю, поскольку она в настоящее время наиболее знакома лингвистам.

Традиционное различие между экстенсионалом и интенсионалом использовалось самыми разнообразными способами в современной логике и формальной семантике, поэтому термин 'интенсиональный' ('intensional') (который не следует смешивать с его омофоном 'intentional' 'намеренный') имеет в настоящее время множество исторически взаимосвязанных употреблений. Мы рассмотрим здесь только те из них, которые непосредственно связаны с нашей темой. Мы начнем (следуя Карнапу) с отождествления различия между референцией ('Bedeutung') и смыслом ('Sinn') Фреге с различием между интенсионалом и экстенсионалом. (Следует отметить, что, как мы говорили об этом раньше, слово, которое Фреге использовал как термин для обозначения референции — которую он не отличал от денотации, так же как он не отличал предложения от высказыва-

ний и пропозиций, — является обычным немецким словом, обозначающим значение.) В настоящее время имеется общее согласие относительно того, что именно смысл (значение), а не референция кодируется в предложениях естественного языка, и это как раз то, что в норме обозначает немецкое слово 'Bedeutung'. Мы можем теперь приложить различие интенционала/экстенционала к анализу значения предложений, сказав, что значение (смысл), или интенционал, предложения есть его пропозициональное содержание, тогда как его референция, или экстенционал, это его истинностное значение (в конкретных случаях его употребления — высказывания). Многим людям первоначально покажется странным, что Фреге и вслед за ним многие, хотя и не все, исследователи формальной семантики рассматривают в качестве референции предложения (или пропозиции) истинность или ложность, а не ситуации, которые они описывают. Однако этот подход имеет определенные формальные преимущества в отношении композициональности.

Следующим шагом является обращение к понятию возможных миров. Как мы видели ранее, необходимо истинные (или ложные) пропозиции — это пропозиции, которые истинны (или ложны) **во всех возможных мирах**. Это понятие может быть также приложено интуитивно удовлетворительным образом к определению дескриптивной синонимии, которое будет иметь в этом случае следующий вид: выражения являются дескриптивно синонимичными, если, и только если, они имеют один и тот же экстенционал во всех возможных мирах. Поскольку выражения являются дескриптивно синонимичными, если, и только если, они имеют одно и то же значение (которое мы отождествили с их интенционалом), из этого следует, что интенционал выражения есть либо его экстенционал во всех возможных мирах, либо некоторая функция, которая определяет его экстенционал во всех возможных мирах. В грамматике Монтегю принята вторая из этих альтернатив. Интенционал выражения определяется как функция от возможных миров к экстенционалам. Однако что это означает?

Мой ответ на этот вопрос будет несколько отличаться от ответа, который дается в стандартных описаниях формальной семантики, но он соответствует духу семантики Монтегю и философски защитим. Мое намеренно популярное объяснение базовых понятий разработанной Монтегю версии модельно-теоретической семантики возможных миров излагается, насколько это возможно, в терминах понятий и различий, введенных и объясненных в предшествующих главах.

7.6. Возможные миры

Лейбниц ввел понятие возможных миров главным образом в теологических целях, доказывая, что Бог, будучи всеведущим (и милосердным), с необходимостью актуализировал лучший из всех возможных миров и, являясь всемогущим, в то же время подлежал в своем творении ограничениям логики: он мог сотворить, или актуализировать, только логически возможные миры. В современном логическом употреблении понятие возможных миров, разумеется, освобождено от теологических ассоциаций и превращено в сугубо специальный, секуляризованный и сам по себе неметафизический концепт. Однако некоторое знание его философских и теологических источников может быть полезно (особенно когда дело касается того употребления, которое имеет понятие возможных миров в эпистемической и деонтической логике). Поэтому здесь появилась эта короткая философская интерлюдия.

Будем полагать, что каждый естественный язык предоставляет говорящим на этом языке (а) средства для идентификации мира, актуального в момент речи — **экстенционального** мира, — и отличия его от прошлого и будущего миров, и (б) средства обозначения индивидуальных сущностей и множеств сущностей, с одной стороны, и веществ, с другой, в любом из этих миров. Мы можем назвать любое из средств, используемых для идентификации и распознавания темпорально различных миров (грамматическое время, наречия времени и т. д.), **индексом**, или, более точно, темпоральным индексом, указывающим на мир, о котором идет речь. В главе 10 об этом будет сказано больше, здесь же я просто обращаю внимание читателей на связь между терминами 'индекс', как я его употребляю здесь, и 'индексальность'. Альтернативой 'индексу' в этом значении является 'точка соотнесения' (point of reference): возможные миры идентифицируются с определенной точки соотнесения.

Принимая как данное, что возможно определить мир, идентифицированный эксплицитно или имплицитно, каким образом можно узнать, к чему относится выражение, используемое при произнесении предложения? Например, как определить, что обозначает 'those cows' 'эти коровы' в высказывании

(10) 'Those cows are pedigree Guernseys?' 'Эти коровы — породистые гернзейские?'

Традиционный ответ, как мы видели, заключается в том, что говорящим известно понятие "корова" и что оно, являясь **интенционалом** (или значением) слова 'cow' 'корова', определяет его **экстен-**

сионал. (Необходимо также уметь интерпретировать указательное местоимение 'that' и грамматическое значение множественного числа. Однако допустим здесь — и это не малозначительное допущение, — что значения 'that' и множественного числа, не говоря уже о значении грамматической категории времени, могут быть удовлетворительно объяснены в модельно-теоретических терминах.) Понятия часто объясняются посредством картинок или образов, как в некоторых версиях идеационной теории значения (см. 1.7). Но мы можем теперь представить их в более общем виде, как **функции** (в математическом смысле), иными словами, как правила, или операции, которые приписывают единственное значение членам их **области**. Дело обстоит так, как если бы у нас была книга с правилами для всех выражений языка (правилами, являющимися их интенционалами) и мы могли бы определить экстенционал любого данного выражения в каком-либо конкретном мире (области этой функции), находя определенное правило и прилагая его к этому миру. Это правило тогда является функцией от возможных миров к экстенционалу: оно **выбирает** в мире, который является ее областью, множество сущностей, к которым осуществляется отсылка; и это множество является значением этой функции. Здесь следует отметить, что все, что было сказано здесь нестрого и полуспециальным языком, может быть полностью формализовано в теории множеств.

Однако говорящие на каком-либо языке не имеют и в принципе не могут иметь в своих головах список правил для всех выражений языка. Оставляя в стороне другие психологические соображения, которые делают эту гипотезу неправдоподобной, достаточно уже и того, что, как было сказано в одном из предшествующих разделов данной главы, некоторые, а возможно, и все естественные языки содержат бесконечное множество выражений. И говорящие на таких языках способны, используя свою грамматическую и семантическую компетенцию, произвести и интерпретировать любой произвольно выбранный член этих бесконечных множеств выражений. Ясно, как настойчиво подчеркивал Хомский в своих работах, посвященных основаниям генеративной грамматики, что человеческий мозг не имеет и физически не способен иметь бесконечную емкость для хранения языковых систем (и обработки продуктов их использования в процессе порождения и восприятия речи). Поэтому необходима и другая функция (или множество функций), которая бы определяла интенционал сложных выражений на основе интенционала базовых выражений (лексем) и синтаксических правил (правил композиции), которые порождают их.

Все, что я сделал до сих пор, — это переформулировал принцип композициональности Фреге в интенциональной теоретической рамке, как это сделали предшественники Монтегю, такие, как Рудольф Карнап, в 1940-х годах. Как я сказал ранее, я рассматриваю принцип композициональности как прилагаемый в первую очередь к значению и денотации, и только вторично к референции. Референция опосредована в этом отношении денотацией и контекстом — способом, который частично объяснен неформально в последующих главах. Большинство исследователей формальной семантики не проводят четкого различия между референцией и денотацией. (Как, конечно, не проводил его и Фреге.) Можно, однако, говорить о том, что это различие в имплицитном виде намечено у Монтегю, отчасти посредством его индексов — которые могут рассматриваться как релятивизирующие установление конкретных референтов относительно конкретного контекста высказывания — а отчасти посредством синтаксических и семантических признаков, связываемых им со специальной категорией сущности (entity-category) (e), введенной им в одну из систем грамматики, которой он оперировал в своем анализе кванторов. Однако здесь я, возможно, выхожу за пределы фактов. Во всяком случае, последователи Монтегю только недавно начали эксплицировать и использовать в более полной мере эту черту его грамматики.

Вернемся поэтому к тому, что исторически бесспорно. Это то, что Монтегю стремился установить более близкое соответствие между синтаксисом и семантикой, чем то, что было формализовано в стандартной теории трансформационно-генеративной грамматики в середине и конце 1960-х. Он добился этого, в той мере, в какой ему это удалось, путем использования особого вида **категориальной грамматики** и приведением категорий синтаксиса (приблизительно сопоставимых с основными категориями и субкатегориями традиционной грамматики: именными группами, именами существительными, предикатами, непереходными глаголами, переходными глаголами, наречиями и т. д.) в одно-однозначное соответствие с интенциональными категориями.

Категориальная грамматика как таковая не является предметом нашего внимания в этой книге. Все, что необходимо сказать о ней здесь, — это то, что это особенно простой и изящный вид грамматики, которая производит все остальные синтаксические категории из базовых категорий имени и пропозиции, или именной группы и предложения. (В особенно интересной версии категориальной грамматики, которой я косвенно коснулся выше, имена и другие виды

именных групп являются не базовыми, но производными категориями, сформированными из категории сущности и имен существительных.) Термин 'категориальный' отражает философские источники этой теории. Категориальная грамматика сама по себе не связана тесно с какой-либо определенной онтологической системой. Однако она основывается на принципе **категориальной согласованности**, нарушение которого приводит к категориальной несовместимости, упомянутой нами ранее (вот почему я использую в этой связи термин 'категориальный'), — принципе согласованности, или взаимозависимости, синтаксиса и семантики в отношении правил композиции. Понятие совместимости, согласованности (из латинского 'congruitas') имеет весьма давнюю традицию употребления (оно играло важную роль в средневековой логической и грамматической теории). Оно может быть рассмотрено как предшественник современной семантической гипотезы «правило на правило».

До сих пор обсуждение ограничивалось возможными мирами, отличавшимися от действительного мира тем, что они были актуализованы в прошлом или будут актуализованы в будущем, то есть мирами, или состояниями мира, которые отличаются друг от друга только в темпоральном отношении и следуют друг за другом, или заменяют друг друга, на единой линии времени. Однако нет необходимости придерживаться этого ограничения. На самом деле главное достоинство формализации возможных миров, предложенной Монтегю и его последователями, заключается в том, что она дает возможность трактовать логически корректным путем высказывания о мирах, которые никогда не могут быть актуализованы, — мирах чьих-либо мечтаний, надежд и страхов, мирах научной фантастики, драматических произведений и притворства. Она достигает этого, позволяя индексам, которые идентифицируют различные миры, быть сложными и включать, наряду с темпоральными, также нетемпоральные компоненты. Я вернусь к этому положению в связи с понятием эпистемической модальности в главе 10. На данном этапе будет достаточно указать, что грамматика Монтегю достигла больших успехов в семантическом анализе некоторых свойств естественных языков, чем предшествующие формальные системы, сконструированные логиками для этой цели. Она была более успешной в том смысле, что обеспечила более ясный анализ этих явлений, чем господствовавший до этого стандартный логический анализ; если говорить коротко, то она в большей степени соответствовала принципу «сохранения внешнего вида» (saving the appearances) (см. 7.2).

В частности, грамматика Монтегю смогла справиться интуитивно удовлетворительным образом с рядом хорошо известных проблем философской семантики. Одна из них связана с тем фактом, что в некоторых так называемых **интенциональных** или (или референциально **непрозрачных**) контекстах взаимозамена выражений с одним и тем же экстенционалом влияет на условия истинности предложений, то есть не выполняется **закон Лейбница** (о взаимозаменяемости *salva veritate*— взаимозаменяемости с сохранением истинности). Например,

(11) 'I wanted to meet the first woman Prime Minister of Great Britain' 'Я хотел познакомиться с первой женщиной, которая была премьер-министром Великобритании'

и

(12) 'I wanted to meet Margaret Thatcher' 'Я хотел познакомиться с Маргарет Тэтчер'

имеют разные условия истинности, если выражению 'the first woman Prime Minister of Great Britain' 'первая женщина, которая была премьер-министром Великобритании' дана интенциональная интерпретация, то есть, излагая это нестрого, если говорящий хотел познакомиться с первой женщиной, которая была премьер-министром Великобритании, кто бы она ни была, и ему не было важно и он мог не знать, кто была эта женщина. Глаголы типа 'want' 'хотеть', 'believe' 'полагать', 'hope' 'надеяться' и т. д. обычно называются интенциональными глаголами (или предикатами) или глаголами пропозиционального отношения. По некоторым причинам исторического характера экстенциональные (или неинтенциональные) и интенциональные интерпретации предложений типа (11) часто называются логиками и специалистами в области формальной семантики интерпретациями *ck re* и *de dicta* соответственно.

Другая трудность, с которой столкнулась стандартная, неинтенциональная формальная семантика, связана с тем фактом, что многие естественно-языковые выражения не обозначают чего-либо актуально существующее в (реальном) мире и тем не менее очевидно не являются синонимами. Например, (предположим, что) 'единорог' и 'кентавр' ничего не обозначают,— или, в терминах теории множеств, обозначают пустое множество (множество, не содержащее членов), — в мире, как мы его знаем; иными словами, в реальном мире нет сущностей, которые могли бы быть истинно описаны как единороги или кентавры. Понятно, что само по себе это не является такой проблемой, которая заставила бы не-философов потерять сон. Однако она связана с более общей проблемой как можно более точ-

ной формулировки тех принципов, посредством которых говорящие оказываются способны приписывать интерпретации выражениям в соответствии с контекстом, в котором они употребляются, и идентифицировать референтов обозначающих выражений.

До сих пор мы говорили о возможных мирах в этом разделе, принимая для простоты психологическую точку зрения, как если бы целью целью формальной семантики было сконструировать модели ментальных репрезентаций внешнего мира, которыми располагают люди. Рассмотренные с этой точки зрения, пропозиции являются истинными или ложными относительно актуального или неактуального мира, который они представляют, в зависимости от того, находятся ли они **в соответствии с** этим миром или нет. Это совершенно законный способ трактовки формальной семантики, изблюбленный многими психологами, лингвистами и специалистами в компьютерной науке, которых интересуют проблемы искусственного интеллекта. Однако это не тот способ, который обычно используется логиками и философами. Фактически существует не один, а несколько философски различных видов интерпретации термина 'возможный мир'.

На самом деле в моем упрощенном изложении модельно-теоретической семантики возможных миров в системе Монтегю я сам не был абсолютно последовательным в употреблении термина 'возможный мир'. (Я также был непоследовательным в употреблении термина 'модель' и намеренно использовал его в несколько размытом значении.) Только что я говорил о пропозициях как истинных или ложных **относительно** мира (of the world), который они представляют; в другом месте я сказал, что пропозиции являются истинными или ложными **в** мире (in a world), говоря о тавтологиях как об истинных и противоречиях как о ложных пропозициях во всех возможных мирах. Возможно, с повседневными понятиями и с традиционным употреблением более согласуется такой подход, согласно которому пропозиции представляют, или описывают, мир, а не находятся, в некотором смысле, в нем. Однако многие философы и логики используют в разговоре о пропозициях второй способ; не углубляясь далее в этот вопрос, я просто отмечу, что некоторые исследователи в области формальной семантики эксплицитно определяют возможный мир как множество пропозиций, тогда как другие говорят, что пропозиция есть множество миров, в которых, или относительно которых, она истинна. Для чисто логических целей не имеет большого значения, который из этих взглядов принять, хотя

сионал. (Необходимо также уметь интерпретировать указательное местоимение 'that' и грамматическое значение множественного числа. Однако допустим здесь — и это не малозначительное допущение, — что значения 'that' и множественного числа, не говоря уже о значении грамматической категории времени, могут быть удовлетворительно объяснены в модельно-теоретических терминах.) Понятия часто объясняются посредством картинок или образов, как в некоторых версиях идеационной теории значения (см. 1.7). Но мы можем теперь представить их в более общем виде, как **функции** (в математическом смысле), иными словами, как правила, или операции, которые приписывают единственное значение членам их **области**. Дело обстоит так, как если бы у нас была книга с правилами для всех выражений языка (правилами, являющимися их интенционалами) и мы могли бы определить экстенционал любого данного выражения в каком-либо конкретном мире (области этой функции), находя определенное правило и прилагая его к этому миру. Это правило тогда является функцией от возможных миров к экстенционалу: оно **выбирает** в мире, который является ее областью, множество сущностей, к которым осуществляется отсылка; и это множество является значением этой функции. Здесь следует отметить, что все, что было сказано здесь нестрого и полуспециальным языком, может быть полностью формализовано в теории множеств.

Однако говорящие на каком-либо языке не имеют и в принципе не могут иметь в своих головах список правил для всех выражений языка. Оставляя в стороне другие психологические соображения, которые делают эту гипотезу неправдоподобной, достаточно уже и того, что, как было сказано в одном из предшествующих разделов данной главы, некоторые, а возможно, и все естественные языки содержат бесконечное множество выражений. И говорящие на таких языках способны, используя свою грамматическую и семантическую компетенцию, произвести и интерпретировать любой произвольно выбранный член этих бесконечных множеств выражений. Ясно, как настойчиво подчеркивал Хомский в своих работах, посвященных основаниям генеративной грамматики, что человеческий мозг не имеет и физически не способен иметь бесконечную емкость для хранения языковых систем (и обработки продуктов их использования в процессе порождения и восприятия речи). Поэтому необходима и другая функция (или множество функций), которая бы определяла интенционал сложных выражений на основе интенционала базовых выражений (лексем) и синтаксических правил (правил композиции), которые порождают их.

Все, что я сделал до сих пор, — это переформулировал принцип композициональности Фреге в интенциональной теоретической рамке, как это сделали предшественники Монтегю, такие, как Рудольф Карнап, в 1940-х годах. Как я сказал ранее, я рассматриваю принцип композициональности как прилагаемый в первую очередь к значению и денотации, и только вторично к референции. Референция опосредована в этом отношении денотацией и контекстом — способом, который частично объяснен неформально в последующих главах. Большинство исследователей формальной семантики не проводят четкого различия между референцией и денотацией. (Как, конечно, не проводил его и Фреге.) Можно, однако, говорить о том, что это различие в имплицитном виде намечено у Монтегю, отчасти посредством его индексов — которые могут рассматриваться как релятивизирующие установление конкретных референтов относительно конкретного контекста высказывания — а отчасти посредством синтаксических и семантических признаков, связываемых им со специальной категорией сущности (entity-category) (e), введенной им в одну из систем грамматики, которой он оперировал в своем анализе кванторов. Однако здесь я, возможно, выхожу за пределы фактов. Во всяком случае, последователи Монтегю только недавно начали эксплицировать и использовать в более полной мере эту черту его грамматики.

Вернемся поэтому к тому, что исторически бесспорно. Это то, что Монтегю стремился установить более близкое соответствие между синтаксисом и семантикой, чем то, что было формализовано в стандартной теории трансформационно-генеративной грамматики в середине и конце 1960-х. Он добился этого, в той мере, в какой ему это удалось, путем использования особого вида **категориальной грамматики** и приведением категорий синтаксиса (приблизительно сопоставимых с основными категориями и субкатегориями традиционной грамматики: именными группами, именами существительными, предикатами, непереходными глаголами, переходными глаголами, наречиями и т. д.) в одно-однозначное соответствие с интенциональными категориями.

Категориальная грамматика как таковая не является предметом нашего внимания в этой книге. Все, что необходимо сказать о ней здесь, — это то, что это особенно простой и изящный вид грамматики, которая производит все остальные синтаксические категории из базовых категорий имени и пропозиции, или именной группы и предложения. (В особенно интересной версии категориальной грамматики, которой я косвенно коснулся выше, имена и другие виды

именных групп являются не базовыми, но производными категориями, сформированными из категории сущности и имен существительных.) Термин 'категориальный' отражает философские истоки этой теории. Категориальная грамматика сама по себе не связана тесно с какой-либо определенной онтологической системой. Однако она основывается на принципе **категориальной согласованности**, нарушение которого приводит к категориальной несовместимости, упомянутой нами ранее (вот почему я использую в этой связи термин 'категориальный'), — принципе согласованности, или взаимозависимости, синтаксиса и семантики в отношении правил композиции. Понятие совместимости, согласованности (из латинского 'congruitas') имеет весьма давнюю традицию употребления (оно играло важную роль в средневековой логической и грамматической теории). Оно может быть рассмотрено как предшественник современной семантической гипотезы «правило на правило».

До сих пор обсуждение ограничивалось возможными мирами, отличавшимися от действительного мира тем, что они были актуализованы в прошлом или будут актуализованы в будущем, то есть мирами, или состояниями мира, которые отличаются друг от друга только в темпоральном отношении и следуют друг за другом, или заменяют друг друга, на единой линии времени. Однако нет необходимости придерживаться этого ограничения. На самом деле главное достоинство формализации возможных миров, предложенной Монтегю и его последователями, заключается в том, что она дает возможность трактовать логически корректным путем высказывания о мирах, которые никогда не могут быть актуализованы, — мирах чьих-либо мечтаний, надежд и страхов, мирах научной фантастики, драматических произведений и притворства. Она достигает этого, позволяя индексам, которые идентифицируют различные миры, быть сложными и включать, наряду с темпоральными, также нетемпоральные компоненты. Я вернусь к этому положению в связи с понятием эпистемической модальности в главе 10. На данном этапе будет достаточно указать, что грамматика Монтегю достигла больших успехов в семантическом анализе некоторых свойств естественных языков, чем предшествующие формальные системы, сконструированные логиками для этой цели. Она была более успешной в том смысле, что обеспечила более ясный анализ этих явлений, чем господствовавший до этого стандартный логический анализ; если говорить коротко, то она в большей степени соответствовала принципу «сохранения внешнего вида» (saving the appearances) (см. 7.2).

В частности, грамматика Монтегю смогла справиться интуитивно удовлетворительным образом с рядом хорошо известных проблем философской семантики. Одна из них связана с тем фактом, что в некоторых так называемых **интенциональных** или (или референциально **непрозрачных**) контекстах взаимозамена выражений с одним и тем же экстенционалом влияет на условия истинности предложений, то есть не выполняется **закон Лейбница** (о взаимозаменяемости *salva veritate*— взаимозаменяемости с сохранением истинности). Например,

(11) 'I wanted to meet the first woman Prime Minister of Great Britain' 'Я хотел познакомиться с первой женщиной, которая была премьер-министром Великобритании'

и

(12) 'I wanted to meet Margaret Thatcher' 'Я хотел познакомиться с Маргарет Тэтчер'

имеют разные условия истинности, если выражению 'the first woman Prime Minister of Great Britain' 'первая женщина, которая была премьер-министром Великобритании' дана интенциональная интерпретация, то есть, излагая это нестрого, если говорящий хотел познакомиться с первой женщиной, которая была премьер-министром Великобритании, кто бы она ни была, и ему не было важно и он мог не знать, кто была эта женщина. Глаголы типа 'want' 'хотеть', 'believe' 'полагать', 'hope' 'надеяться' и т. д. обычно называются интенциональными глаголами (или предикатами) или глаголами пропозиционального отношения. По некоторым причинам исторического характера экстенциональные (или неинтенциональные) и интенциональные интерпретации предложений типа (11) часто называются логиками и специалистами в области формальной семантики интерпретациями *ck re* и *de dicta* соответственно.

Другая трудность, с которой столкнулась стандартная, неинтенциональная формальная семантика, связана с тем фактом, что многие естественно-языковые выражения не обозначают чего-либо актуально существующее в (реальном) мире и тем не менее очевидно не являются синонимами. Например, (предположим, что) 'единорог' и 'кентавр' ничего не обозначают,— или, в терминах теории множеств, обозначают пустое множество (множество, не содержащее членов), — в мире, как мы его знаем; иными словами, в реальном мире нет сущностей, которые могли бы быть истинно описаны как единороги или кентавры. Понятно, что само по себе это не является такой проблемой, которая заставила бы не-философов потерять сон. Однако она связана с более общей проблемой как можно более точ-

ной формулировки тех принципов, посредством которых говорящие оказываются способны приписывать интерпретации выражениям в соответствии с контекстом, в котором они употребляются, и идентифицировать референтов обозначающих выражений.

До сих пор мы говорили о возможных мирах в этом разделе, принимая для простоты психологическую точку зрения, как если бы целью целью формальной семантики было сконструировать модели ментальных репрезентаций внешнего мира, которыми располагают люди. Рассмотренные с этой точки зрения, пропозиции являются истинными или ложными относительно актуального или неактуального мира, который они представляют, в зависимости от того, находятся ли они **в соответствии с** этим миром или нет. Это совершенно законный способ трактовки формальной семантики, изблюбленный многими психологами, лингвистами и специалистами в компьютерной науке, которых интересуют проблемы искусственного интеллекта. Однако это не тот способ, который обычно используется логиками и философами. Фактически существует не один, а несколько философски различных видов интерпретации термина 'возможный мир'.

На самом деле в моем упрощенном изложении модельно-теоретической семантики возможных миров в системе Монтегю я сам не был абсолютно последовательным в употреблении термина 'возможный мир'. (Я также был непоследовательным в употреблении термина 'модель' и намеренно использовал его в несколько размытом значении.) Только что я говорил о пропозициях как истинных или ложных **относительно** мира (of the world), который они представляют; в другом месте я сказал, что пропозиции являются истинными или ложными **в** мире (in a world), говоря о тавтологиях как об истинных и противоречиях как о ложных пропозициях во всех возможных мирах. Возможно, с повседневными понятиями и с традиционным употреблением более согласуется такой подход, согласно которому пропозиции представляют, или описывают, мир, а не находятся, в некотором смысле, в нем. Однако многие философы и логики используют в разговоре о пропозициях второй способ; не углубляясь далее в этот вопрос, я просто отмечу, что некоторые исследователи в области формальной семантики эксплицитно определяют возможный мир как множество пропозиций, тогда как другие говорят, что пропозиция есть множество миров, в которых, или относительно которых, она истинна. Для чисто логических целей не имеет большого значения, который из этих взглядов принять, хотя

выбор между ними может мотивироваться более широкими философскими соображениями.

Невозможно и неуместно в такой книге, как эта, углубляться в те сложные и разнообразные философские следствия, которые вытекают из принятия того или иного взгляда на возможные миры и пропозиции. Не является также необходимым, поскольку речь идет о приложимости формальной семантики к анализу естественных языков, разрешение таких острых философских вопросов, как реальность внешнего мира, онтологический и психологический статус пропозиций, семантических репрезентаций и т. д. или же обоснованность понятия истины как соответствия. Однако в заключение я хотел бы подчеркнуть, что модельно-теоретическая, или индексальная, семантика предоставляет, по крайней мере в принципе, средства для формализации многих явлений естественных языков, которые не были удовлетворительно формализованы в более ранних системах формальной семантики. Например, она позволяет формализовать разнообразные отношения **достижимости**, имеющие место между различными возможными мирами. Возьмем только один аспект этого отношения: имеется интуитивно ясный смысл, в котором, в повседневном употреблении языка, мы в норме оперируем с предпосылкой, что прошлое, в отличие от будущего, достижимо для нас. И эта предпосылка встроена в систему грамматических времен и наклонений во многих, если не во всех языках. Индексальная семантика может справиться с феноменами этого рода. Если говорить более обобщенно, она позволяет нам формализовать тот факт, что говорящие ограничены некоторыми видами достижимости при выборе или конструировании возможных миров, к которым они отсылают в своих высказываниях, и в способах этой отсылки, а также тот факт, что они необходимо отсылают к миру, который они описывают, с точки зрения мира, в котором они находятся. Эти два обстоятельства, как мы увидим в главе 10, имеют важнейшее значение при любой трактовке индексальности и модальности в естественных языках.

Обратимся теперь к рассмотрению значения высказывания, тем самым перейдя от семантики в узком смысле к тому, что в наши дни многие называют прагматикой.

Глава 8

Речевые акты и иллокутивная сила

8.0. Введение

До сих пор мы не использовали в сколько-нибудь значительной степени терминологическое различие между 'предложением' и 'высказыванием', введенное в главе 1. Также никак не использовались связанные с ним различия между *Mangue* ('язык') и *parole* ('речь') Соссюра и *competence* ('компетенция') и *performance* ('исполнение') Хомского, которые, как мы видели в главе 1, должны быть переформулированы как неэквивалентные дихотомии в рамках трихотомии система — процесс — продукт, если мы хотим избежать тех недоразумений, которые имеют место в описаниях этих специальных противопоставлений в большинстве учебников.

Большая часть работ, выполненных в формальной семантике (в той мере, в которой они прилагались к анализу естественных языков), базировалась на взгляде, что языки представляют собой множества предложений и что эти предложения используются главным образом, если не исключительно для того, чтобы делать дескриптивные утверждения. Поэтому в формальной семантике в типичном случае не проводилось различия между значением предложения и пропозициональным (т. е. дескриптивным) содержанием. Это очевидно чрезвычайно ограниченный взгляд на то, что такое язык и (как мы видели в главе 6) что такое значение предложения. Этот взгляд неоднократно подвергался серьезной критике.

Одним из его наиболее влиятельных критиков в последние годы был оксфордский философ Дж. Л. Остин (1911—1960), чьи взгляды стали предметом широкого обсуждения не только среди философов, но и среди лингвистов (а также представителей многих других дисциплин). В этой главе мы будем использовать разработанную Остином теорию так называемых речевых актов как отправной пункт для анализа значения высказываний в главах 9 и 10.

8.1. Высказывания

Как было отмечено в главе 1, термин 'высказывание' ('utterance') неоднозначен и может пониматься как в значении процесса, так и в значении продукта (1.6). ('Процесс' здесь используется как более широкий термин, чем 'действие' ('action') или 'деятельность' ('activity'): действие — это процесс, контролируемый агентом; акт — это единица действия или активности.) Термин 'высказывание' может использоваться по отношению к процессу (или деятельности) высказывания или же по отношению к продуктам этого процесса (или деятельности). Высказывания в первом из этих двух значений в настоящее время обычно называются **речевыми актами**; высказывания во втором значении могут быть названы — в специальном смысле этого термина — **инскрипциями** (надписями, inscriptions). (Термин 'инскрипция', который был введен в главе 1, не имеет широкого употребления в лингвистике. Не следует его интерпретировать как относящийся в большей степени к письменному, чем к устному языку.) Одна из моих главных задач в этой главе — прояснить отношения между речевыми актами и инскрипциями и в ходе этого описать более подробно различия между значением предложения и значением высказывания. Я буду стараться употреблять, насколько это возможно, термины и понятия, имеющие своим источником работы Дж. Л. Остина и ныне широко использующиеся в лингвистике и связанных с ней дисциплинах. Однако я добавлю к ним одно или два моих собственных разграничения, для того чтобы описать более точно, чем это сделали Остин и его последователи, довольно сложные отношения, имеющие место между речевыми актами и предложениями. Я также введу в обсуждение некоторые моменты, которым в англо-американской традиции обычно уделяется меньше внимания, чем во французской традиции, берущей начало в работах Эмиля Бенвениста (Benveniste 1966, 1974).

В некотором смысле термин 'речевой акт' является обманчивым. Прежде всего, может показаться, что он синонимичен выражению 'акт высказывания', а не обозначает — как это имеет место на самом деле (в значении, в котором он обычно используется лингвистами) — некоторую особую часть производства высказываний. Во-вторых, он придает слишком большое значение той части производства высказываний, которая имеет результатом их инскрипцию в физической среде звука. Тем не менее, поскольку термин 'речевой акт' широко употребляется в настоящее время в лингвистике и философии в том специальном значении, которое ему придали Остин и

особенно Дж. Р. Серль (Searle 1969), я не буду пытаться заменить его другим, более подходящим термином. Следует подчеркнуть, однако, что (i) термин 'речевой акт' используется здесь в весьма специальном смысле и (ii) подобно терминам 'высказывание', с одной стороны, и 'инскрипция' или 'текст', с другой, понимается как охватывающий продукты как письменного, так и устного языка. Изложение строится таким образом, чтобы всё, что говорится в этой главе (и во всей этой книге), согласовалось бы с тем, что было сказано о компетенции и исполнении в 1 главе, с одной стороны, и о языковой системе, использовании языковой системы и продуктах использования языковой системы, с другой, и было бы нейтрально по отношению к тем различиям, которые разделяют разные лингвистические школы в настоящее время. Например, оно нейтрально по отношению к генеративистским и не-генеративистским подходам к анализу языка и языков, когнитивизму и антикогнитивизму, функционализму и антифункционализму, формализму и антиформализму. Что касается позитивной стороны, то мое изложение того, что впоследствии стало называться теорией речевых актов, построено так, чтобы дать больше важных сведений о философских основаниях этой теории, чем это обычно делается в учебниках для лингвистов.

Сам Остин так не представил полностью разработанную теорию речевых актов. Ближе всего он подошел к выполнению этой задачи в своих лекциях в рамках ежегодного курса в честь Уильяма Джемса, прочитанных в Гарварде в 1955 году и опубликованных уже после его смерти под названием «Как совершать действия словами» (Austin 1962). Он читал лекции по этой же теме в течение нескольких предшествующих лет в Оксфорде и делал доклады, относящиеся к ней, начиная с 1940 года; но не оставил после себя переработанной и подготовленной к публикации рукописи своего курса. Поэтому едва ли удивительно, что нет согласованной и окончательной версии его теории речевых актов. На самом деле даже не ясно, пытался ли Остин построить теорию речевых актов, в том смысле, в котором термин 'теория' понимается многими из тех, кто воспринял его идеи. Остин принадлежал к так называемой философской школе обыденного языка, члены которой относились настороженно к формализации и проведению резких разграничений.

Главной целью Остина, по крайней мере первоначально, было подвергнуть критическому анализу то, что он расценивал как «описательную ошибку», — взгляд, что единственно интересным с философской точки зрения употреблением языка является высказывание истинных или ложных утверждений. Более конкретно, он подверг

критике связанный с логическим позитивизмом верификационистский тезис — тезис, что предложения являются значимыми, только если они выражают верифицируемые, или фальсифицируемые, пропозиции. Мы уже рассматривали верификационизм в связи с понятием условно-истинностной теорией значения (см. 5.4). Как мы видели, когда Остин впервые занялся этим вопросом, верификационисты уже столкнулись с выдвинутым против их концепции возражением, что их критерий наличия значения имеет в качестве своего эффекта исключение из числа значимых не только так называемых псевдоутверждений теологии и метафизики, но также утверждений этики и эстетики. Напомним, что одним из ответов на это возражение было признание того, что такие предложения, как

(1) 'Cannibalism is wrong' 'Каннибализм — это плохо'

или

(2) 'Monet is a better painter than Manet' 'Моне как художник лучше, чем Мане',

не могут употребляться как дескриптивные утверждения, но могут использоваться только эмотивно, то есть для выражения чьих-либо чувств (см. 5.5).

Другой ответ заключался в том, чтобы сказать, что хотя такие предложения могут использоваться для того, чтобы сделать истинные или ложные утверждения, говорящие, делая такие утверждения, описывают свое собственное или чье-либо еще отношение, а не объективную реальность. Остин в своих относительно ранних работах подверг критике вторую из этих альтернатив. Он показал, что к псевдоутверждениям относится гораздо больше наших повседневных высказываний, чем думали верификационисты и их оппоненты. Так, согласно Остину, если кто-то произносит предложение

(3) 'I promise to pay you £5' 'Я обещаю заплатить вам 5 фунтов'

с целью дать обещание (и сообщить адресату, что он дает обещание), то он не говорит чего-либо истинного или ложного о своем состоянии ума, но берет на себя обязательство совершить определенное действие.

Таков, если говорить вкратце, тот философский контекст, в котором Остин впервые выдвинул ставшее впоследствии знаменитым разграничение между **констативными** и **перформативными** высказываниями. Констативное высказывание — это, по определению, высказывание, посредством которого делается утверждение. (Остин предпочитает термин 'констативный' термину 'дескриптивный', поскольку, по его мнению, не все истинные или ложные утверждения

являются дескрипциями. Для простоты изложения в данном контексте эти два термина будут пониматься как эквивалентные.) Перформативные высказывания — это высказывания, производя которые говорящий или пишущий не говорит (сообщает или утверждает) нечто, но совершает некоторое действие (performs an act of doing rather than saying).

Это различие между словом и делом (отраженное в названии оксфордского курса лекций Остина «Слова и дела» («Words and deeds»)) было впоследствии отвергнуто. Однако различие между констативными и неконстативными высказываниями как таковое было сохранено. В последней имеющейся у нас версии труда Остина констативные высказывания представлены как один из классов перформативов. Аналогичным образом, говорение (saying) — в том смысле, в котором глагол 'say' ('говорить, сказать') обозначает высказывание утверждений (statements), в том смысле, в котором говорят, что нечто имеет или не имеет место, — рассматривается как особый вид действия. И, как мы увидим, Остин весьма подробно разработал проблему «говорения» и «делания» (saying and doing). Фактически вся теория Остина, в той мере, в какой она является теорией, говорит именно об этом. Это теория прагматики (в этимологическом смысле термина 'прагматика': «изучение действия»).

Более того (хотя Остин не развил положения, вытекающие из этой точки зрения), это теория социальной прагматики, теория о том, как, говоря, действовать в рамках социальных институтов и соглашений, рассматриваемых как данное и принятых деятелями. Этой стороне теории Остина не всегда уделяется то внимание, которого она заслуживает.

Второе различие, проведенное Остином, — это различие между **эксплицитными** и **простыми** (primaу) перформативами. Это различие прилагается, в принципе, как к констативным, так и к неконстативным высказываниям. В настоящий момент достаточно сказать, что эксплицитный перформатив — это такой перформатив, высказывание-инскрипция которого содержит выражение, которое обозначает или каким-либо иным образом эксплицирует вид совершаемого действия. Это определение нуждается в уточнении в нескольких отношениях. В том виде, в каком оно сформулировано, оно, возможно, шире, чем то, что имел в виду Остин, и тем не менее уже, чем следовало бы. Однако оно безусловно покрывает все примеры, которыми Остин и его последователи иллюстрировали класс эксплицитных перформативов. В частности, оно покрывает неконстативные употребления таких предложений, как (3). В подобных

предложениях содержится так называемый перформативный глагол, и наличие такого глагола, в данном случае 'promise' 'обещать', вместе с тем фактом, что этот глагол стоит в форме простого настоящего времени изъявительного наклонения и имеет субъект в форме 1 лица, делает характер выполняемого речевого акта, когда это предложение произносится для того, чтобы дать обещание, эксплицитным.

Конечно, можно дать обещание и не произнося эксплицитного перформатива. Например, можно пообещать, произнеся предложение

(4) 'I will pay you £5' 'Я заплачу вам 5 фунтов'.

В этом случае высказанное предложение будет являться тем, что Остин называет простым (то есть неэксплицитным) перформативом. Оно неэксплицитно, в терминах определения, данного выше, в том смысле, что в самом высказывании-инскрипции *{I'll pay you £5* 'Я заплачу вам 5 фунтов') нет выражения, которое эксплицировало бы тот факт, что оно должно пониматься как обещание, а не предсказание или утверждение.

Сказанное может служить достаточным, хотя и неформальным и довольно нестрогим описанием того, что Остин имел в виду, проводя различие между эксплицитными и простыми перформативами. Отметим, что констативными и неконстативными, эксплицитными и простыми перформативами являются не предложения, а высказывания. Когда лингвисты используют термин 'перформативное предложение', они обычно имеют в виду такие предложения, как 'I promise to pay you £5', содержащие так называемый перформативный глагол и употребляемые в общем случае как эксплицитно неконстативные высказывания.

Как следует из того, что было сказано о декларативных и недекларативных предложениях в главе 6, пример (4) является декларативным предложением, потому что он принадлежит к классу предложений, типичные члены которого используются в характерном для них употреблении для того, чтобы делать утверждения. Как было подчеркнуто там же, из этого не следует, что каждый член или каждый отдельный подкласс этого класса используется всегда или даже обычно для этой цели. Даже если бы (3) никогда бы не использовалось для того, чтобы делать утверждения, но использовалось бы только для того, чтобы давать обещания, оно все равно было бы декларативным предложением благодаря своей грамматической структуре. Но (3), разумеется, может использоваться (в современном литературном английском языке) для того, чтобы делать утверждения

разного рода. Нет необходимости дальше развивать здесь это положение. Однако его следует иметь в виду при чтении этой главы.

В дальнейшем я буду использовать несколько терминов Остина, однако не всегда в точности в том же значении, в каком употреблял их Остин. В некоторых случаях собственная интерпретация этих терминов Остином далеко не ясна; в других она хоть и ясна, но не бесспорна. Другая проблема заключается в том, что взгляд Остина на различие между предложениями и высказываниями весьма отличается от того, которого я придерживаюсь в этой книге. Поэтому я буду несколько иначе интерпретировать теорию речевых актов Остина в свете этого различия.

8.2. Локутивные акты

Совершить то, что Остин назвал локутивным актом,— значит произвести высказывание (то есть высказывание-инскрипцию), имеющее конкретную форму и более или менее определенное значение.

Многие из высказываний, которые мы производим в повседневной речи, — то есть большинство продуктов наших локутивных актов — неграмматичны; другие грамматичны, но эллиптичны (например. *Been here long?* 'Здесь давно?', *Nice weather for the time of year* 'Хорошая погода для этого времени года', и т. д.); некоторые неграмматичны, и не неграмматичны; разумеется, есть и такие, которые неграмматичны и неприемлемы — результаты так называемых ошибок исполнения — невнимания, провалов в памяти и сбоев различного рода в актуальном производстве языковых сигналов.

Поскольку мы до поры до времени намеренно ограничили наше внимание грамматически правильно построенными и не эллиптическими высказываниями, мы можем временно игнорировать многие из этих сложностей, которые необходимо было бы учесть при более полном обсуждении локутивных актов. В частности, мы можем считать, что выполнить локутивный акт — значит обязательно произнести предложение. Тем не менее важно здесь отметить, что два человека могут произнести одно и то же предложение без того, чтобы необходимо сказать одну и ту же вещь, и они могут сказать одну и ту же вещь, не обязательно произнося одно и то же предложение.

На самом деле существуют разные способы, которыми можно интерпретировать выражение обыденного языка 'say the same thing' 'сказать одну и ту же вещь (сказать одно и то же)'. Можно считать, что теория речевых актов Остина направлена на решение этой про-

блемы и (частично) эксплицирует несколько смыслов глагола 'say' 'сказать, говорить', в которых сказать — значит сделать. Начнем с того, что следующее предложение является неоднозначным и имеет разные значения в соответствии с тем, понимается ли глагол 'say' как имеющий значение "assert" "утверждать" или "utter" "произносить":

(5) 'John and Mary said the same thing' 'Джон и Мэри сказали одно и то же (букв, одну и ту же вещь)'.

При одной интерпретации оно имеет практически те же условия истинности и, следовательно, то же пропозициональное содержание, что и предложение

(6) 'John and Mary asserted the same proposition' 'Джон и Мэри высказали (букв. *утвердили) одну и ту же пропозицию'.

При другой интерпретации оно может быть перифразировано в созданном нами специальном метаязыке как

(7) 'John and Mary produced the same utterance-inscription' 'Джон и Мэри произвели одно и то же высказывание-инскрипцию'.

Интересно также отметить, что хотя слово 'thing' 'вещь' обычно не рассматривается как неоднозначное, существует разительная и теоретически важная разница между одним видом вещей и другим. Пропозиции, как мы видели, являются особого рода абстрактными сущностями. В то же время высказывания-инскрипции имеют физические свойства, которые могут быть определены с помощью одного или более чувств: слуха, зрения, осязания и т. д.

Из того, что было сказано в предшествующих главах, ясно, что можно утверждать одну и ту же пропозицию, произнося различные предложения. Этот момент теперь может быть развит. Прежде всего, одна и та же пропозиция может утверждаться (будем так полагать) произнесением предложений различных языков, например:

(8) 'It is raining' (английский язык),

(9) 'Il pleut' (французский язык),

(10) 'Es regnet' (немецкий язык).

Во-вторых, она может утверждаться произнесением двух предложений одного и того же языка, имеющих одно и то же пропозициональное содержание, например, соотносительных активных и пассивных предложений, таких, как

(11) 'The dog bit the postman' 'Собака укусила почтальона'

и

(12) 'The postman was bitten by the dog' 'Почтальон был укушен собакой'.

И наоборот, как мы видели в главе 7, можно утверждать различные пропозиции, произнося одно и то же предложение в различных контекстах и приписывая различные значения входящим в него референтным выражениям. Например, предложение

(13) *'My friend is waiting for me'* 'Мой друг ждет меня'

может выражать бесконечное множество пропозиций, различающихся значениями, приписанными выражениям *'my friend'* 'мой друг' и *'te'* 'меня', и временем, к которому отсылает грамматическое время глагола. Как мы отметили далее, имеется важное различие между произнесением предложений и утверждением пропозиций.

Необходимо также различать произнесение предложений и производство высказываний-инскрипций. Это может быть проиллюстрировано посредством нескольких простых примеров. Предположим, что Джон говорит

(14) *I'll meet you at the bank* 'Я встречу тебя (= встретимся) в банке / на берегу реки'

и Мэри также говорит

(15) *I'll meet you at the bank* 'Я встречу тебя (= встретимся) в банке / на берегу реки'.

Или, предположим, они оба говорят

(16) *Flying planes can be dangerous* 'Летающие самолеты могут быть опасны / Летать самолетами может быть опасно'.

Мы легко согласимся с тем, что в одном смысле слова 'сказать' они в обоих случаях сказали одно и то же: они произвели одно и то же высказывание-инскрипцию. Говоря более точно, они (как мы теперь видим) произвели экземпляры (tokens) одного и того же типа высказываний. Давайте также согласимся с тем, что то, что они в обоих случаях произнесли, является предложением. Однако произнесли ли они одно и то же предложение?

Важно понимать, что для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны знать не только то, какие формы были произнесены, но и формами каких выражений они являются. Если *bank* в высказывании Джона является формой выражения *'bank₁'* (означающего 'финансовое учреждение'), а *bank* в высказывании Мэри — формой *'bank₂'* (означающего 'пологий склон земли около реки'), они произнесли разные предложения. Аналогично, если *flying* в высказывании Джона является формой непереходного глагола *'fly'* 'лететь' (так что *'flying planes'* означает приблизительно "самолеты, которые летят"), а *flying* в высказывании Мэри является формой соотносительного

переходного глагола 'fly' (так что 'flying planes' означает приблизительно "летать самолетами (на самолетах)"), то они также произнесли разные предложения. К сожалению, в научной литературе с этим моментом связано много путаницы, проистекающей из того, что предложения в генеративной грамматике были (нетрадиционно) определены как цепочки форм, которые могут иметь, а могут и не иметь одну и ту же грамматическую структуру. Здесь и далее я буду придерживаться более традиционного взгляда на предложения.

Тот факт, что можно произнести одно и то же высказывание-инскрипцию без того, чтобы произнести одно и то же предложение, во многих современных работах по семантике и прагматике затеняется вследствие той широты и нестрогости, с которой используются термины 'предложение' и 'высказывание'. Можно полагать, что Остин также стал жертвой неспособности провести достаточно четкое различие между предложениями и высказываниями. Однако он определенно отдавал себе отчет в том, что мы только что проиллюстрировали, и у него было гораздо более тонкое понимание всей сложности отношений между предложениями и высказываниями, чем у многих его последователей. Его анализ локутивных актов, хотя и неясный в одних отношениях и имеющий технические недостатки в других, тем не менее вполне определенно основывается на осознании того факта, что фонетически идентичные высказывания могут отличаться своими составляющими выражениями и их грамматической структурой.

Это приводит нас к еще одному выводу: фонетическое тождество не является необходимым условием тождества высказываний. Если мы просим Мэри повторить высказывание (14) Джона, то мы не ожидаем, что она будет подражать особенностям его голоса или воспроизводить такие паралингвистические признаки, как ритм и темп. Мы даже не предполагаем, что она будет имитировать его акцент, хотя он может разительно отличаться от ее собственного. Например, если Джон — лондонский рабочий, говорящий на кокни, а Мэри — относящаяся к высшему обществу леди из Новой Англии, то они произнесут *I'll meet you at the bank* и практически любое другое потенциально возможное высказывание английского языка характеристически различными способами. Тем не менее во многих, если не во всех таких случаях пары фонетически различных высказываний-инскрипций будут рассматриваться говорящими на данном языке как **экземпляры** (tokens) одного и того же **типа**.

Это показывает, что фонетическое тождество не является необходимым условием типового/экземплярного тождества высказываний-

инскрипций. Это также демонстрирует то, что типовое/экземплярное тождество высказываний до некоторой степени является теоретически независимым: оно может быть установлено в конкретных случаях без ссылки на одну или другую теорию структуры языка. Однако теоретическая независимость в этом смысле не имеет места в отношении интонационного контура высказываний. В повседневной жизни просто не ясно, могут ли два интонационно различных произнесения *I'll meet you* и *it the bank* расцениваться как экземпляры одного и того же типа. В обоих случаях остается место для споров относительно того, являются ли ударение и интонация релевантными факторами или нет. Однако для простоты изложения я буду считать, что для того, чтобы два человека произвели одно и то же высказывание-инскрипцию, достаточно, чтобы они произнесли то, что они и другие люди расценили бы как одну и ту же цепочку форм, безотносительно к интонационному контуру и модели ударения, наложенных на нее. Такого же взгляда я буду придерживаться и в тех случаях, когда речь будет идти о предложениях.

Например, если Джон говорит

(17) *It's raining* 'Идет дождь'

с нисходящей интонацией и нейтральной моделью ударения, тогда как Мэри говорит

(18) *It's raining*

с эмфатическим ударением и восходящей интонацией на форме *raining*, я буду считать, что они не только произвели одно и то же высказывание-инскрипцию, но также произнесли одно и то же предложение:

(19) 'It's raining'.

Я буду также рассматривать сокращенную форму *it is— it's* и все подобные феномены как не имеющие отношения к типовому/экземплярному тождеству высказываний-инскрипций. Это не столько фактическая проблема, сколько вопрос теоретического и методологического решения. Многие лингвисты по ряду теоретических соображений не согласятся с тем взглядом, которого я здесь придерживаюсь. Однако до настоящего времени не много лингвистов уделяли серьезное внимание этому вопросу, и многое из того, что кажется серьезными разногласиями, может обернуться чисто терминологической разницей.

Мы можем теперь разделить исполнение локутивного акта на две логически независимые части: (i) производство инскрипции в некоторой подходящей физической среде, и (ii) построение такого-то и такого-то предложения. Эти части логически независимы пото-

му, что одна и та же инскрипция может быть связана с двумя (и более) совершенно разными предложениями и, наоборот, одно и то же предложение может быть связано с двумя (и более) совершенно разными инскрипциями. Используя термины Остина, мы можем сказать, что локутивный акт является продуктом (i) **фонического** акта производства инскрипции (в фонической среде звука) и (ii) **фатического** акта построения конкретного предложения в конкретном языке. Первый из этих двух актов, безусловно, зависит от использования той или иной среды. Производство высказываний в какой-либо не-фонической среде — особенно, когда мы пишем, а не говорим — связано с не-фоническими актами того или иного рода. Как я сказал ранее, термин 'речевой акт' не должен пониматься как приложимый только к устным высказываниям. То же самое относится и к термину 'локутивный акт'.

Однако мы еще не завершили анализ локутивных актов; мы должны еще учесть тот факт, что предложения произносятся в конкретных контекстах и что часть своего значения возникающее в результате этого высказывание-инскрипция получает из этого контекста. Это особенно верно по отношению к референции обозначающих выражений, которые оно содержит, а референция, как мы показали в Части 3, является частью значения высказывания, а не значения предложения. Соответственно, третьим компонентом локутивного акта, который включает приписывание референции и может быть описан в более общем виде как контекстуализация, является, как называет его Остин, **ретический** акт.

В дальнейшем я не буду использовать предложенные Остином термины 'фонический', 'фатический' и 'ретический'. Они не имеют широкого использования в литературе, и, в любом случае, я дал им несколько иную интерпретацию, чем та, которую они имеют в работе Остина. То, что здесь является важным, так это сам принцип трехчастного деления, частично проистекающего, как мы видели, из различия между языком и средой и частично — из различия между предложениями и высказываниями-инскрипциями.

Возможно, к сказанному выше стоит добавить, в свете чрезвычайно распространенной путаницы и недоразумений, которые имеют место по этому поводу, что различие между предложениями и высказываниями-инскрипциями не сводится просто к различию между типами и экземплярами. Это следует из того факта, что два высказывания-инскрипции, произведенные по различным случаям, могут быть идентифицированы как экземпляры одного и того же типа без знания того, какие предложения были произнесены. Кроме того, как

я подчеркнул в этом разделе, экземпляры одного и того же высказывания-инскрипции могут быть результатом произнесения различных предложений, и наоборот, экземпляры различных высказываний-инскрипций могут быть произведены произнесением одного и того же предложения в разных случаях. Этот момент имеет решающее значение для любой теории языковой структуры, оперирующей с более или менее традиционным понятием предложения. Любой, кто придерживается традиционного подхода к предложению (как придерживаемся его мы в этой книге), должен иметь возможность сказать, что, например, экземпляры

(20) *I have,*

произнесенного или написанного, возникают в результате произнесения (написания) бесконечного множества предложений. Он должен иметь возможность сказать, что (20) является эллиптической формой любого из множества предложений, включающих

(21) 'I have done the washing up' 'Я вымыл посуду'

(22) 'I have been to California' 'Я был (= бывал) в Калифорнии'

(23) 'I have (got) a personal computer' 'У меня есть персональный компьютер'.

И наоборот, он может захотеть (как хочу этого я), чтобы такое предложение, как

(24) 'I have done the washing up' 'Я вымыл посуду'

могло бы быть сказано не только как

(25) / *have done the washing up,*

но также как

(26) / *have done it* 'Я сделал это'

(27) *I have'*

(28) *Me 'Я'*

(с необходимым просодическим контуром, если эти высказывания воплощаются в фонической среде). Как мы увидим в главе 9, анализ локутивных актов, представленный в этом разделе, дает нам возможность делать подобные утверждения теоретически и эмпирически удовлетворительным способом. Но теперь, когда я объяснил с некоторой степенью подробности, каким образом исполняются ло-

Данное эллиптическое выражение, включающее часть формы, отсутствующей в русском языке, не имеет русского эквивалента. — *Примеч. перевод.*

кутивные акты, мы можем перейти к тому, что по общему мнению является наиболее оригинальным вкладом Остина в теорию значения — к разработанному им понятию иллокутивной силы.

8.3. Иллокутивная сила

Сказать— значит сделать. Однако имеются различные смыслы глагола 'сказать'. В одном значении он означает, грубо говоря, "произносить" или, более специальным языком, "производить локутивный акт". Как мы только что видели, говорение в этом смысле связано с тремя различными видами действий:

- (i) актом производства инскрипции;
- (ii) актом построения предложения;
- (iii) актом контекстуализации этого предложения.

Произнести предложение, во всех нормальных коммуникативных контекстах, означает выполнить комплексное действие, в котором эти три вида действий объединены и имеют в качестве своего продукта некоторый идентифицируемый и значимый языковой сигнал — высказывание-инскрипцию. Из этого не следует, разумеется, что эти три действия психологически или физиологически различаются при актуальном производстве высказываний. К настоящему времени психологам относительно мало известно об особенностях высказывания на этом уровне. Представленный здесь анализ понимается как нейтральный по отношению к конкретным психолингвистическим и фонетическим подходам.

Имеется и другой смысл глагола 'сказать', в котором, как я уже указывал, два человека могут сказать одно и то же, не выполняя один и тот же локутивный акт и не произнося одно и то же предложение. Они могут сказать, что дело обстоит так-то и так-то (или не так-то), иными словами, они могут утверждать одну и ту же пропозицию. Предположим, что Джон сказал (или написал)

(29) *Peter is mad* 'Питер сумасшедший/сердит'

и Мэри, по какому-то другому случаю, сказала (или написала)

(30) *Your brother is mad* 'Твой брат сумасшедший/сердит'.

Предположим, далее, что 'Peter' и 'your brother' 'твой брат' обозначают одно и то же лицо и что 'mad' используется в одном и том же значении (а не так, что в одном случае оно значит "сумасшедший", а

в другом — "сердитый"). При условии, что они действительно утверждали пропозицию, Джон и Мэри высказали ("утвердили") одну и ту же пропозицию и, следовательно, сказали одно и то же в этом другом смысле слова 'сказать'. Однако, сказав *Peter is mad* и *Your brother is mad* соответственно, они не обязательно сделали утверждение.

Сделать утверждение — не значит выполнить локутивный акт определенного вида; сделать утверждение — значит выполнить локутивный акт, продукт которого — экземпляр высказывания — имеет **иллокутивную силу** определенного вида. Как мы могли видеть, согласно Остину дескриптивная, или констативная, функция языка — это только одна из его функций. Мы также используем язык для того, чтобы задавать вопросы, отдавать приказы и давать обещания, угрожать, оскорблять и уговаривать, и, конечно, делать все те вещи, для которых Остин впервые применил термин 'перформатив' — крестить детей, объявлять помолвку, выносить приговор преступнику и т. д. Одним словом, существует много разных функций языка и соответственно много различных видов иллокутивной силы.

Однако как много? Один из возможных подходов к этой проблеме — это задаться вопросом, какие глаголы в данном конкретном языке могут использоваться в эксплицитно перформативных высказываниях таким же образом, каким, например, 'promise' используется неконстативно в высказывании (3) в разделе 8.1 выше, которое мы здесь повторяем как:

(31) 'I promise to pay you £5' 'Я обещаю заплатить вам 5 фунтов'.

В английском языке имеются сотни, если не тысячи таких глаголов. Некоторые из них более или менее синонимичны, например, 'implore' 'умолять' и 'beseech' 'умолять, упрашивать'. Другие, хотя и являются очевидно несинонимичными, могут быть рассмотрены интуитивно как входящие в классы с общими характеристиками. Например, 'promise' и 'undertake' семантически связаны в том отношении, что их использование в эксплицитно перформативных высказываниях обязывает говорящего к определенным действиям. Все такие глаголы и, следовательно, конкретные виды иллокутивной силы, которые они эксплицируют, могут быть объединены в один класс. Аналогичное положение с другими множествами семантически связанных перформативных глаголов, например, с 'order' 'приказывать', 'command' 'приказывать, отдавать команду', 'request' 'просить' и т. д., которые объединяет то, что их использование в эксплицитно перформативных высказываниях выражает волю говорящего, чтобы некоторое другое

лицо, обычно адресат, выполнило определенное действие. Такие высказывания (приказы, команды, просьбы и т. д.) обычно называются в настоящее время **директивами**.

Сам Остин предложил набросок одной из классификационных схем перформативов в самом конце своего труда «Как совершать действия словами». После этого его последователями были предложены другие подобные схемы, отличающиеся от схемы Остина в большей или меньшей степени. Сам факт возможности более или менее удовлетворительных альтернативных классификаций конституирует проблему. Как выбрать между той или другой классификацией? Нет оснований полагать, что множество перформативных глаголов в английском или каком-либо другом языке будет отражать все возможные виды иллокутивной силы. Еще меньше оснований полагать, что должен быть некоторый единственно правильный анализ таких глаголов, приложимый ко всем культурам и ко всем языкам. На самом деле подавляющее большинство перформативных глаголов в английском и других языках очевидно культурно обусловлены. Например, значение и употребление глагола 'swear' 'клясться', в той степени, в какой оно отличается от значения и употребления глаголов 'promise' 'обещать' и 'undertake' 'брать обязательство', с одной стороны, и 'covenant' 'брать на себя обязательство по договору', 'contract' 'заключать договор, принимать на себя обязательство' и 'guarantee' 'гарантировать, обещать, ручаться', с другой, зависит от культурно специфического института принятия обязательств.

Более того, сейчас стало ясно, что было бы неправильно придавать чересчур большое значение перформативным глаголам. Действительно, они имели особый статус на первоначальном этапе развития теории Остина, когда он формулировал различия между констативными и перформативными высказываниями, вследствие того, что в то время его главной задачей было продемонстрировать описательную ошибку в традиционных теориях. С этой точки зрения такие предложения, как

(32) 'I promise to pay you £5' 'Я обещаю заплатить вам 5 фунтов'

представляли очевидно больший теоретический интерес, чем такие предложения, как

(33) 'I will pay you £5' 'Я заплачу вам 5 фунтов'.

В то же время в свете более позднего и более общего понятия иллокутивной силы, которое он разработал в своем итоговом труде «Как совершать действия словами», у нас нет никаких оснований ограни-

чивать наше внимание декларативными предложениями, содержащими перформативные глаголы.

Важно также отметить, что определение эксплицитного перформатива, которое я дал ранее в этой главе («такой перформатив, высказывание-инскрипция которого содержит выражение, которое обозначает или каким-либо иным образом эксплицирует вид совершаемого действия»), не содержит упоминания перформативных глаголов как таковых. Например, выражение 'by Heaven' 'ей-богу' может использоваться членами определенной группы говорящих по-английски для указания на то, что совершается акт клятвы, как равно эксплицитная альтернатива использованию глагола 'swear' 'клясться'. В этом случае в соответствующих обстоятельствах

(34) *By Heaven, I'll pay you £5* 'Ей-богу, я заплачу вам 5 фунтов'
будет рассматриваться как эксплицитный перформатив: 'by Heaven' делает эксплицитной, хотя и не обозначает, иллокутивную силу высказывания. Отсюда остается один шаг до признания возможности того, что говорящий может эксплицировать иллокутивную силу высказывания не использованием особого выражения, а использованием особой модальной частицы, особого грамматического наклонения или даже особой интонационной модели. Я вернусь к этому вопросу позже.

Таким образом, по самым разным причинам не видно особого смысла в разработке полных и предположительно универсальных схем анализа иллокутивной силы, основывающихся на наличии конкретного множества перформативных глаголов в конкретных языках. Возможно, даже еще меньше смысла в попытках создать универсальную и неизменную классификацию всех возможных речевых актов в терминах необходимых и достаточных условий, которым они должны удовлетворять для того, чтобы рассматриваться как входящие в тот или другой класс. Как было сказано, большинство речевых актов являются культурно специфическими в том отношении, что они зависят от юридических, религиозных или этических конвенций и установлений, институционализованных в данных обществах. Если это общество является таким обществом, как наше, с твердо установленными принципами решения в установленном законом порядке, является ли что-либо или нет, скажем, нарушением обязательства, то описать необходимые и достаточные условия, конституирующие речевые акты данного типа, может быть относительно легкой задачей. Однако мы обманываем сами себя, если полагаем, что все речевые акты регулируются таким образом в обществах, где они употребляются. Даже акт обещания, который кажется легко

определимым в терминах условий, регулирующих его употребление, оказывается проблематичным с этой точки зрения. Определенно невозможно принять без доказательств, что обещание, в том смысле, в котором мы понимаем глагол 'promise', является иллокутивным актом (то есть локутивным актом с определенной иллокутивной силой), который может быть выполнен во всех языках и во всех культурах. Тем не менее исходные предпосылки такого рода весьма обычны для более специальных работ в области теории речевых актов.

Хотя большинство речевых актов культурно специфично, имеются и такие речевые акты, которые очень часто и, возможно, справедливо рассматриваются как универсальные. К таким речевым актам относятся **утверждения** (statements, or assertions), **вопросы** и **директивы**. Было показано, что с философской точки зрения эти три класса иллокутивных актов являются не только универсальными, но также базовыми — в двух смыслах: во-первых, в том отношении, что не может быть такого человеческого общества, в котором эти акты не играли бы никакой роли, и во-вторых, в том, что многие, если не все культурно-специфические иллокутивные акты могут быть рассмотрены как относящиеся к более специализированным подклассам одного из этих трех базовых классов. Например, как я отметил ранее, клятва под присягой, что дело обстоит так-то и так-то, очевидно является культурно специфичным актом. Однако такая клятва является видом сильного утверждения, а утверждение, как было сказано, является базовым и универсальным актом.

Я не буду здесь углубляться в проблему отношений между базовыми и небазовыми речевыми актами. Однако я бы хотел подчеркнуть следующий момент: даже если предположительно базовые акты утверждений, вопросов и директивов являются универсальными, они тем не менее регулируются во всех обществах более или менее культурно-специфическими институтами, обычаями и верованиями. Одним из таких параметров, в которых наблюдаются наиболее заметные культурно обусловленные вариации, является вежливость. Во всех обществах невежливо говорить «вне очереди» (out of turn), то есть говорить тогда, когда социальная роль данного человека не дает ему права или привилегии говорить в данных обстоятельствах или же когда правила очередности реплик, действующие в данном обществе, не дают ему права говорить в данный момент. В некоторых обществах также невежливо вести себя слишком самоуверенно при осуществлении локутивных и иллокутивных актов, предполагающих превосходство в статусе говорящего. Например,

как невежливые могут рассматриваться в некоторых обстоятельствах прямое и безапелляционное утверждение или неприкрытый настоятельный приказ. Именно этим может быть объяснено в большей или меньшей степени конвенционализованное использование различных видов **косвенных речевых актов**, какое, например, имеет место в английском языке, в котором использование *Would you pass the sugar?* 'Вы не передадите сахар?', букв. 'Вы передадите сахар?' (происходящего из вопроса и обычно сопровождаемого вопросительным знаком на письме) предпочитается употреблению *Pass the sugar* 'Передайте сахар' (прямого приказа).

Вежливость, однако, является лишь одним из параметров культурных различий, которые определяют использование по предположению базовых речевых актов. Кроме того, хотя вежливость имеет определенное значение во всех культурах и при достаточно общей интерпретации может рассматриваться как универсальное явление, она не проявляется одинаковым образом во всех обществах. Поэтому следует быть осторожным и не предполагать, что обобщения, сделанные на материале одного общества, будут действительны для всех человеческих обществ. Это следует иметь в виду в последующем. Обсуждение и примеры той роли, которую играют вежливость и другие факторы в регулировании языкового поведения, можно найти в последних работах в области социолингвистики и прагматики.

8.4. Утверждения, вопросы и директивы

Мы предположили, что все языки располагают средствами для того, чтобы делать утверждения, задавать вопросы и «испускать» директивы (*issuing directives*), то есть производить высказывания, обладающие этими видами иллокутивной силы. Из этого, однако, не следует, что все языки грамматикализуют эти различия иллокутивной силы. Как мы видели в главе 6, вполне могут быть предложения, нейтральные в отношении типа предложения и наклонения: предложения, которые не являются декларативными или вопросительными, с одной стороны, и индикативными, субъонктивными или императивными, с другой.

Тем не менее, при произнесении таких предложений характер совершаемого иллокутивного акта может становиться вполне ясным. Это может быть ясно не только из контекста, в котором они выступают, но также из просодической структуры, которая накладывается на получающееся в результате высказывание-инскрипцию. Напри-

мер, если бы в английском языке не было вопросительных предложений, так что предложение

(35) 'The door is open' 'Дверь открыта'

было бы не декларативным, но нейтральным по своему типу, то было бы возможно произнести это предложение (*The door is open*), скажем, с нисходящим интонационным контуром для того, чтобы сделать утверждение, и с восходящим интонационным контуром для того, чтобы задать вопрос. Этот момент был отмечен ранее. Теперь можно его обобщить в терминах более подробного описания процесса высказывания предложений, которое дается в этой главе.

В то же время, как также было сказано выше, многие языки, включая английский, действительно грамматикализуют различия типов предложений и наклонений, с одной стороны, и того, что мы теперь называем иллокутивной силой, с другой. Какова природа этой связи? И чем отличаются друг от друга утверждения, вопросы и директивы с семантической точки зрения? Я дам на эти вопросы только частичный ответ и только с определенной точки зрения.

Сделать утверждение — значит выразить пропозицию и одновременно выразить определенное отношение к ней. Я буду называть это отношение, по причинам, которые станут яснее, когда мы рассмотрим понятие модальности, **эпистемическим обязательством** (epistemic commitment). (Термин 'эпистемический', который происходит от греческого слова со значением "знание", используется логиками для обозначения той ветви модальной логики, которая имеет дело со знанием и связанными с ним проблемами.) Любой, кто утверждает некоторую пропозицию, берет на себя обязательство быть «приверженным» ей, не в том смысле, что он должен на самом деле знать или полагать, что она истинна, но в том смысле, что его последующие утверждения — и всё, что может быть выведено из его сопровождающего высказывание этой пропозиции и последующего поведения, — должно согласовываться с мнением, что она истинна. Отсюда неприемлемость или парадоксальный характер предложения

(36) // *is raining but I don't believe it* 'Идет дождь, но я не верю в это'

(интерпретируемого как утверждение). Делая подобные утверждения, говорящий нарушает свое эпистемическое обязательство.

Когда говорящий задает нейтральный (то есть не связанный с эпистемическими предпочтениями) вопрос, он выражает пропозицию и одновременно выражает свое отношение к ней, состоящее в данном случае в том, что он не берет на себя обязательства, связанного с ее истинностным значением. Однако этим дело не ограничи-

вается. Как мы отметили в главе 6, *Is the door open? — that is the question that I refuse to ask* 'Открыта ли дверь? — это вопрос, который я отказываюсь задавать' является совершенно нормальным высказыванием. В этом случае вопрос **ставится**, но не задается. Следовательно, задать вопрос значит не просто выразить пропозициональное отношение неприятия эпистемического обязательства — то есть построить пропозицию как вопрос — но также в ходе этого показать адресату — просодически, паралингвистически или как-то иначе, — что говорящий желает, чтобы адресат разрешил состояние неопределенности, в котором находится говорящий, приписав истинностное значение данной пропозиции. Из этого следует, по этой и другим причинам, что вопросы по своей природе не являются подклассом директивов (как предлагали считать некоторые авторы).

Что же касается приказов, просьб и других видов директивов, то они отличаются от утверждений и обыкновенных (то есть нейтральных) вопросов тем, что они связаны с другого рода обязательством говорящего — **деонтическим обязательством** (deontic commitment). (Термин 'деонтический' происходит из греческого слова, связанного с возложением обязанностей. Как и термин 'эпистемический', он заимствован из модальной логики.) Произнося директив, говорящий связывает себя не с принятием истинности, или фактуальности, некоторой пропозиции, но с необходимостью некоторого действия. Излагая всё это в более традиционных терминах: произнося директив, говорящий выражает не свое убеждение, что дело обстоит так-то, но свою волю к тому, чтобы дело обстояло так-то.

Высказывая просьбу (которая отличается в этом отношении от приказов и команд), говорящий выражает свою волю, чтобы нечто было так-то, но он также эксплицитно показывает, что он допускает, что адресат может (имеет право) и не выполнить его просьбу. Просьбы в этом отношении подобны ненейтральным, так называемым наводящим, или подсказывающим, вопросам — таким вопросам, как

(37) *The door is open, isn't it?* 'Дверь открыта, не так ли?',

произнося которые говорящие выражают свое предположительное и предварительное отношение к истинностному значению пропозиции "The door is open" 'Дверь открыта', но одновременно предоставляют адресату право опровергнуть его предположение (см. 6.7). Другой способ выразить эту мысль — это сказать, что в подсказывающих вопросах и просьбах говорящий выражает свою приверженность к компонентам "это-есть-так" и "пусть-будет-так" соответствующих высказываний и предлагает адресату сделать то же самое.

Анализ утверждений, вопросов, приказов и просьб, представленный здесь в общих чертах, позволяет сделать вывод, что иллокутивная сила этих речевых актов может быть разложена в каждом случае на два компонента: компонент принятия обязательства (а component of commitment) ("Я говорю так") или непринятия его (non-commitment), с одной стороны, и то, что может быть охарактеризовано как **модальный** компонент фактуальности ("это так"), противопоставленный желательности ("пусть будет так"), с другой. Я использую здесь термин 'модальный' (вместо того, чтобы ввести более специальную терминологию) по двум причинам. Во-первых, различие между фактуальностью и различными видами нефактуальности относится к той области, которую логики традиционно называют модальностью, — я подготавливаю почву для анализа модальности, который будет дан позже, намеренно вводя термины 'эпистемический' и 'деонтический' (10.5). Во-вторых, такие различия обычно грамматикализуются в языках посредством категории **наклонения**. Важно понимать, однако, что наклонение в естественных языках может также грамматикализовать различные виды обязательства (commitment) или степени «приверженности» к нему.

Грамматическую категорию наклонения не следует смешивать с тем, что некоторые логики называют наклонением (mood) пропозиции, которое основывается на объективизации по своему существу субъективного компонента обязательства (commitment). Это только часть того, что охватывается грамматической категорией модальности, которая, как мы увидим в главе 10, всегда выражает субъективность. Если в языке есть наклонение, которое специализируется на выражении неконкретизированного общего эпистемического обязательства (commitment) говорящего, такое наклонение традиционно определяется как **изъявительное (индикативное)**. Аналогично, если язык имеет грамматическое наклонение, которое характеристически специализируется на наложении воли говорящего на других людей с целью производства директивов, такое наклонение традиционно определяется как **повелительное (императивное)**.

Как мы увидим в главе 10, существуют разнообразные способы, которыми говорящие могут конкретизировать и квалифицировать свои эпистемические или деонтические обязательства. Все естественные языки предоставляют говорящим на этих языках просодические и паралингвистические ресурсы, которые позволяют им делать это в речи. Некоторые, хотя далеко не все, естественные языки грамматикализуют различные виды и степени обязательств в категории наклонения, и некоторые другие языки лексикализуют или по-

луксикализуют эти различия посредством модальных наречий и частиц.

Все эти вопросы будут подняты позже в связи с понятием субъективности. Я коснулся их здесь только для того, чтобы показать, как достаточно традиционный взгляд на наклонение может быть переформулирован в понятиях теории речевых актов, созданной Остином и его последователями. Как мы показали в этой главе, Остин начал с выделения эксплицитных перформативов как довольно специфического класса высказываний, производя которые говорящий совершает действия, а не сообщает нечто посредством языка. Затем он пришел к пониманию того, что сказать что-то во всех случаях означает сделать нечто посредством языка и что все виды говорения — включая производство утверждений, вопросов и директивов — регулируются центральными понятиями полномочий (authority) и обязательства (commitment).

Сам Остин осознавал социальную базу этих понятий, несмотря на то, что он не входил в детали этого вопроса; в этом отношении он, хотя и не эксплицитно, смыкается, с одной стороны, с поздним Витгенштейном, а с другой, как мы увидим в следующей главе, с Грайсом. Он мог бы точно так же обратить внимание на личностный, или экспрессивный, характер понятий полномочий и обязательства. Это как раз то, что делается в традиционных грамматических описаниях наклонения, сформулированных в терминах оценки и воли говорящего. Здесь, как и везде, не только при использовании языка, но и в коммуникативном поведении в целом, экспрессивное сливается с социальным и в конечном итоге неотлично от него.

На самом деле, как доказывают некоторые философы, антропологи и социальные психологи, существует важное различие между отдельными личностями (persons) и индивидами (individuals), которое следует здесь иметь в виду, поскольку личности, а не индивиды должны рассматриваться при обсуждении проблем коммуникации. Утверждается, что личность (person, or the self) является социальным продуктом — продуктом социализации — и что социализация является таким процессом, абсолютно необходимой составляющей которого является усвоение и употребление данного конкретного языка в данной конкретной культуре. Мы вернемся к этому положению в связи с понятием субъективности (10.6).

В заключение необходимо сделать еще одно замечание. Теория речевых актов подчас защищается или критикуется так, как будто она является альтернативой условно-истинностной семантике. Из предшествующего изложения должно быть ясно, что эти теории, в прин-

ципе, дополнительные. Условно-истинностная семантика, в том виде, в каком она в настоящее время применяется к изучению естественных языков, является теорией пропозиционального содержания предложений; теория речевых актов — если мы соглашаемся с тем, что она является или стремится стать теорией, — имеет дело с иллокутивной силой высказываний. Среди лингвистов и философов было много споров по поводу того, был ли Остин прав или ошибался, утверждая, что такие высказывания, как *I promise to pay you £5* 'Я обещаю заплатить вам 5 фунтов', используемое для того, чтобы дать обещание, не являются ни истинными, ни ложными, но являются эффективными (или успешными) или неэффективными (неудачными). Я ничего не скажу об этом здесь, потому что, по моему мнению, не имеет значения, решим ли мы эту проблему тем или другим способом, и то, как мы ее решим, не столько зависит от фактов, сколько от теоретической и философской понятийной системы, внутри которой мы оперируем. Наиболее важным моментом, для наших целей, является то, что иллокутивная сила обычных дескриптивных утверждений, таких, как *// is raining* 'Идет дождь', не может быть удовлетворительно объяснена средствами условно-истинностной семантики. Остин в этом был заодно с Фреге. Я считаю это неопровержимым.

Глава 9

Текст и дискурс; контекст и со-текст

9.0. Введение

Мы приняли в качестве исходного положения, что значение высказывания решающим образом зависит от контекста. До сих пор, однако, я не пытался объяснить, что такое контекст и как он обуславливает значение высказываний и управляет нашим пониманием этих высказываний. Я также не говорил сколько-нибудь подробно об устном и письменном тексте; однако я показал в предшествующих главах, что речь следует отличать от письма (а продукты речи — от продуктов письма), несмотря на то, что в специальном метаязыке семантики, который мы выстраивали на протяжении всей этой книги, 'высказывание' и 'текст' прилагаются как к продуктам речи, так и к продуктам письма.

В этой главе предметом нашего анализа будет как текст (и дискурс), так и контекст (и со-текст). Как мы увидим, текст и контекст являются дополнительными явлениями и предполагают друг друга. Тексты — это составные части контекстов, в которых они производятся, а контексты создаются и постоянно трансформируются и пересоздаются посредством текстов, которые говорящие и пишущие производят в конкретных ситуациях. Совершенно ясно, что даже высказывания размером с предложение, наподобие тех, что мы рассматривали в предшествующей главе, интерпретируются на базе значительного объема контекстуальной информации, большая часть которой является имплицитной.

Мы начнем с эксплицитного указания на то, что термин 'предложение' обычно используется лингвистами (и нелингвистами) в двух значениях, одно из которых, говоря нестрого, более абстрактно, чем другое. Более абстрактное значение имеется в виду, когда лингвисты говорят, что грамматика порождает предложения языка, или когда исследователи семантики проводят различие, как это делаю я,

между значением предложения и значением высказывания. Сравнительно мало лингвистов используют специальные термины 'системное предложение' и 'текстовое предложение', которые я объясню ниже. В то же время большинство из тех, кто проводит различие между значением предложения и значением высказывания, на самом деле признает важность разграничения между более абстрактным и более конкретным значением термина 'предложение'. Они также хорошо понимают, что отношение между этими двумя значениями должно быть представлено эксплицитно на основе удовлетворительного теоретического описания роли контекста в производстве и интерпретации высказываний. Как мы увидим ниже, лингвисты, которые пытаются разработать такое теоретическое описание (независимо от того, относят ли они сами область своих занятий к семантике или к прагматике), активно используют предложенное Полом Грайсом понятие **импликатуры**.

9.1. Текстовые предложения

Для того чтобы более осмысленно говорить об отношении между текстом и контекстом, мы должны сначала снова взглянуть на статус предложений.

В предыдущей главе было указано, что многие из наших обычных предложений грамматически неполны или эллиптические. Некоторые из них представляют готовые выражения с фиксированной формой: *Good heavens!* 'О Боже!', *Least said, soonest mended*, букв. 'Меньше всего сказано, быстрее всего исправлено' (= 'Чем меньше сказать, тем меньше будет вреда') и т. д. Я больше ничего не буду говорить о таких предложениях. Я упомянул их только для того, чтобы показать, что во всех языках существуют подобные выражения, количественно ограниченные и характеризующиеся в некоторых случаях более или менее фиксированной грамматической структурой, форма и значение которых не могут быть объяснены с синхронической точки зрения в терминах производства предложений. Разумеется, они должны получить объяснение в рамках описания грамматической и семантической структуры отдельных языков. Однако они не представляют проблем, отличных от тех, которые возникают при анализе бесконечного множества потенциальных высказываний-инскрипций, каждое из которых может, в принципе, быть результатом произнесения предложений. Только ограниченное и относительно небольшое подмножество этого бесконечного множества актуализуется когда-либо в каждо-

дневном употреблении языка. Однако, на чем справедливо настаивали в последние годы генеративные грамматисты, лингвистическая теория не может быть ограничена анализом конечного множества актуальных высказываний-инскрипций, как бы велико и репрезентативно относительно (продуктов использования) языка оно ни было. Выдвинув это положение (которое обычно принимается исследователями формальной семантики, вне зависимости от того, разделяют ли они принципы генеративной грамматики в том виде, в котором они сейчас формулируются в лингвистике), генеративные грамматисты всего-навсего по-другому сформулировали то, что на протяжении столетий принималось как само собой разумеющееся теоретиками и практическими специалистами в области традиционной грамматики. Новым и вдохновляющим моментом в генеративной грамматике (а также формальной семантике) была попытка реализовать в полной мере принцип композициональности при объяснении грамматической структуры (и значения) предложений естественных языков. При этом, однако, в генеративной грамматике (и формальной семантике), как и в традиционной грамматике, наблюдается много путаницы и недоразумений по вопросу отношения между предложениями и высказываниями. Моей первой задачей в этой главе — внести ясность в этот вопрос. Предметом нашего рассмотрения здесь будет главным образом бесконечное множество потенциальных высказываний-инскрипций.

Как ни парадоксально это может показаться, продуктом произнесения предложения не обязательно является предложение. Кажущийся парадокс немедленно исчезает, как только мы разграничиваем более абстрактное и более конкретное значения термина 'предложение'. Предложения в более абстрактном смысле — это теоретические конструкции, постулируемые лингвистами для того, чтобы объяснить несомненную грамматичность одних потенциальных высказываний и неграмматичность других. Возможно, они играют какую-то психологическую роль при производстве и интерпретации высказываний (высказываний-инскрипций), однако они определенно не выступают в виде «записанных», зафиксированных продуктов высказываний. Я буду обозначать предложения в этом более абстрактном значении термином **системные предложения**; предложения в этом смысле порождаются грамматическими правилами в генеративной грамматической модели некоторой **языковой системы** (оперирующих на слове, или лексиконе, являющемся частью той же самой языковой системы). Однако термин предложение используется как в традиционной, так и современной лингвистике (так же как в повседневном неспециальном дискурсе) и в более конкретном смысле.

Итак, введем теперь термин **текстовое предложение** для предложения в этом более конкретном значении — значении, в котором предложения являются подклассом высказываний-инскрипций и, как таковые, могут выступать (по крайней мере, в некоторых языках) как целый текст или сегмент текста. Это позволит нам сказать, что произнесение конкретного системного предложения, такого, как

(1) 'I have not seen Mary' 'Я не видел Мэри',

будет иметь своим результатом в некоторых контекстах производство текстового предложения, такого, как

(2) / *have not seen Mary*

(с возможным сокращением *have not* до *haven't* и некоторой контекстуально подходящей просодической структурой). Это может выглядеть как умножение без необходимости теоретических сущностей. Однако в этом есть весьма существенные плюсы.

Я уже сказал, что высказывание предложения не обязательно является предложением. Это легко показать с помощью высказывания 'I have not seen Mary'. Предположим, что мы имеем следующий текст, в письменной или устной форме:

(3) *Have you seen Mary? I haven't. Peter hasn't either. She is never here when she should be.* 'Ты видел(а) Мэри? Я нет. Питер тоже. Ее никогда здесь нет, когда она должна быть'.

Он содержит четыре сегмента, или **единицы текста**, из которых только первый и (возможно) четвертый могут быть описаны как полные предложения. Второй и третий сегменты представляют собой то, что традиционно расценивается как эллиптические **фрагменты предложений**. Тем не менее в данном контексте / *haven't* точно такой же продукт произнесения системного предложения (1), как в других контекстах (2). (Это может быть продемонстрировано эмпирически, если мы попросим информантов превратить / *haven't* в полное предложение, как это делают ученики на уроках традиционной грамматики в школе по заданию своих учителей.) И их пропозициональное содержание не может быть установлено до тех пор, пока мы не сможем установить, какое предложение было произнесено в процессе исполнения локутивного акта, продуктом которого в данном контексте является / *haven't*. То же самое относится, разумеется, и к *Peter hasn't either* в его отношении к 'Peter has not seen Mary' 'Питер не видел Мэри' (и, возможно, также к *She is never here when she should be* в его отношении к 'Mary is never here when she should be here' 'Мэри никогда здесь нет, когда она должна быть здесь'.

Важно понимать, что хотя я и ввел некоторые специальные термины для того, чтобы провести необходимые теоретические различия, сами эти различия достаточно ясно представлены в нашем повседневном опыте использования языка. Мы без труда определяем, что / *haven't* имеет пропозициональное содержание 'I have not seen Mary' 'Я не видел Мэри' в одном контексте, 'I have not been to Switzerland' 'Я не был в Швейцарии' в другом и 'I have not got any money' 'У меня нет денег' в третьем, и т. д. Фактически, вне контекста / *haven't* имеет бесконечно много значений. В контексте / *haven't* теряет неоднозначность только постольку, поскольку возможно сказать, какое из бесконечного множества предложений английского языка (имеющих подходящую грамматическую структуру) было сказано.

Я буду продолжать употреблять термин 'предложение' в обоих значениях, использую нотационное различие между одиночными кавычками и курсивом для того, чтобы показать, какой вид единиц я имею в виду. Большинство лингвистов, как я сказал, не проводят четкого концептуального различия между предложениями языка и предложениями в тексте, что приводит к большой путанице и недопониманиям при обсуждении отношений между грамматиками, порождающими предложения, и производством (и интерпретацией) текстов. Можно утверждать, что это также в значительной мере обесценивает многие результаты, достигнутые в лингвистике текста, с точки зрения генеративной грамматики. Это очевидно из следующего. Смысл, в котором тексты порождаются (то есть производятся) в конкретных ситуациях, отличается от смысла, в котором предложения (системные предложения) порождаются как абстрактные математические объекты правилами генеративной грамматики.

9.2. Что такое (отдельный) текст (a text)? И что такое текст (вообще) (text)?

Рассмотренные с точки зрения семантики (и прагматики), текст и контекст дополняют друг друга. Но что такое (некоторый отдельный) текст и что такое текст вообще? Как мы увидим, это два различных (но связанных) вопроса. Начнем с первого: что такое текст?

Один из часто даваемых ответов состоит в том, что текст — это последовательность предложений. В таком виде этот ответ очевидно неудовлетворителен — если 'предложение' означает, как и должно

быть в этом контексте, "текстовое предложение". Действительно, есть тексты которые соответствуют этому определению, прежде всего это тексты более формального характера. Однако огромное большинство повседневных разговорных текстов представляют собой смесь предложений, фрагментов предложений и готовых устойчивых выражений. Однако этот недостаток данного определения текста — только одна сторона гораздо более серьезного дефекта — того, что оно не эксплицирует тот факт, что единицы, из которых состоит текст, являются ли они предложениями или нет, не просто выстроены в последовательность, но должны быть соединены некоторым контекстуально подходящим образом. Текст как целое должен обладать имеющими нечто общее и в то же время различающимися характеристиками **связанности** (наличия **когезии**) и **связности** (**когерентности**).

В некотором приближении, различие между связанностью (когезией) и связностью (когерентностью) соотносится с различием между формой и содержанием, и такого рода различие, в каких бы конкретных формах и терминах оно ни проводилось конкретными лингвистическими школами, является интуитивно привлекательным и теоретически оправданным. Вернемся к нашему примеру текста, (3): то, что продукт высказывания 'I have not seen Mary' должен иметь форму / *haven't*, а не / *have not seen Mary*, является результатом когезии. То же самое относится к использованию *either* 'тоже, также' в *Peter hasn't either* и местоимения 'she' 'она', а не 'Mary' в *She is never here when she should be*. Связанность разрушается, если первые три единицы данного текста расположить в другом порядке, например:

- (4) *Peter hasn't either. I haven't. Have you seen Mary?* 'Питер тоже. Я нет. Ты видел(а) Мэри?'

она также разрушается, если заметить каждую из текстовых единиц соотносительным полным предложением:

- (5) *Have you seen Mary? I haven't seen Mary. Peter hasn't seen Mary (either). Mary is never here when she should be here.* 'Ты видел(а) Мэри? Я не видел Мэри. Питер тоже не видел Мэри. Мэри никогда здесь нет, когда она должна быть здесь.'

Очевидно, что (5) не характеризуется тем же видом **связанности**, которую имеет (3). По этой причине менее легко, хотя и не невозможно, понять эту последовательность как текст, а не как ряд не связанных (или разъединенных) высказываний. Эллипсис и использование местоимений, так же как использование специальных соединительных частиц и союзов (*therefore* 'следовательно', *so* 'поэтому')

и т. д.), обычно служат для того, чтобы создать и поддерживать тот вид связанности, который обозначается термином 'когезия'. Языки существенно различаются в отношении того, насколько они разрешают или обязывают говорящих соединять текстовые единицы в последовательность посредством эксплицитных показателей связи.

Другой вид связи — **связность (когерентность)** — имеет дело не с формой, а с содержанием. При отсутствии какого-либо контекстуального указания на противоположное, то, что говорится в какой-либо текстовой единице, принимается по умолчанию как **релевантное** по отношению к тому, что было сказано в непосредственно предшествующих единицах текста. Например, в (3) пропозиционное содержание четвертой текстовой единицы

(6) *She is never here when she should be*

в норме понимается как имеющее отношение к содержанию трех предшествующих единиц. В частности, *she* 'она' будет понято как обозначающее 'Магу' (вследствие той разновидности когезии, которая называется **анафорой**), а то общее утверждение, которое говорящий делает о Мэри, будет понято как комментарий по поводу ее отсутствия в данное время, а не как выражение некоторой совершенно независимо протекающей мысли. Аналогично, если мы слышим или читаем следующую последовательность двух текстовых предложений

(7) *The whole family went to town last Saturday. Veronica bought a dress, while John kept the children occupied in the toy-shop* 'В прошлую субботу вся семья поехала в город. Вероника купила платье, в то время как Джон был с детьми в магазине игрушек',

то мы в норме понимаем ситуацию так, что Вероника — один из членов семьи и предположительно мать, что она купила платье в городе и что магазин игрушек был тоже в городе. Ни одна из этих пропозиций не выражена эксплицитно, не говоря уже о том, чтобы утверждаться, и любая из них в специфических контекстах может противоречить другим пропозициям, являющимся частью фоновых мнений и предположений говорящего и слушающего. Мы вернемся к вопросу связанности и релевантности в этой главе позже. Пока же подчеркнем три важных момента.

Во-первых, как мы уже отметили, вопрос «Что такое (отдельный, некоторый) текст?» отличается от более общего вопроса «Что такое текст (вообще)?». То, что обычно называется текстом, письменным или устным, целенаправленно построено автором как дискретное целое с четко выраженными началом и концом. Такие тексты, подобно (3) и (7), могут быть более или менее легко разделены

на текстовые единицы, некоторые из которых (хотя и не все) могут быть классифицированы как (текстовые) предложения. Кроме того, более длинные тексты, такие, как романы или пьесы, могут обычно быть иерархически разделены на более крупные и более мелкие целостные единицы (главы и абзацы, или акты, сцены и речи действующих лиц), каждая из которых характеризуется внутренней связью и связностью и может быть разложена на меньшие последовательно упорядоченные единицы: главы на предложения или абзацы, абзацы на последовательности (текстовых) предложений, и т. д. Большинство текстов, которые мы производим в нашем каждодневном использовании языка, не организованы таким образом.

Второй момент, который следует здесь отметить, это то, что в том смысле, как я использую термин 'текст', отдельные текстовые предложения, фрагменты предложений и устойчивые выражения все рассматриваются как единицы текста по отношению к контексту высказывания, независимо от того, вставлены ли они в большие отрезки текста или нет.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что описание речевых актов, представленное мной в предшествующей главе, построено так, чтобы в принципе охватить все аспекты производства текста. Исследователи речевых актов рассматривали главным образом производство текстовых предложений (не разграничивая в то же время, как это делаю я, текстовые и системные предложения). Однако высказывание предложения на практике всегда связано с его контекстуализацией — процессом, делающим продукт высказывания связанным и согласованным с его контекстом. Как я сказал ранее, текст и контекст взаимно дополнительные. Что же тогда такое контекст? И как он связан со значением высказывания? Мы начнем с обсуждения отношения между контекстом и значением высказывания.

9.3. Значение высказывания и контекст

Контекст определяет значение высказывания на трех различных уровнях анализа текста или дискурса. Во-первых, он обычно, если не всегда, делает ясным, какое предложение произнесено, — если предложение действительно было произнесено. Во-вторых, он обычно делает ясным, какая пропозиция была при этом выражена, — если пропозиция была выражена. В-третьих, он обычно делает ясным, что данная пропозиция была выражена с одним или другим видом иллюкутивной силы. Во всех этих трех отношениях контекст

имеет значение для определения того, что сказано, в тех нескольких смыслах глагола 'сказать', которые были выделены в предшествующей главе.

Однако значение высказывания выходит за пределы того, что актуально сказано: оно также включает то, что имплицитно (или предполагается). И эта часть значения высказываний в огромной мере определяется контекстом. В данном разделе мы ограничим наше внимание тем, что сказано — локутивными и иллокутивными аспектами значения высказывания. Первоначально мы будем опираться на наше интуитивное обыденное понятие контекста. То, что контекст может говорить нам, какое предложение было сказано, очевидно вытекает из нашего обсуждения локутивных актов. Как мы видели, экземпляры одного и того же типа высказываний могут быть результатом произнесения в различных ситуациях различных предложений. В таких случаях само высказывание-инскрипция может быть грамматически или/и лексически неоднозначно. Например, (8) *They passed the port at midnight* 'Они прошли порт/передали портвейн в полночь'

лексически неоднозначно. Однако обычно из контекста ясно, какой из двух омонимов, 'port₁' "порт, гавань" или 'port₂' "сорт крепленого вина, портвейн", используется в данном случае, а также какое значение многозначного глагола 'pass' имеется в виду. Полисемия, в отличие от омонимии, не дает нам оснований для разграничения разных предложений (согласно традиционному взгляду на предложения). Однако она тем не менее может быть источником лексической неоднозначности. В сочетании с 'porta' наиболее выделенным значением глагола 'pass' в большинстве контекстов, несомненно, является значение "передавать от одного к другому". Однако ясно, что в соответствующем контексте 'pass', означающее "проходить", может сочетаться с 'port₂' так же свободно, как с 'port₁'.

Мы не знаем, какое пропозициональное содержание выражается, пока мы не знаем, какое предложение произносится. Кроме того, если предложение содержит одно или более многозначных выражений, мы не знаем, в каком значении они употребляются. Контекст, следовательно, является фактором, который определяет пропозициональное содержание конкретных экземпляров высказывания-инскрипции в различных случаях его произнесения. Обычно наши операции с контекстуальной информацией при интерпретации повседневных высказываний не осознаются. Большинство неоднозначностей, как лексических, так и грамматических, поэтому проходят незамеченными. Например, фраза 'the vintage port' 'марочный, вы-

держанный портвейн' обычно понимается как относящаяся к вину, а 'the busy port' 'загруженный порт' — к порту. Однако время от времени мы осознаем такую неоднозначность, вследствие того, что наши контекстуальные мнения и предположения отличаются от мнений и предположений наших собеседников. В таких случаях мы можем, колеблясь между разными интерпретациями, так и не понять, что они имеют в виду, либо понять их неправильно. Вторая из этих возможностей часто используется юмористами и комиками, которые намеренно строят контекст таким образом, чтобы их аудитория неосознанно приписала некоторому высказыванию-инскрипции одну интерпретацию, и затем в неожиданной концовке вдруг открывают ей, что они пошли по неверному пути.

В некоторых случаях нет необходимости создавать с этой целью специальный контекст. Внеконтекстная выделенность того, что затем оказывается ложной интерпретацией, может оказаться достаточной. Возьмем довольно избитый пример: если за

(9) *Three strong girls went for a tramp* 'Три сильные девушки отправились в долгий и утомительный поход/напали на бродягу'

последует, после короткой паузы,

(10) *The tramp died* 'Бродяга умер'

комик, вероятнее всего, достигнет желаемого эффекта просто вследствие внеконтекстной выделенности того из значений 'go for a tramp' ('отправиться в долгий и утомительный поход'), в котором оно оказывается в одном ряду с 'go for a walk' 'отправиться на прогулку', 'go for a ride' 'отправиться в поездку', 'go for a swim' 'пойти купаться' и т. д.

Как контекстуально обусловленная, так и внеконтекстная выделенность, разумеется, используется и в более серьезных целях в литературе, когда текст строится таким образом, чтобы читатели имели в уме две или более интерпретации одновременно и колебались между ними или объединили их каким-то образом с тем, чтобы получить более богатую сложную интерпретацию. Неоднозначность обычно трактуется философами и лингвистами как какое-то ненормальное явление, стоящее на пути ясности и точности. Это чрезвычайно предвзятый и односторонний взгляд на проблему. Он не только часто, и ошибочно, связывается со взглядом, что все предложения имеют точное и ясное значение, он также основывается на столь же ошибочной предпосылке, что ясность и отсутствие размытости и двусмысленности всегда желательны, независимо от жанра, стиля и контекста. Ничего из того, что говорится о неоднозначности в этой главе и в данной

книге в целом, не предполагает, что неоднозначность — это то, что избегается или чего следует избегать во всех контекстах.

Обратимся теперь ко второму уровню, на котором контекст определяет значение высказывания, а именно, к тому, что контекст проясняет не только то, какое предложение произнесено (и, в случае многозначных предложений, в каком значении), но также то, какая пропозиция выражена. В Части 3 я провел различие между 'пропозицией' и 'пропозициональным содержанием' и соотносительное различие между 'референцией' и 'референциальным диапазоном' (или 'референциальным потенциалом'). Я указал, что в то время как пропозициональное содержание предложения и референциальный диапазон входящих в него выражений могут быть установлены без обращения к контексту высказывания, установить, какая пропозиция выражается, в общем случае невозможно без знания контекста, в котором произносится предложение. Теперь мы можем связать это положение с непосредственно предшествующим обсуждением текста и контекста.

Как мы видели, посредством понятия контекстуализации */haven't* может быть поставлено в соответствие с одним из бесконечного множества предложений. В нашем тексте-примере (3) оно может быть определено как продукт высказывания предложения 'I have not seen Mary', содержащего два референтных (то есть потенциально обозначающих) выражения: 'I' ('Я') и 'Mary' ('Мэри'). Что они обозначают? Очевидно, что нет возможности узнать это вне контекста. Если мы примем некоторые предпосылки, касающиеся производства текста, мы можем сказать, что говорящий или пишущий — обобщенно, локутивный агент — обозначает себя посредством 'I' и некоторое третье лицо (то есть лицо, иное, чем он сам или она сама и его или ее адресат) посредством 'Mary'. Стоит отметить, однако, что даже в этом мы не можем быть уверены просто на основании нашего знания английского языка. В некоторых обстоятельствах говорящий может отсылать не к себе, а кому-то другому посредством 'I' (особенно когда он выступает в качестве переводчика), и есть обстоятельства, в которых можно обозначать адресата именем, так что 'Mary' могло бы в принципе использоваться и для обозначения адресата. В любом случае, даже принимая как данное, что локутивный агент обозначает себя посредством 'I' и кого-то другого посредством 'Mary' (и что выражается некоторая пропозиция), мы не можем сказать, какая пропозиция выражается и оценить ее истинность или ложность без знания того, кто является локутивным агентом и кто такая Мэри.

Нам также необходимо знать, когда было произведено высказывание. Тот факт, что локутивный агент использует форму перфекта настоящего времени *haven't (seen)*, а не *didn't (see)*, *hadn't (seen)*, *don't see* (или *can't (see)*), релевантно для истинностного значения пропозиции, которую он выражает. (Заметим также, между прочим, что в большинстве контекстов имеется молчаливо предполагаемая референция к периоду времени, относительно которого предикативное выражение 'have seen' является или не является истинным. Например, говорящий мог видеть Мэри в предшествующий день или даже незадолго до момента речи, и тем не менее сделанное им утверждение / *haven't* 'Я не видел' может расцениваться как истинное.) В других случаях для того, чтобы установить, какая пропозиция была выражена, нам необходимо знать не только время, но также место высказывания. Такова, например, ситуация с четвертой текстовой единицей в (3), которая, в отличие от второй и третьей, является текстовым предложением, а не эллиптическим фрагментом предложения:

(11) *She is never here when she should be.*

'Here' 'здесь' в норме обозначает место, где происходит высказывание, так что пропозиция "Mary is here" "Мэри здесь" может быть истинной относительно одного места в некоторые моменты времени и ложной относительно этого места в другие моменты. Вопросы этого рода будут предметом нашего внимания в главе 10. Сейчас же мы просто отметим, что подавляющее большинство высказываний-инскрипций в большинстве языков являются имплицитно или эксплицитно **индексальными** или **деистическими**, и поэтому выражают разные пропозиции в разных контекстах. Этот момент был уже отмечен в главе 7 в связи с анализом трактовки значения предложения в формальной (лингвистической) семантике.

Мы подошли, наконец, к контекстуальному определению иллокутивной силы. Как мы видели в предшествующей главе, одно и то же предложение может быть произнесено в разных случаях с разными видами иллокутивной силы. Например,

(12) 'I will give you £5' 'Я дам вам 5 фунтов'

может быть высказано как обещание или как предсказание. Аналогично,

(13) 'Sit down' 'Сядьте/Садитесь'

может быть высказано в своем наиболее характерном употреблении как просьба или приказ; оно может также использоваться для того, чтобы дать адресату разрешение сесть. Часто, но не всегда, просоди-

ческий контур (то есть ударение и интонация) указывают адресату, какую иллокутивную силу имеет высказывание. Однако независимо от того, указывается ли это просодически или нет (в случае устных высказываний), обычно в контексте ясно, какой иллокутивный акт выполнен. Так, обычно ясно, имеет ли говорящий право приказывать адресату сесть или дать ему разрешение сделать это.

На самом деле многое в нашей повседневной языковой деятельности так тесно связано с другими видами социального поведения и деятельности, что появление высказывания с определенной иллокутивной силой часто предсказуемо исходя из характера социальной ситуации, в которой оно выступает. Например, мы обычно не садимся в чьем-либо доме или офисе без предложения сделать это. С другой стороны, в большинстве ситуаций — посещение с визитом новых соседей, встреча с управляющим банком по поводу превышения своего кредита и т. д. — для нас и наших собеседников очевидно, что на определенном этапе разговора такое предложение должно быть сделано. Поэтому у адресата нет необходимости вычислять иллокутивную силу высказывания *Sit down* исходя из базовых принципов, значения предложения 'Sit down' и оценки мотивов говорящего сказать то, что он сказал. Сама ситуация предрасполагает адресата ожидать этого самого высказывания-инскрипции или другого с такой же иллокутивной силой (*Won't you sit down?* 'Вы не сядете?', *Why don't you take a seat?* 'Почему бы вам не сесть?' и т. д.). Можно полагать, что употребление большей части так называемых косвенных речевых актов, упомянутых в предшествующей главе, может быть объяснено таким образом. По крайней мере, не может быть сомнений в том, что во многих случаях иллокутивная сила высказывания в сильнейшей степени определяется контекстом, в котором оно выступает.

Итак, контекст определяет значение высказывания на трех различных уровнях анализа текста. Пока я еще не сказал, что такое контекст и как он может быть представлен в теории. Тем не менее из того, что было сказано в этом разделе, следует, что контекст высказывания включает не только релевантный **со-текст** (то есть окружающий текст), но также релевантные признаки ситуации высказывания. Как мы увидим позже, то, что иногда называется **контекстом ситуации**, может и должно быть определено таким образом, чтобы включить все признаки со-текста, имеющие отношение к вопросам связанности, связности и релевантности.

9.4. Импликация и конвенциональные импликатуры

Глагол 'imply' 'подразумевать, намекать, имплицировать' в одном из своих значений, относящихся к повседневному употреблению языка, описывает ситуацию, в которой мы, произнося одно, на самом деле подразумеваем нечто иное. Например, мы можем высказать свое мнение о характере человека, сказав

(14) *He'd share his last crust of bread with you* 'Он готов поделиться своей последней коркой хлеба'.

Очевидно, что мы не сказали буквально, что этот человек добр и великодушен. Однако будет вполне разумно сказать, что мы подразумевали это. Из этого видно, что необходимо различать то, что было актуально сказано, или выражено, в высказывании-инскрипции, и то, что было передано либо тем, что было сказано, либо тем фактом, что было сказано то, что было сказано.

Значительная часть информации, которая **передается** говорящим адресату в повседневной речи, не утверждается, а имплицировается (подразумевается). Разумеется, в некоторых случаях неясно, намеревался ли говорящий побудить адресата сделать определенный вывод или нет. И это создает почву для недоразумений и недопонимания, с одной стороны, и для тонких манипуляций мнением адресата, с другой. Однако в типичной ситуации не только адресат делает те выводы, которые были запланированы говорящим, но и сам говорящий, если его спросить, также согласится с этими выводами. Я полагаю, что это именно так в случае (14). Достаточно легко, однако, придумать ситуацию, в которой слушающий не сделает вывод, что вышеупомянутый человек добр и великодушен. Так же легко вообразить обстоятельства, в которых говорящий неискренен и пытается побудить адресата сделать выводы, которые он сам не разделяет.

В последние годы сначала в философию языка и затем в лингвистику было введено понятие **импликатуры**, призванное помочь хотя бы частично преодолеть разрыв между стандартными логическими понятиями импликации и следования, с которыми оперирует формальная семантика, и более широким обыденным понятием подразумевания. Согласно идеям Пола Грайса, высказанным им в его лекциях в рамках ежегодного курса лекций в честь Уильяма Джемса в 1967—1968 учебном году (см. Grice 1975, 1989), есть два вида импликатур — **конвенциональные** и **коммуникативные (conversational)**. Различие между ними заключается в том, что первые зависят от того, что не относится к сфере условий истинности в конвенциональном употреб-

лении, или значении, конкретных форм и выражений, тогда как вторые порождаются рядом более общих принципов, которые регулируют правильное коммуникативное поведение. Коммуникативные импликатуры будут рассмотрены в следующем разделе.

Как утверждается, в терминах понятия конвенциональных импликатур может быть объяснено различие между формами *but* 'но' и *and* 'и' в английском языке. Те, кто разделяет этот взгляд, включая самого Грайса, скажут, что следующие два предложения имеют одно и то же пропозициональное содержание:

(15) 'He is poor and he is honest' 'Он беден, и он честен',

(16) 'He is poor but he is honest' 'Он беден, но он честен'.

Если они при этом приравнивают значение предложения к его пропозициональному содержанию, то они скажут, что эти два предложения имеют одно и то же значение. С этим, вероятно, не согласится большинство говорящих на английском языке, использующих обыденное понятие значения. Сторонникам условно-истинностной семантики, если они принимают понятие коммуникативной импликатуры, есть чем ответить на это: они могут приписать кажущееся различие в значении конвенциональной импликатуре, связанной с формой *but*. Они могут сказать, что использование *but*, в отличие от *and*, сигнализирует о том, что говорящий ощущает, что соединяемые пропозиции как-то противопоставлены. Например, если эти два предложения используются для того, чтобы сделать утверждение, и *he* 'он' относится к одному и тому же человеку в обеих частях сложносочиненного предложения, говорящий, произнося (16), может имплицировать (*implicate*) (хотя и не утверждать), что это необычно быть одновременно бедным и честным. Однако является ли на самом деле импликация, или импликатура, столь определенной? Нет способа установить без контекста, какую именно из нескольких пропозиций имплицировать говорящий. Он может выражать (намеренно или непроизвольно) свое удивление не тем, что кто-либо вообще является бедным и честным, но тем, что бедным и честным является мужчина, или тем, что кто-либо в тех конкретных обстоятельствах, в которых находится этот человек, является бедным и честным, или тем, что этот человек в любых обстоятельствах является бедным и честным. На самом деле он может даже вообще выражать не свое удивление, но только ожидание, что его собеседник будет удивлен. Фактически имеется целая область других возможностей, большинство из которых может быть приблизительно подведено под понятие противопоставления. Однако в большинстве случаев чрезвычайно

трудно точно сказать, что имплицуруется использованием *but*, а без подробного рассмотрения актуального контекста высказывания сделать это вообще невозможно.

Те, кто обсуждают понятие имплицатуры, обычно принимают как данное, что различие между *and* и *but* не может быть частью пропозиционального содержания сложных предложений, в которых они выступают (мы также молчаливо придерживались этого взгляда в разделе 6.3). Однако в некоторых обстоятельствах говорящие могут использовать *but* и *and* контрастивно в сфере действия глагола 'say' 'сказать / говорить' и даже прилагательного 'true' 'истинный'. Это может происходить, например, в контексте спора, когда один из его участников утверждает, что его оппонент передергивает его слова:

(17) *I did not say that he was poor but honest, I said that he was poor and honest. And that's a very different thing. Personally, I don't find it surprising that anyone should be both. Let us recapitulate then. It is true that he is poor and honest; it is not true — in my view at least — that he is poor but honest. We both subscribe to the truth of the proposition that he is poor and he is honest. We appear to disagree as to the truth of the proposition that he is poor but he is honest.*

'Я не сказал, что он бедный, но честный, я сказал, что он бедный и честный. И это совсем разные вещи. Лично я не нахожу удивительным, что кто-либо является одновременно бедным и честным. Давайте еще раз сформулируем главное. Это правда, что он бедный и честный, это неправда — по крайней мере, по моему мнению — что он бедный, но честный. Мы оба согласны с суждением (пропозицией), что он бедный и он честный. Мы расходимся относительно истинности суждения (пропозиции), что он бедный, но он честный'.

Я намеренно построил этот отрывок таким образом, чтобы он начинался с повседневного употребления глагола 'say' и заканчивался бы явно специальным употреблением термина 'proposition' 'пропозиция, суждение'. Я думаю, мало кто может сомневаться в том, что более естественно употреблять *but* и *and* контрастивно в сфере действия глагола 'say', чем в сфере действия существительного 'proposition'. Тем не менее весь этот пассаж в целом, если не с философской и логической, то, по крайней мере, с лингвистической точки зрения вполне правилен, а его оценка как правильного или неправильного с философской или логической точки зрения, разумеется, зависит от принятия тех или иных дополнительных исходных положений.

Нетрудно также найти или сконструировать аналогичные примеры, в которых сложносочиненные предложения, содержащие *but*,

использовались бы после глагола 'say' в значении 'assert' 'утверждать' (в логическом смысле глагола 'assert'). Это не является доказательством того, что вклад *but* в пропозициональное содержание таких предложений отличается от вклада *and*. Однако это показывает, что различие между тем, что говорится, и тем, что конвенционально имплицуется, не всегда ясно прослеживается в повседневном употреблении 'say'. Что более важно, это также показывает, что лексические и грамматические ресурсы конкретного языка могут быть **приспособлены** и **использованы** для того, чтобы представить в виде пропозиций то, что по своей природе не является пропозициональным. Этот момент имеет огромное значение. Мы вернемся к нему и представим другие примеры в главе 10 в связи с анализом модальности и субъективности.

Сам Грайс в своих лекциях 1967—1968 г. привел еще только один пример конвенциональной импликатуры — использование слова 'therefore' 'следовательно, поэтому'. Однако, если мы более внимательно, не просто с целью нахождения примеров для теоретической аргументации, как это делал Грайс, посмотрим на всю область употребления языка в целом, мы чрезвычайно расширим список тех форм, которые соответствуют его критериям для определения конвенциональных импликатур. Многие союзы и коннекторы, которые, соединяя текстовые единицы, делают текст связным, подпадают под это определение, например *however* 'однако', *moreover* 'кроме того, более того', *nevertheless* и *yet* 'тем не менее' и т. д. То же самое относится и к таким модальным частицам, как *even*, *well* и *just* в тех употреблениях, которые они имеют в следующих высказываниях:

(18) *Even Horace likes caviare* 'Даже Горацио любит икру',

(19) *You may well be right* 'Очень может быть, что вы правы',

(20) *It was just one of those things* 'Это была только одна из этих вещей'.

В английском языке, как и во французском, относительно немного модальных частиц в сравнении с русским, немецким и многими другими языками. Однако, как показывают примеры (18) — (20), тем не менее они есть. Их значимость и их конвенциональность наглядно демонстрирует тот факт, что они могут быть неправильно переведены, при этом неправильный перевод возможен даже тогда, когда точный перевод невозможен.

Второй момент, который нужно отметить, это то, что, как представляется, нет оснований ограничивать применение понятия конвенциональной импликатуры только союзами (коннекторами) и частицами. Как мы видели в Части 2, многие полнозначные лексические вы-

ражения являются дескриптивными синонимами, но отличаются в отношении социального и экспрессивного значения. Большая часть, если не все, из этих различий, как представляется, подпадают под определение конвенциональной имплицатуры Грайса. Это означает, что морфологические и синтаксические различия, так же как различия между лексемами и частицами, могут быть связаны с тем, что многие исследователи семантики, вслед за Грайсом, относят к конвенциональным имплицатурам.

То же самое относится к различиям, связанным с выбором той или иной формы выражения в определенном контексте. Например, если говорящий говорит

(21) *Christ tells us to love our neighbour* 'Христос говорит нам, чтобы мы любили нашего ближнего'

или

(22) *Christ has told us to love our neighbour* 'Христос сказал нам, чтобы мы любили нашего ближнего',

но не

(23) *Christ told us to love our neighbour* 'Христос говорил нам, чтобы мы любили нашего ближнего',

он или она конвенционально имплицитуют, что проповедь Христа имела и продолжает иметь определенный авторитет и вес. Вообще различия во времени и наклонении, не только в английском, но и во многих других языках, обычно связаны с различием в экспрессивном значении, поэтому их чрезвычайно трудно удовлетворительно передать при переводе. Но если даже мы ограничимся передаваемой средствами другого языка вербальной частью высказываний, мы увидим, что гораздо больше лексических и грамматических ресурсов, чем было рассмотрено Грайсом (и его последователями) под рубрикой конвенциональных имплицатур, может быть использовано говорящими для того, чтобы конвенционально имплицитовать, помимо того, что они актуально сказали, нечто еще.

Третий, и последний момент, который необходимо здесь отметить, это то, что точно так же, как нет оснований ограничить приложение понятия конвенциональной имплицатуры использованием языка в более или менее формальной аргументации, точно так же нет оснований ограничить его пропозициональным, или дескриптивным, значением. Я уже высказал предположение, что различия в социальном и экспрессивном значении между дескриптивно синонимичными выражениями (в той мере, в какой они лексикализованы в конкретных языках), могут быть подведены под понятие конвен-

циональных импликатур. Однако социальные и экспрессивные значения передаются на всех уровнях языковой структуры, и они чрезвычайно разнородны. Немногие из логиков и лингвистов захотят раздвинуть рамки понятия конвенциональной импликатуры так широко, как это сделал я. На самом деле многие будут даже отрицать, что оно имеет какое-либо значение вообще. Некоторые сторонники условно-истинностной семантики будут доказывать, что предполагаемые импликатуры являются следствиями или импликатурами того типа, которые Грайс назвал коммуникативными, а не конвенциональными импликатурами. Другие доказывают, что явления, которые мы рассмотрели выше, должны трактоваться как случаи пресуппозиций; однако пресуппозиции также являются достаточно спорным вопросом в рамках условно-истинностной семантики (и прагматики).

Для дальнейшего изучения (так называемых) конвенциональных импликатур студентам следует обратиться к более специальным работам, перечисленным в «Рекомендациях по дальнейшему чтению». В заключение можно сказать, что те, кто не имеют какой-либо сформированной ранее теоретической приверженности к исключительно условно-истинностному определению значения, могут рассматривать все типы значения как закодированные — или, в терминах Грайса, конвенционализованные — в грамматической и лексической (и фонологической) структуре отдельных языков. Это, конечно, не уменьшает трудностей, связанных с определением того, как в случае отдельных высказываний, так и в более общем плане, какие именно значения закодированы в лексемах, частицах и грамматических категориях конкретных языков.

9.5. Коммуникативные импликатуры

Коммуникативные, или так называемые разговорные (conversational), импликатуры" привлекли к себе гораздо больше внимания в лингвистике, чем конвенциональные импликатуры. Я сказал «так назы-

² Лайонз, вслед за Грайсом, использует термин *conversational implicatures* 'разговорные импликатуры'; в переводе используется термин *коммуникативные импликатуры*, поскольку, во-первых, именно так, уже традиционно, переводится этот термин в русской лингвистической литературе и, во-вторых, поскольку определение *разговорный* (как и его английский эквивалент, что далее отмечает Лайонз), неоправданно сужает значение этого термина. — *Примеч. перев.*

ваемые», потому что обычный смысл слова 'conversational' гораздо уже того значения, в котором его употребляет Грайс, имеющий в виду не только разговоры, но все виды социального взаимодействия, включающие использование устного или письменного языка.

Базовая идея Грайса заключается в том, что языковая деятельность в наиболее типичном случае представляет собой вид рационального (и целенаправленного) социального взаимодействия, управляемого **принципом кооперации**. В своем классическом, как мы теперь можем его охарактеризовать, изложении этого принципа, Грайс выделил несколько видов кооперации, которые он сгруппировал под названиями **качество, количество, отношение и способ** (Grice 1975: 45—46). Каждый из них включает множество из одного или более подчиненных принципов (субпринципов), каждый из которых формулируется Грайсом в виде прескриптивных **постулатов**, которые участники коммуникации в норме соблюдают, но которые они могут в некоторых случаях намеренно не соблюдать или нарушать.

Рассмотрим сначала субпринцип **количества**. Он может быть сформулирован следующим образом:

(24) Говори не меньше и не больше, чем требуется (в данном контексте и для данной цели).

В литературе можно встретить и другие формулировки, большинство из которых (включая формулировку Грайса), используют выражения 'будь [настолько] информативным [насколько]' или 'делай свой вклад [настолько] информативным [насколько]'. Я намеренно использовал несколько более общую формулировку, в которой также эксплицитно упоминается контекст. В то же время формулировка принципа (24) верна духу грайсовского оригинала и содержит в себе возможности дальнейшего развития по пути того, что может быть названо **неограйсианской прагматикой**. В настоящем контексте, однако, (24) может быть интерпретирован как эквивалентный

(24а) Передавай не меньше и не больше информации, чем требуется (в данном контексте и для данной цели).

Теперь мы можем, обратившись к (24) или (24а), объяснить тот факт, что если *x* спрашивает у

(25) *Have you done the washing-up and put everything away?* 'Ты вымыл посуду и поставил всё на место?',

и *v* отвечает:

(26) *I have done the washing-up* 'Я вымыл посуду',

то в большинстве контекстов это понимается так, что у имплицитно подразумевается, что он не поставил всё на место. Эта импликация, или импликатура, выводится из того, что у предположительно намеренно не сказал *Yes 'Да'* или его эквивалент в ответ на сложную пропозицию, которая выражена в высказывании *x-a* и представлена *u-u* для того, чтобы он ее принял или отверг. Простая пропозиция "Я вымыл посуду" менее информативна, чем сложная пропозиция "Я вымыл посуду и поставил всё на место". Исходя из предпосылки, что у действовал кооперативно и был достаточно (но не излишне) информативен, *x* может вполне обоснованно вывести из сказанного *u*, что тот не мог правдиво утверждать "Я поставил всё на место".

Положение, на которое опирался в своем выводе *x*, а именно, что *v* говорил правду (поскольку не было никаких свидетельств противоположного), вытекает из принимаемой им предпосылки, что *u*, будучи кооперативным, соблюдал второй субпринцип — принцип **качества**:

(27) Говори правду (truth) и не говори ничего, для чего у тебя нет достаточных оснований.

Эта формулировка также отличается в словах, но не по духу, от оригинальной формулировки Грайса. Мы вернемся к субпринципу качества в скором времени. Пока же отметим, что правдивость (truthfulness) — то есть говорение правды (truth) (и ничего, кроме правды, хотя и не обязательно всей правды) — тесно связана с искренностью (которая играет важную роль в теории речевых актов). Важно также отметить, что говорить правду (truth) — это не то же самое, что говорить то, что является истинным (true) (то есть утверждать одну или несколько истинных пропозиций). Можно сказать то, что является истинным, в то же время полагая, что это ложно, или не зная, что это истинно. Можно также сказать то, что является истинным, с намерением обмануть, говоря это в таком контексте и таким образом, чтобы адресат принял это как ложь. В основе взгляда Грайса на коммуникацию лежат моральные, связанные с волей и выбором человека понятия правдивости и искренности. Они регулируются, различным образом в разных культурах и разных социальных контекстах, не только достаточностью свидетельств, но также разнообразными социальными ограничениями, включая те, которые налагаются принятыми в данном обществе и культурно обусловленными нормами **вежливости**.

Грайсовский субпринцип **отношения** включает один постулат:

(28) Будь релевантен.

(28) позволяет нам интерпретировать следующий диалог:

(29) *x*: *The clock is slow* 'Часы отстают'.

(30) *v*: *There was a power cut this morning* 'Этим утром был перерыв в подаче электричества'.

Интерпретируя этот диалог, мы исходим из того, что пропозициональное содержание сообщения *у-а* имеет какое-то отношение к тому, что было сказано *х-ом*, в частности, что *у* предлагает, или возможно, предлагает, объяснение того, о чем сообщил *х*. Разумеется, наше предположение, что высказывание *у-а* связано с высказыванием *х-а* таким образом, опирается не только на наши фоновые знания об электрических часах, но также на предположение, что *у* также имеет эти знания и знает, что часы, о которых идет речь, получают электричество непосредственно из сети. Можно легко видеть, что связанность и связность повседневных диалогов, подобных тому, что приведен выше, благодаря чему мы понимаем их как тексты, обеспечивается множеством предпосылок и предположений такого рода, специфических для тех или иных культур и тех или иных групп.

Субпринцип **способа** был конкретизирован Грайсом посредством четырех следующих постулатов:

(31) Говори ясно, для чего (i) избегай непонятных выражений, (ii) избегай неоднозначности, (iii) будь краток (избегай ненужного многословия) и (iv) говори последовательно и упорядоченно (orderly).

Можно сразу заметить, что, по всей видимости, существует связь между краткостью, с одной стороны, и требованием говорить не больше, чем требуется, с другой, как и между релевантностью и упорядоченностью. Тот факт, что такие корреляции существуют, по крайней мере интуитивно это кажется так, позволяет предположить, что описанные четыре субпринципа Грайса могут быть модифицированы, а количество их — сокращено. Именно это и произошло в так называемой неограйсианской прагматике. Эти позднейшие, более специальные модификации и усовершенствования не рассматриваются в этой книге.

В значительной мере интерес к работам Грайса по коммуникативным импликатурам был обусловлен его объяснительными возможностями по отношению к разнообразным явлениям, представлявшим проблемы с точки зрения формальной семантики. К ним относятся метафорическая интерпретация, (так называемые) косвенные речевые акты, анафорическая референция, и утверждение тавтологий и противоречий. Здесь могут быть рассмотрены далеко не все

эти явления. Однако будет полезно сказать несколько слов сначала о приложении положений Грайса о кооперативном взаимодействии посредством языка к интерпретации метафоры и затем к косвенным речевым актам. Это обеспечит необходимый контекст для некоторых общих соображений по поводу лежащих в основе теории Грайса предпосылок и различий между импликатурами и другими видами импликаций (и пресуппозиций), интенсивно изучавшихся лингвистами и логиками в течение последних двадцати лет. Начнем с **метафоры**.

Возьмем в качестве примера предложение

(32) 'John is a tiger' 'Джон — тигр',

которому может быть приписана как буквальная, так и метафорическая интерпретация. Перед тем как перейти к рассмотрению того, как оно может быть интерпретировано в свете принципов кооперативного взаимодействия Грайса, следует отметить, что то, что было сказано о буквальной интерпретации таких предложений, как (7) — (9), в разделе 5.2, сохраняет здесь свою релевантность.

Лингвисты двадцатого века с позитивистским складом ума (включая многих генеративистов) часто характеризуют предложения типа (32) как аномальные или противоречивые. Однако, постольку, поскольку предложение (32) не нарушает условия категориальной совместимости такой степени обобщения, что его невозможно интерпретировать не только в действительном мире, но также ни в одном из возможных миров, оно совершенно правильно семантически. Более того, пропозиция, которую оно может выражать, не является необходимо ложной. Прежде всего, в структуре английского языка нет ничего, что препятствовало бы приписать имя 'Джон' животному, дикому или домашнему (или даже неодушевленному предмету); это всегда необходимо иметь в виду, когда речь идет об английских предложениях, содержащих собственные имена, однако здесь это не главное. Более важно то, что предложению (32) может быть дана непротиворечивая буквальная интерпретация, даже если 'Джон' используется для обозначения человека. В действительности существует много разных видов повседневных ситуаций, совершенно нормальных с социокультурной точки зрения, в которых 'John is a tiger' 'Джон — тигр' (с референцией к мужчине или мальчику) может утверждать истинную пропозицию. Например, Джон может играть роль тигра в пьесе о животных. Можно утверждать, что в этом случае пропозиция "John is a tiger" будет являться истинной при буквальной интерпретации слова 'tiger' (так же как, между прочим, и глагола 'be' 'быть'). Безусловно, найдется немало философов, кото-

рые оспоряют данное утверждение, однако в этом может просто проявляться их некритическая приверженность позитивистскому понятию буквального значения. Я упомянул о возможности такой интерпретации этого предложения для того, чтобы показать, что нам не обязательно нужно корректировать наши онтологические допущения в сколько-нибудь значительной степени для того, чтобы приписать буквальную интерпретацию предложениям, в которых, казалось бы, такая интерпретация невозможна. Нет нужды говорить, что если мы откажемся от онтологического допущения, что один и тот же индивид не может быть (одновременно) человеком и тигром (в каком-либо возможном мире), мы сможем немедленно приписать (32) целый ряд альтернативных интерпретаций, которые, как можно утверждать, будут неметафорическими и непротиворечивыми. Как мы увидим далее, этот факт ставит под сомнение абсолютность разграничения, проводимого многими авторитетными учеными, между конвенциональными и коммуникативными импликатурами, с одной стороны, и между импликатурами и другими видами импликаций (включая строгую импликацию, или следование), с другой. В более общем плане, это также ставит под сомнение то, что Куайн назвал много лет назад одной из «двух догм современного эмпиризма» — положение, что существует резкое и безусловное различие между аналитическими и синтетическими пропозициями. Выше мы уже говорили об этом в связи с обсуждением следования и возможных миров (4.4). Этот вопрос будет позднее поднят снова в этой главе в связи с понятием **аннулируемости** (defeasibility) обычно незыблемых контекстуальных допущений. В настоящий момент, однако, достаточно отметить, что понятие контекстно-независимого буквального значения, с которым оперируют многие исследователи формальной семантики, молчаливо опирается на свои собственные контекстуально-зависимые и философски сомнительные онтологические допущения.

Здесь важно также отметить, что связь между буквальным значением и условиями истинности ничуть не более тесная, чем между метафорическим значением и условиями истинности. Если посредством произнесения высказывания 'John is a tiger' 'Джон — тигр' высказано метафорическое утверждение, то выраженная тем самым пропозиция — какая бы она ни была — будет иметь столь же определенное истинностное значение, как пропозиции "John is ferocious" "Джон жесток (свиреп)" и "John is aggressive" "Джон агрессивен". Безусловно, с самим процессом метафоризации может быть связана некоторая неопределенность: адресату может быть неясно, какую из

нескольких возможных метафорических интерпретаций следует приписать высказыванию. Однако такая же неопределенность связана с решением, какое из нескольких буквальных значений многозначного выражения имеется в виду; в обоих случаях это не имеет отношения к условиям истинности как таковым.

Я не утверждаю, разумеется, что все метафорические выражения являются определенными с условно-истинностной точки зрения, я утверждаю только то, что они не отличаются от неметафорических выражений какой-то характеристической, контекстно-зависимой неопределенностью. Многие метафорические утверждения безусловно характеризуются условно-истинностной неопределенностью, и многие из них содержат экспрессивные или социоэкспрессивные компоненты, которые могут влиять на определенность истинностного значения. Но в этом отношении они не отличаются от таких неметафорических утверждений, как

(33) *Mary is beautiful* 'Мэри красива'

или

(34) *John is aggressive* 'Джон агрессивен/настойчив'

и

(35) *John is dynamic* 'Джон энергичен'.

Лингвисты, разграничивающие семантику и прагматику посредством критерия возможности приложения условий истинности и относящие метафорическую интерпретацию высказываний к области прагматики, часто упускают этот момент из виду.

Каким же образом принципы кооперативного взаимодействия Грайса могут быть применены к процессу метафорической интерпретации? Ответ в общем виде заключается в том, что эти принципы не руководят адресатом в его поиске той или иной метафорической интерпретации, но мотивируют сам этот поиск. Они позволяют адресату **вычислить** предполагаемое значение высказывания как функцию его буквального значения и контекста, в котором оно произнесено. Например, услышав или прочитав 'John is a tiger' 'Джон — тигр', адресат может дедуктивно рассуждать следующим образом:

(36) *Говоряи/ий/пишущи не может иметь в виду то, что это означает буквально. Однако у меня нет оснований полагать, что он (она) некооперативен. Его (ее) высказывание имеет форму утверждения. Следовательно, он (она) пытается сказать мне то, что предположительно является осмысленным для нас обоих (в свете наших мнений и предположений о мире, и да. д.). Он (она) должен также полагать (если он (она) кооперативен), что я смогу вычислить небукваль-*

ное значение — предположительно на базе буквального значения (целого высказывания-инскрипции или одного или более его компонентов). Один из контекстуально приемлемых способов использования языка для того, чтобы передать нечто иное, чем то, что было актуально сказано, — это метафора. Посмотрим, смогу ли я интерпретировать это высказывание метафорически.

Я изложил подробно это рассуждение (хотя и опустил в нем несколько шагов) для того, чтобы обратить внимание на множественность исходных допущений, которые присутствуют в грайсианском объяснении метафоры и других явлений.

Теперь я хочу пояснить несколько моментов, которые остались имплицитными в приведенном выше описании того способа, которым адресат предположительно получает из буквальной интерпретации высказывания некоторую контекстуально релевантную метафорическую интерпретацию. Во-первых, его предположение или умозаключение, что высказывание-инскрипция не может иметь буквальную интерпретацию, не связано с семантической аномальностью или противоречивостью такой интерпретации: всё, что необходимо, — это ее контекстуальная иррелевантность (или странность). Во-вторых, на весь этот процесс могут накладываться ограничения, связанные с мнениями и предположениями участников коммуникации (включая их мнения и предположения, касающиеся мнений и предположений друг друга) — вся коммуникация в целом подвержена таким ограничениям. В-третьих, я включил в рассуждение отдельный шаг, связанный с осознанием адресатом контекстуальной возможности метафорической интерпретации, — в некоторых контекстах метафора используется более часто, чем в других. На самом деле могут быть и такие случаи, когда, в силу специфики социокультурной ситуации или литературного жанра, использование метафор столь обычно, что адресат может пропустить предшествующие шаги в процессе рассуждения, обрисованном выше, и начать сразу с предположения, что данное высказывание скорее должно пониматься метафорически, чем буквально.

Как я сказал выше, постулаты Грайса сами по себе не позволяют адресату решить проблему выбора той или иной метафорической интерпретации предложения 'John is a tiger' 'Джон — тигр'. Но они для этого и не предназначены. Целью Грайса было провести как можно более строго и последовательно различие между тем, что актуально говорится, и тем что передается (помимо того и вместо того, что сказано) самим тем фактом, что было сказано это (и не сказано что-то ещё), и в то же время навести между ними мост, по крайней

мере в принципе, показав, как применение одного или более постулатов разумным и кооперативным адресатом к конкретному высказыванию в конкретном контексте высказывания позволяет ему вывести, или вычислить, предполагаемое значение. Контекстуально обусловленная **вычислимость** (или выводимость) коммуникативных импликатур — вычислимость, являющаяся вероятностной и эвристической, а не алгоритмической и детерминистской — в общем случае рассматривается как одно из их определяющих свойств. Как мы видели, в метафорической интерпретации таких высказываний, как (32), главную роль играет постулат релевантности. И этот постулат приведет в разных контекстах высказывания к разным результатам.

Способ приложения постулатов Грайса к интерпретации **косвенных речевых актов** достаточно прост и ясен, по крайней мере в принципе. Как мы могли видеть раньше, само понятие выполнения иллокутивного акта косвенным образом «посредством выполнения другого» теоретически сомнительно (8.3). Кроме того, многие приводимые в учебниках примеры так называемых косвенных речевых актов связаны с использованием конвенционализированных, клишированных выражений, значение которых в высказываниях этого вида должно рассматриваться с точки зрения синхронической описательной лингвистики как закодированное в языковой системе. Вполне возможно, что употребление вопросительного предложения

(37) 'Do you mind if I smoke?' 'Вы не возражаете, если я закурю?'

предположительно с косвенной иллокутивной силой просьбы можно объяснить диахронически с помощью понятия коммуникативной импликатуры. Однако предположение, что сегодняшние говорящие на английском языке интерпретируют высказывание (37) сначала как собственно вопрос и только затем, вторично как просьбу, чрезвычайно неправдоподобно. В данном контексте нет необходимости обсуждать этот момент далее.

Рассмотрим теперь воображаемый, но, как я уверен, вполне реалистичный кусочек диалога:

(38) *x* / *want to watch TV now* 'Я хочу смотреть телевизор'.

v: *You have not put your toys away* 'Ты не убрал свои игрушки'.

Предположим, что *x* — маленький ребенок, а *y* — его мать (или другое лицо, обладающее полномочиями следить за ребенком и отвечающее за него). Каждый из них произнес декларативное предложение, но ни один из них, скорее всего, не намеревался увеличить знания другого о мире посредством высказывания истинного утвер-

ждения, и ни один из них не поймет высказывание другого как мотивированное, хотя бы частично, этим намерением. Действительно, утверждение *у* (будем считать, что это утверждение), в том случае, если оно истинно, не говорит *х-у* ничего, чего бы он уже, возможно, с неохотой, не сознавал. Здесь нет нужды рассматривать вопрос, является ли высказывание *х-а* утверждением или просьбой (или и тем, и другим одновременно). Для нас важно то, что оно интерпретируется *у*, в том контексте, в котором оно произнесено, как просьба о разрешении смотреть телевизор. Предположим, что в этой семье есть правило, что *х-у* не разрешается смотреть телевизор до тех пор, пока он не уберет свои игрушки (или, в более общем виде, не выполнит всё, что входит в его обязанности). С учетом этого очевидно, что наш маленький кусочек диалога демонстрирует признаки связности и релевантности. И *х*, которому напомнили о правиле, видя его релевантность для данного случая, может абсолютно правомерно интерпретировать высказывание *у* как имплицитующее отказ в разрешении.

Примеры такого типа показывают, что многое, если не всё из того, что обозначается в научной литературе как косвенные речевые акты, может быть весьма убедительно описано и объяснено в терминах более общего и более сильного понятия имплицатур Грайса. Поэтому многие известные ученые стараются избавиться от понятия косвенных речевых актов вообще, другие же задаются вопросом, есть ли необходимость в выделении иллокутивной силы как отдельной и различимой части значения высказывания. Последние работы в области прагматики уделяют гораздо большее внимание имплицатурам, чем прямой или косвенной иллокутивной силе.

Все эти новейшие исследования не были (и не будут) предметом обсуждения в этой книге. В заключение этого раздела я объясню и коротко прокомментирую логические свойства коммуникативных имплицатур Грайса, которые в общем случае рассматриваются как отличающие их от других видов импликаций (и пресуппозиций). Наиболее важное из этих свойств имплицатур — это то, что Грайс называет их **аннулируемостью**. Сказать, что имплицатуры могут аннулироваться — значит сказать, что их наличие зависит от контекста и что в некоторых контекстах они могут «погашаться» без возникновения противоречия или какой-либо другой аномалии. Например, соединение двух предложений с помощью союза *and* 'и', как в

(39) *John arrived late and missed the train* 'Джон приехал поздно и опоздал на поезд',

в норме имплицитно подразумевает наличие темпоральной и/или каузальной связи между ситуациями, описанными в двух сочиненных предложениях. Как мы видели в одной из предшествующих глав, сторонники условно-истинностной трактовки *and*-конъюнкции обращаются к понятию импликатуры с целью обоснования этого взгляда (6.3). При условии, что тот, кто произносит (39), следует в полной мере субпринципам способа (излагает происшедшее последовательно и упорядоченно) и отношения (соблюдает постулат релевантности), его высказывание будет коммуникативно имплицитно — то есть **санкционировать вывод** — что Джон опоздал на поезд потому, что он приехал поздно (предположительно на станцию). То, что эта причинная связь только коммуникативно имплицитно, но не выражается непосредственно в том, что было сказано, и не следует из него, демонстрируется возможностью ее аннулирования в некоторых контекстах. Например, импликация может быть легко «погашена» без какого-либо противоречия в контексте эксплицитного отрицания того, что между поздним приездом Джона и его опозданием на поезд есть причинная связь:

- (40) *John arrived late and missed the train, but it was not because he arrived late that he missed the train [the train was delayed and did not leave until ten minutes after he got there. So, why did he miss the train? Maybe he did so deliberately].*

Джон приехал поздно и опоздал на поезд, но он опоздал на поезд не потому, что приехал поздно [поезд был задержан и отправился через десять минут после того, как он приехал туда. Почему он опоздал на поезд? Может быть, он сделал это нарочно].

Нет ничего аномального в (40), как с объяснением в квадратных скобках, так и (в подходящем контексте) без него. А как мы видели в предшествующем разделе, использование конъюнкции с *but* 'но', «погашающее» обычные коммуникативные импликатуры, ассоциированные с *and*-конъюнкцией, может быть объяснено в грайсианских терминах посредством обращения к дополнительному (комплементарному) понятию конвенциональной импликатуры. Свойство аннулируемости отличает коммуникативные импликатуры не только от следования, но также от конвенциональных импликаций.

Многие другие виды того, что обычно называется импликацией (implication) в повседневном смысле этого слова (*x didn't actually say that, but it's what he/she implied* 'x не сказал(а) это прямо, но это то, что он (она) имел(а) в виду'), однако не попадает в область 'импликации' как она определяется логиками, более или менее удовлетворительно объяснены с помощью понятия коммуникативной импликатуры Грайса (см. 6.3). Это относится, в частности, к весьма

обычной тенденции интерпретировать условные предложения как содержащие "двустороннее" условие (as biconditional): понимать "если p , то q " как "если и только если p , то q ". Например, высказывание

(41) *If Ann passes her driving test, her parents will buy her a Porsche* 'Если Энн сдаст экзамен по вождению, ее родители купят ей «Порше»'

обычно понимается как имплицитующее, что родители Энн не купят ей «Порше», если она не сдаст экзамен по вождению. Однако это не сказано актуально, а коммуникативно имплицитруется и, разумеется, может быть «погашено» в контексте.

Особый интерес в этой связи представляет то, что теперь стали называть **скалярными импликатурами** — импликатурами, связанными с кванторами, такими, как 'some' 'некоторые', 'many' 'много, многие', и числительными (так же как модальными глаголами, оценочными прилагательными и некоторыми другими классами выражений). Например,

(42) *The Browns have two daughters* 'У Браунов две дочери'

в норме имплицитует, что у Браунов только (то есть не более чем) две дочери (и во многих контекстах это также будет имплицитовать, что у них нет сыновей: *Have the Browns got any children?* 'У Браунов есть дети?'). Однако эта импликатура в соответствующем контексте легко погашается, путем добавления, например,

(43) — *in fact, they have three* '— на самом деле, у них их три'.

Скалярные импликации различных видов активно обсуждаются в научной литературе. Здесь они упомянуты потому, что они очень ясно иллюстрируют свойство аннулируемости.

Второе свойство, которое обычно рассматривается как отличающее импликатуры от других видов импликаций, это их **вычислимость** (выводимость). Это свойство уже было отмечено (и проиллюстрировано) выше в связи с метафорической интерпретацией метафорических высказываний, таких, как *John is a tiger* 'Джон — тигр', см. (32) и (36). Как было подчеркнуто, вычислимость коммуникативных импликатур имеет в высшей степени контекстуально обусловленный и во многих, если не во всех контекстах недетерминистский характер. Действительно ли импликации актуально вычисляются в контексте высказывания и, если это так, выводятся ли они дедуктивно шаг за шагом, как представлено в (36) — эти вопросы в настоящее время обсуждаются и исследуются логиками и психологами. Другой нерешенный вопрос — это всегда ли информация, используемая при вычислении адресатом коммуникативных импли-

катур (в той степени, в какой адресат вычисляет их), имеет пропозициональный характер.

Третье свойство коммуникативных импликатур, по Грайсу, это их **неотделимость**. Оно основывается, по крайней мере в исходной формулировке, на прямом и простом приложении существующего в неспециальном, обыденном языке различия между значением и формой. Импликатура неотделима, если она неразрывно связана с значением высказывания и не порождается просто его формой. Из данной формулировки неотделимости следует (и это понимал Грайс), что импликатуры, основывающиеся на субпринципе способа, не будут с необходимостью неотделимы: способ, которым нечто сказано (в релевантном смысле слов 'способ' и 'сказано'), влияет на форму того, что сказано. Два синонимичных высказывания, отличающихся длиной, грамматической сложностью или специальным характером или неясностью используемых в них слов, могут порождать, по этим самым причинам, разные импликатуры. И в этом случае очевидно невозможно заменить одно высказывание другим в одном и том же контексте без изменения связанных с ними импликатур. В других случаях, однако, возможно менять форму высказывания (то есть высказывания-инскрипции), не затрагивая связанных с ними импликатур.

При более пристальном рассмотрении провозглашаемая неотделимость коммуникативных импликатур оказывается весьма проблематичной, даже для тех импликатур, которые не основываются на субпринципе способа. Помимо всего прочего, на вопрос, являются ли два выражения синонимичными (в каком-либо или во всех своих значениях), не может быть дан ответ, пока не мы не решили, что конституирует синонимию. Многие приверженцы формальной семантики используют сравнительно узкое понятие дескриптивной синонимии, определяемой в терминах условно-истинностной эквивалентности (см. 2.3). Те, кто принимает более широкое понятие синонимии, вполне могут настаивать на том, что кажущаяся неотделимость импликатур, связанных с двумя формально различными условно-истинностно эквивалентными высказываниями, является сама по себе свидетельством того, что предполагаемые импликатуры являются частью закодированного языкового значения данных высказываний и что эти высказывания на самом деле не синонимичны.

Критерий идентичности формы также не является таким простым и ясным, как это может показаться. Во многих учебниках при обсуждении импликатур примеры даются в письменной форме, даже когда предполагается, что они произнесены. Это означает, что по-

тенциально релевантные просодические (и паралингвистические) различия формы в общем случае не принимаются во внимание. Один подобный класс примеров демонстрируется следующей парой предположений:

(44) 'It is possible that *p*' 'Возможно, что *p*,

противопоставленное

(45) 'It is not impossible that *p*' 'Не невозможно, что *p*.

При обсуждении таких примеров обычно исходят из предположения, что (45) грамматически однозначно. Однако это весьма спорно. Согласно некоторым теориям грамматической структуры английского языка, (45) расщепляется на по крайней мере два грамматически и семантически различных подкласса, один из которых демонстрирует феномен сентенциального отрицания (отрицания предложения), а другой — фразового (или полу-лексического) отрицания, и это различие грамматической структуры обычно, если не всегда, отражается в произношении в различии ударения, интонации и ритма (см. 6.5).

В заключение я снова обращаю внимание на то, что многие попытки лингвистов и философов четко разграничить семантику и прагматику потерпели неудачу вследствие их неспособности провести и последовательно выдержать различие между значением предложения и значением высказывания и точно сказать, что кодируется и что не кодируется в структуре предложений. При этом слишком часто тождество орфографической формы молчаливо принимается как достаточное условие тождества предложений.

9.6. Что такое контекст?

Как следует из обсуждения понятия коммуникативной имплицатуры Грайса в предшествующем разделе, контекст играет двойную роль. Прежде всего, само высказывание помещено в то, что Дж. Р. Фёрс и некоторые другие авторы называют контекстом ситуации, и, как мы видели в нашем обсуждении метафоры, для того, чтобы решить, насколько вероятна метафорическая интерпретация, может потребоваться знание этого контекста. Кроме того, определив, что помимо информации, содержащейся в том, что было сказано, передается некоторая дополнительная информация, адресат должен вывести, что представляет собой эта информация, на основании контекстуальной информации, которую он разделяет со своим собеседником.

До недавнего времени для философов и лингвистов было обычным пренебрегать контекстом ситуации при представлении постулатов Грайса. Можно утверждать, что вследствие этого они не смогли в должной мере осознать и выявить тот факт, что языковое поведение является культурно обусловленной деятельностью. Признаки, конституирующие искренность и вежливость, могут существенно различаться в различных обществах. Мы не можем также полагать, что рациональность в отношении оценки качества информации и ее релевантности проявляется одинаковым образом во всех культурах. Даже собственное изложение Грайса, а также работы многих из его последователей обнаруживают известную степень социокультурной предвзятости и односторонности — предвзятости и односторонности, которых в настоящее время стараются избежать исследователи, работающие в области анализа дискурса и, как это в последнее время стало называться, этнографии речи.

Можно также утверждать, что работы Грайса страдают от его философского предубеждения в пользу дескриптивного, или пропозиционального, значения. Это проявляется не только в принятии им условно-истинностной теории значения, но также в его концепции контекста, который рассматривался им только во второй из его ролей описанных выше. В работах Грайса и многих из тех, кто использовал его идеи, контекст понимается как ряд пропозиций, относительно которых оценивается истинность новых пропозиций, которые затем добавляются в контекст (или отвергаются). Однако многие из знаний, участвующих в производстве и интерпретации высказываний-инскрипций, являются практическими, а не пропозициональными. Такое знание является знанием, как делать нечто, но не знанием, что дело обстоит так-то. Конечно, всегда возможно (по крайней мере, в некоторых языках) описать практическое знание так, как если бы оно было пропозициональным. Например, вместо того, чтобы сказать, что говорящий должен знать, каков социальный статус его (ее) собеседника — выше, чем у него самого, или ниже, мы можем сказать, что говорящий должен знать, какая из следующих двух пропозиций истинна (если какая-нибудь из них истинна): "X имеет более высокий статус, чем у " или "x имеет более низкий статус, чем у " (где x и y замещают обозначающие выражения для говорящего и адресата соответственно). Однако то, что мы можем сформулировать практическое знание в пропозициональных терминах, не означает, что оно на самом деле является пропозициональным. Сильным аргументом в пользу этого взгляда (принятого в этой книге как

данное) является непропозициональный характер социальной и экспрессивной информации.

Таким образом, как представляется, контекст в обоих своих ипостасях, отмеченных выше в этом разделе, в существенной степени является непропозициональным. Одним из преимуществ теории речевых актов, рассмотренных нами в предыдущей главе, является то, что она, по крайней мере, в том виде, как ее сформулировал Остин, основывается на осознании социального базиса языка. Она является, как я сказал, теорией социальной прагматики (в этимологическом смысле слова 'прагматика'): теорией особого вида социальной деятельности. Представление Грайсом языкового поведения как кооперативного взаимодействия очень хорошо согласуется с этим подходом, и, как я отметил в конце предшествующего раздела, не нуждается в предпосылке, что нормы, или постулаты, которые формулируются для определенного вида дискурса в одной культуре — для какого-то одного вида **языковой игры**, как описал это поздний Витгенштейн, — универсально значимы.

Поэтому на вопрос «Что такое контекст?» не может быть дано простого ответа. Для тех ограниченных целей, которые ставятся в этой книге, достаточно подчеркнуть, что для того, чтобы построить удовлетворительную теорию контекста, лингвисты в своем описании интерпретации высказываний необходимо должны учитывать данные социальных наук в целом, прежде всего психологии, антропологии и социологии, и в свою очередь, вносить свой вклад в их развитие. Для дальнейшего изучения роли контекста (включая со-текст), так же как того, что впоследствии стало называться неограйсианской прагматикой, студентам следует обратиться к «Рекомендациям по дальнейшему чтению». В данной главе мы сосредоточились на базовых понятиях в том виде, как они были первоначально сформулированы.

Глава 10

Субъективность высказывания

10.0. Введение

После того как мы подробно рассмотрели понятие контекста в предшествующей главе, мы можем теперь вернуться к вопросу о речевых актах и локутивной деятельности. Мы начнем с **референции** — отношения, которое имеет место между языковыми выражениями и тем, что они обозначают в мире (или вселенной дискурса) в конкретном случае высказывания. Затем мы рассмотрим особый вид референции, **дейксис**, который решающим образом зависит от времени и места высказывания и ролей говорящего (точнее, агента локуции) и адресата в самом акте данного высказывания.

После этого мы обратимся к грамматическим категориям **времени** и **аспекта**, ни одна из которых не является универсальной, но которые, вместе или по отдельности, обнаруживаются во многих не связанных друг с другом языках по всему миру. Как мы увидим, время, в отличие от аспекта, является референциальной (и более конкретно, дейктической) категорией.

Во многих языках с категорией времени тесно связана категория **наклонения** (*mood*) (хотя в некоторых языках эта категория обнаруживается независимо от времени). Как показывает сам этот термин ('*mood*'), между грамматической категорией наклонения в ее традиционном понимании и тем, что в современной логике и формальной семантике называется модальностью, есть историческая связь. Однако имеются важные различия между тем, как модальность (и наклонение) трактуется в типичном случае в современной формальной семантике, и тем, как наклонение и модальность описываются в традиционной грамматике. То описание модальности и наклонения, которое будет представлено в разделе 10.5 данной книги, имеет целью прояснить эти различия и обратить внимание на сохраняющееся значение более традиционного подхода к наклонению и

модальности. В этом описании я буду опираться на положения, высказанные в главе 6.

В этой, последней главе речь пойдет о вопросах, которые, как всякий согласится, играют решающую роль в построении теории значения естественного языка. Однако позиции, с которых я буду рассматривать эти вопросы, отнюдь не являются общепринятыми, особенно в формальной семантике. Особое внимание я буду уделять тому, что я называю **субъективностью высказывания**. Мое понимание субъективности в данном контексте было представлено имплицитно в главах 8 и 9; в данной главе оно будет изложено эксплицитно, наиболее эксплицитно — в заключительном разделе.

10.1. Референция

Референция, как мы могли видеть при обсуждении различных положений в этой книге, является контекстно обусловленным аспектом значения высказывания: это отношение, которое имеет место между говорящим (или, в более общей формулировке, агентом локуции) и тем, о чем он говорит в данном конкретном случае. **Референциальный диапазон** обозначающих выражений фиксируется их значением в языке (то есть их смыслом и денотацией). Однако их актуальная референция зависит от разнообразных контекстуальных факторов. Поэтому в общем случае невозможно определить референцию выражения без учета контекста высказывания. Один из возможных путей сделать это в рамках ограничений семантики, базирующейся на предложении, — это установить **интенционал** выражения. Как мы видели в главе 7, стандартная модельно-теоретическая семантика (одной из версий которой является система Монтегю) действительно инкорпорирует референцию в значение предложения, определяя значение предложения относительно **индекса** (или точки соотнесения (point of reference)), в котором специфицируется вся релевантная контекстуальная информация. Однако это не затрагивает существа того, что было сказано здесь о референции как части значения высказывания. Стандартная модельно-теоретическая семантика оперирует с нетрадиционным понятием предложения и, как следствие, со специфическим понятием значения предложения; как мы видели в главе 7, в ней принимается особое определение интенционала. Мы не будем в этой главе касаться различий в дефинициях и формализации. Однако мы продолжим рассмотрение, на интуитивном и неформальном уровне, понятий воз-

можных миров и интенциональности, которые были введены в Части 3 в связи с изложением основных положений грамматики Монтегю.

Простые пропозиции обычно разлагаются логиками на выражения двух видов: имена и предикаты. Имена служат для того, чтобы выбрать — указать на (*refer to*) — сущности (или множества сущностей) в некотором возможном мире, относительно которого делаются утверждения; предикаты служат для того, чтобы приписать признаки единичным сущностям (или множествам сущностей) и приписать отношения упорядоченным парам, тройкам и т. д. сущностей (или множеств). Всё это формализовано в стандартной логике предикатов.

Имена, в обыденном значении слова 'имя', не являются единственным видом обозначающих выражений. Более того, с семантической точки зрения они сами по себе весьма специфичны в том отношении, что в языках, подобных английскому, они не имеют дескриптивного содержания. (Уточнение «в языках, подобных английскому» сделано для того, чтобы показать, что естественные языки могут различаться в отношении того, как в них действуют процессы наименования и как они связаны с другими культурно-специфическими действиями и обычаями. В философских дискуссиях по проблемам собственных имен редко обращается внимание на возможность таких различий или их теоретическое значение.) Например, имя 'Наполеон' произвольно связано с неопределенным множеством объектов (людей, животных, кораблей и т. д.), которые в принципе не имеют между собой ничего общего. Правда, один из этих объектов — или некоторый концепт, или интенционал, ассоциированный с ним, — занимает, по определенным историческим причинам, выделенное положение в культуре, в которой обычно используется английский язык. (И некоторые другие из этих объектов получили свои имена вследствие этого факта и его реального или приписываемого ему значения в свете конвенций, регулирующих приписывание имен в конкретных культурах.) Это означает, что при отсутствии специфической контекстуальной информации, говорящей о противоположном, имя 'Наполеон' обычно понимается большинством говорящих по-английски как относящееся к этому культурно выделенному объекту. Это также означает, что имеется множество общих ассоциаций и коннотаций, объединяющихся вокруг имени 'Наполеон', которые начинают образовывать то, что некоторые философы называют интенционалом, или индивидуальным концептом, "Наполеон". Однако это не означает, что имя 'Наполеон'

как таковое имеет какое-либо дескриптивное содержание или значение.

Если оставить в стороне собственные имена, то в английском языке имеется два основных подкласса обозначающих выражений, отличающихся друг от друга синтаксически и семантически: именные группы с вершинным именем существительным и местоимения. На самом деле традиционный анализ того, что я называю **именные группы с вершинным именем существительным** (например, 'the boy' 'мальчик', 'those four old houses' 'эти четыре старых дома'), может быть подвергнут критике как по синтаксическим, так и по семантическим основаниям. Для простоты я буду придерживаться традиционного взгляда, согласно которому вершиной, или главной составной частью, в таких группах действительно является имя существительное — отсюда термин 'вершинное имя существительное'. Отметим также, что здесь (и во всей этой книге) я использую термин 'именная группа' ('noun-phrase') (сокращенно 'ИГ') в значении, в котором он теперь обычно используется в лингвистике. Именные группы в этом значении не обязательно состоят более чем из одного слова, то есть они не обязательно являются группами в традиционном смысле термина 'группа' ('phrase').

В некоторых языках слова, обозначающие классы объектов, могут использоваться для обозначения индивидуальных объектов без помощи какого-либо модификатора (определенного или неопределенного артикля, указательного прилагательного и т. д.). Не так обстоит дело в английском языке, где такие существительные, как 'man' 'человек, мужчина' или 'tree' 'дерево' (**исчисляемые существительные**), не могут употребляться для обозначения индивидуальных объектов без модификации посредством детерминатива ('the', 'that' 'этот, тот' и т. д.), квантора ('one' 'один' и т. д.) или некоторых более сложных выражений. Вообще языки сильно различаются в этом отношении, и есть много различий в деталях между языками, которые попадают в один класс (английский, французский, немецкий и т. д.), и языками, которые попадают в другой класс (русский, латинский и т. д.). Я упомянул этот факт потому, что обсуждение обозначающих выражений в целом по большей части смещено в сторону языков, в синтаксическом отношении более или менее подобных английскому. Мое рассмотрение референции в этой книге имеет в высшей мере избирательный характер и по необходимости опирается на примеры из английского языка. Я должен, однако, подчеркнуть, что важно постоянно помнить о том, что английский — лишь один из

нескольких тысяч естественных языков, многие из которых отличаются в этом отношении от него.

Именные группы с вершинными именами существительными могут быть классифицированы семантически несколькими способами. Один из подклассов именных групп, которому философы уделяют большое внимание, — это **определенные дескрипции**: выражения, которые обозначают некоторую определенную сущность и идентифицируют ее отчасти посредством дескриптивного содержания данного выражения. В качестве английских примеров определенных дескрипций можно привести 'the man' '[этот] человек' и 'John's father' 'отец Джона'. Как показывает сам термин 'определенная дескрипция', все такие выражения могут быть разложены семантически, а часто и синтаксически и лексически на два компонента. Один из них, как мы только что отметили, является дескриптивным (например, слово 'man' в 'the man'); другой является чисто референциальным (например, определенный артикль 'the' в английском языке). Я вернусь к этому чисто референциальному компоненту определенных дескрипций в следующем разделе. Здесь же достаточно отметить, что референциальный компонент является недескриптивным в том смысле, что он не идентифицирует обозначаемую сущность посредством описания каких-либо ее контекстуально независимых признаков.

Вершинное имя (например, 'man' в 'the man') в так называемых определенных дескрипциях может быть более или менее дескриптивным по отношению к референту в соответствии с конкретностью или обобщенностью его значения. Предельную степень обобщенности имеет в английском языке слово 'entity' 'сущность', которое может использоваться для обозначения физических и нефизических объектов и происходит от латинского слова, которое было специально создано философами для выражения этой степени обобщенности. Поскольку оно не имеет дескриптивных ограничений, оно может свободно сочетаться с любыми определяющими его прилагательными, существительными, относительными придаточными, предложными группами и т. д. Однако подавляющее большинство обозначающих сущности имен в английском языке не таково. Они попадают в различные **классифицирующие категории** в соответствии с тем, что рассматривается в качестве существенных (или онтологически необходимых) признаков классов сущностей, которые они обозначают. Например, 'thing' 'вещь' обозначает класс неодушевленных сущностей, конкретных или абстрактных; 'person' 'человек, лицо' обозначает подкласс одушевленных сущностей, прототипиче-

скими (хотя и не единственными) членами которого являются люди. То же самое относится к глаголам, прилагательным, наречиям и т. д.: они, так же как и имена, делятся на более или менее обобщенные категории в соответствии со степенью обобщенности или конкретности их значений (и денотации). Например, 'exist' 'существовать' категориально отличается от 'occur' 'случаться, происходить' (или 'happen' 'случаться, происходить'); 'think' 'думать' отличается (по более чем одному параметру или уровню различий) от 'swim' 'плавать'; 'circular' 'круговой' отличается от 'clever' 'умный' и т. д. Эти различия денотативных категорий (или подкатегорий) — базирующиеся на реальных или предполагаемых онтологических различиях рода, качества, процесса и т. д. (которые могут отчасти определять формальные и содержательные универсалии человеческого познания, а отчасти определяться ими) — являются источником того, что я называю категориальной несовместимостью и отличаю от противоречия (см. раздел 7.4).

Два логически отдельных компонента определенных дескрипций лежат в основе двух различных видов **пресуппозиций**: экзистенциальных и классифицирующих (или категориальных). Например, тот, кто использует выражения 'the woman' '[эта] женщина' или 'the man' '[этот] мужчина' в (говоря нестрого) повседневном контексте, обязан иметь экзистенциальную пресуппозицию, что референт этого выражения существует, и категориальную пресуппозицию, что он относится к определенному роду, или категории: категории лиц. Заметим, что именно экзистенциальные пресуппозиции широко обсуждались в последние годы философами и лингвистами. Причина этого в том, что нарушение экзистенциальных пресуппозиций, в отличие от нарушения категориальных пресуппозиций (например, *Qiiadniphcity drinks procrastination* 'Учетверенность пьет промедление' *Thursday is in bed with Friday* 'Четверг в постели с пятницей', см. раздел 5.2) не может трактоваться как приводящее к какой-либо аномалии в рамках семантики, базирующейся на предложении. Рассмотрим ставший знаменитым пример: нет ничего неправильного в предложении

(1) 'The (present) king of France is bald' '(Нынешний) король Франции лыс'. Не само это предложение, но его высказывание (для того, чтобы сделать утверждение) в то время, когда во Франции нет короля, нарушает экзистенциальную пресуппозицию. Мы не будем здесь вдаваться в споры, связанные с понятием экзистенциальных пресуппозиций. Я просто укажу, что согласно взглядам, принятым в этой книге, на предложения, высказывания и пропозиции, тот, кто намеренно

нарушает экзистенциальную пресуппозицию при использовании того, что по виду является определенной дескрипцией, не выражает какой-либо пропозиции вообще. Рассмотренные с этих позиций, многие из имевших в последнее время среди философски ориентированных исследователей семантики дискуссий по поводу пресуппозиций — какими бы важными они ни представлялись тем, кто строго придерживается условно-истинностной теории значения — имеют второстепенное значение с точки зрения лингвистической семантики. Тем не менее следует отметить в этой связи два важных момента.

Во-первых, экзистенциальные пресуппозиции имеют не только определенные дескрипции, но обозначающие (референтные) выражения всех видов. Референция по самой своей сути связана с существованием — невозможно успешно обозначить то, что не существует. Конечно, можно успешно обозначать воображаемые, придуманные писателем и гипотетические сущности, однако при этом мы предполагаем, что они существуют в воображаемом мире, мире художественного вымысла или гипотетическом мире. Аналогично, можно обозначать, и это часто делается, умерших людей. Их можно обозначать в предложениях прошедшего времени как существующих в мире (или состоянии мира), который сам больше не существует (например, *Сократ был приговорен к смерти в 399 году до Рождества Христова по обвинению в развращении афинской молодежи*). Более интересно, однако, то, что можно обозначать их как существующих в настоящем мире в литературе или устной традиции (например, *Сократ говорит [в трудах Платона], что никто не поступает плохо сознательно и по своей воле*).

Во-вторых, ложность дескриптивного содержания обозначающего (референтного) выражения — будь то определенная дескрипция или что-то другое — не лишает силы акт референции и не делает его пустым. Мы можем успешно, хотя и ошибочно, обозначать кого-то или что-то посредством дескрипции, которая фактически является ложной. Предположим — используя в несколько модифицированном виде известный пример — что *x* и *y* присутствуют на приеме и что *x* замечает некоторое третье лицо, *z*, который держит в руке бокал, наполненный бесцветной жидкостью вместе со льдом и лимоном. В этих обстоятельствах *x* может, обращаясь к *y*, успешно обозначить *z* с помощью выражения 'человек (вон там), пьющий джин с тоником'. Мы вернемся к значению помещенного в скобках 'вон там' ('over there') в следующем разделе; здесь же будет достаточно отметить, что, независимо от того, добавлено выражение такого типа к определенной дескрипции или нет, в описанных обстоя-

тельствах обычно используется жест или какой-либо другой сигнал, привлекающий внимание адресата к референту. Предположим теперь, что бокал z -а содержит на самом деле не джин с тоником, а воду (и даже что z не пьет из этого бокала, а держит его для другого человека). То, что дескриптивное содержание выражения 'человек, пьющий джин с тоником' ложно, не означает, что x потерпел неудачу в обозначении z -а. Если y успешно идентифицировал z -а как предполагаемого референта, x успешно обозначил z -а. В действительности x не обязательно должен заблуждаться, чтобы успешно (хотя и с помощью ложной дескрипции) обозначить z -а. В обыденной жизни существуют самые разнообразные ситуации, в которых из вежливости или по каким-либо другим соображениям мы обозначаем людей, животных и вещи посредством дескрипций, которые, как мы знаем или полагаем, являются ложными. Например, x , который знает или полагает, что z является ребенком от внебрачной связи между женой y -а и некоторым третьим лицом, может тем не менее успешно осуществить референцию к z с помощью выражения 'сын y -а' (или, в разговоре с y -ом, 'ваш сын'). Таким образом, действительная истинность или ложность дескриптивного содержания референтного выражения не является непосредственно релевантной для успешности референции. Нормальное человеческое взаимодействие управляется рядом культурно обусловленных конвенций, при этом правдивость часто существенно ограничивается вежливостью. Постулат качества Грайса («говори только то, что ты считаешь истинным») действует не во всех контекстах (см. 9.5).

Я хочу подчеркнуть, что определенные дескрипции — более очевидно, чем собственные имена — зависят от контекста. Их употребление как обозначающих выражений не может быть удовлетворительно объяснено исключительно в рамках базирующейся на предложении условно-истинностной семантики. Когда говорящие используют определенную дескрипцию, они указывают посредством референциальной части выражения, что они выполняют акт референции, и при этом имплицитно гарантируют адресату, что дескриптивная часть выражения содержит всю информацию, необходимую для того, чтобы в данном контексте идентифицировать референт. Для того, чтобы сделать анализ более полным, в сказанное выше необходимо внести различные уточнения и дополнения. Однако это главный момент.

Определенные дескрипции — это только один из многих подклассов именных групп с вершинным именем существительным, используемых как обозначающие выражения. Другим таким под-

классом, разумеется, являются неопределенные дескрипции (в определенных контекстах и используемые с так называемой конкретной, но не определенной, референцией): 'a man' 'человек', 'a certain girl' 'одна (некая) девушка' и т. д. Третий подкласс подобных групп, бывший объектом многочисленных дискуссий и исследований, — это так называемые квантифицированные именные группы: 'all men' 'все люди', 'every girl' 'каждая девушка' и т. д. Предпринятые недавно попытки формализовать понятие референции и поставить его на твердое теоретическое основание столкнулись с различными видами проблем, о которых раньше и не подозревали. Здесь я коснусь только одной такой проблемы, поскольку она тесно связана с главными темами этой главы и широко обсуждалась в философской семантике, — проблемы **референциальной непрозрачности**.

Референциально непрозрачным является такой контекст, в котором подстановка одного обозначающего выражения вместо другого с той же самой референцией не необходимо сохраняет неизменными условия истинности предложения, в котором произведена данная подстановка. (Я сформулировал этот принцип по отношению к предложениям и условиям истинности. С необходимыми поправками он может быть также сформулирован для высказываний и истинностных значений.) Я уже иллюстрировал этот феномен в разделе 7.6. Напомню, что, как я отметил,

(2) 'I wanted to meet Margaret Thatcher' 'Я хотел познакомиться с Маргарет Тэтчер'

и

(3) 'I wanted to meet the first woman Prime Minister of Great Britain' 'Я хотел познакомиться с первой женщиной, которая была премьер-министром Великобритании'

не необходимо имеют одни и те же условия истинности. У этого есть две причины. Первая, конечно, это то, что собственное имя 'Маргарет Тэтчер' (как 'Наполеон' и большинство собственных имен в некоторых, хотя и не во всех культурах) не является постоянным в своей референции; поэтому существует (предположительно) много лиц в Великобритании и других странах, носящих это имя, к которым не приложимо дескриптивное содержание выражения 'первая женщина, которая была премьер-министром Великобритании'. То, что референция почти всех именных групп, включая собственные имена, зависит от контекста, неоднократно подчеркивалось в этой главе. Однако имеется и вторая причина, по которой (2) и (3) имеют разные условия истинности, которая здесь и интересует нас главным образом. Это то, что выражению 'первая женщина, которая была

премьер-министром Великобритании' может быть дана либо прямая **экстенциональная** интерпретация, при которой оно служит для того, чтобы идентифицировать конкретное лицо (тем способом, который был обрисован в этом разделе), либо **интенциональная** интерпретация, при которой — выразим пока это в упрощенном виде — имеет значение не реальный человек, которого имеет в виду агент локуции, но некоторое понятие, которое соответствует дескриптивному содержанию выражения.

Этот вид интенциональности традиционно определяется посредством латинского выражения *de dicto* ("о том, что сказано"), противопоставленного выражению *de re* ("о вещи"), широко используемого в современной модальной логике и логической семантике в значении, указанном выше. Мы вернемся к вопросу об интенциональности в ее отношении к референции позже. Здесь же достаточно указать, что (признаваемое всеми) существование неоднозначности *de re/de dicto* того вида, который был проиллюстрирован выше, дает нам особенно весомые основания для того, чтобы распространить теорию референции за пределы того, что я нестрого и неточно назвал обыкновенными контекстами. На самом деле можно утверждать, что, как мы увидим позже, что в так называемых обыкновенных контекстах присутствует гораздо больше интенциональности, чем обычно полагают. В этом разделе, однако, я буду придерживаться достаточно традиционного подхода к референции.

Третий из главных классов обозначающих (референтных) выражений, в дополнение к именам собственным и именным группам с вершинным именем существительным, — это местоимения. Многое из того, что было здесь сказано о референции, приложимо также и к ним. Поскольку местоимения неразрывно связаны с дейксисом и индексальностью, я рассмотрю их в следующем разделе.

10.2. Индексальность и дейксис

Итак, третий класс обозначающих выражений, который был упомянут, но оставлен без обсуждения в предшествующем разделе, — это местоимения. Традиционно местоимения рассматриваются как заместители имен (как показывает сам термин 'местоимение'). Однако большинство подклассов местоимений (иные, чем относительные местоимения: 'who' 'кто, который', 'which' 'который, какой' и в некоторых случаях 'that' 'который' в английском языке) имеют также и совершенно иную функцию, которую можно считать

более базовой, чем функция замещения предшествующего имени или именной группы. Это их **индексальная**, или **дейктическая**, функция. (Мы уже встречали термины 'индексальность' и 'дейксис' в главе 9; в связанном с этими терминами значении в главе 7 при обсуждении модельно-теоретической семантики использовался термин 'индекс'. В этом разделе индексальность и дейксис будут рассмотрены в гораздо более широком плане.) Мы здесь будем говорить только о двух подклассах местоимений — **личных местоимениях** ('I' 'я', 'you' 'вы', 'we' 'мы' и т. д.), с одной стороны, и **указательных местоимениях** ('this' 'этот', 'that' 'тот'), с другой. Однако термины 'индексальность' и 'дейксис' в настоящее время обычно используются по отношению к гораздо более широкой области феноменов, включая указательные наречия ('here' 'здесь', 'there' 'там'), грамматическую категорию времени и такие лексические различия, примеры которых представлены в английском языке глаголами 'come' 'двигаться к говорящему' vs 'go' 'двигаться от говорящего' или 'bring' 'перемещать что-либо в то место, где находится говорящий' vs 'take' 'перемещать что-либо из места, где находится говорящий, в какое-либо другое место'.

Как мы увидим, термины 'индексальность' и 'дейксис' могут быть объяснены с этимологической точки зрения на основе понятия жестовой референции. Однако они вошли в лингвистику и смежные дисциплины в разное время и разными путями. Термин 'индексальность' (точнее, 'индекс', от которого затем был образован термин 'индексальность') был введен в логику и философию языка американским философом Ч. С. Пирсом (упоминавшимся, в другой связи, в главе 2), использовавшим его в своих работах по семиотике; и только недавно он вошел в собственно лингвистическое употребление. 'Дейксис' (и прилагательное 'дейктический') имеет гораздо более длинную родословную, восходя к работам древнегреческих грамматистов; однако он стал известен лингвистам и ученым из других областей, в том значении, которое он сейчас имеет, благодаря работам немецкого психолога К. Бюлера (1879—1963). До настоящего времени не проведено общепризнанного и теоретически хорошо мотивированного разграничения между этими двумя терминами. Однако будет вполне в духе их современного употребления в философии, лингвистике и психологии понимать индексальность как особый вид дейксиса, а именно как дейксис, релевантный для определения пропозиционального содержания высказывания. Я буду придерживаться этого взгляда. Однако я хочу подчеркнуть, что я не более чем кодифицирую сложившееся исторически различие в

употреблении. Так сложилось, что для той философской традиции, в которой было определено значение термина 'индексальность', характерно понимание значения в более узком смысле.

Как я сказал выше, термины 'индексальность' и 'дейксис' восходят к понятию **жестовой референции** — идентификации референта посредством некоторого телесного жеста, производимого говорящим. ('Дейксис' значит "указание" по-гречески; 'индекс' — латинское слово, обозначающее указательный палец. Указание рукой или пальцем — это способ идентификации посредством телесного жеста, который может иметь естественное, биологическое происхождение и институционализован в этой функции во многих культурах.) Любое обозначающее выражение, которое имеет такие же логические свойства, как данный телесный жест, является, вследствие этого факта, дейктическим. Личные и указательные местоимения в соответствующих употреблениях являются наиболее наглядными примерами языковых выражений, имеющих такие свойства, и ясно дейктическими в терминах этого этимологического определения. Например, вместо того, чтобы сказать / *am happy* 'Я доволен', человек может указать на себя и сказать *Happy* 'Доволен'; вместо того, чтобы сказать *That's beautiful* 'Это красиво', можно указать на картину на выставке и сказать: *Beautiful* 'Красиво'. Разумеется, можно одновременно указывать на референт и использовать соответствующее дейктическое выражение, и многие дейктические выражения на самом деле в норме употребляются вместе с некоторым видом жестовой референции.

Стоит отметить в этой связи, что философское понятие **остенсивного определения** (как было показано, хотя и не в этих терминах, в главе 3) основывается на понятиях жестовой референции и дейксиса. Остенсия (*ostension*) — это невербальное, жестовое указание, являющееся необходимым элементом в определении языковых выражений, а 'остенсия' — это слово, происходящее из латинского слова, имеющего значение, очень близкое с этимологической точки зрения к значению слова 'дейксис'.

Этимология может объяснить происхождение термина 'дейксис', но, конечно, она не может в полной мере объяснить особенности его современного употребления. Для того, чтобы сделать это, нам придется прибегнуть к понятию **дейктического контекста**, функционирующего как составная часть контекста высказывания. Каждый акт высказывания — каждый локутивный акт — осуществляется в пространственно-временном контексте, центр которого, или **точка отсчета**, может быть обозначен как здесь-и-сейчас. Однако

каким образом сможем мы установить это здесь-и-сейчас в конкретных случаях высказываний? Ясно, что нет других способов определить английские указательные местоимения 'here' 'здесь' и 'now' 'сейчас' (или аналогичные выражения в других языках), иначе чем связать их либо (i) с местом и временем высказывания, либо (ii) с местом и временем ментального акта более или менее осознанного понимания и размышления. Первый может быть обозначен как **локутивный дейксис**, а второй, по причинам, которые станут ясны, когда мы перейдем к обсуждению субъективности в последнем разделе этой главы, как **когнитивный дейксис**. (Дискуссионным с философской и психологической точек зрения является вопрос, какой из этих двух видов дейксиса является (если какой-нибудь из них является) более базовым и как они связаны друг с другом.) Определенное в терминах локутивного дейксиса, 'here' 'здесь' обозначает место, где находится говорящий (в момент высказывания), а 'now' 'сейчас' обозначает момент высказывания (или какой-то период времени, который включает момент высказывания). Дополнительные (комплементарные) указательные наречия 'there' 'там' и 'then' 'тогда' определены отрицательно по отношению к 'here' и 'now': 'there' означает 'not-here' 'не-здесь', а 'then' означает 'not-now' 'не-сейчас'.

Дейктический контекст, таким образом, строится вокруг здесь-и-сейчас говорящего, он является, в этом отношении, **эгоцентрическим**. Местоимение 1-го лица Т 'я' в английском языке обозначает (в норме) актуального говорящего, то есть того, кто говорит в данный момент. Поскольку роль говорящего — или, говоря в более общих терминах, роль агента локуции — переходит по ходу диалога от одного лица к другому, точка отсчета в дейктическом контексте постоянно меняется вместе с референцией 'я' и 'здесь'. Референция 'сейчас', конечно, не меняется таким же образом, поскольку говорящий и слушающий в норме находятся в одной и той же временной рамке референции и имеют общие представления о течении времени. Однако 'сейчас' постоянно переопределяется внутри этой общей темпоральной рамки референции каждым актом высказывания. То же самое, разумеется, происходит с прошедшим, настоящим и будущим, которые (в случае локутивного дейксиса) определяются, эксплицитно или имплицитно, относительно 'сейчас' высказывания. Мы можем рассматривать местоимение Т и указательные наречия 'here' и 'now' — и аналогичные выражения в других языках — как обозначающие выражения, которые выделяют и идентифицируют логически отдельные компоненты в пространственно-временной области, заданной

точкой отсчета в дейктическом контексте. В модельно-теоретической семантике все эти три компонента (вместе с другими компонентами, которые не будут обсуждаться здесь, или без них) в общем случае включаются в индекс, или точку соотнесения (*point of reference*). Каждый такой индекс, как мы видели, отличает один возможный мир от альтернативных возможных миров (см. 7.6).

Каким образом пространственно-временной дейксис позволяет нам определить, какая пропозиция была выражена (при произнесении данного конкретного предложения данным говорящим в данное время), было показано в разделе 9.3. Здесь же необходимо подчеркнуть следующее общее положение: большинство высказываний (высказываний-инскрипций) во всех языках являются индексальными или дейктическими в том отношении, что истинностное значение пропозиций, которые они выражают, определяется пространственно-временными параметрами дейктического контекста. Достаточно очевидно, что если высказывание содержит личное местоимение, указательное слово любого типа, глагол в прошедшем, настоящем или будущем времени или какое-либо из множества выражений, таких, как 'вчера', 'в следующем году', 'за границей', или такие глаголы, как 'приходить' ('*come*') или 'приносить' ('*bring*'), то оно выражает различные пропозиции в различных дейктических контекстах, и это совершенно правильно отмечается и описывается во всех современных учебниках семантики.

Однако пространственно-временные параметры дейктического контекста могут имплицитно присутствовать в высказывании и тогда, когда они не выражены эксплицитно грамматическими или лексическими средствами, и этот факт не всегда отмечается, а если и отмечается, то ему не уделяется того внимания, которого он заслуживает. Рассмотрим, например, такое высказывание, как

(4) *It is raining* 'Идет дождь'.

В тех случаях, если отсутствует контекстуальное указание на иное (ведь, например, говорящий может передавать содержание междугородного телефонного разговора), оно относится к времени и месту акта самого этого высказывания и логически эквивалентно (то есть выражает ту же пропозицию) высказыванию

(5) // *is raining here and now* 'Идет дождь здесь и сейчас'.

Разумеется, английский язык, подобно многим (но отнюдь не всем) языкам, грамматикализует временное измерение дейктического контекста в своей системе времен. Если мы переведем *It is raining* на язык, в котором отсутствует категория времени (например, на китай-

ский или малайский), то в самом высказывании-инскрипции не будет содержаться эксплицитного указания на то, что оно относится к настоящему, а не к прошедшему или будущему: как "сейчас", так и "здесь" (а не только "здесь", как в английском языке) будут имплицитны.

Языки чрезвычайно сильно различаются в отношении степени, в которой они грамматикализуют или лексикализуют пространственно-временной дейксис. Важно также понимать, что даже языки, которые весьма сходны в этом отношении на поверхности (например, английский, французский, немецкий), могут существенно отличаться в отношении более частных характеристик. Например, французские 'ici' и 'là' имеют не точно такое же значение, как 'here' и 'there', немецкие 'kommen' и 'bringen' не в точности соответствуют 'come' и 'bring'. В последнее время было выполнено значительное число исследований пространственно-временного дейксиса с различных точек зрения, однако до настоящего времени в этом отношении было рассмотрено ограниченное число языков мира. Современные данные подкрепляют взгляд, высказанный здесь: роль пространственно-временного дейксиса в естественных языках огромна и проявляется на всех уровнях и участках. Теоретическая семантика и прагматика положили начало, как мы видели, формализации дейксиса (или индексальности): однако ни одна из разработанных к настоящему времени систем не является достаточно общей или достаточно широкой и подробной, чтобы справиться со всем многообразием дейктической информации, закодированной в различных естественных языках.

В этой связи необходимо провести два различия. Первое — это различие между, как я буду это называть, **чистым** и **не-чистым дейксисом**: между выражениями, значение которых может быть полностью объяснено в терминах дейксиса, и выражениями, значение которых является частично дейктичным, а частично недейктичным. Например, местоимения первого и второго лица в английском языке, Т 'я' и 'you' 'вы', чисто дейктичны: они обозначают агента локуции и адресата без сообщения какой-либо дополнительной информации о них. Аналогично, указательные прилагательные и наречия (в отличие от указательных местоимений) 'this' 'этот' vs 'that' 'тот', 'here' 'здесь' vs 'there' 'там' являются чистыми дейктиками: они идентифицируют референт (сущность или место) относительно места локутивного акта и местоположения его участников. Однако местоимения третьего лица единственного числа — 'he' 'он', 'she' 'она', 'it' 'оно' — не являются чистыми дейктиками: они кодируют

различия в значении, которые традиционно обозначаются терминами 'мужской род', 'женский род' и 'средний род'. Поскольку эти различия базируются на признаках референтов, которые никак не связаны с их пространственно-временным положением или ролью в локутивном акте, они очевидно являются недеиктичными. Не чисто (то есть не полностью) дейктические выражения кодируют и объединяют как дейктическую, так и не дейктическую информацию.

Терминологически нестандартное различие, которое я провел между чистым и не-чистым дейксисом, — общепринятой терминологии здесь не существует — очень важно, однако до сих пор не привлекло того внимания, которого оно заслуживает. Рассмотрим, например,

(6) *What's that?* 'Что это?'

в его противопоставлении

(7) *What's that thing?* 'Что это за вещь?'

Местоимение 'that' 'этот, тот' в (6) является чисто дейктичным, хотя и не во всех контекстах. Именная группа 'that thing' 'эта/та вещь' в (7), с другой стороны, не является чисто дейктичной: она состоит из чисто дейктического 'that' (функционирующего здесь как прилагательное) и существительного 'thing' 'вещь' (которое имплицитно противопоставлено таким дескриптивно несинонимичным ему словам, как 'person' 'человек' и 'animal' 'животное', и кодирует категориальные, или онтологические, предположения говорящего относительно рассматриваемой сущности). Аналогичная ситуация с высказываниями

(8) *Who's that?* 'Кто это?'

и

(9) *Who's that person?* 'Кто этот человек?'

Здесь также местоимение 'that' (в (8)) является чисто дейктичным, а именная группа 'that person' не является чисто дейктичной. Заметим, однако, что в английском языке имеется категориальное различие между вопросительными местоимениями 'who' 'кто' и 'what' 'что', кодирующее различие между "человеком" и "вещью". Поэтому высказывания (6) и (7) в целом, так же как (8) и (9), эквивалентны.

Этот кажущийся простым пример иллюстрирует не только характер различий между чистым и не-чистым дейксисом, но также лакуны и асимметрии, которые существуют в грамматической и лексической структуре естественных языков, и проблемы, которые возникают по этой причине, когда мы начинаем рассматривать в пол-

ном объеме принцип композициональности в его отношении к различию между семантикой и прагматикой.

Мы не можем здесь углубляться в эти вопросы. Однако студенты, для которых английский язык является родным, или владеющие им на близком к этому уровне, получают некоторое представление о сложностях, которые стоят за или лежат под даже с виду простыми примерами, такими, как (6) — (9), если они поразмыслят над следующими фактами:

- (i) Существует категориальная лакуна между вопросительными местоимениями и прилагательными 'who' 'кто' и 'what' 'что', в результате чего невозможно нормально использовать (6) или (8) для того, чтобы задать вопрос об индивидуальном тождестве сущности, которая не относится к людям или вещам, но является животным. Такой лакуны нет в области личных местоимений: животные, как и маленькие дети, могут быть обозначены посредством 'it' или, в соответствующих обстоятельствах, посредством 'he' 'он' или 'she' 'она'.
- (ii) В то время как (8) является однозначным, (6) может иметь как индивидуальное (относящееся к сущности) или классифицирующее (категориальное) значение: "Какой индивидуальной (отдельной) вещью является это?" vs "Какого рода вещью является это?"
- (iii) Высказывания-инскрипции *What person is that?* 'Кто этот человек?', букв. 'Каким человеком является этот?' и *What is that person?* 'Кто этот человек?', букв. 'Каким является этот человек?' не являются неоднозначными: первое, подобно (8) и (9), имеет только индивидуальное значение, тогда как второе — только классифицирующее значение; *What animal is that?* 'Какое это животное?', букв. 'Каким животным является это?' в этом отношении неоднозначно, но *What is that animal?* 'Какое это животное?', букв. 'Каким является это животное?' имеет только классифицирующее значение.

Подобные факты, учитываемые любым говорящим, для которого английский язык является родным, по большей части бессознательно, когда он производит и интерпретирует высказывания, не могут игнорироваться исследователями семантики: они являются неотъемлемой частью языковой компетенции.

Языки весьма сильно различаются в отношении видов недейктической информации, которую они объединяют с дейктической информацией в значении конкретных выражений. Важно отметить, что

недейктическая часть значения не чисто дейктических выражений может быть дескриптивной (или пропозициональной) или социоэкспрессивной. Последняя часто кодируется в значении местоимений, особенно и на шкале, не похожей на ту, что существует в европейских языках, в японском, корейском, яванском и многих языках Юго-Восточной Азии. Так называемое Т/В различие, наблюдаемое во многих европейских языках — 'tu' vs 'vous' во французском, 'du' vs 'Sie' в немецком, 'tu' vs 'usted' в испанском и т. д., — которое много обсуждалось в социолингвистической и психолингвистической литературе, демонстрирует этот феномен на относительно небольшой шкале и только в местоимениях, используемых для обозначения адресата. Во всех языках, имеющих Т/В различие, недейктическое значение, ассоциированное с ним, является, возможно, главным образом социальным, определяемым социальной ролью или относительно стабильными межличностными отношениями, которые имеют место между говорящим и слушающим. Однако в некоторых языках (например, в русском) переключение с Т-местоимения на В-местоимение и обратно может также указывать на смену настроения или отношения говорящего. Это, однако, всего лишь один пример, демонстрирующий характерную для социального и экспрессивного значений тенденцию сливаться и становиться временами неразделимыми. Отсюда сложный термин 'социоэкспрессивный'.

Второе различие (которое не следует смешивать с различием между чистым и не-чистым дейксисом) — это различие между **первичным** и **вторичным дейксисом**. Первичный дейксис может быть охарактеризован в терминах жестовой референции в рамках дейктического контекста, как было описано выше. Вторичный дейксис связан с заменой или переинтерпретацией пространственно-временных параметров первичного дейктического контекста. Это замена или переинтерпретация может быть нескольких различных видов, и в некоторых случаях она по праву может быть названа метафорической. Я приведу здесь только один пример. Как первичные дейктики английские указательные выражения могут быть описаны в терминах понятия близости к дейктическому центру: 'this' 'этот, эта, это' и 'here' 'здесь' обозначают сущности и места, которые находятся в месте, в котором помещается говорящий (или моменты или периоды времени, которые входят в период времени, который включает момент высказывания). Это то, что обозначает термин 'близость', когда он используется при обсуждении проблем дейксиса. Разумеется, границы места или времени, содержащего дейктический центр, могут быть раздвинуты неопределенно далеко от этого центра: 'здесь' может иметь такую же ре-

ференцию, как и 'в этой комнате' или 'в этой галактике', а 'сейчас' — как 'в этот момент' или 'в этом году'. Есть сложности в деталях (и можно говорить о том, что традиционный термин 'близость' вводит в заблуждение). Однако принцип в целом, в той мере, в какой он имеет отношение к данному примеру, ясен. Среди нескольких видов использования указательных выражений, которые могут быть описаны в терминах вторичного дейксиса, имеется специфическое использование 'that' как противопоставленного 'this', являющееся заметно экспрессивным, экспрессивность которого может быть охарактеризована как эмоциональное неприятие (или дистанцирование). Например если говорящий держит что-либо в руке, то он в норме использует для его обозначения 'this' 'это', а не 'that' 'то' (вследствие его пространственно-временной близости). Если в подобных обстоятельствах он скажет *What's that?* 'Что это (букв, то)?', то использование 'that' будет показателем того, что данный объект ему неприятен или отвратителен: он эмоционально дистанцируется от того, что он обозначает этим местоимением.

Это только один пример одного из видов вторичного дейксиса. Я выбрал его потому, что он достаточно ясно иллюстрирует (не требуя при этом долгих предварительных объяснений незнакомого читателям языкового материала или введения дополнительных специальных различий), что я понимаю под заменой или реинтерпретацией первичных пространственно-временных параметров дейктического контекста. Имеется по крайней мере интуитивно очевидная связь между физической и эмоциональной близостью и удаленностью.

Как мы увидим в разделе 10.5, вторичный дейксис того вида, который был проиллюстрирован здесь, очень близок к субъективной модальности. Однако перед тем, как перейти к этой и связанным с ней темам, я должен пояснить, что различие, которое я провел между первичным и вторичным дейксисом, основывается на стандартном взгляде, согласно которому дейксис определяется в первую очередь как вопрос пространственно-временного положения в контексте высказывания. Стандартный взгляд на дейксис представлен во всех лингвистических учебниках, традиционных и нетрадиционных, и в большинстве специальных монографий и статей по проблемам дейксиса. Этот взгляд лежит также в основе анализа дейксиса, или индексальности, в формальной семантике. Однако можно утверждать, что стандартный подход к дейксису основывается на философски небесспорных, эмпиристских предпосылках о первичности физического, материального мира (и локутивного, а не когнитивного дейксиса). Альтернативный и, возможно, в равной мере обоснован-

ный взгляд заключается в том, что эгоцентричность дейктического контекста имеет по самой своей природе когнитивную основу, коренящуюся в субъективности сознания — в том смысле, в котором субъективность будет объяснена далее (см. 10.6). До сих пор этот альтернативный взгляд не имел сколько-нибудь значительного влияния на то, что может рассматриваться как главное течение в лингвистической семантике. Однако есть признаки, что ситуация в этом отношении меняется.

Невозможно обсудить во вводной книге такого рода, как эта, весь диапазон явлений, покрываемых термином 'дейксис' (как этот термин используется в наши дни лингвистами). Однако необходимо кое-что сказать о грамматической категории времени, которая, как я отметил выше в этом разделе, имеется во многих, хотя и не во всех естественных языках. Время будет рассмотрено в следующем разделе.

10.3. Грамматическая категория времени

Термин 'время' ('tense') является одним из терминов традиционной грамматики, широко используемым в его традиционном смысле теми, кто не имеет специальных познаний в лингвистике. Как известно, он восходит в конечном итоге (через посредство старофранцузского языка) к латинскому слову 'tempus', означающему "время".

Как было отмечено в предшествующем разделе, многие естественные языки не имеют категории времени. Многие из студентов вначале находят это труднодостижимым. Поэтому важно подчеркнуть, что то, что язык не имеет категории времени, не означает, что говорящие на этом языке (например, китайском или малайском) не могут различить языковыми средствами настоящие и прошедшие события или настоящие и будущие события. Это означает, что различия в сфере дейктической темпоральной референции лексикализованы, а не грамматикализованы. Это все равно, как если бы в английском языке было грамматически правильное вневременное предложение типа

(10) 'It be raining (now/yesterday/tomorrow)' 'Идти дождь (вчера/сегодня/завтра)',
которое могло бы использоваться вместо

(10a) 'It is raining (now)' 'Идет дождь (сейчас)'

(10b) 'It was 'raining (yesterday)' 'Шел дождь (вчера)'

(10c) 'It will be raining (tomorrow)' 'Будет идти дождь (завтра)'

для обозначения, в зависимости от ситуации, настоящего, прошедшего и будущего. В английском языке темпоральная дейктическая референция одновременно грамматикализована (в грамматическом времени) и лексикализована (в обширном круге наречий). Очень часто, однако, грамматическое время является излишним в том отношении, что из контекста ясно, имело ли обозначаемое событие место в прошлом, имеет ли оно место в настоящем или будет иметь место в будущем. Поэтому нет ничего странного в языках без грамматического времени. Языки без грамматического времени не являются по своему существу менее экспрессивными или семантически более бедными (при условии, что они обладают достаточно широким кругом лексических временных выражений), чем языки, имеющие грамматическое время. Я должен попутно добавить, что возможно, разумеется, определить термин 'время' таким образом, чтобы он покрывал и лексические выражения. Однако от традиционного разграничения между грамматикализацией и лексикализацией не так-то легко освободиться. Тот факт, что это различие не является четким, так что, например, модальные и вспомогательные глаголы в английском языке или разнообразные классы частиц в английском и других языках могут рассматриваться как полуграмматические (или полулексические), а не как полностью грамматические или полностью лексические классы, не имеет большого значения. В стандартном употреблении если не философов и логиков, то, по крайней мере, лингвистов время — по определению область грамматикализации.

В настоящее время общепризнанно, что время связано не просто с темпоральной референцией как таковой, но с **дейктической** темпоральной референцией, то есть с референцией к моменту или интервалу времени, который определен относительно момента высказывания. Настоящее время (в любом языке, который имеет настоящее время), употребляемое в значении, которое в общем случае рассматривается как его базовое значение, отсылает либо к моменту самого высказывания (темпоральной точке отсчета — сейчас из «здесь-и-сейчас» — дейктического контекста), либо, более часто, к интервалу, или периоду, который включает момент высказывания. Традиционные определения грамматического времени, на которых основываются стандартные словарные дефиниции, неадекватны или недостаточны в том отношении, что не эксплицируют его необходимо дейктический характер. Словарные определения грамматического времени недостаточны также в других отношениях.

Прежде всего, они, как правило, типологически ограничены в том отношении, что представляют время как морфологическую (или,

более конкретно, словоизменительную) категорию глагола. Действительно, эмпирическим фактом является то, что в большинстве морфологически синтетических, или флективных, языков, имеющих грамматическое время, различия между временам маркируются словоизменительными различиями форм глагола. Так, например, обстоит дело в английском языке, ср.: *is/was* 'есть/был', *sing(s)/sang* 'поет/пел'. Но не все языки морфологически синтетичны, и даже если язык является синтетическим с морфологической точки зрения и имеет глагольное словоизменение, нет оснований полагать, что различия времени должны обязательно выражаться в словоизменительных формах глагола. Они могут быть выражены сентенциальными частицами, которые связаны с глаголом не более тесно, чем со словами какой-либо другой части речи в предложении. В любом случае, независимо от способов, которыми выражается время в языках различных морфологических типов, грамматическое время (в тех языках, которые его имеют) с семантической точки зрения всегда является категорией предложения.

Второй недостаток большинства стандартных словарных определений проистекает из принимаемой в них предпосылки, что все временные системы естественных языков являются трехчленными и базируются на грамматикализации прошедшего, настоящего и будущего. С учетом объективной и субъективной направленности времени, в природе и в опыте людей, разумеется, возможно дать универсальное определение прошедшего, настоящего и будущего относительно темпоральной точки отсчета (локутивной или когнитивной) дейктического контекста. Однако из этого не следует, что все языки, имеющие грамматическое время, должны обязательно иметь прошедшее время, настоящее время и будущее время. В принципе существует много различных способов грамматикализации различий дейктической темпоральной референции. На самом деле большинство временных систем в естественных языках в основе своей дихотомичны, а не трихотомичны.

Наиболее распространенное дихотомичное временное противопоставление в языках мира — это прошедшее vs не-прошедшее. Гораздо менее обычным (если оно правильно описывается как различие во времени, а не в наклонении) является противопоставление будущего не-будущему. Равным образом легко определить (пренебрегая направленностью времени) противопоставление настоящего и не-настоящего (ср. лексикализацию этого различия в дейктических наречиях 'сейчас' и 'тогда') или близкого и не-близкого или удаленного и не-удаленного. Ни одно из этих различий, в отличие от про-

шедшего — не-прошедшего, не обнаружено в качестве базового противопоставления в двухчленных временных системах каких-либо хорошо изученных естественных языков, полно и с большой степенью надежности описанных в литературе. Некоторые из этих различий, однако, могут объединяться с другими различиями и формировать более сложные двухуровневые (или многоуровневые) системы времен, включающие **абсолютное** и **относительное время**.

Различие между (так называемыми) абсолютным и относительным временем может быть проиллюстрировано путем сравнения простого прошедшего времени и того, что традиционно называется давнопрошедшим временем. Рассмотрим, например, два следующих предложения, предполагая, что они используются в нормальном контексте высказывания (как прямое утверждение факта):

(11) 'John's uncle died (last week)' 'Дядя Джона умер (на прошлой неделе)'

(12) 'John's uncle had died (the previous week)' 'Дядя Джона умер (на предыдущей неделе).'

Форма *died* 'умер' относится абсолютно (в рассматриваемом смысле слова 'абсолютно') к прошедшему времени — к моменту (или интервалу) времени, который предшествует моменту высказывания. Форма давнопрошедшего (прошедшего перфектного) времени *had died* 'умер' относится к моменту или периоду времени, который относится к прошедшему относительно контекстуально данного времени, которое в этом случае само относится к прошедшему относительно момента высказывания; другими словами, давнопрошедшее время (в некоторых своих употреблениях) относится к прошедшему в прошедшем. Как показывают эти примеры, термины 'абсолютное' и 'относительное' несколько обманчивы, поскольку так называемое абсолютное время также относительно в том отношении, что оно определено относительно точки отсчета. (Альтернативными терминами являются 'первичное' и 'вторичное', однако они не согласуются с другими релевантными значениями этих терминов, включая значение, в котором я использовал их в предыдущем разделе.) Различие между абсолютным и относительным временем, возможно, лучше всего может быть описано как различие в степени. Относительность так называемого абсолютного времени является относительностью первой степени; так называемое относительное время характеризуется относительностью второй степени.

Сложные двухуровневые системы времен, основывающиеся на различных двухчленных противопоставлениях в сфере действительной темпоральности, обычны в языках мира. Например, есть много язы-

ков, в которых грамматикализуется различие между близким и неблизким прошедшим и/или будущим (или, альтернативно, между удаленным и не-удаленным прошедшим и/или будущим). Все они, в той мере, в какой они действительно базируются (беспримесно и первично) на дейктической темпоральности, легко могут быть формализованы в той или другой из систем временной логики, которые были разработаны в последние годы. Например, используя p для обозначения вневременной пропозиции "John's uncle die" "Дядя Джона умереть" (референция 'John's uncle' 'Дядя Джона' фиксируется в контексте) и *Past* 'прошедшее' как оператор прошедшего времени, мы можем удовлетворительно формализовать (11) и (12) соответственно (при условии, что оператор *Past* сам получил необходимое определение):

(11a) *Past* (p)

и

(12a) *Past* (*Past* (p)).

Что же касается точной интерпретации (11a) и (12a), то она, разумеется, будет зависеть от способа определения временных операторов в конкретной системе временной логики, используемой для формализации.

Один из способов интерпретации временных операторов — это использование их как индексов к возможным мирам (см. 7.6). Например, (11a) может быть рассмотрено как означающее, что p истинно в некотором возможном мире (или относительно некоторого возможного мира), который относится к прошедшему относительно мира (то есть предшествует миру), которому приписана в качестве индекса когнитивная или локутивная темпоральная нулевая точка (t_0 = "сейчас"), и (12a) как означающее, что p ; истинно в некотором возможном мире (или относительно некоторого возможного мира), который относится к прошедшему относительно мира, который относится к прошедшему относительно мира, которому приписана в качестве индекса t_0 . Очевидно, что операторы настоящего времени и операторы будущего времени (и, в принципе, операторы близкого времени и операторы удаленного времени) также могут быть определены в терминах дейктической темпоральности и использованы аналогичным образом как индексы к возможным мирам. Очевидно также, что с теоретической точки зрения нет проблем с конструированием неопределенно большого количества сложных многоуровневых временных систем путем комбинирования небольшого числа временных операторов разнообразными способами, при условии,

что они могут комбинироваться друг с другом и с другими пропозициональными операторами (отрицанием, модальностью и т. д.) без каких-либо ограничений.

Однако (Па) и (12а), интерпретированные таким образом, не являются удовлетворительными репрезентациями значения (11) и (12). Как показывают наречные обороты в скобках, 'last week' 'на прошлой неделе' и 'the previous week' 'на предыдущей неделе', простое прошедшее время и перфектное прошедшее время имеют определенную референцию, по крайней мере, при произнесении этих предложений в контекстах, в которых эксплицитно или имплицитно присутствует соотносительность с тем, что выражается этими наречными оборотами. Эти обороты просто эксплицируют то, что в противном случае, вероятно, осталось бы невыраженным в контексте высказывания. В этом отношении (11) и (12) типичны если не для всех, то для большинства предложений, выражающих время, в английском и других естественных языках. Как отмечали многие грамматисты, время с семантической точки зрения подобно определенному артиклю или указательным местоимениям и наречиям. Подобно этим выражениям, время в своей основе дейктично и определено, но, также подобно этим выражениям, оно может быть анафорическим или объединять дейксис и анафору. Это означает, что любая система временной логики, которая трактует времена естественных языков аналогично квантору существования ("Существует некоторый более ранний/более поздний мир, в котором p истинно"), нуждается в модификации. На самом деле исследователи формальной семантики прекрасно понимают, что существующие в настоящее время системы временной логики не позволяют удовлетворительно формализовать даже чисто темпоральное значение большинства дихотомичных или трихотомичных временных противопоставлений в естественных языках.

Сказав это, я должен снова подчеркнуть, что очевидная неадекватность формальной семантики (на современном этапе ее развития) не означает, что лингвистическая семантика не может ничего почерпнуть из недавних и продолжающихся в настоящее время попыток включить временные системы естественных языков в ее сферу. Я подчеркивал, подчеркиваю и снова буду подчеркивать это в следующем разделе в связи с анализом наклонения и модальности. Нет сомнений, что понятие возможных миров, которым приписаны индексы дейктической темпоральной референции, является мощным и интуитивно привлекательным и может служить основой для дальнейшего развития лингвистической семантики.

Стандартные определения грамматического времени обычно не эксплицируют тот факт, что референция естественно-языковых времен, в отличие от референции временных операторов в ряде систем временной логики, являются характеристически определенными, а не неопределенными. Они также не эксплицируют (хотя это и более очевидно) тот факт, что указание на время с помощью грамматических времен имеет характеристически сопутствующий (incidental) характер. Например, (11) в норме не может быть произнесено для того, чтобы, обозначив некоторый момент в прошлом, сказать что-либо об этом моменте времени. Выражаемая этим предложением пропозиция не является пропозицией о времени в том смысле, в котором вневременная пропозиция "Дядя Джона умереть" является пропозицией о контекстуально определенном референте выражения 'дядя Джона'. В некоторых, а может быть, и во всех естественных языках можно обозначать непосредственно моменты или интервалы времени и делать утверждения о них; можно даже рассматривать события, которые происходят в эти моменты или интервалы (например, смерть дяди Джона), как признаки этих моментов или интервалов времени. Однако невозможно это делать, за исключением очень специфических контекстов, посредством грамматического времени. Не-сопутствующая референция к времени, как дейктическая, так и не-дейктическая, предполагает использование лексических выражений и, в общем случае, также более сложных грамматических конструкций. С точки зрения логической семантики, прямая (не сопутствующая) референция к времени (так же, как к пространству) требует, чтобы язык, в котором осуществляется такая референция, был более высокого порядка, чем первопорядковый формальный язык, такой, как простое (не расширенное) исчисление предикатов. Многие, если не все естественные языки являются в этом смысле языками более высокого порядка. Однако это никак не связано с тем, имеют ли они грамматическое время или нет.

Итак, теперь грамматическое время может быть определено гораздо более полно, чем это было сделано ранее в этом разделе, как категория, являющаяся результатом грамматикализации сопутствующей (определенной) дейктической темпоральной референции. Я поместил 'определенной' в скобках, поскольку вопрос, является ли определенность референции необходимо, а не просто типически связанной с грамматическим временем, является дискуссионным. Однако в других отношениях определение, которое я только что дал, не должно вызывать каких-либо возражений — как определение **чис-**

того и **первичного** грамматического времени (в том смысле терминов 'чистое' и 'первичное', который был указан в разделе 10.2).

Применение данного определения к описанию конкретных языков является далеко не простым делом. Как было отмечено в конце предшествующего раздела, есть люди, которые утверждают, что стандартный взгляд на дейксис и в еще большей степени на время «основывается на философски небесспорных, эмпиристских предпосылках о первичности физического, материального мира (и локутивного, а не когнитивного дейксиса)». Существуют альтернативные, не стандартные теории грамматического времени, которые не рассматривают темпоральность как то, что грамматикализуется категорией времени. Такие теории должны приниматься серьезно, но, поскольку они не являются общепринятыми, они не будут далее обсуждаться в этой книге.

Если мы соглашаемся с тем, что чистое первичное время грамматикализует темпоральность, то остается тем не менее место для споров по поводу того, выражает ли то, что в общем случае рассматривается как грамматическое время в конкретных языках, чистое первичное время во всех или в каких-либо своих употреблениях. Даже в английском языке, не говоря уже о многих других языках, где такие случаи проявляются более ярко, имеются такие употребления прошедшего времени и будущего времени, которые являются не темпоральными, а модальными (о модальности см. 10.5). Так, грамматисты в настоящее время разделились по вопросу о том, является ли в своей основе — в своем беспримесном и первичном употреблении — то, что традиционно определяется как будущее время в английском языке, грамматическим временем (в терминах стандартного определения времени). Формально оно безусловно отличается от несомненно основного двухчленного временного противопоставления в английском языке — прошедшего и не-прошедшего времени. То, что я называю противопоставлением прошедшего и не-прошедшего времени, традиционно описывается как противопоставление прошедшего времени и настоящего времени. Однако термин 'не-прошедшее' формально (и, возможно, также семантически) более подходит в данном случае. В то время как противопоставление прошедшего и не-прошедшего времени (или противопоставление прошедшего и настоящего времени) выражается словоизменительно, так называемое будущее время образуется перифрастически с помощью 'will' и 'shall'. Морфологически и синтаксически 'will' и 'shall' подобны модальным вспомогательным глаголам 'may' 'может', 'must' 'должен' и 'can' 'может'. Можно также утверждать, что

они также семантически подобны модальным вспомогательным глаголам во многих из своих употреблений, включая их использование в роли так называемых вспомогательных глаголов будущего времени.

Вероятно, будет справедливо сказать, что современные наиболее основательные и авторитетные описания системы времен в современном английском языке разделились ровно пополам по вопросу, является ли так называемое будущее время (с 'will' и 'shall') в своей основе темпоральной или модальной формой. То, что имеет место подобное разделение мнений, само по себе показательно: оно показывает, что, как это обычно бывает в таких случаях, на данный вопрос, в том виде, как он сформулирован, нелегко, а может быть, и невозможно ответить. Но какого бы взгляда по данному вопросу ни придерживались отдельные лингвисты, они все согласны в том, что в английском и многих других языках существуют многочисленные употребления так называемого будущего времени, которые являются модальными, а не темпоральными. Они могут также согласиться в том, что референция к будущему, в отличие от референции к прошлому или настоящему, в общем случае, если не всегда, смешана с неуверенностью либо, напротив, с ожиданием и предвосхищением. Такие установки традиционно рассматриваются как модальные и, как мы увидим в следующем разделе, часто выражаются грамматической категорией наклонения. Подводя итоги, остается только сказать, что различие между темпоральностью и модальностью и, следовательно, различие между временем и наклонением не всегда проводится четко и ясно в описаниях конкретных языков, особенно в случае так называемого будущего времени. Наклонение и модальность рассматриваются в разделе 10.5. Однако перед тем, как перейти к модальности и наклонению, необходимо кое-что сказать об аспекте, который, как мы увидим, до последнего времени в общем случае не отграничивался от времени в грамматических описаниях многих языков, включая английский.

10.4. Грамматическая категория аспекта

Термин 'аспект' ('вид'), в отличие от термина 'время', не относится к числу терминов, широко используемых людьми, не являющимися специалистами в области языкознания. Этот термин, не только в сравнении с термином 'время', но также в сравнении с термином 'наклонение' и многими другими используемыми граммати-

стами терминами, сравнительно недавнего (девятнадцатое столетие) происхождения. И только совсем недавно он стал использоваться в отношении иных языков, чем русский и другие славянские языки. Традиционно то, что определяется как аспект (в самых разных языках по всему миру), включалось в категорию времени. Например, латинская, французская и английская формы *cantabat*, *chantait*, *was singing* 'пел' определялись как формы имперфекта, а имперфект описывался как одно из множества времен, отличавшихся от языка к языку, но включавших такие другие так называемые времена, как простое прошедшее, перфект, настоящее, будущее и перфектное будущее. Многие авторы стандартных грамматических справочников и учебников, используемых в школах, продолжают использовать эти традиционные термины в их традиционной интерпретации. Тем самым они вносят свою лепту в то, что справедливо было охарактеризовано как продолжающееся в течение длительного времени «терминологическое и концептуальное смешение времени и аспекта» (Comrie 1976: 1).

Определение аспекта вызывает даже больше разногласий, чем определение времени. Но некоторые из различий между временем и аспектом достаточно ясны и в настоящее время не вызывают споров. Первое из них состоит в том, что аспект, в отличие от времени, не является дейктической категорией. Второе заключается в том, что традиционно выделяемые отдельные времена глагола (такие, как так называемый имперфект в латинском, французском или английском) в типичном случае объединяют время и аспект. Например, *was singing* 'пел' отличается от *is singing* 'поет' (дейктически) временем, но не аспектом; напротив, *was singing* 'пел' отличается от *sang* 'пел, спел' аспектом, но не временем. То, что аспектуальное тождество между *was singing* и *is singing* не дейктично, интуитивно очевидно и легко может быть продемонстрировано эмпирически посредством парафраз и других методов, имеющихся на вооружении у семантики.

То, что было только что сказано о различии между *was singing* и *sang*, может быть отнесено и к различию между *cantabat* 'пел' и *cantavit* 'спел' в латинском языке и *chantait* 'пел' и *chanta* 'спел' в нормативном литературном французском языке, несмотря на то, что ни одна из латинских или французских форм не является эквивалентной какой-либо из двух приведенных выше английских форм; *cantabat* и *cantavit* (в одном из ее двух значений), с одной стороны, и *chantait* и *chanta*, с другой, отличаются аспектом, но не временем. Однако в отличие от английского языка в этих языках нет аналогичного аспектуального противопоставления в настоящем времени:

формы настоящего времени *cantat* и *chante* охватывают весь тот диапазон, который покрывается совместно аспектуально различными английскими формами *is singing* и *sings*. И это отнюдь не нетипично. Существует много языков (имеющих как время, так и аспект), в которых в прошедшем времени больше аспектуальных различий, чем в настоящем (или будущем).

Как я уже сказал, определение аспекта вызывает много разногласий в общей лингвистической теории. Один из пунктов разногласий — это является ли аспект в своей основе темпоральной категорией или нет. Для простоты представления, я буду полагать, что аспект является темпоральной категорией. При этом я буду молчаливо представлять объективистский, а не субъективистский подход к описанию аспекта (в том значении слов 'субъективный' и 'субъективность', который будет объяснен в последующих разделах этой главы). Субъективистские теории аспекта подчеркивают точку зрения говорящего (или агента локуции), а не предполагаемые объективные темпоральные характеристики ситуации (положения дел, события, процесса и т. д.), которая описывается пропозициональным содержанием произносимого предложения. Хотя я не буду развивать здесь этот момент, я должен подчеркнуть, что даже если допустить, что аспект является в своей основе объективной темпоральной категорией, во всех языках, которые имеют аспект, существуют многочисленные субъективные употребления аспектуально маркированных форм. Существующие описания аспекта в формальной семантике недостаточны в том отношении, что они не способны отразить такие использования.

Каким же образом определяется аспект как объективная темпоральная категория? Невозможно дать на этот вопрос ответ такого же рода, как на вопрос о том, что такое грамматическое время. В целом общее определение аспекта может быть сформулировано следующим образом: аспект — это категория, являющаяся результатом грамматикализации внутренней темпоральной структуры (или контура) ситуаций (действий, событий, состояний и т. д.). К несчастью, в обычном, неспециальном английском языке нет одного слова, которое бы охватывало «действия, события, состояния и т. д.». Поэтому некоторые авторы используют (как это делаю я) слово 'ситуация' как специальный термин, который обозначает не только положения дел, но также мгновенные события, с одной стороны, и деятельности и процессы, с другой.

Приведенное выше общее определение аспекта эксплицирует тот факт, что аспект (подобно времени и наклонению) является

грамматической, а не лексической категорией. Некоторые ученые используют также термин 'аспект' для обозначения аспектуальных различий между разными подклассами глаголов и прилагательных. Можно согласиться с тем, что эти различия подобны аспектуальным грамматическим различиям, однако это широкое, нестандартное употребление термина может приводить к путанице и поэтому его следует избегать.

Аспект, таким образом, является грамматической категорией. Однако, в отличие от времени, он неразрывно связан с глаголом, или, говоря более общо, с предикатом. Можно говорить о том, что значение, выражаемое временем, не является частью пропозиционального значения предложений, в то же время значение, выражаемое аспектом (как объективной, темпоральной в своей основе категорией), безусловно включено в пропозициональное содержание предложений. Можно утверждать, что 'He is singing' 'Он поет' и 'He was singing' 'Он пел' имеют одно и то же пропозициональное содержание (и в соответствующих контекстах могут выражать в точности одну и ту же пропозицию); при таком подходе к анализу этих предложений время будет сентенциальным оператором, который приписывает пропозицию (дейктически) тому миру, который она должна описывать. Однако 'He sings' 'Он поет (неактуально, узурально)' и 'He is singing' 'Он поет (актуально, в данный момент)' не только семантически, но также с точки зрения их условий истинности не эквивалентны в любом мире, который они описывают. Рассмотренное с семантической точки зрения и, более конкретно, с точки зрения формальной семантики, описанное различие между временем и аспектом, вместе с тем фактом, что время дейктично, а аспект — нет, возможно, является наиболее важным различием между этими грамматическими категориями.

Описав различие между аспектом и временем в общей теории языка, я должен подчеркнуть, что во многих естественных языках имеются глагольные формы, которые трудно без колебаний отнести исключительно к одной из этих категорий. Необходимо также указать, что аспект гораздо более распространен в языках мира, чем время, и, комбинируясь во многих языках с временем, он также обнаруживается во многих других языках, где грамматическое время отсутствует. Среди понятий, которые наиболее часто обсуждаются в связи с аспектом, можно выделить следующие: длительность, точечность, законченность, частота и начинательность. Было бы невозможно в рамках данной книги рассмотреть, каким образом эти темпоральные признаки закодированы в грамматических системах кон-

кретных языков. Для этой цели следует обратиться к работам, перечисленным в библиографии к данной книге. Однако следует упомянуть и коротко прокомментировать различие между так называемым **совершенным** и **несовершенным** видом в русском и других славянских языках. Затем на основании этих комментариев я изложу несколько очень общих соображений, касающихся отношений между семантикой и онтологией.

Хотя среди исследователей наблюдаются расхождения в мнениях относительно деталей, в настоящее время общепринято, что функцией того, что традиционно называется совершенным видом, является представление ситуаций в целостном виде — в темпорально неструктурированной целостности (*completeness*), но не в их временной протяженности или структурированности. Эту очень общую характеристику функции, или значения, совершенного вида трудно понять без долгих комментариев и примеров. Необходимые объяснения и примеры в настоящее время легко можно найти в учебниках, где рассматриваются проблемы аспекта. Первое, что я хотел бы отметить здесь, относится к термину 'целостность' и к более полному выражению 'темпорально неструктурированная целостность'. 'Целостность' (*'completeness'*) не следует смешивать с 'завершенностью' (*'completion'*). К сожалению, такое смешение чрезвычайно распространено и имеет место во многих стандартных учебниках. Данная проблема связана с онтологическим различием (лексикализованным в английском языке, но не во всех языках) между событиями, с одной стороны, и состояниями, процессами, деятельностью и т. д., с другой.

События (в идеале) подобны математически определенным точкам в том, что они занимают определенную позицию, но (в идеале) не имеют величин: они существуют (или имеют место) во времени, но они не имеют временного протяжения. Бессмысленно спрашивать об (идеальном) событии, определенном таким образом, то, что можно осмысленно спросить о состоянии или деятельности: «Как долго это продолжалось?» или «Сколько времени это заняло?». Конечно, в физическом мире идеальных событий нет: вспышка молнии, стук в дверь и даже сам Большой Взрыв объективно имеют некоторое протяжение во времени (или пространстве-времени). Однако ситуации, которые фактически имеют временную протяженность (то есть длительность), могут субъективно восприниматься как мгновенные

Взрыв, который, по мнению некоторых ученых, положил начало Вселенной. — *Примеч. перев.*

(то есть как события). Более того (переходя к самому существу дела), ситуации, которые очевидно являются длящимися и воспринимаются как таковые, могут быть представлены как события, то есть как ситуации, временное протяжение или внутренняя темпоральная структура которых иррелевантны. Выбор между совершенным и несовершенным видом в русском языке (и между по-разному называемыми, но более или менее эквивалентными русским видовым формам аспектуальными формами в других языках) является в этом смысле субъективным, даже если само аспектуальное различие определяется в терминах представляющихся объективными понятий временной протяженности и мгновенности. Не только определение терминов 'совершенный' и 'несовершенный', но, как я уже подчеркивал в этом разделе, семантический анализ аспекта в целом вызывает гораздо больше разногласий, чем анализ времени. То, что я только что сказал о субъективности в аспектуальном представлении ситуаций, сохраняет свое значение независимо от выбора субъективного или объективного подхода к определению аспекта.

Это также имеет значение и в более общем плане в связи с отношением между семантикой и онтологией. В этой книге я придерживался позиции наивного реализма, согласно которому онтологическая структура мира объективно независима как от восприятия и познания, так и от языка. По мере рассмотрения конкретных проблем эта позиция постепенно уточнялась (и в некоторой степени модифицировалась); был также разработан более специальный метаязык для того, чтобы описать с большей строгостью, чем это возможно в обыденном метаязыке, отношения референции и денотации, которые связывают язык и мир.

Согласно принимаемому здесь взгляду, мир содержит некоторое число сущностей первого порядка (обладающих признаками первого порядка), которые делятся на онтологические категории (или естественные роды); он также содержит агрегаты (скопления) вещества или материи (с признаками первого порядка), порции которого могут быть выделены, измерены и названы — и тем самым лингвистически представлены как сущности — с помощью лексических и грамматических средств конкретных естественных языков. Можно полагать, что все естественные языки обеспечивают своих носителей средствами обозначения сущностей первого порядка и выражения пропозиций, описывающих их в терминах их (первопорядковых) признаков, реальных или приписываемых им говорящими, существенных или случайных; такие языки имеют выразительную мощь первопорядковых формальных языков.

Более спорным и до настоящего времени эмпирически не разрешенным является вопрос, все ли естественные языки обладают выразительной мощностью, свойственной формальным языкам более высокого порядка. Однако некоторые естественные языки несомненно обладают такой мощностью, и английский язык, который, надлежащим образом расширив и упорядочив его, мы используем здесь как наш метаязык, — один из них. Он позволяет его носителям реифицировать, или гипостазировать, признаки сущностей первого порядка, отношения между ними, а также процессы, действия и положения вещей (и другие виды ситуаций), в которые они вовлечены. Лексические ресурсы, которые английский язык предоставляет для этой цели, включают исчисляемые имена второго порядка, которые я использовал в предыдущем предложении и во всем этом разделе ('признак', 'отношение', 'процесс', 'ситуация' и т. д.), вместе с соответствующими глаголами ('происходить', 'иметь место', 'длиться' и т. д.) и прилагательными ('мгновенный', 'статический' / 'динамический', 'длительный' и т. д.), позволяющими нам рассматривать их с точки зрения метаязыка как сущности и распределять их в онтологические категории.

Грамматические ресурсы, которые обеспечивает английский язык для этой цели, включают кванторы, детерминативы и классификаторы, используемые первично для нужд первопорядковой референции; использование их с целью второпорядковой референции (посредством таких выражений, как 'the situation in which John found himself' 'ситуация, в которой, как обнаружил Джон, он находится', 'the initial phase of this continuing process' 'начальная фаза этого непрерывно длящегося процесса' и т. д.) является основанием для использования в этом контексте традиционных философских терминов 'реификация' и 'гипостазирование'. Этот вид реификации, или гипостазирования, согласуется и может быть соединен исторически с развитием и приспособлением конкретных языков для целей обслуживания абстрактного философского или научного дискурса.

В то же время, независимо от развития в этих целях специального второпорядкового словаря и связанных с ним грамматических ресурсов в конкретных языках, существует и другой связанный с этим феномен, который обнаруживается в очень многих языках мира и который поэтому необходимо упомянуть. Это моделирование словаря и грамматики темпоральной референции и денотации по образцу пространственной референции и денотации. Например, во многих языках падежная система или множество предлогов (или послелогов) использует один и тот же падеж или предлог для образования

как временного, так и пространственного выражения, и это часто, если не всегда является основанием для утверждения, что темпоральное значение исторически производно от более раннего пространственного значения. Этот феномен настолько распространен, что он лег в основу целого направления в исследовании естественных языков, известного как **локализм**. Локалистский подход к падежу, в том виде, как он обычно излагается, исходит из положения, что темпоральные выражения по своему существу более абстрактны, чем пространственные, и что моделирование темпоральной референции и денотации по образцу пространственной референции и денотации является частью более общего процесса моделирования абстрактных областей по образцу конкретных областей.

Неудивительно, что существуют локалистские теории времени и аспекта, разработанные для самых различных языков. Этим теориям уделяется в настоящее время гораздо больше внимания в распространенных учебниках и монографиях, написанных по-английски, чем это было недавно, и я не буду входить в подробности этих теорий здесь. Я только подчеркну тот факт, что как время семантически подобно указательным словам и детерминативам, так аспект семантически подобен классификаторам и кванторам, а также таким признакам, как исчисляемость, которая отличает сущности первого порядка от первопорядковых совокупностей (агрегатов) вещества или материи. Это параллелизм прекрасно осознается в традиционных описаниях аспекта. Выражая это коротко: как пространство относится к первопорядковым (экстенциональным) сущностям, так время относится к второпорядковым (экстенциональным) сущностям, ситуациям. Другими словами, ситуации расположены во времени так, как физические объекты расположены в пространстве. На данном уровне обобщения то, что я только что сказал, может звучать непонятно и казаться иррелевантным с философской точки зрения. Релевантность и осмысленность этого положения станет очевидной, если обратиться к более подробным описаниям аспекта вообще или конкретных аспектуальных систем, которые имеются в настоящее время.

10.5. Модальность, модальные выражения и наклонение

Существует очевидная этимологическая связь между терминами 'модальность', 'модальный' и 'наклонение' ('mood'). Несмотря на всю ее очевидность, эта связь имеет исторически сложный характер, и всем трем терминам давались и даются разнообразные противореча-

щие друг другу интерпретации лингвистами и логиками, как в традиционных, так и в более недавних работах. Студенты должны знать, что, в частности, термин 'наклонение' ('mood') длительное время использовался в различных, хотя и в конечном итоге связанных значениях лингвистами и логиками. Поскольку лингвистическая семантика в последние годы находилась под сильнейшим влиянием логической семантики, термин 'наклонение' ('mood') теперь часто используется лингвистами в логическом смысле этого слова, и это может вызвать путаницу. В этом разделе и во всей этой книге я использую этот термин исключительно и последовательно в том смысле, в котором он используется в традиционной грамматике, то есть по отношению к таким грамматическим категориям, как индикатив, конъюнктив и императив. Как было отмечено в главе 6, многие, если не все функции наклонения непропозициональны и находятся вне сферы условно-истинностной семантики; грамматические категории наклонения и времени взаимосвязаны во всех естественных языках, которые имеют обе эти категории, при этом наклонение более широко распространено, чем время, в языках мира. Перед тем как продолжить разговор об этом, я должен сказать несколько слов о модальности.

Единственный вид **модальности**, признаваемый в традиционной модальной логике, это модальность, связанная с понятиями необходимости и возможности, постольку, поскольку они связаны с истинностью (и ложностью) пропозиций: **алетевтическая, или алетическая, модальность**. (Как 'алетевтическая', так и 'алетическая' происходят косвенно от греческого слова, обозначающего истину; 'алетевтическая' предпочтительнее с этимологической точки зрения, однако в литературе сейчас широко используется термин 'алетическая'.) Мы уже рассматривали по разным поводам вопрос необходимой истинности и ложности пропозиций, в частности, в связи со следованием и аналитичностью в главе 4. В разделе 6.5 мы отметили, что модальные операторы N и M (или \bullet и 0), подобно оператору отрицания в исчислении предикатов, функционально-истинностны.

Теперь к этому можно добавить, что алетическая необходимость и возможность взаимоопределимы через отрицание: они являются обратными противоположностями или (используя более специальную терминологию математической логики) **дуалами**. Проиллюстрируем это с помощью видоизмененного примера из раздела 6.5:

(13) "Необходимо, что небо синее "

логически эквивалентно

(14) "Не возможно, что небо не синее"

(то есть $(Np = \sim M\sim p)$, или $(\bullet p = \sim 0 \sim p)$);

а

(15) "Возможно, что небо синее"

логически эквивалентно

(16) "Не необходимо, что небо не синее"

(то есть $(Mp = \sim N \sim p)$, или $(0 p - \sim \bullet \sim p)$).

Вопрос, имеют ли другие виды необходимости и возможности такие же логические свойства по отношению к отрицанию, как алетические необходимость и возможность, является несколько более дискуссионным, и мы вернемся к нему вскоре.

То, что алетические необходимость и возможность являются дуалами, означает, что в этом отношении они подобны квантору общности и квантору существования $((x)$, или, альтернативное обозначение, $(\forall x)$ — "все"; и (Ex) или $(\exists x)$ — "некоторые"), как они стандартно определяются логиками: $(x)fx = \sim ((Ex) \sim fx)$, то есть "Для всех x , x имеет признак f " эквивалентно "Не имеет места, что существует некоторый x , такой, что (то есть, нет x такого, что) x не имеет признака f ". Этот параллелизм между квантификацией и модальностью отнюдь не случаен. В традиционной логике (базирующейся на двухчастном разделении пропозиции на субъект и предикат) модальность обычно описывается как квантификация предиката. И как мы видели, в некоторых системах современной интенциональной логики (включая ту, которая лежит в основе семантики Монтегю) необходимость определяется (вслед за Лейбницем) в терминах истинности во всех возможных мирах, возможность — в терминах истинности в некотором (то есть, по крайней мере в одном) возможном мире. В связи с тем, что необходимость и возможность взаимоопределимы (могут быть определены друг через друга), возникает вопрос, какая из этих двух модальностей является, если какая-нибудь является, более базовой. Вообще говоря, логики рассматривают алетическую модальность как базирующуюся на необходимости, а не на возможности. Однако с чисто формальной точки зрения это вопрос произвольного решения.

Алетическая модальность, таким образом, подобно пропозициональному отрицанию, имеет по определению функционально-истинностный характер. Однако каково положение с модальностью в повседневном употреблении естественного языка? Рассмотрим другой из примеров, использовавшихся в разделе 6.5, — предложение

(17) 'He may not come' 'Он может не прийти / не может прийти'.

Нет сомнения, что это предложение может использоваться для утверждения модализованной отрицательной пропозиции (с внешним или внутренним отрицанием: $\sim Np$ или $M \sim p$). В этом случае как отрицательная частица *not* 'не', так и модальный глагол 'may' 'может' понимаются как вносящие вклад в пропозициональное содержание предложения.

Однако в случае этого конкретного предложения (когда оно произносится в большинстве повседневных контекстов) модальность скорее будет эпистемической или деонтической, а не алетической. (Термины 'эпистемический' и 'деонтический' были определены в разделе 8.4. Как мы увидим, они используются здесь практически в том же самом значении.) Каждая из этих двух модальностей может быть также объективной или субъективной. Если нашему предложению-примеру дана **объективная эпистемическая** интерпретация, то оно будет иметь следующее пропозициональное содержание:

(18) "Относительно того, что известно, возможно, что он не придет";

если же ему дана **объективная деонтическая** интерпретация, оно будет иметь пропозициональное содержание (19):

(19) "Не разрешено, чтобы он пришел".

Используя интуитивным и неформальным образом понятие возможных миров (и пренебрегая усложнениями, связанными с временем), мы можем парафразировать (18) и (19) соответственно как:

(18a) "Существует некоторый эпистемически возможный мир, в котором он приходит"⁴

(19a) "Существует некоторый деонтически возможный мир, в котором он приходит" .

Отметим, что в обоих случаях модальность представлена как нечто такое, что фактически имеет место в некотором эпистемическом или деонтическом мире, внешнем по отношению к тому, кто произносит это предложение в конкретном случае. Это то, что я имею в виду, когда говорю об объективной (или пропозициональной) модально-

⁴ В оригинале: "There is some epistemically possible world in which he comes". Видимо, ошибка. Как представляется, парафразой (18) должно быть: "Существует некоторый эпистемически возможный мир, в котором он не приходит". — *Примеч. перев.*

⁵ В оригинале: "There is some deontically possible world in which he comes". Скорее всего, ошибка. Как представляется, парафразой (19) должно быть: "Не существует деонтически возможного мира, в котором он приходит". — *Примеч. перев.*

сти. Как эпистемическая, так и деонтическая модальности в стандартной модальной логике и формальной семантике всегда интерпретируются объективно.

Однако, независимо от того, интерпретируется ли (17) эпистемически или деонтически, модальность, связанная с 'may' 'может', может быть **субъективной**, а не объективной; иными словами, говорящий (или, говоря обобщенно, агент локуции), произнося это предложение, может выражать свое собственное мнение по поводу того или иного положения вещей или свою волю и наличие полномочий к его осуществлению или неосуществлению, а не просто сообщать как нейтральный наблюдатель о его существовании. Субъективная модальность гораздо более распространена, чем объективная модальность, в повседневном употреблении языка; особенно редко в обычном языке встречается объективная эпистемическая модальность. Если (17) высказывается с субъективной эпистемической модальностью, то оно означает примерно следующее:

(20) "Я-думаю-это-возможно, что он не придет"

(где соединенное дефисами "Я-думаю-это-возможно" должно пониматься как одна единица); если оно высказывается с субъективной деонтической модальностью, оно означает что-то вроде "Я запрещаю ему приходиться".

Когда я использовал термины 'эпистемический' и 'деонтический' ранее в связи с понятием иллюкутивного обязательства, я говорил так, как будто единственными возможностями, имевшимися у агента локуции, были выражение полного обязательства (commitment) и воздержание от полного обязательства. Теперь мы видим, что это не так. Если говорить об утверждениях, то в этой области существуют различные способы, которыми агент локуции может модифицировать свое эпистемическое обязательство. Он может указать, что свидетельства, которыми он располагает, — его **эпистемические гарантии** или **эпистемические основания** его утверждения — не так хороши, как могли бы быть, и что его обязательство имеет не абсолютный, а предварительный, пробный или условный характер, и т. д. Субъективная эпистемическая модальность представляет собой именно это — квалификацию агентом локуции своего эпистемического обязательства. Все естественные устные языки предоставляют в распоряжение своих носителей разнообразные просодические средства — ударение и интонацию — для выражения различных видов эпистемических обязательств. Некоторые, хотя отнюдь не все, языки грамматикализуют эти виды в категории наклонения, другие языки, такие, как английский, лексикализуют или

полулексикализуют их посредством модальных глаголов ('may' 'может', 'must' 'должен' и т. д.), модальных прилагательных ('possible' 'возможный' и т. д.), модальных наречий ('possibly' 'возможно' и т. д.) и модальных частиц ('perhaps' 'может быть' и т. д.).

Утверждение (assertion), в специальном смысле этого термина, предполагает полное, никак не квалифицированное эпистемическое обязательство. Относительно немногие из наших повседневных утверждений имеют такой нейтральный, бесстрастный, полностью не-субъективный характер. Однако английский язык позволяет нам делать такие высказывания, которые могут быть с полным основанием охарактеризованы как утверждения. Он также дает нам возможность, как мы видели, объективировать как эпистемическую, так и деонтическую модальность — посредством **пропозиционализации** содержания модальных глаголов и наречий и введения их в сферу никак не квалифицированного "Я-говорю-так" иллокутивного агента. Однако английский язык определенно не является типичным в этом отношении для языков мира. Вполне может быть так, как мы предположили в главе 8, что все языки дают возможность своим носителям делать утверждения (высказывания, statements) того или иного вида, однако это не означает, что все естественные языки предоставляют своим носителям средства для того, чтобы делать модально не квалифицированные утверждения (assertions). Наклонение по определению является категорией, которая возникает в результате грамматикализации модальности (эпистемической, деонтической или какого-либо другого вида). Говоря в терминах этого определения, твердо установленным фактом является то, что среди языков мира есть много языков, которые имеют несколько не-и или кати вных наклонений для различных видов эпистемической модальности, но которые, однако, не имеют индикативного (изъявительного) наклонения, то есть они не имеют того, что традиционно рассматривается лингвистами и логиками в качестве семантически нейтрального (или немаркированного) наклонения. Поэтому можно утверждать, что традиционный взгляд на то, что конституирует семантическую нейтральность, обусловлен языковыми и культурными предрассудками. По крайней мере, тот факт, что существуют языки с разнообразными не-индикативными декларативными предложениями, но не имеющие индикативных декларативных предложений, подтверждает выдвинутое в разделе 6.6. положение о необходимости различения терминов 'декларативный' и 'индикативный' и, в более общем виде, различать тип предложения (или предикативной группы) и наклонение.

Коснемся теперь коротко отношения между наклонением и временем. Грамматическое время, как мы видели в предшествующем разделе, это категория, которая, в тех языках, что имеют грамматическое время, возникает в результате грамматикализации (сопутствующей) дейктической темпоральной референции. На первый взгляд может показаться, что, поскольку между темпоральной референцией и модальностью нет видимой связи, время и модальность — совершенно разные грамматические категории. Однако, как было отмечено в разделе 6.6 и затем в начале данного раздела, во всех языках, где имеется как время, так и наклонение, эти категории в большей или меньшей степени взаимосвязаны. Фактически часто трудно провести четкое разграничение между временем и наклонением с семантической или прагматической точки зрения. Даже в английском языке, где время может быть без особых трудностей определено как дейктическая категория, имеются такие употребления того, что традиционно описывается как прошедшее, настоящее и будущее время, которые более связаны с выражением субъективной модальности, чем с первичным дейксисом. Например, говоря

(21) *That will he a postman* 'Должно быть, это почтальон', *букв.* 'Это будет почтальон¹,

говорящий, скорее, делает эпистемически квалифицированное утверждение о настоящем, чем неквалифицированное утверждение о будущем; говоря

(22) *I wanted to ask you whether you needed the car today* 'Я хотел спросить вас, нужен ли вам сегодня автомобиль',

говорящий, скорее, выражает свою неуверенную и ненастойчивую просьбу, чем описывает некоторое прошлое состояние своего сознания. Некоторые из этих модальных употреблений времен могли бы быть, вероятно, объяснены в терминах вторичного дейксиса. Однако, как я отметил в разделе 10.2, вторичный дейксис и субъективная модальность часто не различимы. Хотя я не собираюсь углубляться в этот вопрос в данной книге, я должен упомянуть в этой связи, что существуют некоторые нетрадиционные и далеко не стандартные, но эмпирически хорошо обоснованные теории грамматического времени, согласно которым время, рассмотренное с более общей точки зрения, само относится первично к области модальности. Для тех, кто придерживается этого взгляда, то, что (i) наклонение более распространено, чем время, в языках мира и что (II) эти категории во всех языках более или менее взаимосвязаны, является полностью предсказуемым и закономерным. Как бы то ни было, какую бы по-

зицию мы ни заняли по вопросу об отношениях между временем и наклоном и между дейктической темпоральной референцией и модальностью, тот факт, что существуют такие взаимозависимости и практические трудности разграничения между этими явлениями, вызывает дополнительные сомнения по поводу приложимости стандартных систем временной логики к анализу семантической структуры естественных языков.

В последние несколько лет была проделана огромная работа по исследованию модальности в разных языках и с разных точек зрения. Один из общих вопросов, рассматривавшихся в этих исследованиях, был упомянут ранее в этом разделе. Сформулируем его еще раз: при том, что модальные понятия необходимости и возможности в формальной семантике взаимоопределимы, какое из этих понятий является, если какое-нибудь из них является, более базовым в естественных языках (и в каком смысле 'базовым')? Другой аналогичный вопрос: принимая во внимание, что между объективной и субъективной модальностью имеется различие, как определить характер этого различия, и если какая-то из этих модальностей в естественных языках является более первичной, или более базовой, чем другая, то какая и почему? До настоящего времени не найдено однозначных ответов на эти вопросы. И это едва ли удивительно. Прежде всего, для того чтобы правильно ответить на эти вопросы, необходимо определить, что понимается под словом 'базовый'; как мы отметили при обсуждении лексического значения и той роли, которую эмпирическое понятие остенсивного определения играет в логической семантике, существует по крайней мере два значения термина 'базовый', которые могут быть релевантны в данном случае и которые нельзя рассматривать как совпадающие (см. 3.2). Кроме того, ученые, интересующиеся теоретической стороной этих вопросов, часто заранее философски, или метатеоретически, предрасположены в пользу той или иной теории лингвистической семантики.

Вместе с тем можно сказать следующее. Имеются определенные эмпирические данные, позволяющие предположить, что постольку, поскольку рассматривается грамматикализация и лексикализация модальности в естественных языках, эпистемическая модальность в естественных языках базируется на возможности, тогда как деонтическая модальность базируется на необходимости. Имеются также, возможно, еще более сильные эмпирические свидетельства в пользу того, что если не во всех, то во многих естественных языках субъективная модальность, как эпистемическая, так и деонтическая, диахронически предшествует объективной модальности и

что она, как было отмечено ранее, гораздо чаще грамматикализуется и лексикализуется в языках мира.

Следует, однако, также отметить, что (i) синхронически не всегда легко отличить эпистемическую модальность от деонтической и (ii) в английском языке многие выражения, которые были по преимуществу деонтическими на более ранних стадиях языка, теперь также используются в эпистемически модализованных высказываниях (ср. употребление 'must' 'должен' и 'have (to)' 'должен' в таких высказываниях, как *You must/have to be joking* 'Вы, должно быть, шутите'). Тот факт, что эпистемическая и деонтическая модальность сливаются друг с другом диахронически и часто неразличимы синхронически, подтверждает мысль, которая ныне разделяется многими лингвистами и логиками, что они правильно объединены под одним названием 'модальность'.

Но наиболее важный вывод, который может быть сделан на основании последних исследований грамматикализации и лексикализации модальности в различных языках, это то, что объективная (или пропозициональная) алетическая модальность, в том виде, как она формализована в стандартной модальной логике, не может рассматриваться как базовая — в любом релевантном смысле слова 'базовая' — при семантическом анализе естественных языков. Субъективная модальность, как и дейксис (или, в более общем виде, референция), является частью значения высказывания. Однако она, так же как дейксис, кодируется в грамматической и лексической структуре большинства, если не всех естественных языков и, в той мере, в которой она закодирована, или конвенционализована, в языковых системах, настолько же является частью значения предложения, как и условно-истинностно эксплицируемая объективная модальность, которая, как я подчеркнул здесь, гораздо реже кодируется в естественных языках и может быть вообще невыразима в некоторых из них.

Имеется еще один момент, который следует отметить в связи с естественно-языковой модальностью. Хотя языковая модальность была здесь описана в терминах необходимости и возможности, многие лингвисты расценивают такое описание как насилие над фактами, поскольку, по крайней мере, для эпистемической модальности необходима трехчленная система. Этот взгляд отражен во многих традиционных описаниях, представляющих субъективную модальность в терминах несомненности (*certainty*), вероятности и возможности.

То же самое можно сказать и о естественно-языковой квантификации. Как было отмечено выше, существует хорошо известный параллелизм между модальностью и квантификацией: между необходимостью и универсальной квантификацией и между возможностью и экзистенциальной квантификацией. (Как N и M — \bullet и 0 , так и (x) и $(\exists x)$ являются дуалами, взаимоопределимыми с помощью отрицания.) Однако во многих естественных языках, включая английский, так называемая система кванторов не может быть удовлетворительно описана с помощью логических кванторов. Помимо 'all' 'все' и 'some' 'некоторые', в естественных языках существуют такие выражения, как 'many' 'много', 'several' 'несколько' и т. д.; да и для 'some' в большинстве повседневных контекстов не очевидна связь с квантором существования ("по крайней мере один").

В этом разделе были рассмотрены три вида модальности: алетическая, эпистемическая и деонтическая. В последние годы лингвистами и логиками были выделены и описаны другие виды модальностей (булевтическая, динамическая и т. д.) и был достигнут значительный прогресс в изучении их диахронических и синхронических связей. В настоящее время ни в логике, ни в лингвистике нет общепризнанной обобщающей все эти результаты теории, которая была бы теоретически последовательна и эмпирически удовлетворительна. В то же время следует подчеркнуть, что описание модальности (и наклонения) в английском языке (и некоторых других языках) в современных грамматических пособиях и справочниках неизмеримо улучшилось вследствие приложения к описанию естественных языков различных систем модальной логики, которые были первоначально разработаны для описания алетической модальности.

10.6. Субъективность и локутивная деятельность

В ряде разделов этой главы, особенно часто — в предшествующем разделе, посвященном модальности и наклонению, я обращался к понятию субъективности. Теперь я объясню, что я понимаю под субъективностью в данном контексте. Это важно еще и потому, что слову 'subjective' 'субъективный' в повседневном английском языке часто дается незаслуженно пейоративная интерпретация. Кроме того, само понятие субъективности до последнего времени не занимало того места, которое оно заслуживало, в работах в области лингвистической семантики, написанных по-английски.

На самом деле, наверное, правильно будет сказать, что большинство таких работ — и особенно тех, которые принимают точку зрения формальной семантики или находятся под сильным ее влиянием, — имеют серьезный недостаток, как теоретический, так и эмпирический, заключающийся в их неспособности показать всю роль феномена субъективности в языке. Этот недостаток, возможно, является следствием эмпиристской традиции, которая все еще оказывает сильнейшее влияние на основные направления в британской и американской философии, психологии, социологии и, в меньшей степени, лингвистики. Реанимация и внедрение принципов так называемого картезианского рационализма Хомским и его последователями в течение последних тридцати лет лишь в малой степени способствовали преодолению недостатков эмпиризма в этом отношении, поскольку британский эмпиризм и картезианский рационализм (в том виде, в каком он был воспринят и интерпретирован Хомским) разделяют интеллектуалистский — и объективистский — предрассудок, что язык по своему существу есть инструмент для выражения пропозиционального мышления. Этот предрассудок очевидно присутствует в большом количестве известных и оказавших большое научное влияние работ, которые, хотя и могут существенно отличаться в самых разных отношениях друг от друга, едины в том, что совершенно не уделяют внимания непропозициональному компоненту языков или преуменьшают его значение. Тот же интеллектуалистский и объективистский предрассудок характерен, как мы видели, для стандартного логического подхода к модальности, в котором объективизм тесно связан с пропозиционализацией. Однако, как я подчеркивал в других разделах этой главы, объективизм также может быть обнаружен в стандартных описаниях дейксиса (включая время), аспекта и других явлений.

Однако что же именно понимается под субъективностью (в данном контексте)? Я только что упомянул картезианский рационализм. То, о чем здесь идет речь, представляет собой один из двух исторически связанных, но логически отдельных аспектов того, что обычно называется картезианским, или посткартезианским, дуализмом. Одним из этих аспектов является доктрина метафизического дуализма, сводящаяся в общих чертах к тому, что существуют два радикально различных вида реальности — материя и сознание (ум). Она не имеет прямого отношения к нашей настоящей теме. Другой аспект — это дуализм субъекта и объекта — в познании, ощущениях и восприятии, с одной стороны, и в действиях или деятельности, с другой. (Именно последний вид дуализма в конечном итоге лежит в

основе грамматического противопоставления субъекта и объекта, а также активного и пассивного (действительного и страдательного).) Хотя метафизический дуализм и не имеет прямого отношения к нашей настоящей проблеме, имеет смысл отметить его историческую связь с дуализмом субъекта — объекта. Именно эта историческая связь объясняет тот уничижительный оттенок, который связан с термином 'субъективный'. 'Субъективность' в эмпиристской традиции ассоциировалась с определенным рода ненаучным и непроверяемым ментализмом; 'объективность' — с основательным научным материализмом девятнадцатого столетия (в настоящее время устаревшим). Не углубляясь далее в этот вопрос, отмечу только, что в том значении, в котором термин 'субъективный' употребляется здесь, он обозначает свойство (или множество связанных с этим свойств) быть субъектом сознания (то есть познания, чувств, ощущений и восприятия) или субъектом действия (агентом). Он обозначает свойство быть тем, что Декарт назвал "мыслящей вещью" (или по-латыни 'res cogitans'), отождествляемой другими авторами с личностью человека (the self) или его «я» (эго). Замечу, что я при этом не разделяю крайне дуалистический, картезианский или посткартезианский, подход к противопоставлению субъекта и объекта познания.

Впрочем, достаточно говорить об общем понятии субъективности. Для лингвиста более важное значение имеет более специфическая **локутивная субъективность** — субъективность высказывания. Если мы временно примем не критически посткартезианское (или посткантианское) противопоставление (внутреннего) субъективного эго, или «я», и (внешнего) объективного не-эго, или «не-я», мы сможем определить локутивную субъективность как выражение агентом локуции (говорящим или пишущим) своих мыслей и чувств в акте высказывания. Таким образом, локутивная субъективность определяется, весьма просто, как самовыражение при использовании языка.

Определенное подобным образом понятие локутивной субъективности может показаться абсолютно бесспорным и не представляющим собой ничего нового и интересного. В конце концов, самовыражение в этом смысле — это то, о чем мы говорим совершенно свободно в неспециальном повседневном дискурсе. Мы говорим, например, что X хорошо выражает свои мысли или что Y с трудом выражает то, что он хочет сказать, и мы рассматриваем способность выражения как один из параметров владения языком, варьирующийся от одного говорящего (или пишущего) к другому. Однако когда мы приступаем к изучению понятия локутивной субъективности с

точки зрения современной лингвистической теории, мы скоро обнаруживаем, что всё это далеко не так просто, как может показаться с первого взгляда.

Как мы отметили выше, согласно стандартному посткартезианскому взгляду, эго, «я» (the self), является мыслящим существом, сознающим себя в качестве мыслящего и также сознающим себя как имеющее определенные мнения, мысленные установки и эмоции. Это существо отличается от ментальной деятельности, субъектом, или агентом, которой оно является, и от мыслей, мнений, ментальных отношений и чувств, для которых оно является вместилищем. Однако многие философы и психологи небезосновательно утверждают, что подобное различие не может быть проведено между субъектом и объектом сознания, что Декарт, если говорить о нем конкретно, в своем знаменитом анализе (сложной) пропозиции, выраженной по-латыни предложением 'Cogito, ergo sum' (обычно переводимого по-английски как 'I think, therefore I am' 'Я мыслю (вообще), следовательно, я есть', однако которое в данном контексте лучше перевести аспектуально иным предложением 'I am thinking, therefore I am' 'Я мыслю (актуально, в данный момент), следовательно, я есть'), результатом которого было отделение эго от мышления, был введен в заблуждение двухчастной субъектно-предикатной структурой латинского языка (и других индоевропейских языков, включая французский, английский, немецкий и т. д.). Лингвистам нет необходимости оценивать обоснованность приводимых в этой связи философских и психологических аргументов (хотя они и могут основываться на данных грамматического и семантического анализа конкретных естественных языков). Однако они не должны некритически принимать то, что я назвал стандартным, посткартезианским, дуалистским подходом к эго как субъекту сознания и деятельности.

В еще меньшей степени должны они принимать без вопросов и сомнений взгляд, лежащий в основе господствующего в настоящее время интеллектуалистского и объективистского подхода к формальной семантике, взгляд, представляющий «я» если не всегда эксплицитно, то имплицитно как мыслящую способность, бесстрастно оперирующую с пропозициями, хранящимися в уме (или в уме/мозгу) или доставленными ему для суждений устройствами для наблюдения (объективного) внешнего мира. В этой книге я неоднократно подчеркивал значение непропозиционального аспекта языка. Неадекватность условно-истинностной семантики как целостной теории не только значения высказывания, но и значения предложения проистекает в конечном итоге из ее неспособности описать фе-

номен субъективности. Самовыражение не может быть сведено к выражению пропозиционального знания и мнений.

Следующий момент, который необходимо здесь отметить, это то, что «я», выражаемое агентом локуции, является продуктом его социальной и интерперсональной ролей, которые он (или она) играл в прошлом, и оно проявляет себя социально узнаваемым способом в той роли, которую он (или она) играет в контексте высказывания. Как я указал в главе 8 при обсуждении теории речевых актов Остина, центральные для этой теории понятия эпистемических и деонтических полномочий имеют социальную основу. Однако общество передает эти полномочия отдельным индивидам, и они составляют часть того «я», которое выражается, когда агент локуции произносит предложение в соответствующем социальном контексте.

Наряду с теми, кто доказывает, что невозможно провести четкое различие между «я», которое выражается в языке, и выражением этого «я», есть и такие ученые, особенно среди антропологов и социальных психологов, которые доказывают, что существует не одно единое «я», которое остается неизменным во всех жизненных обстоятельствах и особенно во всех ситуациях контактов с другими людьми, но, скорее, множество «я» (не одна личность, но множество личностей), каждое из которых является продуктом прошлого взаимодействия с другими людьми, включая, что чрезвычайно важно, прошлые диалогические, или интерлокутивные, взаимодействия. Здесь, опять-таки, лингвистам нет необходимости принимать ту или другую сторону. Даже если существует монадическое и единое картезианское «я», онтологически независимое от языка, который оно использует для самовыражения, и не подверженное его влиянию, это «я» может выразить себя (или быть выраженным) лингвистически только с помощью грамматических категорий и семантических различий, которые ему предоставляет тот язык, который оно использует для самовыражения. В настоящее время все лингвисты, каких бы теоретических убеждений они ни придерживались, признают, что в реальности гомогенной, стилистически и социоэкспрессивно не дифференцированной языковой системы не существует. Из этого следует, что для лингвистов споры философов и психологов относительно характера «я» и тождества личности имеют второстепенное значение. Субъективность, в том виде, как она проявляется в языке, — локутивная субъективность — ситуационно и стилистически дифференцирована. То же самое очевидно относится и к степени субъективности, которая выражается в различных стилях и в различных ситуациях.

Теперь мы подошли к другому пункту. Ранее в этом разделе я определил локутивную субъективность как самовыражение при использовании языка. Теперь я говорю о локутивной субъективности как субъективности высказывания (объединяющей субъективность сознания и субъективность деятельности). Я также сказал, что локутивная субъективность проявляется, или выражается, в языке. Понимается, вполне возможно, чтобы использование языка — деятельность высказывания — была проникнута субъективностью, и тем не менее, чтобы эта субъективность не проявлялась в языке, то есть в высказываниях-инскрипциях (или высказываниях-сигналах), которые являются продуктами деятельности высказывания. Возможно также, чтобы локутивная субъективность проявлялась в языке в одном, но не в другом смысле неоднозначного (и синтаксически амбивалентного) английского слова 'язык' ('language'); иначе говоря, возможно, чтобы субъективность выражалась (например, просодически или паралингвистически в речи), но не была бы закодирована в грамматической или лексической структуре языковой системы.

Например, как мы видели в разделе 10.5, можно утверждать (хотя некоторые могут и не соглашаться с этим), что такое предложение, как

(23) 'He may not come'⁶ 'Он может не прийти / не может прийти',

полностью лишено субъективности. Однако в речи оно может быть произнесено с различными просодическими и паралингвистическими характеристиками, посредством которых говорящий — агент локуции — может вложить и в нормальном случае вкладывает в продукт акта высказывания различные виды и различные степени субъективности. В частности, оно может быть произнесено как более или менее квалифицированное утверждение либо того факта, что объективно существует возможность, что референт 'he' 'он' придет, либо того факта, что было дано разрешение (из некоторого деонтического источника, внешнего по отношению к агенту локуции) референту 'he' 'он' прийти. В речи просодический контур обычно делает ясным для адресата, что высказывание должно быть интерпретировано как субъективно квалифицированное утверждение, и вместе с голосовой и не голосовой паралингвистической информацией он может также показывать отношение агента локуции к тому, что утверждается как факт, или характер и степень надежности эпистемических

⁶ В оригинале именно так! Скорее всего, ошибка. Судя по тому, что говорится далее, пример (23) должен быть утвердительным: 'He may come' 'Он может прийти'. — *Примеч. перев.*

свидетельств, которыми располагает агент локуции, позволяющих ему утверждать это как факт. Различие, которое мы провели в этой книге между значением предложения и значением высказывания, позволяет нам сформулировать то положение, которое мы изложили выше, именно таким образом, как мы это сделали. Само это положение, однако, сохраняет свое значение независимо от того, проведено ли теоретическое разграничение между предложениями и высказываниями в таких же терминах и в том же пункте, как это было сделано здесь, или каким-то иным образом.

Как я отметил в начале этого раздела, субъективность высказывания до недавнего времени не привлекала внимания авторов, пишущих по-английски. Гораздо большее внимание ей уделили французские и немецкие ученые, возможно, вследствие того, что само понятие субъективности играло более важную роль в континентальной философской традиции. Однако, как я старался показать в нескольких разделах этой книги, может быть, в самой структуре английского языка и, возможно, всех естественных языков, есть много такого, что не может быть объяснено без обращения к понятию субъективности. Можно также утверждать — хотя это гораздо более спорный вопрос и я не буду доказывать здесь это, — что, в силу некоторых исторических и в конечном счете социальных причин, некоторые языки, включая английский, в меньшей степени проникнуты субъективностью, чем другие. Достаточно сказать, что, как было отмечено в разделе 6.6 и затем в разделе 10.5, существует много естественных языков, в которых нет индикативных декларативных предложений, то есть предложений, с помощью которых можно делать субъективно не квалифицированные (или не модифицированные) утверждения.

В конце главы 7 я упомянул о понятии отношения достижимости между возможными мирами. Я сказал, что говорящие должны необходимо обозначать мир, который они описывают, с точки зрения мира, в котором они находятся. Я мог бы теперь изложить это противоположным образом, сказав, что говорящие должны обозначать действительный или возможный мир, который они описывают, с точки зрения мира, который находится в них. Однако, каким бы образом ни формулировались отношения достижимости, теперь должно быть ясно, что они могут быть эксплицированы в терминах описания индексальности и субъективной эпистемической модальности, которое было дано в этой главе.

Нет оснований полагать, что эти понятия находятся вне сферы формализации. На самом деле мое обращение к понятию достижимости

мости здесь, как и ранее и в конце главы 7, имело целью показать, что модельно-теоретическая семантика не ограничена условно-истинностной частью языкового значения. Она, без сомнения, могла бы быть расширена таким образом, чтобы охватить всё, что обсуждалось в этой главе и особенно в этом разделе как относящееся к субъективности высказывания. Конечно, могут найтись и такие, кто предпочел бы отнести расширения такого рода к области прагматики, а не семантики. Однако это не имеет большого значения. Как мы видели, существуют различные способы проведения подобных терминологических различий. Взгляд, которого мы придерживались на протяжении всей этой книги, заключается в том, что лингвистическая семантика должна охватывать в принципе (все и только) такие значения, которые кодируются в лексической и грамматической структуре конкретных естественных языков, независимо от того, можно ли их проанализировать с условно-истинностной точки зрения или нет.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ ЧТЕНИЮ

Как я сказал в «Предисловии», я рассчитываю, что эта книга будет читаться параллельно с другими курсами, вводящими в лингвистическую семантику (и прагматику), и учебниками, монографиями и статьями, в которых отдельные проблемы, поднятые в этой книге, рассматриваются более подробно. Во многих из этих работ принимаются иные исходные теоретические предпосылки, нежели те, на которых основывается эта книга. В них также могут использоваться иные терминологические и нотационные системы. В этой книге, особенно в главе 1, я старался научить читателей без труда переходить от одной теоретической системы к другой. Большинство из книг, перечисленных ниже, включают хорошие библиографии, которые будут полезным дополнением к библиографии, приведенной ниже.

Глава 5 в Lyons 1981 содержит упрощенное изложение лингвистической семантики, терминологически и теоретически сходное с тем, которое дано в этой книге; она также содержит информацию о других областях лингвистики, достаточную для того, чтобы понимать ссылки на эти области, которые делаются в этой книге. Читатели, не имеющие предварительных сведений о лингвистической семантике, обнаружат, что Leach 1974, Nilsen, Nilsen 1975, Hurford, Heasley 1983 и Palmer 1981 обеспечат им весьма основательную исходную базу. Два более недавних вводных курса, теоретические взгляды авторов которых по ряду вопросов, рассматривавшихся в этой книге, радикально отличаются от моих, — Frawley 1992 и Hoffmann 1993: в первом приводятся примеры из обширного ряда языков и в конце каждой главы даются вопросы для обсуждения; второй включает много хорошо подобранных заданий (с ответами в конце книги). Allan 1986 во многом охватывает тот же круг вопросов, что и эта книга, но рассматривает их более подробно и с гораздо большим количеством примеров. Lyons 1977 хотя и устарел в некоторых отношениях и должен быть дополнен более новыми работами, тем не менее остается наиболее полной работой общего характера. Неоценимую помощь в обзоре общих и более частных проблем не только в области лингвистической семантики (и прагматики), но и в других связанных с ними разделах языкознания окажет Asher 1994. С этой точки зрения будут также весьма полезны Bright 1992, Collinge 1990 и Newmeyer 1988a, 1988b, 1988c, 1988d.

Что касается лексической семантики, то лучшим учебником для того, чтобы использовать его вместе с этой книгой, является Cruse 1986: в нем в

целом используется та же терминология, большинство проблем рассматривается гораздо более подробно, и он включает множество примеров. Сохраняет свою ценность Ullmann 1962, особенно его описание работ начала двадцатого столетия и изложение структурализма и роли сосюрковского принципа приоритета синхронического перед диахроническим. В Baldinger 1980 гораздо более подробно, чем в Ullmann 1962, изложены постсосюрвские семиотические подходы к семантике. Aitchison 1987 представляет собой превосходное общее введение в современную лексическую семантику; в нем рассматривается большинство проблем, обсуждавшихся в Части 2 этой книги, с огромным количеством хорошо подобранных примеров; особой рекомендации заслуживает его описание последних психолингвистических работ. Весьма доступным, написанным в популярном стиле и временами вызывающим на спор введением в лексическую семантику на элементарном уровне является Hudson 1995. Самые последние описания различных современных подходов к лексической семантике можно найти в Lehrer, Kittay 1992.

В дополнение к работам, перечисленным выше: о компонентном анализе см. Nida 1975, Dowty 1979; о семантических полях см. Lehrer 1974; о семантике прототипов см. Lakoff 1987, Taylor 1989. Широкую известность приобрели современные версии когнитивных подходов к лексической семантике, представленные в работах Jackendoff 1983, 1990 и Wierzbicka 1980, 1992. Об усвоении лексических значений детьми см. Clark 1993.

Отсутствуют учебники, которые бы представляли семантику предложения (или грамматическую семантику) как таковую. Мое собственное рассмотрение семантики предложения в части 2 имеет целью ввести студентов (неформально) в проблемы современной формальной семантики; оно может быть дополнено работами Сапп 1993 и Chierchia, McConnell-Ginet 1990. Рассмотрение семантики в рамках хомскианской генеративной грамматики классического (Chomsky 1965) и непосредственно постклассического периода, подготовившее почву для принятия лингвистами идей формальной семантики, см. в Fodor 1977; о генеративной грамматике как таковой см. Lyons 1991a; более специальный анализ можно найти в Radford 1988. С системой формальной семантики Монтегю можно познакомиться в Montague 1974, включающем имеющее самостоятельное значение «Введение» Томасона. Стандартная модальная логика изложена в ставшей теперь классической работе Hughes, Cresswell 1968. О базовых понятиях формальной логики (теория множеств, пропозициональное исчисление, исчисление предикатов и т. д.) см. Allwood и др. 1977.

В описании грамматической структуры английского языка я в целом следую Huddleston 1984. Однако большая часть используемых мной терминов совпадает с терминами, используемыми в наиболее полном и авторитетном справочнике по грамматике английского языка Quirk и др. 1985.

Об именных классах и категоризации см. Craig 1986. О вопросах времени и аспекта см. Comrie 1985, 1986, Dahl 1985, о наклонении (и модальности) — Palmer 1986, Coates 1983, R. Matthews 1991, об отрицании — Horn 1989.

О морфологии как опосредующем звене между грамматикой и лексической семантикой в английском языке и в языках вообще см. P. H. Matthews 1992, Bybee 1985, Lipka 1995. О дополнительных понятиях грамматикализации и лексикализации см. Hopper, Traugott 1993.

О просодической структуре устного английского языка см. Brown 1990, Crystal 1976.

О проблемах значения высказывания (или прагматики), рассмотренных в Части 4, в общем виде см. Leech 1983, Levinson 1983, Horn 1988. О более конкретных проблемах: об иллюкутивной силе см. Austin 1962/1975, Searle 1969, 1979, Katz 1972, Recanati 1987; о коммуникативных и конвенциональных импликатурах см. Grice 1989; о теории релевантности и неограйсианской прагматике см. Sperber, Wilson 1986, Smith 1982, Blakemore 1987, Huang 1994, Levinson (forthcoming). О дейксисе см. Jarvella, Klein 1982; об анафоре— Cornish 1986, Reinhart 1983, Huang 1994; о метафоре в ее отношении к семантике (и прагматике) см. Lakoff, Johnson 1980, Ortony 1979.

О семантике текста и дискурса (рассматриваемой в этой книге как расширение лингвистической семантики, основанное на анализе значения высказываний) см. Brown, Yule 1983, Halliday, Hassan 1976, Beaugrande, Dressier 1981, Seuren 1985.

Что касается философских оснований лингвистической семантики, то можно обратиться, по большей части выборочно, к некоторым или ко всем из следующих работ: Alston 1964, Lehrer, Lehrer 1970, Olshevsky 1969, Parkinson 1968, Potts 1994, Rorty 1967, Strawson 1971b, Zabeeh и др. 1974. Многие из классических работ (Дэвидсона, Фреге, Грайса, Крипке, Тарского и других) в области формальной философской семантики включены в Martinich 1985.

Только небольшое число работ из вошедших в библиографию было упомянуто в данных «Рекомендациях». Это не означает, что другие, не указанные здесь работы менее важны или рекомендуются в меньшей степени. То, чему они посвящены, обычно ясно из их названий, и мы рекомендуем студентам обратиться по крайней мере к некоторым из них для того, чтобы приобрести достаточно широкие и сбалансированные знания данного предмета.

БИБЛИОГРАФИЯ

Данная библиография включает все работы, на которые имеются ссылки в тексте, а также работы, упомянутые в «Рекомендациях по дальнейшему чтению».

- Aitchison, Jean (1987). *Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon*. Oxford: Blackwell.
- Allan, Keith (1986). *Linguistic Meaning*, 2 vols. London and New York: Routledge and Kegan Paul.
- Allwood, Jens, Andersson, L.-G., and Dahl, O. (1977). *Logic in Linguistics*. Cambridge, London, New York and Melbourne: Cambridge University Press.
- Alston, W. P. (1964). *Philosophy of Language*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Anderson, Stephen R., and Keenan, E. L. (1985). 'Deixis'. In: Shopen (1985a: 259—308).
- Arnold, Doug, Atkinson, M., Durand, J., Grover, C, and Sadler, L. (eds.) (1989). *Essays on Grammatical Theory and Universal Grammar*. Oxford: Clarendon Press.
- Asher, Ronald E. (ed.) (1994). *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, 10 vols. Oxford and New York: Pergamon Press.
- Austin, John L. (1962). *How To Do Things With Words*. Oxford: Clarendon Press. (2nd, revised, edn, 1975).
- Ayer, A. J. (1946). *Language, Truth and Logic*, 2nd edn. London: Gollancz.
- Bach, Kent, and Harnish, R. (1979). *Linguistic Communication and Speech Acts*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Baldinger, Kurt (1980). *Semantic Theory: Towards a Modern Semantics*, trans, (from 2nd Spanish edn, 1977) by W. C Brown and ed. by R. White. Oxford: Blackwell.
- Bar-Hillel, Yehoshua (1964). *Language and Information*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Bar-Hillel, Yehoshua (1970). *Aspects of Language*. Jerusalem: Magnes.
- Bar-Hillel, Yehoshua (ed.) (1971). *Pragmatics of Natural Language*. Dordrecht, Holland: Reidel.

- Bar-Hillel, Yehoshua, and Carnap, R. (1952). 'An outline of a theory of semantic information'. (Technical Report, 257. MIT Research Laboratory of Electronics.) Reprinted in Bar-Hillel (1964: 221—74).
- Beaugrande, Robert de (1980). *Text, Discourse and Process: Towards A Multi-disciplinary Science of Texts*. London: Longman; and Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation.
- Beaugrande, Robert de, and Dressier, W. U. (1981). *Introduction to Text Linguistics*. London and New York: Longman.
- Benveniste, Emile (1966). *Problemes de linguistic/tie generate*. Paris: Gallimard. (English trans., *Problems in General Linguistics*. Coral Gables: University of Miami Press.)
- Benveniste, Emile (1974). *Problemes de lingitistique generate*, vol. 2. Paris: Gallimard.
- Berlin, Brent, and Kay, P. (1969). *Basic Color Terms*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Bierwisch, Manfred (1970). 'Semantics'. In: Lyons (1970: 166—184).
- Bierwisch, Manfred (1971). 'On classifying semantic features'. In: Steinberg and Jakobovits (1971: 410—435).
- Blakemore, Diane (1987). *Semantic Constraints on Relevance*. Oxford: Blackwell.
- Blakemore, Diane (1988). 'The organisation of discourse'. In: Newmeyer (1988d: 229—250).
- Blakemore, Diane (1989). *Understanding Utterances*. Oxford: Blackwell.
- Bloomfield, Leonard (1935). *Language*. London: Allen and Unwin. (American edn, New York: Holt, Rinehart and Winston, 1933.)
- Bright, William (ed.) (1992). *International Encyclopedia of Linguistics*. 4 vols. Oxford University Press.
- Brown, Gillian (1990). *Listening to Spoken English*, 2nd edn. London and New York: Longman. (1st edn, 1977.)
- Brown, Gillian, and Yule, G. (1983). *Discourse Analysis*. London and New York: Cambridge University Press.
- Brown, Penny, and Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universale in Language Use*, 2nd, enlarged, edn. Cambridge: Cambridge University Press. (1st edn, 1978).
- Buhler, Karl (1934). *Sprachtheorie*. Jena: Fischer. (Republished, Stuttgart: Fischer, 1982.) (English edn, *Theory of Language*, trans, with introduction, by Donald F. Goodwin, Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 1990.)
- Bybee, Joan L. (1985). *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins.
- Cann, Ronald (1993). *Formal Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carnap, Rudolf (1942). *Introduction to Semantics*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Carnap, Rudolf (1956). *Meaning and Necessity*, 2nd edn. Chicago: Chicago University Press.
- Chafe, Wallace L., and Nichols, J. (eds.) (1986). *Evidentiality: The Linguistic Encoding of Epistemology*. Norwood, NJ: Ablex.

- Chierchia, Gennaro, and McConnell-Ginet, Sally (1990). *Meaning and Grammar: An Introduction to Semantics*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Chomsky, Noam (1957). *Syntactic Structures*. The Hague: Mouton.
- Chomsky, Noam (1965). *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Chomsky, Noam (1972). *Studies on Semantics in Generative Grammar*. The Hague: Mouton.
- Chomsky, Noam (1977). *Essays in Form and Interpretation*. Amsterdam: North Holland.
- Chomsky, Noam (1980). *Rules and Representations*. Oxford: Blackwell.
- Chomsky, Noam (1986). *Knowledge of Language: Its Nature, Origin and Use*. New York and London: Praeger.
- Chung, Sandra (1985). 'Tense, aspect, and mood'. In: Shopen (1985a: 202—258).
- Clark, Eve V. (1993). *The Lexicon in Acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coates, Jennifer (1983). *The Semantics of the Modal Auxiliaries*. London: Groom Helm.
- Cole, Peter (ed.) (1978). *Syntax and Semantics, 9: Pragmatics*. New York and London: Academic Press.
- Cole, Peter (ed.) (1981). *Radical Pragmatics*. New York: Academic Press.
- Cole, Peter, and Morgan, J. L. (eds.) (1975). *Syntax and Semantics, 3: Speech Acts*. New York and London: Academic Press.
- Collinge, Neville E. (ed.) (1990). *An Encyclopaedia of Language*. London: Routledge.
- Collins Dictionary of the English Language*, ed. Patrick Hanks (1979). London and Glasgow: Collins.
- Comrie, Bernard (1976). *Aspect*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Comrie, Bernard (1985). *Tense*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Cornish, Francis (1986). *Anaphoric Relations in English and French: A Discourse Perspective*. London: Croom Helm.
- Coulthard, M. (1977). *An Introduction to Discourse Analysis*. London: Edward Arnold.
- Craig, Colette (ed.) (1986). *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam: Benjamins.
- Cruse, D. Alan (1986). *Lexical Semantics*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Cruse, D. Alan (1990). 'Language, meaning and sense: semantics'. In: Collinge (1990: 139—172).
- Crystal, David (1976). *The English Tone of Voice*. London: Edward Arnold.
- Dahl, Osten (1985). *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Dowty, David R. (1979). *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht, Holland; Boston and London: Reidel.

- Dowty, David R., Wall, R. E., and Peters, S. (1981). *Introduction to Montague Semantics*. Dordrecht-Holland, Boston and London: Reidel.
- Dressler, Wolfgang U. (ed.) (1978). *Current Trends in Text Linguistics*. Berlin: De Gruyter.
- Fodor, Janet D. (1977). *Semantics: Theories of Meaning in Generative Linguistics*. New York: Crowell; and Hassocks, Sussex: Harvester.
- Fodor, Jerrold A., and Katz, J. J. (1964). *The Structure of Language: Readings in the Philosophy of Language*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Frawley, William (1992). *Linguistic Semantics*. Hillsdale, NJ: Laurence Erlbaum Associates.
- Fries, Charles C (1952). *The Structure of English*. New York: Harcourt Brace.
- Gazdar, Gerald (1979). *Pragmatics: Implicative, Presupposition and Logical Form*. New York and London: Academic Press.
- Geach, Peter, and Black M. (eds.) (1960). *Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege*. Oxford: Blackwell.
- Geckeler, Horst (1971). *Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie*. Munich: Fink.
- Givón, Talmy (ed.) (1979). *Syntax and Semantics, 12: Discourse and Syntax*. New York and London: Academic Press.
- Goody, Esther N. (ed.) (1978). *Questions and Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grice, H. Paul (1957). 'Meaning'. *Philosophical Review* 66: 377—388.
- Grice, H. Paul (1975). 'Logic and conversation'. In: Cole and Morgan (1975: 41—58).
- Grice, H. Paul (1978). 'Further notes on logic and conversation'. In: Cole (1978: 113—127).
- Grice, H. Paul (1981). 'Presupposition and conversational implicature'. In: Cole (1981:183—198).
- Grice, H. Paul (1989). *Studies in the Ways of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Halliday, Michael A. K. (1970). *A Course in Spoken English*. London: Oxford University Press.
- Halliday, Michael A. K. (1978). *Language as Social Semiotic*. London: Edward Arnold.
- Halliday, Michael A. K., and Hassan, R. (1976). *Cohesion in English*. London and New York: Longman.
- Harman, Gilbert, and Davidson, D. (eds.) (1972). *Semantics of Natural Language*. Dordrecht, Holland: Reidel.
- Hofmann, Thomas R. (1993). *Realms of Meaning: An Introduction to Semantics*. London and New York: Longman.
- Hopper, Paul J. (ed.) (1982). *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins.
- Hopper, Paul J., and Traugott, E. C (1993). *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Horn, Laurence R. (1988). 'Pragmatic theory'. In Newmeyer (1988a: 133—145).

- Horn, Laurence R. (1989). *A Natural History of Negation*. Chicago: Chicago University Press.
- Huang, Yan (1994). *The Syntax and Pragmatics of Anaphora: A Study with Special Reference to Chinese*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hiiddleston, Rodney (1984). *Introduction to the Grammar of English*. London and New York: Cambridge University Press.
- Hiiddleston, Rodney (1988). *English Grammar: An Outline*. London and New York: Cambridge University Press.
- Hiiddleston, Rodney (1994). 'Sentence types and clause subordination'. In: Asher (1994:3845—3857).
- Hudson, Richard A. (1995). *Word Meaning*. London: Routledge.
- Hughes, G., and Cresswell, M. J. (1968). *An Introduction to Modal Logic*. London: Methuen.
- Hullen, W., and Schulze, R. (eds.) (1988) *Understanding the Lexicon*. Tübingen: Niemeyer.
- Hurford, James R., and Heasley, B. (1983). *Semantics: A Course-book*. London and New York: Cambridge University Press.
- Jackendoff, Ray S. (1983). *Semantics and Cognition*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Jackendoff, Ray S. (1990). *Semantic Structures*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Jarvella, Robert J., and Klein, W. (eds.) (1982). *Speech, Place and Action: Studies in Deixis and Related Topics*. New York: Wiley.
- Katz, Jerrold J. (1972). *Semantic Theory*. New York: Harper and Row.
- Katz, Jerrold J. (1977). *Propositioned Structure and Illocutionary Force*. New York: Crowell; and Hassocks, Sussex: Harvester.
- Katz, Jerrold J., and Fodor, J. A. (1963). 'The structure of a semantic theory'. *Language* 39: 170—210.
- Katz, Jerrold J., and Postal, P. M. (1964). *An Integrated Theory of Linguistic Description*. Cambridge MA: MIT Press.
- Keenan, Edward L. (ed.) (1975). *Formal Semantics of Natural Language*. London and New York: Cambridge University Press.
- Kempson, Ruth M. (1977). *Semantic Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kempson, Ruth M. (ed.) (1988). *Mental Representations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kripke, Saul (1972). 'Naming and necessity'. In: Donald Davidson and S. Kripke (eds.). *Semantics for Natural Language*. Dordrecht, Holland: Reidel. (Revised version published separately as *Naming and Necessity*, Oxford: Blackwell.)
- Ladusaw, William A. (1988). 'Semantic theory'. In: Newmeyer (1988a: 89—112).
- Lakoff, George (1987). *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, George, and Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press.

- Langacker, Ronald (1987). *Foundations of Cognitive Grammar. I: Theoretical Preliminaries*. Stanford: Stanford University Press.
- Leech, Geoffrey N. (1974). *Semantics*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin.
- Leech, Geoffrey N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
- Leech, Geoffrey N., and Thomas, Jenny (1990). 'Pragmatics'. In: Collinge (1990: 173—206).
- Lehrer, Adrienne (1974). *Semantic Fields and Lexical Strictiire*. Amsterdam and London: North Holland.
- Lehrer, Adrienne, and Kittay, E. F. (eds.) (1992). *Frames, Fields and Contrasts: New Essays in Semantic Organization*. Hillsdale, NJ: Laurence Erlbaum Associates.
- Lehrer, Keith, and Lehrer, A. (eds.) (1970). *Theory of Meaning*. New York: Prentice-Hall.
- Levinson, Stephen C. (1983). *Pragmatits*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levinson, Stephen C. (forthcoming). *Generalized Conversational Implicative*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lewis, David (1969). *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Linsky, Leonard (ed.) (1979). *Reference and Modality*. London: Oxford University Press.
- Lipka, Leonhard (1990). *An Outline of English Lexicology: Lexical Structure, Word Semantics, and Word-Formation*. Tübingen: Niemeyer.
- Longman Dictionary of Contemporary English*. (1978). London: Longman. (2nd edn, 1987).
- Lyons, John (1968). *Introduction to Theoretical Linguistics*. London and New York: Cambridge University Press.
- Lyons, John (ed.) (1970). *New Horizons in Linguistics*. Harmondsworth: Penguin. (Republished as *New Horizons in Linguistics. I*, London: Penguin Books; and New York: Viking Penguin, 1987).
- Lyons, John (1977). *Semantics*, 2 vols. London and New York: Cambridge University Press.
- Lyons, John (1981). *Language and Linguistics*. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press.
- Lyons John (1987). 'Semantics'. In: Lyons *et al.* (1987: 152—178).
- Lyons, John (1989). 'Semantic ascent: a neglected aspect of syntactic typology'. In: Douglas G. Arnold *et al.* (eds). *Essays on Grammatical Theory and Universal Grammar*. London: Oxford University Press, 153—186.
- Lyons, John (1991 a). *Chomsky*, 3rd, revised and further enlarged, edn. London: HarperCollins. (1st edn, 1970; 2nd, revised and enlarged, edn, 1977.)
- Lyons, John (1991 b). *Natural Language and Universal Grammar: Essays in Linguistic Theory*, vol. 1. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press.

- Lyons, John (forthcoming). *Semantics, Subjectivity and Localism: Essays in Linguistic Theory*, vol. 2. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press.
- Lyons, John, Coates, R., Deuchar, M., and Gazdar, G. (1987). *New Horizons in Linguistics*, 2. London: Penguin Books; and New York: Viking Penguin.
- Martinich, A. P. (ed.) (1985). *The Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Matthews, Peter H. (1981). *Syntax*. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press.
- Matthews, Peter H. (1992). *Morphology*, 2nd edn. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press. (1st edn, 1974.)
- Matthews, Richard (1991). *Words and Worlds: On the Linguistics of Modality*. Frankfurt: Peter Lang.
- Montague, Richard (1974). *Formal Philosophy: Selected Papers of Richard Montague*, ed. by R. H. Thomason. New Haven: Yale University Press.
- Morris, Charles W. (1938). 'Foundations of the theory of signs'. In: Neurath, Carnap and Morris (1938: 79—137).
- Morris, Charles W. (1946). *Signs, Language and Behavior*. New York: Prentice-Hall.
- Neurath, Otto, Carnap, R., and Morris, C W. (eds) (1938). *International Encyclopedia of Unified Sciences*. Chicago: University of Chicago Press. (Combined edn, 1955.)
- Newmeyer, Frederick J. (ed.) (1988a). *Linguistics: The Cambridge Survey, 1: Linguistic Theory: Foundations*. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press.
- Newmeyer, Frederick J. (ed.) (1988b). *Linguistics: The Cambridge Survey, 2: Linguistic Theory: Extensions and Implications*. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press.
- Newmeyer, Frederick J. (ed.) (1988c). *Linguistics: The Cambridge Survey, 3: Language: Psychological and Biological Aspects*. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press.
- Newmeyer, Frederick J. (ed.) (1988d). *Linguistics: The Cambridge Survey, 4: Language: The Socio-cultural Context*. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press.
- Nida, Eugene (1975). *Componential Analysis of Meaning*. The Hague: Mouton.
- Nilsen, Don L. F., and Nilsen, A. P. (1975). *Semantic Theory*. New York: Newbury House.
- Ogden, Charles K. (1968). *Basic English: International Second Language* (revised and expanded edn of *The System of Basic English*). New York: Harcourt Brace.
- Olshewsky, Thomas M. (ed.) (1969). *Problems in the Philosophy of Language*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Ortony, Andrew (ed.) (1979). *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Palmer, Frank R. (1981). *Semantics: A New Outline*, 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press. (1st edn, 1976).
- Palmer, Frank R. (1986). *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Palmer, Frank R. (1990). *Modality and the English Modals*, 2nd edn. London and New York: Longman.
- Parkinson, G. (ed.) (1986). *The Theory of Meaning*. London: Oxford University Press.
- Partee, Barbara H., ter Meulen, A., and Wall, R. E. (1990). *Mathematical Methods in Linguistics*. Dordrecht, Holland; Boston and London: Kluwer Academic Publishers.
- Payne, John R. (1985). 'Negation'. In: Shopen (1985a: 197—242).
- Pelletier, F.J. (ed.) (1979). *Mass Terms: Some Philosophical Problems*. Dordrecht, Holland: Reidel.
- Perkins, M. R. (1983). *Modal Expressions in English*. London: Frances Pinter.
- Potts, Timothy (1994). *Structure and Categories for the Representation of Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pulman, Stephen G. (1983). *Word Meaning and Belief* London: Groom Helm.
- Putnam, Hilary (1970). 'Is semantics possible?'. In: H. Kiefer and M. Munitz (eds.), *Languages, Belief and Metaphysics*. New York: State University of New York Press, 1970. (Reprinted in Putnam, 1975: 139—152).
- Putnam, Hilary (1975). *Mind, Language and Reality*. London and New York: Cambridge University Press.
- Quine, Willard V. (1953). *From a Logical Point of View*. Cambridge, MA: Harvard University Press. (2nd edn, 1961.)
- Quine, Willard V. (1960). *Word and Object*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Quirk, Randolph, Greenbaum, S., Leech, G., and Svartvik, J. (1985). *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London and New York: Longman.
- Radford, Andrew (1988). *Transformational Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Recanati, Francois (1987). *Meaning and Force: The Pragmatics of Performative Utterances* (revised English version of *Les enonces performatifs*, Paris: Minuit, 1981).
- Reinhart, Tanya (1983). *Anaphora and Semantic Interpretation*. Chicago and London: University of Chicago Press.
- Roget, P. M. (1852). *Thesaurus of English Words and Phrases*. London (Abridged and revised, London: Penguin, 1953).
- Rorty, Richard (ed.) (1967). *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago and London: Chicago University Press.
- Russell, Bertrand (1905). 'On denoting'. *Mind* 14: 479—493.
- Russell, Bertrand (1940). *An Inquiry Into Meaning and Truth*. London: Allen and Unwin. (Reprinted, Harmondsworth, Middlesex: Penguin, 1962.)

- Ryle, Gilbert (1951). 'The theory of meaning'. In C.A. Mace (ed.), *British Philosophy in the Mid-Century*. London: Allen and Unwin, 239—264. (Reprinted in: Zabeeh *et al.*, 1974: 219—244.)
- Saddock, Jerrold M., and Zwicky, A. M. (1985). 'Speech act distinctions in syntax'. In: Shopen (1985b: 197—242).
- Saussure, Ferdinand de (1916). *Cours de Linguistique Generate*, ed. by Charles Bally and Albert Sechehaye. Paris: Payot.
- Schiffirin, Deborah (1987). *Discourse Markers*. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press.
- Searle, John R. (1969). *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Searle, John R. (1979). *Expression and Meaning*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Searle, John R., Kiefer, F., and Bierwisch, M. (eds.) (1980). *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht-Holland: Reidel.
- Searle, John R., and Vanderven, D. (1985). *Foundations of Elocutionary Logic*. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press.
- Seuren, Pieter A. M. (1985). *Discourse Semantics*. Oxford: Blackwell.
- Shopen, Timothy (1985a). *Language Typology and Syntactic Description, 1: Clause Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shopen, Timothy (1985b). *Language Typology and Syntactic Description, 2: Grammatical Categories and the Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Smith, Neil V. (ed.) (1982). *Mutual Knowledge*. London and New York: Academic Press.
- Smith, Neil V., and Wilson, D. (1979). *Modern Linguistics: the Results of the Chomskyan Revolution*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin.
- Sperber, Dan, and Wilson, D. (1986). *Relevance: Communication and Cognition*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Steinberg, Danny D., and Jakobovits, L. A. (eds.) (1971). *Semantics*. London and New York: Cambridge University Press.
- Strawson, Peter F. (1952). *Introduction to Logical Theory*. London: Methuen.
- Strawson, Peter F. (1971a). *Logico-Linguistic Papers*. London: Methuen.
- Strawson, Peter F. (ed.) (1971b). *Philosophical Logic*. London: Oxford University Press.
- Strawson, Peter F. (1975). *Subject and Predicate in Logic and Grammar*. London: Methuen.
- Sweetser, Eve E. (1990). *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Tarski, Alfred (1944). 'The semantic conception of truth'. *Philosophy and Phenomenological Research* 4: 341—375. (Reprinted in: Olshewky, 1969: 578—609; Zabeeh *et al.* 1974: 675—712.)
- Tarski, Alfred (1956). *Logic, Semantics, Metamathematics*. London: Oxford University Press.

- Taylor, J. R. (1989). *Linguistic Categorization: Prototypes!?! Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Tedeschi, P., and Zaenen, A.J. (1981). *Syntax and Semantics, 14: Tense and Aspect*. London and New York: Academic Press.
- Ullmann, Stephen (1962). *Semantics*. Oxford: Blackwell; New York: Barnes and Noble.
- Van Dijk, Tunc A. (1977). *Text and Context*. London and New York: Longman.
- Wierzbicka, Anna (1980). *Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language*. London and New York: Academic Press.
- Wierzbicka, Anna (1992). *Semantics, Culture and Cognition*. London and New York: Oxford University Press.
- Wittgenstein, Ludwig (1953). *Philosophical Investigations*. Oxford: Blackwell; and New York: Macmillan.
- Woisetschlaeger, E. F. (1985). *A Semantic Theory of the English Auxiliary System*. New York and London: Garland.
- Zabeeh, Farhang, Klemke, E.D., and Jacobson, A. (eds) (1974). *Readings in Semantics*. Urbana, IL, Chicago and London: University of Illinois Press.

УКАЗАТЕЛЬ

абсолютная омонимия, 71, 72, 74

абсолютная синонимия, 77—79

абсолютное время, 331

абстрактное, моделирование абстрактных областей по образцу конкретных областей, 343

абстрактные сущности, 233, 258

автономная лингвистика, 113

агент локуции, 318, 347, 356—358

азбука Морзе, 49

Айер А. Дж., 156, 157, 159, 160

алетевитическая модальность, 344

алетическая модальность, 344, 352

алфавит, 38, 39, 42, 49

американская лингвистика, 31, 120

американский структурализм, 105

аналитическая истина, 134—136,

167

аналитический/синтетический

(различие), 134, 138, 142, 298

аналитичность, 138, 141

анафора, 281, 296

библиография, 362

английский язык

аспект в английском языке, 210, 336—338

вспомогательные глаголы, 329

выражение сомнения, 206, 207

лексикализация и грамматикализация темпоральной дейктической референции, 329

модальные глаголы, 190, 195, 329,

346, 348

модальные частицы, 291

порядок слов, 171—172

система наклонений, 209

собственные имена, 297, 311, 312

англо-американская лингвистическая традиция, 252

аннулируемость, 298, 302

антонимия, 143

антропологическая лингвистика, 121

антропологическая семантика, 9, 21

аспект, 90, 210, 309, 343, 353

аспект как объективная темпоральная категория, 337—339

аспект, время и наклонение, 210, 309, 336

библиография, 361

грамматическая категория аспекта, 90, 336, 339

объективистское и субъективистское описание аспекта, 338

определение, 337, 338, 341

смешение с временем, 210, 336, 337

употребления термина, 339

аспектуальное значение, 199

аспектуальные классы глаголов, 210, 213

«Аспекты теории синтаксиса» (Хомский), 224, 225, 228, 232, 237

атомарность, **условие атомарности**, 100, 105

атомарные концепты, 103, 105, 123, 141

атомизм, 105

аффективное значение, 58

базовые и небазовые выражения, 98

базовые слова, 101, 103

базовый английский (Basic English),

101

- базовый, различные смыслы этого слова, 102, 103, 110, 123, 124, 129
- Бенвенист, Эмиль, 252
- Берлин, Brent, 110
- бихевиоризм, 31
- бихевиористская** теория значения, 55
- близкое время и не-близкое (грамматическое) время, 330
- близость, в дейксисе, 326
- Блумфилд, Леонард, 83
- определение слова, 83
- блумфилдианский структурализм, 82
- болгарский язык, 196
- более узкая** сфера действия, 190
- более широкая** сфера действия, 190
- Брайль, шрифт Брайля, 49
- будущего времени операторы, 332
- будущее время
- в английском языке, 335
 - и не-будущее время, 330
- буквальная интерпретация, 297, 298, 300
- буквальное (номинальное) значение** (face-value), 160
- булеватическая модальность, 352
- Бюлер, Карл, 319
- в мире** (in a world) (пропозиции являются истинными или ложными в мире), 246
- в соответствии с** (находятся ли пропозиции **в соответствии с** миром, который они представляют), 246
- «Введение в теоретическую лингвистику» (Лайонз), 10
- вежливость**, 68, 268, 269, 295, 307, 316
- Венский кружок, 156
- вербальный компонент**, 51
- верификационизм *см.* верификационистская теория значения
- верификационистская** теория значения, 55, 156—157, 162, 164—165, 254
- вершинные имена, 312, 313, 316, 318
- вещественные существительные**, 106
- взаимозаменяемость *salva veritate*, 245
- Витгенштейн, Людвиг, 56
- Витгенштейн, Людвиг, *значения как такового не существует*, 55
- Витгенштейн, Людвиг и языковые игры, 308
- внеконтекстная выделенность, 284
- внутриязыковые** отношения, 95
- во всех возможных мирах**, 133, 167, 240
- возможность, 344, 345, 352
- определение, 344, 345
- возможные миры**, 133, 137—138, 184, 239—247, 310—311, 345
- временные операторы как индексы к возможным мирам, 332
- и следование, 132—138
- отношение достижимости между возможными мирами, 247, 358
- употребления термина, 246—247
- волитивы, 208
- Вольтер, «Кандид», 133
- вопросительность
- вопросительность и дубитативность, 207
 - вопросительность и наклонение, 206
- вопросительные местоимения и прилагательные, категориальные лакуны в этой области, 325
- вопросительные** предложения, 48, 53

- в сравнении с декларативными предложениями, 153, 192, 197, 199, 219
- значение вопросительных предложений, 199, 205
- вопросительные предложения с обратной полярностью, 202
- вопросы**, 53, 191, 268
- вопросы, утверждения и директивы, 268—271, 273
- восклицания, 191, 208, 209
- восклицательные (экскламативные) предложения, 208
- и зависимые вопросительные предложения, 208
- восклицательный знак, 209
- временная логика, 212, 332—334, 350
- временные операторы, 332, 334
- временные противопоставления, 333
- временные системы, 330, 333
- двухуровневые временные системы, 331
- двухчленные временные системы, 331
- многоуровневые временные системы, 331, 332
- время** (грамматическое, tense), **90, 210, 217, 328**
- библиография, 361
- время как грамматическая категория, 90, 328
- время, аспект и наклонение, 90, 210, 309
- грамматическое время аналогично определенному артиклю и указательным словам, 333
- и определенность референции, 333
- отношения с наклонением, 211, 292, 309
- смещение времени и аспекта, 309
- традиционное определение времени, 329
- употребление термина, 329
- вспомогательные глаголы, 329, 335, 336
- вставление** (embedding), **176—177**
- вторичные** грамматические категории, 90
- вторичный дейксис**, 326
- второпорядковая референция, 342
- второпорядковые сущности, 343
- выбирает** (функция **выбирает** в мире множество сущностей), **242**
- выражения**, 63
- множества выражений, 26, 33
- отличие от форм, 39, 66, 67
- слова как сложные выражения, 63, 64, 66, 68
- употребление термина, 219—220
- высказывание
- субъективность высказывания, 309—359
- употребление термина, 49, 50, 260—261
- высказывания, 252—257
- и производство высказываний-инскрипций, 259—260
- отличия от предложений, 37, 46—54, 251—257
- отношения с предложениями, 277
- высказывания-инскрипции, 50—51, 152, 180
- в сравнении с пропозициями, 259—260
- высказывания и производство высказываний-инскрипций, 259—260
- отличия от предложений, 262—263
- высказывания-сигналы, 50
- высокофлективные языки, 83

- вычислимость** (выводимость), **301, 304**
- вычислить** (предполагаемое значение высказывания), **299**
- вьетнамский язык, 40,45
- генеративная грамматика, 37,277
библиография, 361
постхомскианская генеративная грамматика, 235
стандартная теория, 224
хомскианская генеративная грамматика, 214, 224, 235, 238, 361
хомскианская генеративная грамматика в сопоставлении с грамматикой Монтегю, 236, 238
- германские языки, 195
- гипонимия, 140**
- гипостазирование, 342
- гипотеза «правило на правило»** (rule-to-rule hypothesis), **175, 222, 223**
- гипотеза Сэпира—Уорфа, 112,121
- глубинная структура, 224—226**
и семантическая репрезентация, 224
классическое понятие, 225
упрощенная репрезентация рис. 7.2,229
- говорящий *см.* агент локуции
- градуируемость, 143**
- Грайс, Пол, 180,273,276,316,362
- грамматика, 85, 88**
и словарь, 85, 88
отличия от лексикона, 85, 88
- грамматика слова и парадигмы, 83
- грамматика, опирающаяся на морфемы, 65, 83, 89
- грамматика, опирающаяся на слово, 65
- грамматикализация, 32,69**
библиография, 362
грамматикализация наклонения, 193, 195, 206, 270, 272
и лексикализация, 69
- грамматическая компетенция, 36
- грамматическая неоднозначность, 74
и лексическая неоднозначность, 74
- грамматическая семантика, 119
- грамматическая структура
грамматическая структура английского языка, библиография, 361
и значение предложений, 11
и логическая форма, 175, 176, 188
отношения с просодическим контуром, 196,197
различия между языками, 23, 201,218
- грамматически идентичные** словоформы, **70**
- грамматическое слово, 83
- грамматическое значение, 64, 69,94**
отличия от лексического значения, 64,69,94
- грамматичность, 88, 152, 154, 155**
грамматичность, приемлемость и значимость, 147—150
критерии грамматичности, 155
- греческий язык, 170, 194
современный греческий язык, 201
- давнопрошедшее время, 331
- да-нем вопросы, 198**
- данное, 170**
- двойные кавычки, 39**
- "двустороннее" условие, условные предложения как содержащие "двустороннее" условие (conditional as biconditional), 304
- двухместные конверсией, 143**
двуязычные словари, 93,105

- дейксис, 309**
и индексальность, 318—327
библиография, 362
употребление термина, 318—319, 320
- дейктическая** темпоральная референция, 329
- дейктическая функция, 319**
- дейктический, 286**
- деистический контекст, 320**
- Декарт, Рене, 354, 355
- декларативные (повествовательные) предложения, 53, 159, 191—192, 196—208, 256**
значение декларативных предложений, 197—208
сравнение с вопросительными предложениями, 197—208
- декларативы, 196, 197, 200, 201, 205, 206, 208, 209
отличия от индикатива, 348
употребление термина, 196
- денотативная** теория значения, 55
- денотация, 24, 91, 94, 341, 343**
денотация пустых множеств, 245
отличие от референции, 91, 95
отличие от смысла, 24, 93—98, 108—110, 219
- деонтическая логика, 241
- деонтическая модальность, 346—348, 351, 352
- деонтические полномочия, 356
- деонтический, употребление термина, 346, 347
- деонтическое обязательство (commitment), 271**
- деривационные правила, 67**
деривация, 120
- дескриптивная синонимия, 79—81, 95, 139, 142, 240**
- дескриптивное значение, 58, 79—81, 98**
- детерминативы, 32**
Дефо, Даниэль, 152
- диаграммы Венна, 126
- диакритики, 26**
- дизъюнкция, 165, 173, 178**
и конъюнкция, 165
- динамическая модальность, 352
- директивы, 212, 266, 268**
директивы, утверждения и вопросы, 268
- дискурс
и текст, 282, 275
разговор (conversation) и текст, 49, 50
семантика дискурса, библиография, 362
- дистанцирование, 327
- достижимость**, отношения достижимости между возможными мирами, 247
- древнегреческие грамматисты, 319
- дуализм
картезианский, 353
субъекта и объекта, 353, 354
- дуалы, 344**
- дубитативное** наклонение, 206
- дубитативность и вопросительность, 206—208
- европейский структурализм, 105, 121
- единицы более высокого уровня (фразы и предложения), 85
- единицы словаря, 37, 68, 235
- естественная необходимость, 136**
- естественные роды, 92, 106**
- естественный язык, 21**
- естественные языки
без грамматической категории времени, 328
дескриптивная и выразительная (экспрессивная) мощностность естественных языков, 224, 342
наименования в естественных языках, 311

- пространственно-временной
дейксис в естественных
языках, 323
- семантическая структура есте-
ственных языков, 224
- формальная семантика есте-
ственных языков, 175, 215—
218
- естественный признак**, 19
- желания, 191
- жестовая референция**, 320
- зависима от высказывания (рефе-
ренция **зависима от контек-
ста** высказывания), 95
- заглавные слова** (словарных ста-
тей), 67
- закон Лейбница**, 245
- закрытый класс** форм слов, 82
- заложенные [в языки] свойства**
(design-properties), 27
- звук и значение, 226
- здесь-и-сейчас, 320, 321, 329
- здравый смысл, описание с пози-
ций здравого смысла, 107—
108
- знак**, 19
- знак плюс, 143
- знаки препинания (пунктуации),
29, 30
- знания о мире, 115, 158
- значение
- виды значения, 19, 58
 - звук и значение, 226
 - значение 'значения', 19—21
 - значение и коммуникация, 57
 - значение и форма 19, 28, 39,
45, 47, 58
 - значение слов, 41, 42, 44, 56,
58
 - онтологический и психологи-
ческий статус значения,
226
 - различие значения и употреб-
ления, 266
 - различные интерпретации зна-
чения, 219, 258
 - связь значений, 43
 - теории значения, 55, 160
 - широкий взгляд на значение,
22, 57
- значение, выражающее отноше-
ние говорящего (attitudinal), 58
- «значение как употребление»**
(одна из теорий значения), 55,
57
- значение** (приписываемое функ-
цией члену множества), 220
- значение высказывания**, 24, 58
- и контекст, 282—287
 - библиография, 362
 - контекстная обусловленность
значения высказывания, 52
 - отличия от значения предло-
жения, 49, 52, 54, 58, 59,
197, 252, 358
 - противоречия между значени-
ем высказывания и зна-
чением предложения,
196—197
- значение говорящего** (utterer's
meaning), 57
- значение предложения**, 24, 48—
49, 58, 147, 156
- и лексическое значение, 48, 58
 - и пропозициональное содер-
жание, 118, 168—213, 283
 - интеграция значения предло-
жения и лексического зна-
чения, 118
 - логический приоритет значе-
ния предложения перед
значением слова, 49, 86, 118
 - отличия от значения высказы-
вания, 49, 52, 54, 58, 59, 197
 - отличия от значения слова,
48—49
 - противоречия между значе-
нием предложения и зна-
чением высказывания,
196—197

- формализация значения предложения, 214—247
- значение слова, 48**
- и лексическое значение, 48
 - логический приоритет значения предложения перед значением слова, 49
 - отличия от значения предложения, 48—49
- значимость, 88, 154**
- и отсутствие значения (бесмысленность), 148
 - значимость предложений, 150—154
 - значимость, грамматичность и приемлемость, 148—150
- идеационная теория значения, 55**
- идиоматические фразовые лексемы, 68
- идиоматичность, 78
- изоморфизм, 38**
- изоморфизм грамматический и семантический, 218—224
- изъявительное (индикативное)**
- наклонение, 272
- иконичный знак, 29
- иконичность, 29**
- иллокутивная сила, 195, 264, 265—269, 283, 286—287, 302**
- библиография, 362
 - и речевые акты, 251—274
 - косвенная иллокутивная сила, 301
- иллокутивное обязательство (commitment), 347
- имена, 311
- имена собственные, 297, 312, 316, 317
- отношения с сущностями, к которым они относятся, 158, 311
 - имена, обозначающие сущности (объекты), 313
- именное отрицание (отрицательные именные выражения), 186, 187
- именные группы (ИГ), 312
- квалифицированные именные группы, 317
- именные группы с вершинным именем существительным, 312**
- именные классы, библиография, 361
- императивные предложения, 208, 209, 212
- отношения с индикативными предложениями, 209, 212, 213
- императивы, 208—210, 213
- импликация, 184, 276, 288, 289**
- в сравнении с другими видами импликаций, 298
- импликация, 173, 178, 288, 289**
- и конвенциональные импликации, 289, 291—293, 303, 362
- имплицировать (implicate), 289**
- индейские языки Северной и Центральной Америки, 206
- индекс, 30, 241, 310, 319, 320**
- темпоральный индекс, 241
 - употребление термина, 241
- индексальная семантика, 247
- индексальная функция, 319**
- индексальность, 30, 241, 319, 320, 323, 327**
- и дейксис, 318, 319, 323, 327
 - и модальность, 247, 258
 - употребления термина, 319—320
- индексы (Монтегю), 243, 244
- индивиды (individuals) и отдельные личности (persons), 273
- индикативное (изъявительное)**
- наклонение, 272
- индикативные предложения, 194
- отличие от декларативных предложений, 348
- индоевропейские языки, 194, 206, 355
- инклюзивная дизъюнкция, 181**

- квантор существования, 187,**
223, 333, 352
- кванторы, 188, 228, 243, 342
и аспект, 343
кванторы общности и существования, 204, 345
- китайская грамматическая традиция, 82
- китайский язык, 38, 322—323, 328
классический, 40, 45
современный, 38
- классификаторы, 104**
и аспект, 343
- классифицирующие категории, 313**
- классифицирующие (категориальные) пресуппозиции, 314
- классическая теория определений, 114—115, 116
- когезия (связанность), 280**
- когнитивизм, 112**
- когнитивная грамматика, 112
- когнитивная семантика, 112
- когнитивное значение, 58
- когнитивный дейксис, 321, 327, 335**
- кодируется (закодировано), 51**
- количество, субпринцип (принцип) количества (Грайс), 294**
- Коллинз, словарь, «Collins Dictionary of the English Language», 102**
- коллокационная (сочетаемость) приемлемость, 139**
- комбинаторные смысловые отношения, 139**
- коммуникативное поведение животных, 28
- коммуникативные импликатуры, 180, 217, 288, 289, 293, 304**
библиография, 362
логические свойства коммуникативных импликаций, 302
отличия от конвенциональных импликаций, 288—289, 298, 303
- коммуникация и значение, 57
- коммуникация, системы коммуникации, 28**
- компетенция, 9, 18, 34, 36, 251, 253, 325
- комплементарность, 142**
- композиционная функция, 97, 126**
- композициональность, 126, 218**
- компонентный анализ, 114, 117, 121, 122, 131**
библиография, 361
вопрос о его универсальности, 121, 123
и теория значения Катца—Фодора, 231
эмпирическая база компонентного анализа, 124, 129—131
- Комри, Бернард
- конативное значение, 60**
- конвенциональность, 28, 29, 291
и Интенциональность, 28
- конвенциональные импликатуры, 288, 289, 291—293, 303**
библиография, 362
и импликации, 288
отличия от коммуникативных импликаций, 288—289, 293, 298, 303
- конвенциональный знак, 19**
- конкретное, моделирование абстрактных областей по образцу конкретных областей, 343
- коннекторы и конвенциональные импликатуры, 291
- констативные высказывания, 254**
- контекст
и высказывания, 262
и значение высказывания, 282—287
и со-текст, 275—308
определение, 306—308
- контекст высказывания и онтологические предпосылки, 20
- контекст ситуации, 287, 306—307**

- контекстная обусловленность
 контекстная обусловленность значения высказываний, 52, 275, 282—287
 и **аннулируемость**, 298, 302—303
- контекстно-зависимые формы, 52
- контекстуализация**, 282, 285
- контекстуально независимый**, 52
- контрадикторный**, 185
- контрарный**, 186
- контринтуитивно, 198
- конъюнкция**, 125, 165, 178
- кооперация**, **принцип кооперации**, 294
- корейский язык, 326
- корень предложения** (sentence-radical), 220
- косвенная речь**, 199
- косвенные речевые акты**, 53, 269, 287, 301—302
- косвенный дискурс, 212
- Крипке, Сол, 107—108, 136
- Куайн, У. В., 138
- культурная необходимость, 137
- культурная обусловленность (обусловленность культурой), 110, 148—149, 266, 295, 307
- культурно выделенные объекты, 311
- культурно обусловленные конвенции, 316
- культурно-специфические классы, 93
- культурные роды**, 104—105, 109—111
- курсив**, 39
- Кей, П., ПО
- латинский язык, 40, 83, 84, 170, 181, 193, 194, 202, 312, 337, 355
 дизъюнкция в латинском языке, 181—182
 наклонение в латинском языке, 193, 194
- Лейбниц, Готфрид, 133
- лексемы**, 64, 67, 68, 93, 95
 пары лексем в сочетаниях, 230, 231
- лексемы, обозначающие свойства, 127
- лексикализация**, 69
- лексикография, 42, 64, 65
- лексикон**, 88, 227
 отличия от грамматики, 88
- лексическая декомпозиция**, 122, 236—237
- лексическая неоднозначность, 74, 283
 и грамматическая неоднозначность, 74, 283
- лексическая семантика, 11, 79, 100, 113—117, 119—122, 147
 библиография, 361, 362
- лексически простые** выражения, 67—68, 76, 96, 221
- лексически сложные** выражения, 67—68, 76, 96—97, 221
- лексические поля**, 117
- лексические различия между языками, 104—105
- лексическое значение**, 48, 64, 69
 и значение предложения, 48—49, 58, 192
 и значение слова, 48
 и нелексическое значение, 11, 120
- интеграция лексического значения и значения предложения, 118
- отличия от грамматического значения, 64, 69, 70, 85
- лекции в честь Уильяма Джемса (1967—1968), 253
- лингвистика, определение, 27
- лингвистика предшествующего (современному) этапа, 32
- лингвистическая семантика**, 21, 218, 328, 359
 библиография, 362
 и нелингвистическая семантика, 17—18, 22, 26, 31

- и формальная семантика, 10, 11, 215
определение, 9, 18, 27
пренебрежение лингвистической семантикой в период с 1930 до конца 1950-х годов, 31
употребление термина, 21, 27
лингвистическая теория, 218
литература и внеконтекстная выделенность, 284
литературная критика, 81, 118
литературная семантика, 9, 119
лицо (грамматическая категория), 90
личность человека (self), 354
личные местоимения, 319, 320—322, 323—324, 325
логика, 10, 118
 влияние логики на лингвистику, 168
логика предикатов, 311
логическая семантика, 21, 236, 318, 334, 344
логическая форма, 135, 165, 223
 и грамматическая структура, 168, 175—176
 употребление термина, 177
логически истинные и ложные пропозиции, 135
логический позитивизм, 148, 156, 161, 165, 254
логический эмпиризм, 102
ложность и референция, 240, 315—316
локализм, 343
локутивная деятельность и субъективность, 352—359
локутивная субъективность, 354—357
локутивный акт, 257—265, 283
 употребление термина, 262
локутивный дейксис, 321, 327
Лонгман, «Longman Dictionary of Contemporary English», 102
малайский язык, 323, 328
материальная идентичность, 46
материальная импликация, 182
Международный фонетический алфавит, 38
межкультурная значимость, 110
межлексемные отношения, 95
межличностное значение, 60
межличностный, 60
межъязыковая синонимия, 93
меномини (язык), 206
менталистская теория значения, 55
ментальная грамматика, 89
ментальные модели, 246
ментальный лексикон, 89, 115
местоимения, 312
 отрицательные неопределенные, 187, 188
 референция местоимений, 318
металингвистика, 17—60
метафизический дуализм, 353, 354
метафора, 152, 297—301
 библиография, 362
метафорическая интерпретация, 297—298, 300
 и контекст ситуации, 297, 300
метафорический перенос, 76
метаязык, 22—25, 35, 37, 49, 64, 93
 определение метаязыка, 22
 специальный и повседневный метаязык, 341—343
метаязыковые выражения, 26, 96
метонимия, 152
мир
 в мире, 133, 246
 относительно мира (о мире), 133, 246
модальная логика, 133, 190, 270, 271, 318, 351—352
 библиография, 361
модальность, 270, 272, 309, 310, 344
 библиография, 361
 и индексальность, 247

- и квантификация, 345,352
и субъективность, 291
и темпоральность, 336
модальные выражения и наклонения, 343—352
модальные вспомогательные глаголы, 335—336
модальные выражения, модальность и наклонение, 343—352
модальные глаголы, 73, 195, 209, 304, 348
модальные частицы и конвенциональные имплицатуры, 291
модальный компонент фактуальности, **272**
модальный, употребление термина, 272
модель ударения, 29,261
модулированы, 29,196
Монтегю, Ричард, 214, 216, 223, 236, 243—244
грамматика Монтегю, 223, 236—240,244—245,311
в сравнении с генеративной грамматикой Хомского, 237—238
в сравнении с теорией Катца—Фодора, 236
и условно-истинностная семантика, 238—239
семантика Монтегю, 175, 238—240, 345
библиография, 361
морфологически синтетические языки, 46,330
морфология, 119,120
библиография, 362
морфосинтаксическая принадлежность, 73
морфосинтаксически различающиеся формы, 70
мышление и язык, 105,106,129
наводящие (подсказывающие) вопросы,271
наивный реализм, 106,113,341
наклонение, 90,191,272,309
библиография, 361
и вопросительность, 206,208
и словоизменение глагола, 195
и тип предложения, 191—196, 269
как грамматическая категория или как наклонение пропозиции, 272
наклонение, время и аспект, 210,309
наклонение, модальные выражения и модальность, 343—352
наклонение, тип предикативной группы и тип предложения, 191—196,348
отношения между наклонением и временем, 211,292,309
связь наклонения и типа предложения, 191—196
употребления термина, 343
народная этимология, 76
настоящее время, 73,329, 330
не естественные (искусственные) метаязыки, 35
не интенциональное поведение, 28
не слова, различия между словами и не словами, 63
невербальный компонент естественных языковых высказываний, 29,51
недейктическая информация, 324—326
недекларативные предложения, 200,256
недескриптивное значение, 58
независима от высказывания (денотация независима от употребления в конкретном случае высказывания), 95
неизолирующие синтетические языки, 46
не-индикативные предложения, 193,239

- нейропсихология, 89
 не-конвенциональное поведение, 28
 нелексическое значение, 11, 120
 нелингвистическая семантика, 17, 18, 22, 26—31
 немецкий язык, 22, 23, 35, 40, 56, 200, 219, 258, 291, 312, 323, 326, 355
необходимо истинные и ложные пропозиции, 133—134
 необходимо, употребления термина, 136
 необходимость, 344—345, 350—351
 определение, 345
неаграйсианская прагматика, 294, 296, 308
 библиография, 362
неоднозначность, 11, 12, 33
 неоднозначность структуры непосредственных составляющих, 222
 неоднозначность фразовой структуры, 222
 неопределенность (естественного языка, его слов и выражений), 12, 111, 165
 неопределенные дескрипции, 317
неотделимость как свойство коммуникативных импликатур, 305
 неполнозначные (пустые, empty) формы слов, 82—85, 90, 93
 неполнозначные и полнозначные формы, грамматическое различие между ними, 82—85
 неправильность (ill-formedness), 88, 138, 153, 154, 230—235
 неправильный перевод, 291
 неприятие эмоциональное, 327
не-прогрессив, аспектуальное отличие от прогрессива, 210
непрозрачные контексты, 245
 не-произвольность, 28—30
 25 — 3113
непропозициональное значение, 9, 11, 24, 58, 59, 193, 196, 201
 недостаточное внимание к не-пропозициональному значению, 353
несовершенный вид, 340
несовместимость, 140, 142
 нефактуальное значение и эмотивизм, 160—161
 нефлективные языки, 83
не-чистый дейксис, 323—324
 номинализм, 107
 носители языка (говорящие, для которых язык является родным), 57, 75—76, 80, 111, 150, 163, 165, 166, 325
 интуитивные суждения, касающиеся осмысленности предложений, 164
 неосознаваемые правила и условности, 25
 различие между омонимией и полисемией, 75—76
 обещания, 254, 256, 265, 267, 268, 274, 286
область (функции), 220, 242
обозначает (denotes), 94
 обозначения естественных родов, теория (Патнэм и Крипке), 107
 объективизм, 353
объективная деонтическая интерпретация, 346
 объективная модальность, 346—347, 350—351
объективная эпистемическая интерпретация, 346
 объектные слова и словарные слова, 98—99
 обыденный метаязык, 35, 39, 70, 341
 обязательство (commitment), 272—273, 347
 Огден, Ч. К., 101
 ограниченные переменные, 203
одноместные предикаты, 127

- одно-однозначное соответствие, 50, 56, 158, 220, 243
- омонимия**, 64, 71—75
в сравнении с полисемией, 75
и неоднозначность, 74, 75
и полисемия, 75, 76
грамматическая эквивалентность, 72—73
- омонимы**, 42—44
- ономатопоэтические (**звукоподражательные**) слова, 29
- онтологические предпосылки (предположения)**, 20, 136, 158, 164, 203, 298, 324
- онтология, ее отношения с семантикой, 340, 341
- оператор отрицания**, 13, 124, 187, 189, 344
- операторы близкого времени, 332
- операторы настоящего времени, 332
- операторы удаленного времени, 332
- описательная ошибка, 253, 266
- определение (дефиниции, толкования) слов, 91—116
- определение менее базовых слов в терминах более базовых слов, 101
- определение, теория «перечня признаков», 114
- определения рода и вида, 94
- определенность, в различных языках, 84
- определенные дескрипции**, 158, 313—316
- оптативные предложения, 191, 194
- орфографическая идентичность, 45, 70
- орфографическая форма, 70, 306
- основа (слова), 40, 41
- остенсивное определение**, 99, 320
- остенсия (ostension), 320
- Остин Дж. Л., 251
- «Как совершать действия словами», 253
- «Слова и дела», 255
- лекции в честь Уильяма Джемса, 253
- теория речевых актов, 161, 251, 253, 257
- отдельные личности (persons), их отличие от индивидов (individuals), 273
- открытые классы** словоформ, 82
- относительно мира / о мире** (of the world) (пропозиции являются истинными или ложными), 246
- относительное время**, 331
- относиться к, обозначать, указывать на** (refer to), 91, 94, 311
- отношение** (субпринцип Грайса), 294, 295
- отношения между словами, 116
- отношения между словами и (внешним) миром, 116
- отображает** (функция отображает D на V), 220
- отрицание**, 165, 178, 185—191
библиография, 361
пропозициональное отрицание, 178
- отрицательные неопределенные местоимения, 187
- отсылает к, 94, 213
- падежная система, 342
- парадигматические** смысловые отношения, 139
- парадоксы импликации**, 182—183
- паралингвистические признаки**, 29—30, 31, 272, 357
- паралингвистический** компонент, 51
- Патнэм—Крипке об обозначениях естественных родов, 107
- Патнэм, Хилари, 107, 108, 136

- первичное** время, 335
- первичный дейксис**, 326, 327, 349
- первопорядковая пропозициональная логика, 173
- первопорядковые формальные языки, 334, 341
- перевод
и конвенциональные имплицатуры, 291
вопрос о наличии одно-однозначных соответствий при переводе на другие языки слов 'meaning' и 'mean', 56
- переводимость**, 155—156
и исправимость, 155—156
- передается** (информация адресату), 288
- переменные**, 128, 132, 137, 203—204, 220
- перенос значения, 76
- переопределить (значения слов естественного языка с целью создания терминологии), 23, 24
- перечень признаков, теория определения как «перечня признаков», 114
- перформативные** высказывания, 254, 255, 265, 266
- перформативные глаголы, 256, 265—267
- Пирс Ч. С., 66, 319
различие тип / экземпляр (случай употребления) (type / token), 66—67
- письменный текст и устный текст, 50, 275, 278, 281
- письменный язык, 25, 30, 47, 49, 196, 197, 209, 252—253, 294
и устный язык, 25, 30, 38, 47, 49, 196, 197, 209, 252—253, 294
- повелительное (императивное)**
наклонение, 272
- поверхностная структура**, 226—229, 237
- подстановочные** смысловые отношения, 139, 140, 142
- подстрочный индекс (различающий разные значения слова), 41, 44
- подчинение, 174
- позитивизм, 254
- показатель**, являться показателем, 30
- полисемия**, 64, 75
в сравнении с омонимией, 75
полнозначные формы слов, 82—87
и неполнозначные формы слов, различие между ними, 84—88, 90
- полномочия (authority), 273
- полуграмматические элементы, 329
- полярность**, 188, 202, 209
- Поппер, Карл, 157
- порождаться, 37
- порождающая (генеративная) семантика, 199, 225
- порядок слов, 171, 172, 179
- Постал, П. М., 201
- постблумфилдианский структурализм, 82
- постулаты** Грайса, 294—296, 300, 301, 307, 316
- постулаты значения**, 117, 118, 132, 139—140, 141, 142—144, 235
и вывод, 235
и смысловые отношения, 139—144
- правдивость (truthfulness), 295
- правила вывода и постулаты значения, 235
- правила очередности реплик, 268
- правила проекции**, 224, 230
и селективные ограничения, 224, 230
- правильность (well-formedness), 154
- прагматика**, 24, 37, 59, 217, 247, 255, 269, 293, 323, 359

- библиография, 360, 362
отличие от семантики, 9, 299, 306, 325
- предикативная группа (clause) как более базовая структурная единица, чем предложение, 176—177, 192
- предикативные группы (clauses) и предложения, 89
их отношения с предложениями, 88—89, 176, 191—192
их традиционное разделение на подлежащее и сказуемое, 89
- предикатное отрицание, 185, 187
- предикаты, 311
- предлоги, 82, 85, 93, 127, 153, 342—343
- предложение
употребления термина, 260
употребления термина в абстрактном и конкретном смысле, 275—277
- предложения
и сочетания слов, не являющиеся предложениями, 52
значимые и не имеющие значения (бессмысленные), 147—167
классы предложений, 52—53
отличия от высказываний, 50—59, 252—257
отличия от высказываний-инскрипций, 262—263
отношения с высказываниями, 277
отношения с предикативными группами (clauses), 176—177
отношения с пропозициями, 157—160
пропозициональное содержание предложений, 9
- предназначены, назначение, предназначение** (purporting) (предложения предназначены выражать пропозиции), 159
- предположение об универсальности смысловых компонентов, 134
- пресуппозиции**, 170, 201, **204**, 205, 293, 297, 302, **314—315**
- пресуппозиции существования**, **188, 314**
- приемлемость (допустимость), 52
приемлемость, грамматичность и значимость, 148—150
- признаки первого порядка (первопорядковые признаки), 341
- признаки, существенные и случайные, 114
- приказы и команды, 191, 265—266, 271
- примеры** употребления (instances), **66**
- принцип верифицируемости**, 156—157, 160—161
- принцип кооперации**, 293, **294—306**
- приспособление ресурсов языка для того, чтобы в пропозициональном виде выразить непропозициональное содержание, 291
- прогрессии**, аспектуальное отличие от не-прогрессива, **210**
- продукт, значение продукта (у терминов 'высказывание', 'дискурс' и 'разговор'), 50, 252
- продуктивные правила, 67—68
- продукты** системы, **33**, 34, 35—37
- произвольный**, **28**
- пропозиции**, **58**, 118, **132, 157**
в сравнении с высказываниями-инскрипциями, 258
и пропозициональное содержание, 157—160, 283
истинность и ложность пропозиций, 344—346
критерии разграничения пропозиций и предложений, 157
отношения с предложениями, 157—160

- пропозиционализация**, 291, **348**, 353
- пропозициональное значение**, 24, 58
- пропозициональное содержание**, **163**, 229
и аспект, 339
и значение предложения, 118, 168—213, 251
и контекст, 281—282
и пропозиции, 157—160, 283
- просодическая структура, 172, 186, 190, 196—197, 269, 278
просодическая структура устного английского, библиография, 362
- просодические признаки**, **29**
- просодический компонент**, **51**
- просодический контур**, **51**, 59, 180, 286—287, 357
отношения с грамматической структурой, 196—197
- пространственная референция, моделирование темпоральной референции по образцу пространственной, 342—343
- пространственно-временной дейксис, 322—323, 326—327
- простые (primary) перформативы**, **255**
- простые (одинарные) кавычки**, 13, 48, 39, 50, 152, 279
- простые предложения**, 172
и сложные предложения, 172—177
- противоречия**, **165**—167, 232—233, 246, 296, 302—303, 314
и тавтологии, 165—167
- прототипическое значение** (смысл), 110, 131
- прототипы**, **109**, **111**, 112
процесс, 30, 37, 50, 251—252
значение процесса (у терминов 'высказывание', 'дискурс' и 'разговор'), 50, 252
- прошедшее время, 40, 69, 72—73, 159, 193, 315, 322, 330—333, 335, 338, 349
и не-прошедшее время, 330—331, 335
- прямая речь (direct-discourse)**, 26, **199**, 207
- психолингвистика, 112, 115
- психологическая семантика, 9, 21, 27
- психология, 89
- «пунктуированы» (устные высказывания)**, 29, **196**
- пустые множества, денотация пустых множеств, 245
- разговор (conversation), текст и дискурс, 47—50
- разделительные вопросы, 202
- различие типы / экземпляры (случаи употребления, tokens), 66—67, 259—260
- размытые границы, 98, ПО, 111, 141
- Райл, Гилберт, 151, 156, 161
- Рассел, Бертран, 84, 98—103, 121, 151, 223
- расширение** повседневного словаря посредством включения в него специальных слов, 23
- рационализм, 353
- реализм
наивный, 106, 113, 341
философский, 106, 113
- регламентация** (метаязыковой лексики естественных языков), **23**
- регламентировать** (употребление метаязыковой лексики естественных языков), 23
- реификация, 342
- Рейхенбах, Ханс, 156
- рекурсивное отрицание**, **185**
- релевантность**, **183**, 302
- релевантный**, **281**, **300**

- репрезентируется** (внешний мир
репрезентируется внутренним миром), 133
- ретический акт**, 262
- референциальная непрозрачность**, 317
- референциальная теория значения**, 55, 91, 94, 108
- референциальное значение, 58
- референциальный диапазон**, 310
- референциальный потенциал, 285
- референция**, 24, 91, 94—95, 309, 310—318, 351
и смысл, 219, 239—240
и существование, 315
опосредована денотацией и контекстом, 243—245
отличия от денотации, 91, 243—244
референциальный диапазон, 285
- рефлексивность**, 23
- речевые акты**, 252
и иллокутивная сила, 251—274
- ритм, 25, 186
- риторика, 81
- риторический вопрос, 197
- род (gender)**, 92, 104
- Роже, П. М., Тезаурус, 77, 102
- романские языки, 35, 195
- русский язык, 56—57, 83, 182, 291, 312, 326
аспект (вид) в русском языке, 336—337, 339—340
- самовыражение, 354, 356, 357
- санкционировать вывод**, 303
- свободные ограниченные переменные**, 203
- связанность**, 280—281, 287, 296
- связанные переменные, 204
- связывание переменных**, 204
- связь значений, 75
- селективные ограничения**, 224, 230
- и правила проекции, 224, 230
- семантика**
семантика (в узком смысле), 24
семантика, отличия от прагматики, 9, 299, 306, 325
семантика, отношения с онтологией, 340—341
семантика, широкое и узкое определения, 24
семантика возможных миров, 214, 240
семантика высказывания, 11
семантика предложения, 11, 140
библиография, 361
семантическая нейтральность, 348
семантическая приемлемость (допустимость), 52
- семантически не связанные** (значения омонимов), 43
- семантические маркеры (Катц—Фодор), 234
- семантические поля**, 117—118
- семантические правила**, 230
- семантические прототипы**, 93, 111—116
- семантические репрезентации**, 224, 226, 234—235, 247
и глубинная структура, 224—230
критическое рассмотрение, 235
- семантическое следование, 136—138
- семантичность**, 27
- семиотика, 319
- семиотическая семантика, 119
- семья языков сиу, 194, 196
- сентенциальное отрицание (отрицание предложения), 306
- Серль, Дж. Р., 253
- серрано (язык), 206
- сигналы**, 50
- символ**, 19
- символы и условные обозначения, перечень, 13

- симметричная гипонимия, 142
синекдоха, 152
синкатегорематические формы, 88
синонимичные выражения, 76—81
синонимии, 64, 76—81, 305
синтагматические смысловые отношения, 139
 синтаксис, 119—120
 синтаксическая теория, 171, 176
синтаксические различия, 69
 «Синтаксические структуры» (Хомский), 225
синтетические пропозиции, 134—135
система, 33, 35—37
системные предложения, 276, 277
 системы письма, 51
 ситуации, 340
 ситуация, 287
 специальное употребление этого термина, 338
скалярные импликатуры, 304
 слабофлективные языки, 83
 славянские языки, 337—340
следование, 140, 184, 288, 298
 и возможные миры, 132—138
 определение, 132
 употребление термина, 136
следует (влечет), 132
 слова
 определение значения слов, 91—116
 слова как значимые единицы, 63—90
 форма и значение, 38—47
 «Слова и дела» (Остин), 255
 слова как **выражения**, 63
 слова как **формы** (словоформы, формы слов), 66
 словари, 41—43, 64, 66—67, 89, 93—94, 101—103
 отличия от энциклопедий, 115, 116
 словари синонимов и антонимов, 77
 словарные слова, 64, 98
 и объектные слова, 98—99
словарь (лексикон), 64, 85, 88, 227
 и грамматика, 85, 88—90
 словоизменение, 69, 120, 210, 236
словоизменятельные формы, 40, 47
сложноподчиненные (complex) предложения, 172
сложносочиненные (compound) предложения, 172
сложные предложения, 172
 и простые предложения, 172
 служебные (функциональные) слова, 83, 93
случайно истинные (или ложные) пропозиции, 133
смысл, 24, 92, 95—98
 и референция, 94—95, 219, 239—240
 отличие от денотации, 24, 95—98
смысловые компоненты, 122, 234, 237
смысловые отношения, 95, 117, 139
 и постулаты значения, 139—144
 собственные имена, одно-однозначное соответствие с их носителями, 158
 события, 328, 334, 338, 340—341
совершенный вид, 340
совместимость, 139
соединение простых предложений в сложные, 177
 сознание, субъект и объект сознания, 354—355
 сомнение, выражение, 206—207
сопутствующий (incidental), 334
 Соссюр, Фердинанд де, 34, 36, 105, 251
со-текст, 287

- и контекст, 275—308
- «сохранение внешнего вида»**
(saving the appearances), 107,
213, 217, 223, 244
- социализация, 273
- социальная прагматика, 255, 308
- социальное значение**, 60, 155
- социальное и экспрессивное значение, 273, 292—293, 326
- социокультурные причины неприемлемости предложений, 148
- социолингвистика, 269
- социоэкспрессивное значение**, 64, 80—81, 326
- сочетаемость**, 78—79
- сочинение, 178, 222
- способ** (вид кооперации, выделенный Грайсом), 294, 296
- способность к созданию метафор, 76
- среда**, 25, 49
- компонент, остающийся неизменным при замене среды его реализации, 51
- термины, **нейтральные** по отношению к **среде** выражения, 49
- ставится** (вопрос **ставится**, но не задается), 271
- стандартный английский**, 23, 47, 151
- староанглийский, 195
- стилистика, 59, 81
- строгая импликация, 184, 298
- структура, 117
- «Структура семантической теории» (Катц и Фодор), 224, 235
- структурализм, 105—106, 117—120
- структурная лексическая семантика, 117
- структурная лингвистика, 117, 120—122
- структурная лингвистическая семантика, 119
- структурная морфология, 117
- структурная семантика, 117-122
- определение, 119—120
- употребление термина, 120
- структурные слова, 83
- структурный подход, 117—144
- субкатегоризация, строгая (Хомский), 232
- субъективная деонтическая модальность, 347
- субъективная модальность, 195—196, 327, 346—351
- субъективная эпистемическая модальность, 347—348, 351, 358
- субъективность, 273
- в аспектуальных значениях, 338, 341
- и локутивная деятельность, 352—359
- и модальность, 291
- и склонение, 272—273
- субъективность сознания, 328
- употребление термина, 352—356
- субъективность высказывания**, 309, 310—359
- субъективный**, 193
- пейоративная интерпретация термина, 31, 352
- субъектно-предикатная структура, 355
- субьюнктив, 194—196
- Суит, Генри, 82
- сущности первого порядка (первопорядковые сущности), 341, 343
- сфера действия**
- сфера действия** вопросительности, 204
- сфера действия выражений, 189
- сфера действия отрицания, 189—190
- Сепир, Эдвард, 105, 112, 121
- Т/В различие, 326
- тавтологии**, 165, 296
- и противоречия, 165—167

текст

- и дискурс, 275—308
- определение (отдельного) текста (a text), 279—281
- определение текста (вообще) (text), 281—282
- семантика текста, библиография, 362
- текст, разговор (conversation) и дискурс, 47—54
- употребление этого слова, 49

текстовые единицы, 278

текстовые предложения, 276—277, 278—279

тема, 169

тематическое значение, 169—172

темпоральная референция, моделируемая по образцу пространственной референции, 342—343

темпоральность

- и (грамматическое) время, 335
- и модальность, 335—336

темпоральные признаки, кодирующиеся в различных языках, 339—343

теоретико-множественная

функция, 126

теоретическая лингвистика, 218

теоретическая независимость, 261

теоретическая семантика, 323

теоретически нейтральный, 83, 97—98, 222, 253, 264

теории значения предложений, основывающиеся на истинности, 147—148

теории релевантности, библиография, 262

теория значения как употребления, 160

теория множеств, 125—128, 220, 245

теория моделей, 239—240, 242, 310, 359

теория речевых актов (Остин), 57, 161, 251—274, 282, 308, 356
в сравнении с условно-истинностной семантикой, 273—274

тип предикативной группы (clause-type), 192

тип предикативной группы (clause-type), тип предложения и наклонение, 191—197

тип предложения, 191

отличия от наклонения, 195—196, 348

связь с наклонением, 191—196, 270

тип предикативной группы (clause-type) и наклонение, 191—197

тип(ы), 66, 260, 262

тождество (идентичность)

различные виды тождества (идентичности), 45—47

тождество (идентичность) значения, 76—79

тождество предложения (критерии), 171

тождество типа / экземпляра, 260—261

тождество (идентичность) формальное или грамматическое, 70

тождество формы, 306

точка отсчета (нулевая точка), 320, 321

точка соотнесения (point of reference), 241, 310, 322

традиционная грамматика, 71, 83, 90, 106, 176

трансформ, 177

трансформации, 226

трансформации не влияют на значение, 228

трансформационно-генеративная грамматика, Хомский, рис. 7.1,

- 171, 175, 177, 201, 214, 220, 224, 227 рис. 7.1
- трансформационные правила, их отсутствие в грамматике Монтегю, 236—237
- трехместные (лексические) конверсии, 143**
- трихотомия система — процесс — продукт, 37, 251**
- турецкий язык, 196
- удаленное время и не-удаленное время, 330, 332
- ударение, 25, 171—172
- Уилкинс, епископ, 102
- указание (indication), 30**
- указательные местоимения, 319—321**
- указательные слова (выражения), 322, 326, 327, 343
- и грамматическое время, 322, 343
- указывает (indicates), 30**
- универсальная грамматика, 36
- универсальная квантификация, необходимость и универсальная квантификация, 352
- универсальные речевые акты, 268—269
- универсальные смысловые компоненты, 121, 123, 129—131, 134, 141
- Уорф, Бенджамен Ли, 105, 112, 121
- употребление (исполнение, performance), 9, 32, 34, 36, 37, 252, 253
- употребление (use) предложений, 160**
- употребление (use), отличие от значения, 9, 56—57
- усвоение языка, 30, 82, 87
- и когнитивное развитие, 112
- и социализация, 273
- теория Хомского об усвоении языка, 36
- усвоение языка детьми, 101
- условие атомарности, 100, 105**
- условия истинности, 59, 147, 162—165**
- и буквальное и метафорическое значение, 81
- и истинностное значение, 147
- условно-истинностная семантика, 85—87, 168—169, 180, 289, 293, 316
- в сравнении с теорией речевых актов, 273—274
- и возможные миры, 241—247
- и грамматика Монтегю, 238—240
- ее ограниченность, 11, 355, 359
- условно-истинностная теория значения, 55, 58, 148, 160, 162—165, 197, 199, 212, 217, 359**
- условно-истинностная эквивалентность, 164
- условные (метаязыковые) обозначения, 25—26, 39—41
- условные обозначения для разграничения формы слова и значения, 38—39
- условные обозначения (перечень), 13
- условные предложения (условное наклонение), 191, 195—196, 304
- устный текст и письменный текст, 275
- устный язык, 25, 30, 38, 47, 49, 196, 197, 209, 252—253
- и письменный язык, 25, 30, 38—39, 47, 49, 196—197, 253
- утверждения (assertions), 190—191, 211, 264—265, 268, 348**
- утверждения (statements), 53, 191, 255, 268**
- утверждения, вопросы и директивы, 269—274
- учебники иностранных языков, 102, 103

- фактуальное значение, 160—161, 271
- фальсифицируемость, 157, 165
- фатический акт**, 262
- феноменальные** атрибуты (особенности, признаки), 100, 104, 110
- Фёрс Дж. Р., контекст ситуации, 306
- 'Фидо'-Фидо теория, 94
- философия, 246—247
библиография, 362
и определения слов, 98—104
- философия обыденного языка, 57, 156, 253
- философия языка, 10, 21, 31, 168, 200, 238, 288, 319
- философская семантика, 9, 21, 22, 27, 91, 98, 147, 156, 196, 245, 317
библиография, 362
- финский язык, 185
- флексивные языки, 40, 83, 330
- Фодор, Дж. А. «Структура семантической теории», 224, 235, *см. также* Катц—Фодор, теория значения,
- Фонетика, 25, 264
- фонетическая идентичность (тождество), 45—46, 260
- фонический акт**, 262
- фонологическая идентичность, 45, 70
- фонологическая форма, 38, 69
- фонологические репрезентации** (ФР), 38, 226, 227, 236
- фонология, 117, 120, 122, 226, 227
- форма**, 38
и значение, 38—47
и функция, 195—196
изучение формы, 120
употребление термина, 45, 47, 63
- форма причастия прошедшего времени, 47, 73
- формализм, 253
- формализованные искусственные** метаязыки, 24
- формальная лингвистическая семантика, 216—218, 221, 223, 224
- формальная логика, 175
библиография, 361
- формальная семантика, 10—11, 37, 68, 175, 213, 251, 333
и лингвистическая семантика, 214—218
библиография, 361
интерпретации формальной семантики, 214—215
- формально идентичные** словоформы, 70
- формальные слова, 83
- формальные языки более высокого порядка (чем первопорядковые языки), 334
- формы**, 63, 66
отличия от выражений, 65—71, 219—220
- фрагменты предложений**, 278
- фразовое отрицание, 306
- фразовые выражения, 67, 68
- фразы**, 67
- французская лингвистическая традиция, 252
- французский язык, 22, 33—35, 56—57, 182, 291, 312, 355
tu/vous различие, 326
имена собственные, 158
имперфект, 337
условное наклонение, 196
- Фреге, Готлоб, 200, 243, 274
смысл и референция (Sinn и Bedeutung), 219, 239
- Фреге, принцип Фреге, 218
- Фриз, Ч., 82
- Функционализм, 253
- функционально-истинностные** операции, 177—191
- функционально-истинностные** пропозиции, 177—182, 220, 345

функциональные свойства, 100, 104, 110

функция, 127, 178, 242

и форма, 195—196

употребление термина, 201—202

характерное (типичное) употребление, 52—53, 198, 256

хидатса (язык), 206

Хомский, Ноэм, 31, 57, 151, 153, 201, 225, 233, 237, 242, 353

«Аспекты теории синтаксиса», 224, 225, 228, 232, 237

компетенция и употребление, 34, 36, 251

«Синтаксические структуры», 225

трансформационно-генеративная грамматика Хомского, 171, 175, 177, 201, 214, 220, 224, 227

цвет, слова, обозначающие цвета, 110, 114

центральный экстенционал (денотация, значение), ПО, 112, 131

цепочки (ряды) (форм), 51, 171, 260

комплементарные группы цепочек форм, 153

цитирование, 39

части речи, 82, 85

частицы, 329, 330

частичная омонимия, 72—75

частичная синонимия, 77—79, 81

Честертон Г. К., 152

число (грамматическая категория), 90

чистое (грамматическое) время, 334

чистый дейксис, 323

членство в классе, 107, 114

чтение, рекомендации по дальнейшему чтению, 360—362

эвиденциальное наклонение, 191, 196

эвфемизм, 148

эго, 354—355

эгоцентрический, 321, 328

экземпляры (случаи употребления, tokens), 66, 260, 263

экзистенциальная квантификация
возможность и экзистенциальная квантификация, 352

эксclamативы, 208—213

экслюзивная дизъюнкция, 181—182

эксплицитные перформативы, 255—256, 265, 271

экспрессивное значение, 58—60, 80—81

экспрессивный компонент значения, 58, 81

экстенционал, 97, 107, 239, 240

экстенциональная интерпретация, 318

экстенциональный мир, 241

экстралингвистические свойства, 31, 35

эмотивизм, 161

и нефактуальное значение, 160—161

эмотивный компонент значения, 58

эмпиризм, 98, 99, 102, 104, 298, 327, 335, 350, 353—354

и компонентный анализ, 129—132

энциклопедии, их отличия от словарей, 115—116

эпистемическая логика, 241

эпистемическая модальность, 244, 346—348, 350—352

эпистемические гарантии, 347

эпистемические полномочия, 356

эпистемический статус, 194

- эпистемический, употребление термина, 270—272
- эпистемическое обязательство** (commitment), 270—272
его характеристика, 347—348
- эпистемологический статус**, 136
- этимологически**, 43
- этимология, 75—76
- этнография речи, 307
- юмор, 284
- яванский язык, 326
- ядерные цепочки (Хомский), 220
- ядерный экстенционал**, 110, 112, 131
- ядро**, 220
- ядро предложения** (sentence-kernel), 220, 225
- язык (language)
язык (language) как исчисляемое существительное и как вещественное существительное, 32—34
употребления этого слова, 27, 32—35
- язык телодвижений, 29, 35
- «Язык, значение и контекст» (Лайонз), 8
- языки
языки без индикативного наклонения, 194—196
языки с различной степенью субъективности, 358
- языки более высокого порядка (чем первопорядковые языки), 334
- языки Юго-Восточной Азии, 326
- языковая игра**, 308
- языковая компетенция *см.* компетенция
- языковая система**, 33, 253, 277, 356—357
использование языковой системы, 120, 253
- продукты ее использования, 35, 120, 253
- языковая способность, 36
- языковое поведение как кооперативное взаимодействие, 308
- языковые семьи, 83
- языковые сигналы, 257, 264
- языковые сообщества, 36
- японский язык, 326
- ясный (простой) английский язык, его псевдопростота, 12, 70
- and*, сочинительная связь посредством союза *and*, 178—181
- and/but*, различие, 289—291, 302—303
- Bedeutung (Фреге), 219, 239
- But/and*, различие, 289—291, 302—303
- 'Cogito ergo sum' (Декарт), 355
- de dicto/de re* интерпретации, 245, 318
- du/Sie* различие *см.* Т/В различие
- langage*, 34—35
- langue*, 34—35, 36, 251
- ражок*, БА—37, 251
- Ллд(Фреге), 219, 239
- tabula rasa* эмпиризм, 100, 113
- tu/usted* различие *см.* Т/В различие
- tu/vous* различие *см.* Т/В различие
- №*-вопросы (mfr-questions)**, 202
и'А-предложения, 202
- лг-вопросы**, 198, 203—208